Хроники Шалиона

ЛОИС МАКМАСТЕР

БУДЖОЛД

Паладин душ

Паладин душ
Лоис Буджолд

Аннотация
Лоис Буджолд. Паладин душ
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвёртая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвёртая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая

Аннотация

Мир и покой в Шалионе восстановлены благодаря усилиям венценосной четы Бергона и его жены Изелль. Боги благосклонны ко всем жителям древней страны, за исключением вдовствующей королевы Исты.

Одержимая зловещими призраками прошлого, она пытается выскользнуть из-под надзора докучливых опекунов, для чего планирует отправиться в паломничество по святым местам. В этой поездке Иста надеется обрести душевный покой или хотя бы развеять мертвящую тоску.

Но боги не дадут ей забыть о прошлом, более того: подарят второй шанс – обрести свою дорогу в жизни и, возможно, любовь, в которую она больше не имеет сил верить. Для этого надо совсем немного: дать отпор вражеской армии и сразить черное колдовство, перед которым оказались бессильны храбрейшие из мужчин…

Лоис Буджолд
Паладин душ

Lois McMaster Bujold
Paladin of Souls

© Lois McMaster Bujold, 2003
© Перевод. А. Ютанова, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

* * *

Посвящается Сильвии Келсо – защитнице чистого синтаксиса и ярой стороннице Исты.

Глава первая

Иста встала между зубцами башни и заглянула вниз через стену, — камень крошился под бледными пальцами вдовствующей королевы, — и в бессильном оцепенении смотрела, как внизу ворота замка покидали последние из приглашённых на похороны. Стук лошадиных копыт и прощальные слова эхом разносились по порталу. Обстоятельный брат её — провинкар Баосии, — его семья и свита уезжали в последнюю очередь, спустя две недели после того, как служители богов совершили похоронные обряды и церемонию погребения.

Ди Баосия всё ещё что-то сурово втолковывал управляющему замка, сэру ди Феррею, который, стоя у стремени господина, внимал, несомненно, последним наставлениям. Верный ди Феррей служил недавно почившей провинкаре на протяжении долгих двадцати лет, проведённых ею в Валенде. Ключи от замка и хозяйственных помещений поблёскивали на поясе, охватывающем его отнюдь не тонкую талию. Ключи, принадлежавшие матери, которые Иста некоторое время

хранила у себя, впоследствии были вручены старшему брату вместе с бумагами, инструкциями и описями, составленными после смерти великой леди. А он передал их на хранение вовсе не сестре, а старому, доброму и честному ди Феррею. Те самые ключи, что замкнут ворота замка, оставляя опасности снаружи… а если понадобится, запрут Исту внутри.

Знаете ли, это уже вошло в привычку. На самом деле я больше не безумна.

Нет, ей вовсе не были нужны ни ключи, ни жизнь матери, что ушла вместе с ними. Иста сама едва ли знала, что ей нужно. Но она знала точно, чего боится — быть запертой в тёмном, тесном месте, быть запертой людьми, которые любят её. Враг может покинуть сторожевой пост, халатно отнестись к работе, повернуться спиной; любовь же не признаёт таких оплошностей. Пальцы вдовствующей королевы без устали тёрлись о камень.

Кавалькада ди Баосии вереницей спустилась с холма и вскоре исчезла, затерявшись в мозаике красных черепичных крыш. Ди Феррей развернулся, устало вошёл в ворота и скрылся из виду.

Свежий весенний ветер подхватил прядь пепельных волос Исты и бросил в лицо, прилепив к

губам. Королева поморщилась и убрала непокорную прядку под обруч, закреплявший причёску. Украшение сильно сдавливало голову.

В последние две недели стало заметно теплее, но даже это уже не смогло облегчить страдания старой леди, прикованной к кровати болезнью и увечьями. Если бы мать не была так стара, сломанные кости срослись бы быстрее, а воспаление лёгких не так крепко укоренилось бы в её груди. Если бы она не была так хрупка, то при падении с лошади кости остались бы целы. И если бы не её могучая воля, она никогда бы не села на лошадь в таком возрасте… Иста посмотрела на руки и, обнаружив, что пальцы кровоточат, поспешно спрятала их в складках юбки.

Во время погребальной церемонии боги дали знак, что душу старой леди приняла к себе Мать Лето. Так все и ожидали, так должно было быть. Даже боги не осмелились противоречить взглядам усопшей на правила дипломатического этикета. Иста представила, как провинкара отдаёт приказы небесам, и усмехнулась.

В конце концов я осталась одна.

Иста задумалась над пустотой одиночества, над его страшной ценой. Муж, отец, сын и мать друг за другом сошли в могилу, опередив её саму.

Корона Шалиона держит её дочь не хуже погребального венка, и, будь на то воля пятерых богов, она сойдёт с высокого престола не раньше, чем остальные вернутся из подземного царства. Всё кончено. Всё, что нужно было сделать, — сделано. Когда-то Иста была дочерью родителям. Потом — женой несчастного Иаса. Затем — матерью своих детей. И наконец — сиделкой собственной матери. Теперь я никто и ничто.

Кто же я теперь, когда меня больше не окружают стены жизни? Когда они рухнули в пыль и прах?

Что ж, она всё ещё убийца лорда ди Лютеза. И последняя, кто остался в живых из их тайного общества. Вот, что она сделала с собой, вот что ей осталось.

Иста снова перегнулась через стену, камень цеплялся за шёлковые нити её придворного траурного платья цвета лепестков лаванды. Её взгляд притягивала освещённая утренними лучами дорога, начинавшаяся от ворот замка, бегущая вниз по холму, через город, за реку… куда? Говорят, что все дороги — это одна большая дорога. Грандиозная сеть разветвляющихся и пересекающихся дорог, опутавшая страну. У дорог есть два конца. Так говорят. Мне нужна такая дорога, которая не

приведёт меня обратно.

Испуганный вскрик заставил вдовствующую королеву оглянуться. Одна из её фрейлин стояла у неё за спиной, прижав руки к губам, широко распахнув глаза, и тяжело дышала после долгого подъёма. Её лицо светилось поддельной радостью.

— Миледи. Я ищу вас повсюду. И… отойдите немедленно от края!…

Губы Исты изогнула ироничная улыбка:

— Успокойтесь. Сегодня мне не хочется встречаться с богами лицом к лицу. — И не только сегодня. Никогда больше. — Мне с ними говорить не о чём.

Она терпеливо позволила женщине взять себя за руку и осторожно провести вдоль стены по направлению к спуску. Фрейлина, как заметила Иста, постоянно старалась оказаться между краем и своей госпожой. Успокойся, женщина. Я не жажду камней.

Я жажду дороги.

Внезапное осознание поразило её, даже немного испугало. Новая мысль. Новая мысль и *я*? Все старые мысли казались такими тонкими и затёртыми, что напоминали вязание, которое постоянно распускают, а потом вяжут заново, так

что нити истончаются, рвутся, но никогда не становятся крепче и толще. Как она может получить дорогу? Дороги созданы для молодых людей, а не для женщин среднего возраста. Бедный мальчик-сирота собрал вещи и пустился в путь искать сердцу надежду… так начинается множество сказок. Она не бедна и не мальчик, в её сердце нет надежды, и лишь жизнь и смерть могут возместить эту утрату. Хотя, теперь я сирота. Но достаточно ли этого, чтобы дать мне дорогу?

Они повернули за угол и подошли к круглой башне, внутри которой была узкая лестница, ведущая во внутренний сад. Иста в последний раз оглянулась на тощий кустарник и хилые деревца, карабкающиеся по стене замка. Внизу, по тропинке, поднимающейся из неглубокой лощины, слуга гнал к задним воротам замка осла, нагруженного дровами.

В саду матери Иста замедлила шаг и, вырвав руку из заботливой хватки фрейлины, упрямо направилась к скамейке, стоящей рядом с ещё голым розовым кустом.

— Я устала, — заявила она. — Тут я немного отдохну. А вы можете принести мне чаю.

Было заметно, что фрейлина подсчитывает возможный риск, недоверчиво глядя на свою

госпожу. Иста холодно нахмурилась. Женщина рассыпалась в любезностях:

— Конечно, миледи. Я скажу об этом горничной. И тотчас же вернусь.

Само собой, вернёшься. Иста подождала лишь до тех пор, пока леди завернёт за угол, затем вскочила и побежала к задним воротам.

Привратник как раз впускал внутрь слугу с ослом. Высоко подняв голову, Иста проследовала мимо, даже не обернувшись. Сделав вид, что не расслышала робкого возгласа привратника «Миледи?..», она быстро зашагала по бегущей вниз с холма дорожке. Шлейф юбки и развевающаяся пелерина из чёрного бархата цеплялись за ветки и колючки, которые, словно когтистые лапы, пытались остановить её. Скрывшись за первыми деревьями, Иста перешла на бег. Будучи девчонкой, она часто бегала по этой дорожке вниз к реке. В те времена она ещё не была кем-нибудь для кого-нибудь.

Приходилось признать — теперь она уже не девочка. К тому времени, когда сквозь ветви блеснули воды реки, она уже успела продрогнуть. Иста пошла вдоль берега. Как и раньше, тропа вела к старому мостику, а потом поднималась по холму к одной из главных дорог, ведущих в

Валенду. Или из неё.

Дорога была грязной, испещрённой следами копыт. Может быть, именно здесь некоторое время назад проехала кавалькада брата, направляющаяся в его фамильные владения в Тариуне. На протяжении последних двух недель брат всячески старался убедить сестру, а ныне вдовствующую королеву, отправиться вместе с ним, обещая отвести ей комнаты в замке, выделить множество фрейлин и окружить её бдительной заботой. Как будто здесь у неё не было покоев, фрейлин и повсеместного надзора. Поэтому Иста направилась в другую сторону.

Придворные траурные шёлковые туфельки совсем не годились для сельских дорог. Юбки обвивались вокруг ног, и создавалось впечатление, что шагаешь, продираясь сквозь толщу воды. К подошвам приставала грязь. Солнце немилосердно жарило облачённую в бархат спину, и Иста совершенно неподобающим для леди образом вспотела. Она продолжала идти, но ощущение неудобства и сознание собственной глупости росли. Это же безумие! Именно из-за безумия её заперли в замке и окружили безмозглыми фрейлинами. Разве не достаточно она от него натерпелась? У неё нет ни смены одежды, ни

плана, ни денег, ни одной медной монетки! Иста коснулась ожерелья, обвивавшего шею. Вот деньги. Да, украшение стоит слишком дорого. Что может за него дать простой ростовщик? Сейчас драгоценности не источник богатства, а мишень, приманка для разбойников.

Скрип телеги заставил Исту оторваться от выискивания сухих участков между лужами. Фермер погонял плотного тяжеловоза, который вёз компост для удобрения полей. Крестьянин даже обернулся, недоумённо разглядывая леди в дворцовом облачении. Иста ответила ему величественным кивком. В конце концов, что ей оставалось? Она едва не расхохоталась, но мужественно подавила неуместный смех и продолжила путь. Не оглядываясь. Не осмеливаясь оглянуться.

Она выдержала ещё час, прежде чем ноги, измученные весом тяжёлого платья, наконец отказались идти дальше. Иста была готова расплакаться от отчаяния. Нет. Я не знаю, как это делается. У меня не было возможности научиться, а теперь я слишком стара.

Стук копыт несущихся галопом лошадей, крики. В голове молнией пронеслась мысль, что ещё одна вещь оставлена без внимания — оружие, хо-

тя бы простой кинжал, чтобы защищаться. Иста представила себе, как обороняется подобранным оружием от человека с мечом, любого человека с мечом, и поморщилась. Воображение нарисовало очень короткую сцену. Едва ли стоило об этом беспокоиться.

Иста бросила взгляд через плечо и вздохнула. К ней, разбрызгивая грязь в разные стороны, скакали сэр ди Феррей и грум. Не настолько она безумна или глупа, чтобы пожелать появления разбойников вместо них. Может быть, беда как раз в том, что она недостаточно выжила из ума. Настоящее умственное расстройство не имеет преград. Быть не в себе настолько, чтобы пожелать не быть достаточно невменяемой, чтобы понять… теперь это безумие единственно бесполезно.

Вина кольнула сердце Исты при виде красного, перепуганного, потного лица ди Феррея, который осадил коня рядом с ней.

— Госпожа моя! — воскликнул он. — Миледи, что вы тут делаете? — Он буквально выпал из седла, чтобы схватить её за руки и заглянуть в глаза.

— Я очень устала от тоски, царящей в замке. Решила в одиночестве прогуляться по весеннему

солнышку.

— Миледи, но вы прошли пять миль! И эта дорога совсем вам не подходит…

Это верно, а я не подхожу ей.

— Ни фрейлин, ни охраны, пятеро богов! Как же ваше положение в обществе, безопасность?! Пожалейте мои седины! Из-за вашего поступка у меня не осталось ни одного тёмного волоса.

— Приношу извинения вашей шевелюре, — сказала Иста, действительно начиная раскаиваться. — Ни ей, ни вам не нужно обо мне так беспокоиться, милый ди Феррей. Я просто… хотела прогуляться.

— В следующий раз сообщите об этом мне, и я всё устрою…

— Я сама справлюсь.

— Вы — вдовствующая королева Шалиона, — твёрдо объявил ди Феррей. — Вы, благодарение богам, — родная мать королевы Изелль. Вы не можете просто так разгуливать по дорогам, словно какая-то простолюдинка.

Иста тяжело вздохнула, подумав, что совсем неплохо быть какой-то простолюдинкой, а не скорбной Истой. Впрочем, у простолюдинок наверняка немало своих печалей, куда менее поэтических, чем у королев. Но спор посреди до-

роги вряд ли к чему-нибудь приведёт. Ди Феррей приказал груму спешиться, и она благосклонно позволила усадить себя на его место. Платье не было предназначено для верховой езды, и юбки ужасно неудобно смялись, едва только ноги нащупали стремена. Иста нахмурилась, когда грум забрал у неё поводья и повёл её коня под уздцы.

Ди Феррей, увидев слёзы в глазах госпожи, перегнулся через луку седла и коснулся её руки.

— Я понимаю, — ласково произнёс он. — Смерть вашей матери — огромная потеря для всех нас.

Я закончила оплакивать её две недели назад, ди Феррей. Однажды Иста поклялась, что никогда больше не будет ни плакать, ни молиться. Но оба обета были нарушены в те последние страшные дни у постели больной. После этого ни плач, ни молитва уже не имели смысла. Она решила не мучить управляющего объяснениями, что на сей раз она оплакивает себя саму, причём не слезами скорби, а слезами ярости. Пусть он считает, что последняя утрата немного выбила её из колеи. Но эта утрата действительно последняя.

Ди Феррей не меньше, чем она, вымотанный трауром и приёмами прошедших двух недель, не приставал к ней с разговорами, а грум просто не осмеливался открыть рот. Иста поудобнее

устроилась в седле и принялась смотреть, как дорога сворачивается перед ней, словно ненужный ковёр. Что же теперь ей нужно? Она закусила губу, глядя между мерно покачивающихся ушей своего коня.

Через некоторое время уши настороженно приподнялись. Иста проследила, куда смотрит их фыркающий владелец, и увидела, как со смежной дороги к ним приближается другая кавалькада человек из двадцати и такого же количества лошадей и мулов. Ди Феррей привстал на стременах и окинул отряд подозрительным взглядом, но потом успокоился, увидев четырёх всадников в голубых туниках и серых плащах, выдающих в них воинов Ордена Дочери, которым предписано обеспечивать безопасность паломников. Группа подъехала ближе, и теперь можно было разглядеть как мужчин, так и женщин, одетых в цвета выбранного ими бога в той степени, в какой позволял гардероб; помимо всего прочего рукава паломников украшали разноцветные ленты в знак их святых намерений.

Два отряда достигли пересечения дорог одновременно, и ди Феррей обменялся кивками с солдатами Дочери, такими же обстоятельными и невозмутимыми ребятами, как и он сам. Пили-

гримы с интересом разглядывали изящный, но мрачный наряд Исты. Полная, раскрасневшаяся от езды женщина средних лет — она не сильно старше, чем я, — весело улыбнулась ей. Секунду спустя губы Исты сложились в ответную улыбку, и королева приветливо кивнула паломнице. Ди Феррей направил своего коня так, чтобы оказаться между пилигримами и Истой, но этот манёвр оказался бесполезен, поскольку полная дама придержала свою лошадь, а потом, пустив её рысью, ловко объехала управляющего.

— Да ниспошлют вам пятеро богов отличный денёк, леди, — выдохнула женщина. Толстая пегая лошадь была обвешана множеством набитых до отказа седельных сумок, к которым, в свою очередь, бечёвкой крепились ещё тюки и свёртки; вся эта конструкция покачивалась так же ненадёжно, как и сама наездница. Лошадь снова пошла шагом, дама восстановила дыхание и поправила соломенную шляпу. Она была одета в зелёные цвета Матери, только какого-то тёмного оттенка, подходящего, скорее, вдове. Однако на рукаве красовались ленты цветов всех богов: голубая, переплетённая с белой, зелёная с жёлтой, красная с оранжевой, чёрная с серой и белая с кремовой.

Немного помедлив, Иста снова кивнула:

— И вам тоже.

— Мы паломники из Баосии, — сообщила женщина, — путешествуем к месту чудесной смерти канцлера ди Джиронала в Тариуне. Ну, за исключением сэра ди Брауды, он вон там…

Она указала на одетого в приглушённых коричневых тонах пожилого мужчину с красно-оранжевой повязкой, означающей его принадлежность Сыну Осени. Рядом с ним ехал молодой человек в одежде поярче; он слегка нагнулся к холке коня, неодобрительно поглядывая на разговорчивую даму в зелёном.

— А с ним его сынок, вон он… Красавчик, а? Что скажете? — Паренёк выпрямился и принялся смотреть нарочито вперёд, заливаясь краской, что отлично сочеталось с ярко-красной лентой на его рукаве. Его отец не смог подавить улыбку.

— Так вот, он везёт сына в Кардегосс, чтобы посвятить в Орден Сына. Парнишка пойдёт по стопам папаши. А церемонию посвящения будет возглавлять сам король-консорт Бергон! Эх, как бы мне хотелось его увидеть. Говорят, юный король просто душка! Ибранское побережье, откуда он родом, наверное благотворно влияет на юношей. Так что нужно будет как-нибудь подыскать

причину, чтобы поехать помолиться в Кардегосс и порадовать мои старые глаза.

— Хорошая мысль, — невозмутимо заметила Иста, выслушав весьма поверхностное, но в целом верное описание собственного зятя.

— А зовут меня Кария. Я из Палмы. Недавно была женой местного седельщика. Теперь вдова. А вы, милая леди? Этот приятель ваш муженёк, не так ли?

Услышав такое фамильярное обращение, управляющий замка собрался было придержать коня и оттеснить надоедливую даму, но Иста знаком приказала ему остановиться:

— Не надо, ди Феррей.

Тот удивлённо поднял брови, но потом пожал плечами и промолчал.

Иста обратилась к паломнице:

— Я вдова… из Валенды.

— Надо же! Прям как я! — обрадовалась женщина. — Мой первый муж родился здесь. Вообще-то я похоронила трёх мужей.

Она сообщила об этом, как о своеобразном достижении.

— Ну, не всех сразу, конечно. По очереди.

Затем дама окинула взглядом траурное облачение Исты:

— А своего-то вы недавно похоронили, да? Сочувствую. То-то вы такая грустная и бледная. Это, дорогая моя, тяжело пережить. Особенно в первый раз. Сначала хочешь умереть — это я точно знаю, самой хотелось, но об этом и говорить-то страшно. Ничего, всё вернётся на круги своя.

Иста улыбнулась и чуть качнула головой, словно не соглашаясь, но не стала объяснять женщине её ошибку. Ди Феррею ужасно хотелось поставить паломницу на место, раскрыв высокое положение Исты, а заодно и свою должность, и отправить разговорчивую вдовушку своей дорогой, но Иста с интересом обнаружила, что Кария её забавляет. Болтовня вдовы её совсем не раздражала и не было желания её останавливать.

Тем более что это никому не приносит вреда. Кария из Палмы подробно описывала всех своих спутников, развлекая Исту запутанными перечислениями их общественного положения, мест рождения и святых целей. Если предмет обсуждения ехал достаточно далеко и не мог ничего слышать, паломница сдабривала свой рассказ бесплатными комментариями их манер и поведения. Помимо пожилого офицера Сына Осени и его краснеющего отпрыска в отряд входили четверо членов гильдии ткачей, которые совер-

шали паломничество, чтобы помолиться Отцу Зиме о благоприятном исходе судебной тяжбы; отец с лентами Матери Лета просил для дочери успешного разрешения от бремени; и отмеченная бело-голубой повязкой женщина молила Весну ниспослать её дочери мужа. Худая дама в хорошо скроенных зелёных одеждах служителя Ордена Матери, имевшая при себе служанку и двух слуг, оказалась ни акушеркой, ни целительницей, а ревизором. Торговец вином ехал принести благодарность Отцу Зиме и выполнить обет за успешное возвращение своего каравана, едва не пропавшего прошлой зимой в заснеженных горах по дороге в Ибру.

Те паломники, что ехали поблизости, периодически выразительно закатывали глаза, потому что знали Карию уже не первый день и уже наслушались её россказней. Единственным исключением был весьма тучный молодой человек в белом, правда забрызганном грязью, одеянии служителя Бастарда. Он ехал медленно, пристроив книгу между шеей своего грязного белого мула и собственным внушительным животом, и только тогда, когда нужно было перевернуть страницу, он поднимал голову, окидывал окружающих близоруким взглядом и рассеяно улыбался.

Вдова Кария взглянула на солнце, которое как раз достигло зенита:

— С нетерпением жду момента, когда мы наконец доберёмся до Валенды. Там есть таверна, где можно хорошенько поесть и попробовать знаменитых жареных молочных поросят, — она причмокнула в предвкушении.

— Да, там есть такая таверна, — кивнула Иста. За все годы пребывания в Валенде она ни разу там не побывала.

Ревизор Ордена Матери, одна из наиболее постоянных невольных слушательниц вдовы, неодобрительно скривила губы:

— Я до мяса даже не дотронусь, — заявила она. — Я дала обет, что на протяжении этого пути ни один кусок плоти не коснётся моих губ.

Кария перегнулась через луку седла и прошептала Исте:

— Мне кажется, если бы она дала обет проглотить свою гордость вместо пучка салата, это было бы более веской причиной для паломничества.

Посмеиваясь, она снова выпрямилась; служительница Матери вздохнула и сделала вид, что не расслышала.

Торговец с чёрно-серой повязкой на рукаве возвёл глаза к небу и, ни к кому не обращаясь,

произнёс:

— Богам ни к чему пустая болтовня. Следует проводить время с пользой, беседуя о высших материях, дабы подготовить наши умы к молитве, а не желудки — к обеду.

Кария бросила на него косой взгляд:

— Или кое-что пониже — для развлечений получше? И вы носите на рукаве цвета Отца! Как вам не стыдно!

Торговец вскинулся:

— Тот бог, которому я собираюсь — или вынужден — молиться, такими вопросами не занимается, уверяю вас, мадам!

Служитель Бастарда отвлёкся от книги и примиряюще заметил:

— Боги распоряжаются всеми частями нашего тела, от головы до пальцев ног. Бог есть для всех, даже для каждой части тела.

— У вашего бога определённо низкие вкусы, — заносчиво ответил торговец.

— Боги не оставят никого, чьё сердце открыто Святому Семейству. Даже самых высокомерных, — служитель кивнул торговцу.

Кария весело рассмеялась; торговец презрительно фыркнул, но промолчал. Служитель снова уткнулся в книгу. Вдова зашептала Исте:

— Мне нравится этот толстый парнишка, правда нравится. Говорит немного, но всегда в точку. Мало кто из книжных людей может меня вынести, да и сама я плохо их понимаю. Но у этого манеры что надо. Но всё же, я думаю, мужчина должен обзавестись женой, детишками, работать, чтобы прокормить семью, а не гоняться за богами. Вынуждена сознаться, что мой второй муженёк не работал, а вместо этого пил… И спился окончательно, к облегчению всех тех, кто его знал, упокойте пятеро богов его душу, — она коснулась лба, губ, солнечного сплетения, пупка и потом сердца, прижав ладонь с растопыренными пальцами к пухлой груди.

Затем Кария поджала губы, вздёрнула подбородок и крикнула:

— А вы нам так и не рассказали о цели вашего паломничества, Леарнед!

Служитель Бастарда закрыл книгу, заложив пальцем страницу, и взглянул на разговорчивую вдову.

— Верно, я не помню, чтоб рассказывал, — туманно ответил он.

— Да вы все молитесь о том, чтобы встретиться со своим богом, — вставил торговец. — Разве не так?

— Я всегда молила о том, чтобы богиня коснулась моего сердца, — сказала ревизор Ордена Матери. — Моя основная духовная цель — увидеть Её воочию. И время от времени у меня появляется ощущение, что я её действительно чувствую.

Всякий, кто жаждет увидеть богов воочию, — большой глупец, — подумала Иста. Но отсутствие ума отнюдь не препятствие для общения с богом, это она знала на собственном опыте.

— Ну, об этом молиться не стоит, — заметил служитель. — Для этого нужно просто умереть. А это совсем не сложно, — он почесал второй подбородок. — Во всяком случае, это неизбежно.

— Быть осенённым богом при жизни, — холодно уточнила ревизор, — великое благо для всех нас.

Нет, вовсе нет. Если бы ты, женщина, прямо сейчас увидела лицо Матери, то упала бы наземь и, не вставая, прорыдала бы здесь, в грязи несколько дней подряд. Иста почувствовала, что служитель Бастарда со странным любопытством смотрит на неё.

Неужели он один из тех, кого коснулся бог? У Исты была возможность научиться выделять их из толпы. Они, к сожалению, отвечали ей тем же.

Или он так смотрит, потому что страдает близорукостью? Почувствовав себя неуютно, Иста нахмурилась.

Служитель жестом извинился и сказал:

— Я еду по делу моего Ордена. Один священнослужитель обнаружил маленького заблудшего демона, которым завладел хорёк. Я везу демона в Тариун, чтобы глава Ордена соответствующим образом вернул его богу.

Служитель Бастарда повернулся к вместительным седельным сумкам, порылся в них, и вместо книги у него в руках появилась небольшая клетка из ивовых прутьев. Внутри неё клубочком свернулась серая фигурка.

— Ага! Вот, значит, что вы там прятали! — Кария сморщила нос и подъехала поближе. — По-моему, самый обычный хорёк.

Зверёк встал на задние лапки и дёрнул усами в её сторону.

Тучный служитель развернулся в седле и поднял клетку так, чтобы Исте тоже было видно. Животное, которое до этого бегало кругом по клетке, замерло под её взглядом. На какую-то секунду в его похожих на бусинки глазах мелькнул совсем не звериный ум. Иста продолжала бесстрастно смотреть. Хорёк опустил голову и

стал пятиться назад, до тех пор пока не упёрся в стенку клетки. Служитель одарил Исту очередным долгим удивлённым взглядом.

— Может, бедняга просто болен? — усомнилась Кария.

— А вы что думаете, леди? — спросил приверженец Бастарда у Исты.

Ты и сам отлично знаешь, что это настоящий демон. Так зачем же спрашивать меня?

— Ну… Мне кажется, что глава вашего ордена разберётся, что это и что с ним делать.

Услышав столь сдержанный ответ, служитель улыбнулся уголком губ.

— Верно, это не совсем демон, — он спрятал клетку. — Я бы назвал его, скорее, элементалем, очень маленьким, ещё не сформировавшимся. Как мне кажется, он ещё совсем недолго в нашем мире и вряд ли начнёт искушать людей колдовством.

Демон, конечно, Исту не искушал, но она поняла, почему служителю следовало быть столь здравомыслящим. Демон делает человека волшебником, так же как лошадь делает хозяина наездником, но насколько искусным — вопрос открытый. Так же как и лошадь, демон может унести своего обладателя прочь. Но в отличие от

лошади демон не позволит ему спешиться. Прочь из-под опеки Храма, прямо к гибели души.

Кария снова принялась болтать, но как раз в этот момент дорога в замок отделилась от главного тракта, и ди Феррей свернул в сторону. Вдова из Палмы превратила то, что хотела сказать, в весёлые прощальные слова, а ди Феррей решительно отвёл скакуна своей госпожи подальше от паломников.

Когда они поехали вдоль берега реки, заросшего деревьями, управляющий оглянулся через плечо:

— Какая вульгарная женщина. Держу пари, у неё в голове не найдётся ни одной благочестивой мысли! Она прикрывается паломничеством от родственников, которые не одобряют её безделья, а заодно обеспечивает себе в пути дешёвый вооружённый эскорт.

— Вы совершенно правы, ди Феррей.

Иста обернулась и смотрела, как группа пилигримов продолжает двигаться по главной дороге. Вдова Кария теперь упрашивала служителя Бастарда попеть с ней гимны, несмотря на то, что тот, который предложила она, больше походил на застольную песню.

— Ни один мужчина из её семьи не захотел

поддержать её и поехать с ней, — возмущённо продолжал ди Феррей. — У неё, конечно, теперь нет мужа, но могла же она всё-таки найти брата, сына или, на худой конец, племянника! Мне жаль, леди, что вам пришлось выносить такое.

Не совсем стройный, но крайне добродушный дуэт донёсся со стороны тракта, а потом затих вдали.

— А мне не жаль, — сказала Иста. Улыбка медленно изогнула её губы. Совсем не жаль.

Глава вторая

Иста сидела среди розовых кустов матери, пальцы королевы бессознательно сворачивали и разворачивали платок тончайшей работы. Фрейлина сидела рядом и тыкала в полотно иголкой, гораздо более тонкой и острой, чем ум самой вышивальщицы. Вдыхая прохладный утренний воздух, Иста без устали ходила кругами по саду, до тех пор пока фрейлина, повысив голос, не попросила её остановиться. Женщина приостановила работу и наблюдала за руками своей госпожи; Иста раздражённо отложила измученный кусок льна в сторону. Надёжно спрятанный завесой королевских юбок шёлковый башмачок принялся отбивать нервную, а вовсе не гневную, барабанную дробь.

Садовник суетился рядом, поливая цветы в кадках, которые украшали все дверные проёмы в ознаменование наступления сезона Дочери. Так на протяжении многих лет приказывала старая провинкара. Интересно, через сколько лет умрут заведённые ей обычаи, или они будут жить вечно, как будто бы дотошный дух старой леди

продолжает наблюдать за их соблюдением? Нет, боги забрали её душу из мира людей; в замке не появлялось новых духов, иначе Иста сразу же это почувствовала бы. Все обитающие здесь неприкаянные души были древними, измученными, исчезающими. От них остался один лишь холод, которым ночью тянуло от стен.

Иста вздохнула через сжатые губы, разминая ноги под юбкой. Она специально подождала несколько дней, прежде чем подойти к управляющему замка с предложением отправить её этой весной в паломничество, в надежде, что ди Феррей забудет вдову Карию. Смиренное паломничество в сопровождении нескольких фрейлин; простая одежда и никакого королевского кортежа в сто всадников, которых верный управляющий считал приемлемым минимумом. Ди Феррей выдвинул массу занудных возражений практического свойства и поразился внезапной набожностью Исты. Все её доводы о том, что она ищет искупления грехов, были отметены ввиду того, что под его неусыпным оком она не могла совершить ничего достойного покаяния. Само собой подразумевались плотские грехи, ведь ди Феррей не был искушён в теологии. И чем настойчивее становились просьбы, тем непри-

ступнее и осторожнее становился управляющий, так что порой Исте приходилось изо всех сил сдерживаться, чтобы не раскричаться на него. Чем яростнее она просила, тем сомнительнее представлялась ему её затея. Вот такой мучительный парадокс.

По саду пробежал паж, на бегу отвесив Исте весьма своеобразный поклон, и скрылся в главной части замка. Спустя несколько минут оттуда появился ди Феррей и тяжело зашагал по дорожке, за ним по пятам следовал всё тот же паж. Ключи от замка позвякивали на поясе управляющего, выдавая его статус.

— Куда это вы собрались, ди Феррей? — лениво поинтересовалась Иста. Она принудила ноги прекратить отбивать чечётку.

Управляющий остановился и изогнулся в поклоне, подобающем её рангу, его должности и тучности, рукой он сделал знак, чтобы паж последовал его примеру.

— Мне сообщили, что прибыли всадники из Кардегосса, леди, — ди Феррей немного помедлил. — Ваш довод о том, что согласно присяге, данной мной вам и вашим родственникам, я обязан не только охранять вас, но и подчиняться вам, не давал мне покоя.

Ага, значит, один выпад достиг цели. Отлично. Иста улыбнулась краешком губ.

Он улыбнулся в ответ, его лицо осветилось торжеством:

— Но, поскольку мои мольбы вас не тронули, я отправил тем, кого вы наверняка послушаете, просьбу о том, чтобы они присоединились к моему скромному голосу и добавили ему королевской весомости. Старый ди Феррей в самом деле не имел права препятствовать вам, и я виноват в том, что вам пришлось из-за меня задержаться… Я не прошу меня помиловать… но за все годы, что я вам служил…

При этих словах губы Исты превратились в ниточку. Я сейчас выругаюсь.

— Однако королева Изелль и король-консорт Бергон — ваши сюзерены, и помимо этого они заботятся о вашей безопасности, поскольку вы — мать королевы. Кроме всего прочего, насколько я понимаю, вы наверняка прислушаетесь к мнению канцлера ди Кэсерила. Если я не ошибаюсь, с этими послами прибудет успокаивающий совет, — он удовлетворённо кивнул и продолжил путь.

Иста сжала зубы. Ей хотелось осыпать проклятиями Изелль, Бергона или Кэсерила. Или, если

честно, старого ди Феррея, который готов был лопнуть от гордости, — а ведь он всего лет на десять старше Исты. Напряжение, сковавшее тело, мешало дышать. Если так будет продолжаться, то в скором времени покровители, ограждая её от прошедшего безумия, заново сведут её с ума.

Из-за угла донёсся стук копыт, голоса и окрики грумов. Внезапно Иста вскочила и поспешила за ди Ферреем. Фрейлина, выпутавшись из ниток вышивания, с трудом поднялась и засеменила за госпожой, издавая протестующие звуки. По привычке, видимо, решила Иста.

Во дворе, вымощенном камнями, под доброжелательным и гостеприимным взглядом ди Феррея спешивались два всадника в одеждах Ордена Дочери. Они не походили на служителей местного храма. В их нарядах не было ничего аляповатого, грубого, деревенского. Всё — от начищенных сапог, аккуратных голубых штанов и туник, чистых вышитых накидок из белой шерстяной ткани и до характерных для их Ордена серых плащей с капюшонами, — всё кричало об искусстве кардегосских портных. Всё оружие, все попоны были вычищены, блестящие части отполированы и протёрты масляной тряпкой, всё было ухожено, но отнюдь не ново. Офицер был

чуть выше среднего роста, жилист и вынослив. Второй, тот, что пониже, казался более крепким, а тяжёлый меч, висевший на перевязи, совсем не напоминал церемониальный.

Когда ди Феррей закончил приветствовать вновь прибывших и раздавать приказания слугам, Иста пристроилась за ним. Она сощурила глаза:

— Господа, мы знакомы?

Улыбаясь, они передали поводья замковым грумам и изящно поклонились.

— Королева, — пробормотал тот, что повыше, — мы счастливы видеть вас снова.

И, чтобы Иста не мучилась, добавил:

— Ферда ди Гура. А это мой брат Фойкс.

— Ах, да. Вы те самые молодые люди, что три года назад отправились вместе с канцлером ди Кэсерилом в Ибру. Мы встретились, когда Бергон прибыл сюда. Канцлер и король Бергон ценят вас очень высоко.

— Они очень добры, — прошептал более коренастый Фойкс.

— Это честь служить вам, леди, — старший ди Гура вытянулся перед ней по стойке смирно и огласил: — Канцлер ди Кэсерил с наилучшими пожеланиями шлёт нас вам, дабы мы сопровож-

дали вас в пути, госпожа. Он просит вас, чтобы вы считали нас своей правой рукой. Руками…

Ферда споткнулся, но быстро нашёлся:

— Или правой и левой рукой, например. — Его брат ехидно поднял бровь:

— И кто какая рука?

Довольство во взгляде ди Феррея сменилось удивлением:

— И канцлер поддерживает это… эту авантюру?

Интересно, какое слово он не решился сказать? Ферда и Фойкс переглянулись. Фойкс пожал плечами и принялся рыться в седельной сумке.

— Милорд ди Кэсерил доверил мне вручить это письмо лично вам в руки, леди, — забавно краснея, он передал ей пакет. На нём красовалась большая красная канцлерская печать и личное клеймо Кэсерила — ворон, сидящий на буквах КЭС, — выдавленное на синем воске.

Иста, не скрывая удивления, приняла пакет и поблагодарила. Когда она взломала печать, роняя воск на камни, ди Феррей вытянул шею, чтобы прочесть содержимое. Но Иста отвернулась, чтобы лишить его такой возможности.

Письмо было написано мелким почерком канцлера. Кэсерил указал все её формальные титулы,

так что заголовок был длиннее, чем сам текст, который гласил:

«Я посылаю Вам этих двух братьев, Ферду и Фойкса ди Гура. Куда бы ни завела вас дорога, они будут Вам верными спутниками и помощниками. Я уверен, что они послужат Вам не хуже, чем когда-то послужили мне. И пусть пятеро богов направляют Ваш путь.

Ваш наипокорнейший слуга».

Дальше следовал небрежный росчерк, конец которого полукругом загибался назад, — подпись ди Кэсерила.

Тем же самым жутким почерком — Иста вспомнила, что в пальцах Кэсерила больше силы, чем изящества, — был написан постскриптум:

«В память о драгоценностях, пожертвованных на путешествие, которые преподнесло королевство, Изелль и Бергон шлют вам кошель. Я доверил его Фойксу. И не беспокойтесь насчёт его юмора, он вовсе не так прост, как кажется».

Иста медленно улыбнулась:

— Думаю, тут всё ясно изложено.

Она передала листок переминающемуся с ноги на ногу ди Феррею. По мере того как он прочитывал строки, его лицо менялось. Губы управляющего сложились в беззвучное «О»: он был

слишком хорошо воспитан, чтобы произнести вслух то, что вертелось на языке. Иста мысленно поблагодарила за это старую провинкару.

Ди Феррей посмотрел на братьев:

— Но… Но королева не может разъезжать по дорогам в сопровождении только двух солдат, какими бы хорошими они не были.

— Конечно нет, сэр, — Ферда отвесил ему полупоклон. — С нами приехал целый отряд. Я оставил их внизу, в городе, подкрепиться в храмовой харчевне. Всех, кроме двоих, которых отправил с другим поручением. Они вернутся завтра и пополнят наши ряды.

— С другим поручением? — переспросил ди Феррей.

— Узнав, что мы отправляемся сюда, Марч ди Паллиар решил прибавить нам работы. Он отправил с нами отличного рокнарского жеребца, захваченного в недавней кампании по взятию Готоргета, чтобы мы доставили коня в Палму, на коневодческую ферму, принадлежащую нашему Ордену, где ему предстоит оплодотворить местных кобыл, — лицо Ферды оживилось. — Ох, леди, если бы вы видели этого красавца! Он отталкивается от земли и летит по воздуху! А какая у него чудесная серебристая шкура! Торговцы шёлком

в обморок попадали бы от зависти. Стук копыт напоминает звон цимбал; хвост развевается, как знамя; грива — словно девичьи косы; настоящее чудо природы…

Второй брат деликатно кашлянул.

— Ээ-э, в общем, замечательный конь, — заключил Ферда.

— Мне кажется, — ди Феррей, глядя в пространство, всё ещё сжимал в руке письмо канцлера, — нам стоит написать вашему брату ди Баосии в Тариун, чтобы он выслал конный отряд в дополнение к тому, что у нас есть. И пусть несколько леди из его домочадцев явятся сюда. Ваша невестка, например, или кто-нибудь из уже взрослых племянниц… какие-нибудь близкие семье дамы, ваши фрейлины, конечно же, и необходимые служанки и грумы. Ещё следует обратиться в храм за подходящим духовным наставником. Нет, лучше будет, если мы отправим письмо в Кардегосс и попросим настоятеля Менедаля порекомендовать какого-нибудь высокообразованного служителя.

— Но это займёт ещё дней десять, — забеспокоилась Иста. Как минимум. Надежды на вынужденную капитуляцию ди Феррея начали улетучиваться. Если всё пойдёт так, как он задумал, — а наверняка так и случится, — то вместе с

ней в поход отправится целая армия.

— Я бы не хотела откладывать выезд. Погода стоит хорошая, и дороги уже подсохли, — в отчаянии добавила она. — Мне бы хотелось путешествовать при ясном небе.

— Хорошо, хорошо, мы это обсудим, — ответил управляющий, взглянув на безоблачные небеса, словно бы соглашаясь с её доводом. — Я поговорю с фрейлинами и напишу вашему брату.

Он задумчиво потеребил губу:

— Прислав этот кошелёк, Изелль и Бергон явно что-то имели в виду. Может быть, госпожа, они хотели бы, чтобы вы, совершая паломничество, помолились о внуке? Это стало бы настоящим благословением для королевского дома Шалион и достойной целью молитв ваших паломников.

Эта идея очевидно больше нравилась ди Феррею, чем ей самой, ведь и его совсем недавно осчастливили рождением первого внука. Управляющий в первый раз положительно отозвался о её авантюре, так что Иста не стала его разочаровывать.

Братья ди Гура и их лошади были вверены гостеприимству замка и конюшен соответственно, а ди Феррей поспешил претворять в жизнь собственные идеи. Фрейлина Исты принялась

трещать о том, что же нужно надеть и взять с собой в такое трудное путешествие, как будто бы Иста собралась перевалить через горы, пересечь Дартаку и отправиться дальше, а не совершить благочестивое паломничество по Баосии. Иста попыталась остановить словесный поток жалобами на головную боль, но, поняв, что всё бесполезно, скрепя сердце, приготовилась терпеть.

* * *

Служанка продолжала болтать и выражала беспокойство, что так быстро наступил вечер. Сопровождаемая тремя фрейлинами, она носилась по комнате Исты, расположенной в старой части замка, складывала и перекладывала кучи платьев, мантий, накидок и туфель, отбирая одежду, подходящую по цвету для траурных нарядов королевы, стараясь предусмотреть всё, что может и даже не может случиться в дороге. Иста села у окна и принялась рассматривать двор, располагавшийся у главных ворот замка. Отдельные слова и реплики сочились со всех сторон, словно вода из водостока. Теперь головная боль стала вполне реальной.

Цоканье копыт и суматоха у ворот возвестили о прибытии нового визитёра. Иста привстала

и посмотрела вниз. Во двор сквозь арку влетел стройный гнедой конь. На седоке был плащ с гербом канцелярии Шалиона, из-под которого виднелась гораздо более потёртая одежда. Всадник, а точнее всадница, мягко соскользнула на камни двора. Курьером оказалась румяная девушка с чёрной косой. Она вытащила из-за седла свёрток, который, после того как его встряхнули, оказался юбкой. Не особо скромничая, девушка задрала тунику, надела юбку поверх штанов и завязала её на тонкой талии. Затем, забавно качнув бёдрами, расправила края, зацепившиеся за сапоги.

Внизу появился ди Феррей; девушка распечатала сумку с канцлерской корреспонденцией и перевернула её. На свет появился лишь один конверт. Ди Феррей прочёл, кому он адресован, и тут же вскрыл, из чего Иста заключила, что пришло личное послание от его возлюбленной дочери леди Бетрис, фрейлины принцессы Изелль. Судя по тому, как лицо управляющего смягчилось, в письме говорилось о внуке. Может быть, у малыша уже начали резаться зубки? Если так, то в скором времени Исте доложат о его достижениях. Она улыбнулась.

Девушка потянулась, водворила сумку на ме-

сто, осмотрела ноги и копыта коня и передала животное груму, снабдив последнего строгими наставлениями. Тут Иста обнаружила, что её собственная фрейлина пристроилась смотреть ей через плечо.

— Я хочу поговорить с этой девушкой, — решительно сказала Иста. — Приведите её ко мне.

— Миледи, но у неё было только одно письмо.

— Ну и что? Я хочу послушать дворцовые новости.

Фрейлина фыркнула:

— Не думаю, что эта невежественная девица может быть поверенной придворных дам Кардегосса.

— Всё равно, приведите её ко мне.

Может быть, в её голосе прозвучали стальные нотки, но как бы то ни было, фрейлина ушла.

Наконец, резкий запах лошадей и кожи возвестил о приближении девушки к гостиной Исты раньше, чем неуверенные слова фрейлины:

— Миледи, вот курьер, которого вы просили позвать. — Иста отвернулась от окна и жестом приказала фрейлине удалиться. Та неодобрительно нахмурилась, но послушалась.

Девушка удивлённо и даже немного испуганно посмотрела ей вслед. Затем она исполнила нечто

среднее между поклоном и реверансом:

— Госпожа… Чем могу служить?

Иста едва ли могла ответить на этот вопрос.

— Как тебя зовут?

— Лисе, миледи, — и чтобы заполнить паузу, девушка добавила: — от Энилисс.

— Ты откуда?

— Сегодня? Почтовую сумку мне вручили на станции…

— Нет, я имею в виду вообще.

— А. Хм… У моего отца было небольшое поместье недалеко от Тенерета, в провинции Лабра. Он разводил лошадей для Ордена Брата и овец для продажи на рынке. Насколько я знаю, он и сейчас занимается тем же.

Состоятельный человек. Значит, такая своеобразная для девушки работа — не способ избежать жуткой нищеты.

— А как ты стала курьером?

— Я об этом даже не помышляла до тех пор, пока однажды мы с сестрой не поехали в город, чтобы доставить нескольких лошадей в храм. И тогда я увидела, как мимо галопом промчалась девушка в одежде курьера Ордена Дочери, — вспоминая, она счастливо улыбнулась. — И с того момента меня как будто ошпарило.

Может быть, сказывалось отсутствие свидетелей, может быть, причиной были молодость и сила посетительницы, но Иста с облегчением заметила, что присутствие королевы не лишает девушку дара речи:

— А ты не боишься в одиночестве разъезжать по дорогам? — Курьер мотнула косой:

— Я объезжаю опасности. По крайней мере до сегодняшнего дня мне это удавалось.

Иста ей поверила. Девушка ростом была выше неё, но всё же ниже тощих парней, которых любят брать в курьеры. Лошади легче с таким седоком.

— Может быть, тебе… неуютно? Ведь приходится скакать и в жару, и в холод, вне зависимости от погоды…

— Ну, под дождём я не растаю. А быстрая езда не даёт замёрзнуть в мороз. И если нужно, я могу, завернувшись в плащ, переночевать под деревом. Или на нём, если место покажется подозрительным. Конечно, койки курьерских станций теплее и удобнее, — девушка иронично сощурила глаза, — хотя ненамного.

Иста вздохнула, сражённая бьющей ключом энергией.

— И сколько времени ты уже развозишь канцлерскую почту?

— Три года. С пятнадцати лет.

Что делала Иста в пятнадцать лет? Наверное, училась быть хорошей женой какому-нибудь лорду. И когда король Иас обратил на неё внимание — а тогда ей было столько же лет, сколько сейчас девушке, — результаты обучения превзошли всё, даже самые смелые мечтания родителей. И так было до тех пор, пока эти мечты не превратились в кошмар великого проклятия, висящего над Иасом. Благодаря богам и Кэсерилу теперь проклятие снято. С момента снятия прошло три года. Удушливая пелена спала с её разума в тот день. Бессмысленность существования и душевные скитания, всегда заканчивающиеся тупиками, с тех пор превратились в привычку.

— И семья позволила тебе уйти из дома в столь юном возрасте? — Забавная гримаска осветила лицо девушки, словно лучик солнца проглянул сквозь зелёную листву:

— Кажется, я забыла их спросить. Надо об этом подумать на досуге.

— И тебя приняли на работу без разрешения отца?

— Думаю, его тоже забыли об этом спросить, очень уж были нужны курьеры. Когда что-то очень нужно — правила меняются. У отца

осталось ещё четыре дочери, которым нужно готовить приданое, так что я была уверена, они с братьями не побегут за мной и не притащат силком назад.

— Так ты стала курьером в тот же день? — удивилась Иста. Белозубая улыбка стала ещё шире, — Иста заметила, что у девушки были отличные зубы.

— Конечно! Я поняла, что если я вернусь домой и сяду сматывать очередной клубок ниток, то закричу и меня хватит удар. Кроме того, маме никогда не нравились мои клубки. Она говорила, что они кривые.

Иста понимала её чувства. Ответная улыбка тронула губы королевы:

— Моя дочь — отличная наездница.

— Об этом слышал весь Шалион, — глаза Лисе загорелись. — Доскакать от Валенды до Тариуна за одну ночь, да ещё когда враги рыскают повсюду… Со мной не случалось таких приключений. И мне никогда не доставался такой замечательный приз.

— Будем надеяться, что крылья войны больше не коснутся Валенды. А куда ты отправишься дальше?

Лисе пожала плечами:

— Кто знает? Поеду на станцию и, когда мне дадут очередное поручение, отправлюсь его выполнять. Если сэр ди Феррей напишет ответ быстро, то уеду сразу же, если нет — дам отдохнуть коню.

— Сегодня он точно не напишет… — Исте совсем не хотелось её отпускать, но девушка выглядела растрёпанной и грязной с дороги. Само собой, ей нужно помыться и освежиться. — Зайди ко мне ещё, Лисе из Лабры. В замке обедают в час дня. Жди меня там и пообедай со мной.

Девушка удивлённо подняла тёмные брови, за этим последовал поклон-реверанс:

— К вашим услугам, госпожа.

* * *

Стол старой провинкары был накрыт, как накрывался тысячи — десятки тысяч — раз до этого в будние дни, когда какой-нибудь праздник не вносил разнообразия в монотонное течение времени. Обедали в маленькой гостиной, располагавшейся внутри замковых стен, в недавно выстроенном павильоне. Уютно потрескивал камин, и солнце заглядывало в прозрачные стеклянные окна. Общество собралось тоже вполне привычное: леди Хьюлтер, сверстница и ком-

паньонка старой провинкары, Иста, её первые фрейлины и, как всегда важный, ди Феррей. По молчаливому соглашению стул провинкары всё ещё оставался пустым. Иста не высказывала желания сесть во главе стола, и, возможно, из уважения к её скорби, никто ей не предлагал.

Вместе с ди Ферреем вошли Ферда и Фойкс. Оба выглядели очень изящно и молодо. Вслед за ними появилась девушка-курьер. Присутствующие обменялись вежливыми поклонами. Лисе весьма смело разговаривала с королевой наедине, но здешняя степенная атмосфера смутила бы самых отважных из солдат. Девушка аккуратно села и съёжилась, словно стараясь стать меньше. Но это не мешало ей бросать на двух братьев заинтересованные взгляды. Конский дух практически исчез, но леди Хьюлтер всё же поморщила нос. Однако пустовало не только законное место провинкары. К столу был приставлен ещё один стул — прямо напротив Исты.

— Мы ждём гостей? — поинтересовалась она у ди Феррея. Наверное, очередные пожилые друзья. Иста уже не надеялась на что-нибудь более экзотическое.

Ди Феррей откашлялся и кивнул на леди Хьюлтер. Её сморщенное лицо растянулось в улыбке:

— Я обратилась в храм Валенды, чтобы нам прислали подходящего служителя на роль вашего духовного наставника во время паломничества, госпожа. Раз уж мы не хотим посылать в Кардегосс за придворным учёным, я подумала, нам подойдёт просвящённая Товия из Ордена Матери. Она, может быть, не сильно сведуща в теологии, но знаменита как целительница. И более того, она знает вас с тех пор, как вы были ребёнком. Это на случай, если на пути с вами случится какое-нибудь женское недомогание или дадут о себе знать ваши прошлые… неприятности. Всегда хорошо, когда рядом близкий человек. Тем более что, кроме неё, никто не подходит вам ни по полу, ни по положению в обществе.

Хорошо кому? Служительница Товия — закадычная подруга провинкары и леди Хьюлтер. Перед мысленным взором Исты предстало это трио пожилых леди, наслаждающихся медленной прогулкой в лучах весеннего солнца. Пятеро богов, неужели леди Хьюлтер решила тоже присоединиться к паломничеству? Иста подавила неподобающее желание закричать, так же как Лисе в ужасе от того, что остаток жизни предстоит провести в коконе из шерстяной пряжи.

— Я знала, что вы одобрите мой выбор, — про-

должала леди Хьюлтер. — Я решила, что вам захочется начать обсуждение маршрута священного паломничества прямо за ужином…

Леди нахмурилась:

— Однако не в её привычках задерживаться.

Но её лоб разгладился, как только слуга возвестил:

— Посланник храма уже здесь, миледи.

— Замечательно, зовите её сюда.

Двери широко распахнулись. В гостиную вкатилась на удивление знакомая круглая фигура и остановилась, наткнувшись на стену поражённых взглядов. Этой фигурой оказался тучный служитель Бастарда, которого Иста встретила на дороге две недели назад. Его белые одеяния были не намного чище, чем тогда, только теперь на них не было налипшей грязи, остались лишь разводы спереди и на подоле.

Лучезарная улыбка вошедшего стала неуверенной:

— Добрый вечер, милые дамы и господа. Мне приказала сюда явиться некая леди ди Хьюлтер. Кому-то требовался духовный наставник для совершения паломничества…

К леди Хьюлтер вернулся дар речи:

— Я та, кого вы упомянули. Но, насколько мне

известно, храм обещал прислать целительницу Ордена Матери служительницу Товию. А кто вы?

Иста почувствовала, что леди Хьюлтер чуть не выпалила «Да кто вы такой?!», но сумела совладать с собой.

— Ох, — он поклонился. — Просвящённый Шивар ди Кэйбон к вашим услугам.

В конце концов, он носит достойное имя. Тут служитель увидел Исту и ди Феррея, и удивление отразилось на его лице.

— А где же просвящённая Товия? — без обиняков спросила леди Хьюлтер.

— Думаю, ей пришлось уехать по особо сложному медицинскому вызову за пределы Валенды.

Его улыбка стала ещё более неуверенной.

— Добро пожаловать, просвящённый ди Кэйбон, — любезно обратилась к нему Иста.

Ди Феррей очнулся и приступил к выполнению обязанностей:

— В самом деле. Меня зовут ди Феррей, я — управляющий замка. А это вдовствующая королева Иста…

Глаза ди Кэйбона сузились, и он пристально посмотрел на Исту.

— Вы и сейчас… — выдохнул он.

Ди Феррей, то ли не услышав этих слов, то ли

решив не обращать на них внимания, представил братьев ди Гура и присутствующих дам в порядке, согласным с их положением в обществе, а затем немного неохотно добавил:

— И Лисе, канцлерский курьер. — Ди Кэйбон приветствовал всех одинаково радостным поклоном.

— Но тут что-то не так, вкралась какая-то ошибка, просвящённый ди Кэйбон, — взялась за своё леди Хьюлтер, бросая на Исту умоляющие взгляды. — Ведь в паломничество собирается отправиться вдовствующая королева собственной персоной, чтобы молить богов послать ей внука. Но вы же не… То есть… ну мы не знаем… Вы же служитель Ордена Бастарда, тем более мужчина… В общем, вы не совсем подходящий… мм-м… человек… мм-м…

Она оглядела присутствующих, безмолвно умоляя помочь ей выбраться из трясины, в которую забрела сама. Где-то в глубине души Иста начала улыбаться. Вслух она ласково сказала:

— Есть тут ошибка или нет, но я уверена, ужин вот-вот подадут. Не соблаговолите ли вы, просвящённый, озарить этот стол светом ваших знаний и в молитве перед едой обратить наши души к богам?

Ди Кэйбон выдохнул:

— Это честь для меня, госпожа.

Улыбаясь и беспрестанно моргая, он уселся на стул, указанный Истой, и принялся с надеждой смотреть на слугу, который подносил каждому миску с лавандовой водой для омовения рук. Он хорошо поставленным голосом по всем правилам благословил наконец-то появившуюся еду. Кем бы ни был этот толстячок, в нём не чувствовалось ничего деревенского. Восторг, с которым ди Кэйбон набросился на кушанья, согрел бы сердце повара провинкары, ведь беднягу так долго мучил хилый аппетит старшего поколения. Фойкс без особого труда поспевал за служителем Бастарда.

— Вы из тех Кэйбонов, что приходятся родственниками нынешнему генералу Ордена Дочери ди Джеррину? — вежливо поинтересовалась леди Хьюлтер.

— Я, кажется, прихожусь ему кем-то вроде четвероюродного или пятиюродного брата, леди, — ответил ди Кэйбон, проглотив очередной кусок. — Моим отцом был сэр Одлин ди Кэйбон.

Оба брата ди Гура с интересом посмотрели на служителя.

— О, — удивилась Иста. — Я видела его несколь-

ко лет назад при дворе Кардегосса.

Наш толстый Кэйбон — так шутливо называл его Иас. Он, как и многие из менее тучных воинов короля, храбро погиб в кровавом сражении при Далусе.

Помолчав, Иста добавила:

— А вы на него похожи.

Служитель, не скрывая радости, кивнул головой:

— И совсем об этом не сожалею.

Что-то подтолкнуло Исту на вопрос, который никто больше не осмелился бы задать:

— А леди ди Кэйбон вы приходитесь сыном?

Глаза служителя сверкнули поверх куска жаркого, насажанного на вилку:

— В общем-то, нет. Но отец всё равно был мне рад и заплатил Храму за опеку надо мной, когда я достиг школьного возраста. За что я самым искреннейшим образом ему благодарен. Призвание не вспыхнуло во мне, как молния, а выросло медленно, словно дерево.

Иста решила, что круглое лицо и белые одежды служителя делают ди Кэйбона старше, чем он есть на самом деле. Ему никак не больше тридцати, а может быть, и того меньше.

Впервые за долгое время разговор зашёл не о

старческих болезнях, болях, недомоганиях и способах их лечения, а о королевстве Шалион-Ибра в целом. Братья ди Гура могли многое поведать о недавней кампании марча ди Паллиара по возвращению под корону Шалиона горной крепости Готоргет, которой завладели враждебно настроенные северные рокнарские князья, а также о трёхмесячном пребывании короля-консорта Бергона на поле битвы.

Ферда рассказывал:

— При последнем налёте на крепость Фойксу досталось от рокнарского боевого молота, и он большую часть зимы провалялся в постели. Сначала никак не могли зажить рёбра, которые превратились в кашу, а потом началось воспаление лёгких. А пока кости срастались, канцлер ди Кэсерил взял его себе писарем. А наш кузен ди Паллиар решил, что лёгкая поездка верхом поможет брату вернуться к утраченной форме.

Лёгкий румянец окрасил широкое лицо Фойкса, когда он смущённо склонил голову. Лисе посмотрела на него более пристально. Иста не могла точно сказать, представила его девушка с мечом в руках или всё-таки с пером. Леди Хьюлтер не преминула высказать всё, что думает по поводу того, что королева Изелль тоже отправилась

на север, на поле битвы, чтобы быть поближе к мужу и волнующим событиям, и именно поэтому — а почему же ещё? — в скором времени родила девочку.

— Не думаю, — сухо возразила Иста, — что если бы Изелль осталась бездельничать в Кардегоссе, то на свет появился бы мальчик.

Леди Хьюлтер пробубнила что-то в ответ. Мать Исты тоже была очень недовольна, когда дочь родила Иасу Изелль, тогда, много лет назад. Как будто бы Иста могла что-то с этим поделать. Как будто вторая беременность привела к лучшим результатам… Вдовствующая королева нахмурилась под наплывом болезненных воспоминаний. Она подняла голову и перехватила проницательный взгляд ди Кэйбона.

Служитель направил беседу в более безобидное русло. Ди Феррей блеснул перед новыми слушателями парочкой старых историй, но за это Иста не стала его укорять. Ди Кэйбон поведал несколько не совсем пристойных баек, но всё же они были более скромные, чем те, которые Иста слышала за королевским столом. Девушка-курьер громко смеялась, но когда леди Хьюлтер одарила её хмурым взглядом, стала прикрывать рот рукой.

— Прошу вас, не стесняйтесь, — попросила её

Иста. — В этом доме никто так не смеялся неделями. Месяцами.

Годами.

А что если в паломничестве её будут сопровождать не множество измотанных хранителей покоя, чьим старым костям дорога совсем не идёт на пользу, а люди, которые смеются? Молодые, не отягощённые массой грехов и потерь? Те, кто готовы прыгать от счастья? Люди, которые будут уважать её как старшую, а не станут понукать ей, как провинившимся ребёнком? «Как прикажете, госпожа», а не «Леди Иста, вы же не можете…»

Она решилась:

— Просвящённый ди Кэйбон, спасибо Храму, что он выполнил мою просьбу. Я буду рада, если во время паломничества моим духовным наставником будете вы.

— Это честь для меня, госпожа, — ди Кэйбон, не вставая, поклонился так низко, насколько позволял ему внушительный живот. — Когда мы двинемся в путь?

— Завтра, — ответила Иста.

Со всех концов стола послышались возмущённые возгласы: ещё не приглашены целые списки важных персон, не устроена охрана, ещё не прибыли нужные фрейлины, их горничные, грумы,

не доставлены горы одежды, просто необходимые для путешествия, не отобраны кони и мулы и маленькая армия ди Баосии ещё не добралась до Валенды.

Иста чуть не сдалась и не сказала: «Или до тех пор, пока всё не будет улажено», но вовремя взяла себя в руки. Она взглянула на Лисе, которая, жуя, восторженно прислушивалась к происходящему.

— Вы все правы, — Иста повысила голос, чтобы перекричать гул возмущённых голосов, который тотчас же стих. Она продолжила: — Я не юна, не энергична, не смела и не знаю, что такое путешествовать. Так что мне придётся взять подходящих людей. Моей фрейлиной и одновременно моим грумом будет курьер Лисе. И больше мне никто не нужен. Это уже экономит три десятка мулов.

Лисе чуть не подавилась куском, который так усердно жевала.

— Но она же обычный курьер! — смогла выдохнуть леди Хьюлтер.

— Не думаю, что канцлеру ди Кэсерилу придёт в голову приревновать её ко мне. Курьеры всегда готовы ехать туда, куда им прикажут. А ты, Лисе, что скажешь?

Лисе, которой всё-таки удалось проглотить злосчастный кусок, вытаращив глаза, выдавила:

— По-моему, у меня лучше получится роль грума, а не фрейлины, госпожа, но я буду стараться изо всех сил.

— Отлично. Никто большего и не требует.

— Вы же вдовствующая королева! — простонал ди Феррей. — Вам нельзя разъезжать по дорогам в таком малочисленном сопровождении!

— Я хотела провести паломничество в смирении, ди Феррей, а не устраивать гордое шествие. Поэтому… может, я не буду королевой? Я могу быть, например, простой вдовой из хорошей семьи. Каких слуг лучше взять в таком случае? Какие предпринять предосторожности?

— Путешествие инкогнито? — Просвящённый ди Кэйбон сразу же понял её идею, в то время как остальные молча ели, выражая несогласие с происходящим. — Такой ход решит множество вопросов, связанных с вашими духовными изысканиями, госпожа. Как мне кажется… такая женщина попросит Храм снабдить её обычным эскортом. А Храм приставит к ней всадников, которые находятся в его распоряжении в данный момент.

— Замечательно. Этот пункт у меня уже выполнен. Ферда, ваши люди могут выехать завтра?

Хор протестов перекрыл простой ответ ди Гура:

— Конечно. Как прикажете, госпожа.

Воцарилась недоумённая тишина. Можно сказать, даже немного задумчивая, если, конечно, на это ещё можно было надеяться. Иста откинулась на спинку стула и улыбнулась:

— Нужно подумать об имени, — наконец сказала она. — Ни ди Шалион, ни ди Баосия не подходят, они слишком напыщенные, — разве что ди Хьюлтер? Иста вздрогнула. Нет. Она мысленно перебирала имена младших родственников провинкаров Баосии. — А вот ди Аджело совсем неплохо.

Она едва ли встречалась с семьёй ди Аджело, и они ни разу не пытались отправить во дворец своих дочерей, чтобы приставить их… опекать Исту в качестве фрейлин.

— Думаю, имя Иста можно оставить. Оно не такое уж редкое, чтобы привлечь излишнее внимание.

Служитель откашлялся:

— Нам с вами нужно будет сегодня поговорить. Я не знаю, какой маршрут мне лучше для вас избрать. Паломничеству необходим духовный план, а также материальный, для поддержания первого.

А у нас нет ни того ни другого. И если каким-то

из них пренебречь, то его ей просто-напросто навяжут.

Иста осторожно ответила:

— А как вы организовывали паломничества раньше, просвящённый?

— Ну, это всегда зависело от целей желающих вступить на путь пилигрима.

— У меня в седельной сумке есть несколько карт. Может, они послужат вам источником вдохновения. Могу принести их, если желаете, — предложил Ферда.

— Да, пожалуйста, — благодарно отозвался служитель. — Это должно помочь.

Ферда выбежал из комнаты. Снаружи день уже клонился к вечеру. Появились слуги и принялись бесшумно зажигать настенные канделябры. Ожидая возвращения брата, Фойкс удобно опёрся локтями на стол, мило улыбнулся Лисе и принялся уписывать очередной кусок медового пирога с орехами.

Через несколько минут Ферда вернулся, неся в руках ворох мятых бумаг.

— Вот… нет, вот Баосия, а вот западные провинции вплоть до Ибры, — он расстелил на столе между служителем Бастарда и Истой заляпанную, видавшую виды карту. Ди Феррей беспокойно

смотрел из-за плеча ди Кэйбона.

Служитель наморщил лоб и некоторое время изучал карту, потом откашлялся и поднял глаза на Исту:

— Нас учили, что маршрут паломничества должен зависеть от духовной цели. Она может быть любой, но обычно её можно отнести к одному из пяти типов: служение, молитва, благодарность, жажда пророчества и искупление.

Искупление. Молитва богам о прощении. Ди Лютез, Иста не могла не подумать о нём. Жуткие воспоминания того тёмного часа до сих пор тенью окутывали её сердце, даже в этот светлый вечер. И всё же кто и у кого должен просить прощения за этот кошмар? Мы все этим повязаны — и боги, и ди Лютез, и Иас, и я. И если унизительные стоны на алтаре богов — единственный способ исцелить эту старую рану, то того количества грязи, что она съела, хватит на десяток ди Лютезов. Но в темноте, если надавить, шрам продолжает кровоточить.

— Один человек у меня на глазах молился о мулах, — заметил Фойкс.

Ди Кэйбон удивлённо моргнул:

— И он их получил?

— Да, и причём отличных.

— Пути богов иногда… неисповедимы, — пробормотал ди Кэйбон, обдумывая услышанное. — Кх-м. А вы, госпожа, насколько я понимаю, отправляетесь в паломничество молить о внуке. Так?

Он выжидательно замолчал.

Совсем не так. Но ди Феррей и леди Хьюлтер одобрительно зашумели, и Иста решила им не перечить.

Ди Кэйбон провёл пальцем по замысловатым линиям карты, исписанной названиями мест, изборождённой маленькими речками, украшенной гораздо большим количеством деревьев, чем в действительности росло на равнинах Баосии. Он принялся указывать на тот или иной храм Матери или Отца, расположенный в окрестностях Валенды, расписывая их заслуги. Иста заставила себя взглянуть на карту.

Далеко к югу, за пределами карты лежал Кардегосс и великий замок-крепость Зангра, хранящий дурные воспоминания. Нет. На востоке — Тариун. Нет. Остаётся запад и север. Её палец пересёк карту, направляясь к Клыкам Бастарда — высокогорной цепи, протянувшейся с севера на восток, отмечая границу с Иброй, столь недавно присоединённой к Шалиону на брачном ложе

её дочери. На север, вдоль гор, по какой-нибудь проходимой дороге.

— Сюда.

Покосившись на карту, ди Кэйбон нахмурился:

— Я не уверен, что…

— В одном дне езды от Палмы расположен городок, где есть скромный постоялый дворик, принадлежащий Ордену Дочери. Там очень мило, — вставил Ферда. — Мы не раз туда наведывались.

Ди Кэйбон облизал пересохшие губы:

— Хм. Я знаю одну таверну, неподалёку от Палмы. Если не мешкать, мы сможем туда добраться до наступления темноты. Там отлично кормят. Ах да, ещё рядом есть священный источник, он очень древний. Он не входит в список главных сакральных мест, но раз леди ди Аджело хочет путешествовать без шума, то столь скромное начало подойдёт как нельзя лучше. Тем более что в это время года известные святые места переполнены паломниками.

— Что ж, в таком случае, просвящённый, давайте избегать толпы, искать смирения и воздадим должное этому источнику. Или отличной кухне близлежащей таверны, — Иста улыбнулась.

— Не нужно взвешивать зёрнами молитву,

словно фальшивую монету, — весело ответил ди Кэйбон, вдохновившись её мимолётной улыбкой. — Давайте не будем брезговать ни тем ни другим и воздавать изобилию за изобилие.

Толстые пальцы служителя, словно ножки циркуля, соединили на карте Валенду, а затем Палму в том месте, где указал Ферда. Ди Кэйбон задумался, потом наметил новый отрезок на карте:

— В дне пути оттуда, если, конечно, пораньше встать, находится Касилшас. Довольно сонное местечко. Но у моего ордена там школа. Некоторые мои старые учителя всё ещё живут в этой деревушке. А ещё там отличная библиотека, само собой, по местным меркам, ведь многие служители-учителя, умирая, оставляли свои книги. Допускаю, что семинария Бастарда не совсем… соответствует цели нашего путешествия, но должен признаться, я не прочь заглянуть в эту библиотеку.

Интересно, в школе тоже исключительно одарённый повар? — ехидно подумала Иста. Она подпёрла подбородок рукой и принялась изучать тучного молодого человека, сидящего напротив неё. Всё же, что нашло на Храм Валенды, что они послали к ней именно его? Наличие в его родословной предков-полуаристократов? Едва ли.

Обязанности на духовном фронте более опытных предводителей паломников наверняка расписаны заранее. Несомненно, в природе существует масса книг о духовном наставлении в таких случаях. Может быть, ди Кэйбон и хочет посетить библиотеку, чтобы отыскать учебник, где будет сказано, что ему делать дальше. Вполне возможно, большую часть святых лекций в Касилшасе он просто-напросто проспал.

— Хорошо, — согласилась Иста. — Гостеприимство Ордена Дочери на первые две ночи, потом приют нам даст Орден Бастарда.

От Валенды их будут отделять по крайней мере три дня пути. Неплохое начало.

Ди Кэйбон явно обрадовался:

— Замечательно, госпожа.

Фойкс задумчиво стоял над картами. Он выудил ту, что побольше, изображавшую весь Шалион. Она оказалась менее детальной, чем та, которую изучал ди Кэйбон. Палец Фойкса отметил путь от Кардегосса до Готоргета. Крепость была оплотом Шалиона на рубеже извилистой, но не очень высокой горной цепи, которая протянулась вдоль границы Шалиона и рокнарского княжества Бораснен. Фойкс пошевелил бровями. Иста попыталась предположить, какие горестные вос-

поминания пробудило в нём название крепости.

— Вам наверняка захочется обойти этот район стороной, — сказал ди Феррей, заметив, что палец Фойкса замер над Готоргетом.

— Вы правы, милорд. Мне кажется, нам вообще лучше держаться подальше от севера центральной части Шалиона. Со времён прошлогодней кампании там неспокойно, тем более что королева Изелль и король Бергон как раз собирают силы, чтобы покончить с этим вопросом раз и навсегда.

Ди Феррей заинтересованно поднял брови:

— Они уже собираются ударить по Виспингу?

Фойкс пожал плечами, его палец скользнул на северное побережье к названному порту:

— Не уверен, что Виспинг можно захватить в результате одной-единственной кампании. Но такой исход был бы весьма неплох. Урезать пять княжеств до двух, завоевать морской порт для Шалиона, так чтобы ибранский флот мог найти убежище в…

Ди Кэйбон перегнулся через стол, опираясь на скатерть внушительным животом, и внимательно посмотрел на карту:

— Тогда следующим станет княжество Джокона, к западу от Бораснена. Или мы нападём на

Браджар, или на оба сразу?

— Воевать на два фронта будет глупо, тем более что Браджар весьма ненадёжный союзник. Новый князь Джоконы юн и неопытен. Нужно зажать Джокону между Шалионом и Иброй, а затем просто прищемить. Потом двинуться на северо-запад.

Глаза Фойкса сузились, пухлые губы сжались, когда он принялся обдумывать такой вариант развития событий.

— Фойкс, а ты примешь участие в этой кампании? — вежливо поинтересовалась Иста.

Он кивнул:

— Куда направляется марч ди Паллиар, туда и братья ди Гура. Как отличного наездника, Ферду в середине лета наверняка направят на кавалерийские сборы. А чтобы я не скучал по нему и не начал чахнуть от тоски, он найдёт для меня какую-нибудь грязную работёнку. А в них никогда не бывает недостатка.

Ферда весело фыркнул. Фойкс беззлобно улыбнулся в ответ.

Иста обдумывала стратегический анализ, озвученный Фойксом. Совершенно очевидно, откуда он всё это взял. Марч ди Паллиар, король Бергон и королева Изелль совсем не дураки, а канцлер

ди Кэсерил вообще умён не по годам и, более того, не питает особо нежной любви к прибрежным рокнарским князькам, которые однажды продали его в рабство на галеры. А если на кону стоит Виспинг, то игра стоит свеч.

— Но мы всё же отправимся на запад, подальше от всех этих событий, — заметила она.

Ди Феррей одобрительно кивнул.

— Прекрасно, госпожа, — ответил ди Кэйбон. Его взгляд слегка затуманился, когда он собрал карты и вручил их обратно Ферде. Боится ли он отцовской военной судьбы или завидует ей? На это ответа не было.

Совсем скоро все разошлись. Но планы, обсуждения и жалобы фрейлин ещё долго мучили Исту. Они никогда не перестанут ссориться, решила она. Но королева может это прекратить. И прекратит. Говорят, что нельзя решить проблему, убегая от неё. И как маленькая девочка, которой она была когда-то, Иста верила этому. Но это весьма далеко от правды. Есть проблемы, которые можно решить, лишь убежав от них. Когда же леди, не переставая жаловаться, задули свечи и наконец оставили Исту одну, улыбка снова осветила её лицо.

Глава третья

Иста провела всё утро, роясь вместе с Лисе в платяных шкафах в поисках одежды, подходящей для путешествия и ничем не выдающей её высокого статуса. В шкафах и сундуках скрывалась масса всего, но мало что из этого было простым и неброским. Любой узор, любое изящное платье, заставившее Лисе с сомнением сморщить носик, отправлялось в кучу ненужных вещей. В конце концов Исте удалось составить нечто вроде костюма для верховой езды — леггинсы, юбка с разрезами, туника и накидка, в котором не было ни одной ниточки зелёного цвета, цвета Матери. Потом был совершён безжалостный набег на гардеробы фрейлин и горничных Исты, к вящему неудовольствию последних. Результатом стала аккуратная кучка одежды — удобной, простой, немаркой и, самое главное, немногочисленной.

Лисе сразу повеселела, когда её отправили в конюшни выбрать подходящую скаковую лошадь и мула для перевозки багажа. Одного мула. К полудню яростные усилия Исты, уже в одиночку, увенчались тем, что обе были одеты, лошади

осёдланы и мул навьючен. К приезду отряда ди Гура они уже стояли во дворе замка. Братья прибыли в сопровождении десяти всадников в одеяниях Ордена Дочери. Вслед за ними в ворота въехал ди Кэйбон на белом муле.

Грумы придержали коня своей госпожи и подставили скамеечку, чтобы Исте было удобнее забраться в седло. Лисе легко запрыгнула на своего длинноногого гнедого без посторонней помощи. На заре туманной юности Иста много ездила верхом, охотилась целыми днями, танцевала до захода луны при блестящем дворе короля. Слишком долго она была прикована к этому замку старости и скорбной памяти. Ей всего лишь нужно вернуться в прежнюю колею.

Просвящённый ди Кэйбон слез с мула только затем, чтобы прочесть милосердно коротенькую молитву и благословить их начинание. Иста склонила голову, но не стала повторять слова молитвы. Мне ничего не нужно от богов. Я уже получила от них все причитающиеся мне милости.

Четырнадцать человек и восемнадцать животных, чтобы сопровождать её в пути. А как же те пилигримы, которые умудряются путешествовать в скромной компании посоха и походного мешка?

Леди Хьюлтер и все фрейлины и горничные Исты спустились во двор не для того, чтобы попрощаться, а чтобы в последний раз прилюдно и абсолютно безуспешно слезами убедить Исту передумать. Не желая признавать очевидное, леди Хьюлтер простонала:

— О, боги, она серьёзно! Ди Феррей, остановите её, ради Матери!

Крепко сжав зубы, Иста чувствовала, как их вопли отскакивали от её спины, словно стрелы от кольчуги. Белый мул ди Кэйбона повёл отряд через ворота и вниз с холма мягкой иноходью, но и так надоевшие голоса вскоре стихли. Лёгкий весенний ветер играл волосами Исты. Она не оглядывалась.

На постоялый двор они едва успели приехать до заката. Опираясь на руки тех, кто помогал ей спешиться, Иста вспоминала, когда же в последний раз провела целый день в седле, охотясь или путешествуя. Лисе, которой явно наскучил неспешный темп паломников, резво спрыгнула на землю, как будто весь вечер провалялась на кушетке, а не ехала верхом. Фойкс, по-видимому, оправился от ран, которые его беспокоили, ещё в начале их с братом пути. Даже ди Кэйбон не ковылял и не морщился от боли. Когда служитель

Бастарда предложил Исте руку, она с благодарностью приняла помощь.

Ди Кэйбон отправил одного из всадников вперёд, чтобы заранее условиться о кроватях и еде. К счастью, всё сложилось как нельзя лучше, несмотря на то что постоялый двор был весьма мал. Хозяину пришлось отказать лудильщикам, которые приехали позже. Старый узкий фермерский дом был расширен за счёт постройки нового крыла. Братьев ди Гура и служителя поселили вместе, Иста и Лисе получили комнату на двоих, а остальным были выданы соломенные тюфяки и спальные места на сеновале, благо ночь стояла тёплая.

Хозяин и его жена накрыли два стола рядом со священным источником, в небольшой рощице, развесив фонарики на ветви деревьев. Мягкий мох и густой папоротник, колокольчики и какие-то цветочки с соцветиями в виде звёздочек, переплетение корней и сучьев, нежное журчание воды, бегущей по гладким камням, образовывали самую замечательную комнату, в какой Иста когда-либо ужинала. Руки вымыли водой из источника, принесённой в медных мисках. Служитель благословил её. Такая вода не нуждалась ни в каких дополнительных отдушках.

Кладовая хозяйки славилась по всей округе. Двое слуг без устали носили бесконечные кувшины и подносы с отличным хлебом, отменным сыром, жареной уткой, бараниной, колбасами, сушёными фруктами, травами и весенней зеленью, яйцами, тёмными оливками и северным оливковым маслом, пирогами с яблоками и орехами, свежим элем и сидром — с простой, но сытной пищей. Ди Кэйбон неустанно совершал набеги на эти разносолы, радуя хозяйку, и даже дремавший долгие годы аппетит Исты вдруг встряхнулся и дал о себе знать. Когда же наконец она разделась и легла рядом с Лисе на маленькую чистенькую кровать в комнате со скошенной крышей, то заснула так быстро, что на следующее утро уже не помнила, как это случилось.

* * *

Проснувшись, когда утренний свет проникал в полуоткрытое окно, Иста почувствовала себя немного неудобно. По старой привычке она некоторое время оставалась в кровати, ожидая, когда её, словно куклу, оденут, но потом поняла, что новая горничная нуждается в некоторых указаниях. Решив, что проще будет выбрать наряд и одеться самой, Иста лишь попросила помочь с

некоторым шнуровками и завязками. Единственная трудность возникла с причёской.

— Я не знаю, как укладывать волосы леди, — призналась Лисе, когда Иста вручила ей расчёску и села на низенькую скамью. Девушка с сомнением смотрела на густую пепельную гриву своей госпожи, спускавшуюся до талии. Перед тем как лечь спать, Иста непредусмотрительно распустила сложную плетёную корону, созданную из её волос прежней горничной. Ночью локоны спутались и появились колтуны.

— Сама же ты причёсываешься. Как?

— Ну… Я заплетаю косу.

— А ещё?

— Иногда — две косы.

Иста на секунду задумалась:

— А лошадей ты причёсываешь?

— О да, миледи. Косички улиткой с лентами и особые узлы с бусинами на День Матери, хохолки плюмажиками, украшенные перьями, на День Сына, и…

— Пусть сегодня будет коса. — Лисе облегчённо вздохнула:

— Хорошо, миледи.

Её руки работали быстро и умело, гораздо быстрее, чем руки прежних горничных. Что же до

результата, то он весьма подходил скромному образу леди ди Аджело.

Все собрались в рощице для совершения молитв на восходе солнца в честь первого полного дня паломничества Исты. На восходе солнце — некоторое иносказание, ибо солнце встало на несколько часов раньше, чем гости постоялого двора. Хозяин таверны, его жена и дети тоже присутствовали на церемонии, ведь визит служителя столь представительного ордена — редкое событие. Кроме того, — мысли Исты приняли несколько циничное направление, — если к этому служителю отнестись особо гостеприимно, то вполне вероятно, он посоветует и другим паломникам посетить сию не столь известную святыню.

Поскольку этот источник был посвящён Дочери, ди Кэйбон, стоя рядом с ручейком на камнях, освещённых солнечными лучами, начал церемонию короткой весенней молитвой из небольшой книжечки, которую он возил в седельной сумке. Точного ответа на вопрос, почему источник посвящён именно Леди Весны, не было. Уверения хозяина таверны о том, что это тайное место, где произошло чудо о деве и кувшине, звучали малоубедительно, потому что Иста знала по крайней

мере ещё три места в Шалионе, которым приписывается связь с этой легендой. Но живописность именно этого местечка не вызывала никаких сомнений.

Ди Кэйбон, чьи заляпанные грязью одежды казались чище в ярком свете, спрятал книжечку в карман и откашлялся, собираясь приступить к утренним наставлениям. За спинами присутствующих в ожидании завтрака стояли уже накрытые столы, так что Иста была уверена, церемония особо не затянется.

— В начале нашего духовного пути я бы хотел обратиться к истокам, знакомым нам с детства, — служитель на секунду прикрыл глаза, как будто бы восстанавливая цепь событий. — Вот что пишет Ордол в «Письмах молодому королю ди Браджар».

Он снова открыл глаза, и в его голосе послышались интонации рассказчика:

— Вначале был мир, и мир был огонь, текучий и ужасный. Когда огонь остыл, появилась материя и приобрела силу и твёрдость — огромный шар с пламенем в сердце. И из пламени в сердце мира медленно поднялась Душа Мира. Но как глаз человеческий не может увидеть самое себя, так же не мог увидеть самое себя и Глаз Души Мира.

И раскололась Душа Мира надвое, чтобы познать себя, и так возникли Отец и Мать. И от сладкого осознания родилась в Душе Мира любовь. Любовь стала первым плодом, который сфера души принесла в дар сфере сущности, ибо любовь была источником сферы души и её основой. Но этот дар не был последним, за ним последовала песня, а потом речь, — продолжая рассказывать, ди Кэйбон усмехнулся и глубоко вздохнул.

— И стали Отец и Мать править миром так, чтобы мир снова не поглотили огонь, хаос и разрушение. И от их любви появились на свет Дочь и Сын, и разделили боги между собой времена года, каждое из которых обладает собственным особым очарованием, и все боги получили по одному во владение. И в безопасности и гармонии такого устройства стремительно начал расти материальный мир. И из стремления создать красоту возникли растения, животные и люди, ибо любовь проникла в жаркое сердце мира, и сфера материи жаждала вернуть дары сфере души так же, как влюблённые горят желанием обменяться залогами своих чувств.

Радость светилась на круглом лице ди Кэйбона, по мере того как он погружался в повествование, его голос менял интонации. Иста заподозрила,

что он подходит к любимой части:

— Но огонь, таящийся в сердце мира, сохранил разрушительные силы, с которыми трудно было бороться. И из этого хаоса восстали демоны, которые вырвались на свободу и наводнили мир, охотясь за хрупкими юными душами, словно волки за агнцами, пасущимися в долах. Настало время Великих Магов. Порядок мира был нарушен, зима, весна и лето смешались. Засухи и наводнения, лёд и огонь угрожали жизни людей, и множество дивных цветов и животных, созданных любовью, были возложены на алтарь Души Мира.

И тогда однажды могучий и мудрый демон-лорд, сгубивший великое множество человеческих душ, встретил человека, уединённо живущего в лесу. Словно кошка, играющая с мышкой, демон принял гостеприимство отшельника и стал ждать, когда случится возможность перебраться из тела, которым он недавно овладел, в новое. Ибо был этот человек-отшельник, несмотря на лохмотья, был удивительно красив: взгляд — словно укол кинжала, дыханье — божественный аромат.

Но демон-лорд был опрометчив, приняв от отшельника глиняную плошку с вином и осу-

шив её одним глотком. Пока демон вынашивал нечестивые замыслы, святой отделил от тела свою душу, вернее, поделил её надвое и смешал с вином, которое собственноручно подал гостю. И так демон впервые обрёл душу, а вместе с ней все её прекрасные и порой горькие дары.

Демон-лорд упал на деревянный пол и забился в судорогах, изумлённо крича, словно новорождённый младенец, ибо он и вправду родился в тот момент для мира материи и духа. И переселившись в тело отшельника, не украв его из зависти, ибо оно тоже было добровольным даром святого, демон в ужасе бросился через лес к своему устрашающему замку и укрылся там.

Многие месяцы скрывался он там, боясь самого себя, но живущий в нём святой начал учить его красоте добродетели. Святой посвятил свою жизнь Матери и теперь призвал на демона её благодать, чтобы избавить от совершённых грехов, ибо добровольный дар святого сделал возможным сам грех и стыд за содеянное, который теперь мучил демона как ничто другое. И среди мук совести и уроков святого душа демона стала расти, обретая честность и мощь. И став магом-паладином, чью могучую руку, облачённую в латы, украшал знак благосклонности Матери, он

вошёл в мир сущего и начал от имени богов сражать мрачных бездушных демонов в тех местах, где их не могли достать сами боги.

И демон с великой душой стал защитником Матери. Её любовь к нему не знала границ, ибо богиню очаровала непорочность его души. Так началась великая битва за очищение мира от яростных демонов и восстановление мирового порядка.

Демоны боялись рыцаря Матери и пытались объединиться против него, но не могли, ибо это было противно их природе. Но и поодиночке их натиск был ужасен, и демон с великой душой, возлюбленный Матери, был сражён в последней битве.

И так родился последний из богов, Бастард, дитя любви богини и демона с великой душой. Некоторые говорят, что он родился накануне последней битвы, плод единения на Её божественном ложе, другие считают, что Мать, скорбя, собрала с поля боя останки возлюбленного демона с великой душой, смешала его кровь со своей и, благодаря своему великому искусству, создала Бастарда. Но в любом случае их Сыну, единственному из богов, было вверено управление и сущим, и духом, ибо Его слугами стали демоны, которых великая

жертва его отца победила, поработила и изгнала из мира.

— Что же до настоящей *лжи*, — ди Кэйбон заговорил обычным тоном, если не обращать внимания на гневные нотки, проскальзывающие в его голосе, — то к ней относится ересь Четырёхбожия. Эти святотатцы считают, что демон с великой душой взял Мать силой и зачал с Ней Бастарда против Её священной воли. Непристойная, бессмысленная и богохульная ложь… — Иста заподозрила, что это уже не цитата из Ордола, а его личные рассуждения. Служитель откашлялся и официально завершил повествование: — Так заканчивается история о пришествии пяти богов.

Иста с детских лет великое множество раз слышала различные версии этой истории, но приходилось признать, что искренность и красноречие ди Кэйбона заставили старую легенду зазвучать по-новому. Конечно, Бастарду обычно уделялось не больше места, чем остальным членам Святого Семейства, но людям простительны всякие вольности. Несмотря ни на что, Иста была тронута.

Ритуал начался, и ди Кэйбон призвал пятикратное благословение, прося каждого бога ниспослать молящимся дары. Присутствующие

вслед за ним возносили хвалы небесам. У Дочери просили процветания, познания и любви; у Матери — детей, здоровья и исцеления; у Сына — крепкой дружбы, удачной охоты и обильного урожая; у Отца — детей, справедливости и лёгкой смерти, когда придёт её время.

— И пусть Бастард ниспошлёт нам… — голос ди Кэйбона, нараспев произносящий слова церемонии, замедлился и впервые практически сошёл на нет, — в самой страшной нужде столь малые дары: гвоздь в подкове, спицу в колесе, перо, спиралью летящее вниз, камешек на вершине горы, поцелуй в отчаянии, единственное верное слово… *и во тьме — понимание*.

Ди Кэйбон моргнул, вид у него был удивлённый.

Иста вздёрнула подбородок; по спине у неё пробежали мурашки. Нет. Нет. Ничего в этом нет, ничего, совсем ничего. Ничего нет, слышишь? Она заставила себя медленно выдохнуть.

Это всего лишь обычная формула. Большинство людей молилось о том, чтобы пятый бог обошёл их стороной, ведь Он был владыкой всех бедствий. Служитель поспешно осенил себя знамением — коснулся лба, губ, солнечного сплетения, пупка и сердца, расправив широкую

ладонь на груди, потом повторил то же самое в воздухе, призывая благословение на присутствующих. Все зашевелились, потянулись в разные стороны, кто-то в полголоса заговорил, кто-то быстро зашагал прочь, возвращаясь к повседневным делам. Ди Кэйбон подошёл к Исте, потирая руки и беспокойно улыбаясь.

— Благодарю вас, просвящённый, — сказала Иста, — за столь многообещающее начало.

Он поклонился, явно воодушевлённый её одобрением:

— Это великая радость для меня, миледи.

Его улыбка засияла ещё ярче, когда слуги с постоялого двора принялись сновать взад-вперёд, вынося на свет то, что обещало стать очень душевным завтраком. Исте, при виде стараний ди Кэйбона, стало немного стыдно за то, что она похитила служителя, ссылаясь на притворное желание совершить паломничество, но было очевидно, что он просто упивается своей работой.

* * *

Сельская местность в западной части Палмы представляла собой бесплодную равнину, только редкие купы деревьев торчали вблизи ручейков, немного оживлявших довольно скучный вид.

Вдоль почти нехоженной дороги были разбросаны старые укреплённые фермы, основным источником дохода которых было не земледелие, а скотоводство. Мальчишки и собаки присматривали за овцами и скотом покрупнее, подрёмывая под прикрытием редких лоскутов тени. В звенящей тишине тёплого вечера хотелось спать, а не ехать, но ввиду позднего отъезда с постоялого двора отряд Исты продолжал героически продираться сквозь ленивый, сонный воздух.

Временами, когда дорога становилась шире, Иста обнаруживала по одну руку от себя крепкого мула ди Кэйбона, а по другую — стройного гнедого Лисе.

Чтобы хоть как-то унять заразительные приступы зевоты ди Кэйбона, Иста спросила его:

— Скажите, просвящённый, а что случилось с тем маленьким демоном, которого вы везли в день нашей первой встречи?

Лисе, ехавшая рядом, вынув ноги из стремян и ослабив поводья, заинтересованно обернулась.

— Ах да, всё прошло хорошо. Я передал его главному служителю в Тариуне, и мы решили его судьбу. Теперь он благополучно выдворен из нашего мира. Я как раз возвращался домой и провёл ночь в Валенде, когда… — ди Кэйбон

кивком указал на вереницу всадников, намекая на неожиданное приглашение к королеве.

— Демон? У вас был демон? — удивлённо спросила Лисе.

— Не у меня, — аккуратно поправил служитель. — Он был заключён в тело хорька. По счастью, с таким животным достаточно легко справиться. В отличие от волка или быка, — он поморщился, — или человека, жаждущего заполучить демонскую силу.

Девушка поджала губы:

— А как изгнать демона?

Ди Кэйбон вздохнул:

— Передать его тому, кто тоже уходит из этого мира.

Лисе на секунду нахмурилась, глядя между ушей своего коня, — а потом переспросила:

— Что?

— Если демон ещё не стал чересчур силён, то самый простой способ вернуть его богам — это передать душе, которая собирается к ним отбыть. То есть кому-нибудь, кто умирает, — пояснил он, увидев непонимающий взгляд девушки.

— Ох, — выдохнула она. Повисла пауза. — Так… так вы убили хорька?

— Всё совсем не так просто. Свободный демон,

чья телесная оболочка умирает, просто перепрыгнет в другую. Понимаете, элементаль, проникший в мир сущего, не может существовать, не будучи материальным, чтобы пользоваться умом и силой, он не может создать этого для себя, ибо это противоречит его природе. Демон умеет лишь воровать. Сначала он безумен, бесформен, он приносит столько же вреда, сколько дикое животное. И так длится до тех пор, пока он не научится более изощрённым грехам у человека. Демон ограничен возможностями существа или человека, в котором он живёт. Изгнанный, он всегда стремится найти душу сильнее, идёт от существа помельче к существу покрупнее, от животного — к человеку, от человека послабее — к человеку посильнее. Он становится тем, что следующая жертва… ест, в некотором смысле, — ди Кэйбон задержал дыхание, словно погружаясь в глубины памяти. — Но когда опытный служитель или служительница умирает в доме, принадлежащем его или её ордену, демона можно вынудить переселиться в умирающего. Если демон ещё слаб, а служитель силён духом даже на смертном одре, то всё решается само собой, — он откашлялся. — Такой человек должен обладать великой душой, быть отрешённым от мира и

полностью посвятить себя своему богу. Ибо демон может искусить слабую душу магией, способной продлить жизнь.

— Нужна редкая сила духа, — промолвила Иста после минутного молчания. Может быть, недавно он столкнулся именно с таким случаем у смертного одра? Похоже, так оно и есть. Тогда не стоит удивляться его безграничному смирению.

Ди Кэйбон понимающе скривился:

— Верно. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь… К счастью, заблудшие демоны — случай не частый. Если не считать…

— Если не считать чего? — подстегнула его Лисе, когда стало понятно, что лекцию по теологии можно считать оконченной.

Ди Кэйбон состроил гримасу:

— Главный служитель очень обеспокоен. Мой демон оказался третьим беглецом, обнаруженным за последний год только в Баосии.

— А обычно сколько ловят? — поинтересовалась Лисе.

— Ни одного за целый год во всём Шалионе. И так было много лет подряд. Последняя большая вспышка пришлась на день короля Фонсы.

То есть отца Иаса; дедушки Исель, умершего пятьдесят лет назад. Иста обдумывала слова ди

Кэйбона:

— А что если демон уже не слаб?

— Да, и вправду, — служитель секунду помолчал, разглядывая мягкие уши своего мула, свисающие по обеим сторонам головы животного, словно вёсла. — Именно поэтому мой орден прикладывает максимум усилий, чтобы отловить их в зачаточном состоянии.

Между тем дорога сузилась, спускаясь к каменному мостику, перекинутому через зеленоватый ручей, и ди Кэйбон, вежливо отсалютовав Исте, пришпорил мула.

Глава четвёртая

Следующий день начался рано и длился очень долго, но в конце концов голые равнины Баосии остались позади. Местность стала более холмистой, чаще стали попадаться речки, небольшие рощицы, дорога бежала к горным пикам, едва видневшимся на западе. Но земля ещё не могла похвастаться плодородностью.

Городская стена Касилшаса обнимала каменистый выступ над потоком, прозрачным и холодным от весенних вод, бегущих с дальних высот. Местами серый, а местами охряной камень послужил материалом для постройки стен и зданий, то тут, то там оживлённых розовой или бледно-зелёной штукатуркой, дверями и ставнями из крашеного дерева, которые ярко-красными, синими и зелёными пятнами виднелись повсюду в угловатом вечернем свете солнца поздней весны. Этим светом можно напиться, словно вином, и опьянеть от окружающей пестроты, подумала Иста, пока кони несли их по узким улочкам.

Городской храм выходил фронтоном на маленькую площадь, выложенную необычными

гранитными плитами, подогнанными друг к другу наподобие мозаики. Прямо напротив, в здании, напоминавшем старый особняк, завещанный каким-то местным аристократом Ордену, Иста и её кавалькада обнаружили семинарию Бастарда.

В ответ на стук ди Кэйбона в окованных железом двойных дверях открылась дверца поменьше, и появился привратник. На первые приветственные слова служителя он вовсе не ободряюще покачал головой. Ди Кэйбон на несколько минут исчез внутри. Затем обе двери распахнулись, и им навстречу поспешили грумы и прислуга, жаждущие помочь вновь прибывшим с лошадьми и багажом. Коня Исты под уздцы ввели внутрь. Четыре этажа с деревянными резными балкончиками окружали вымощенный булыжниками двор. Старший служитель поклонился и нижайше попросил пользоваться гостеприимством Ордена. Он назвал имя ди Аджело, но Иста не стала обманывать себя: расшаркивался он перед Истой ди Шалион. Может быть, ди Кэйбон поступил не так благоразумно, как хотелось бы, но в таком случае они, без сомнения, получат лучшие комнаты, расторопных слуг и добротный уход за усталыми животными.

Воду принесли почти сразу после того, как Исту

и Лисе проводили в их комнату. В семинарии не было просторных покоев, предположила Иста, но здесь вполне хватало места для большой кровати, кровати поменьше, столика и стульев. Картину дополнял балкон, с видом на городскую стену и речку, текущую за главным зданием. Вскоре принесли и еду для обеих гостий на подносах, уставленных наспех подобранной посудой в бело-голубых цветочках, соответствующих времени года.

После ужина Иста взяла с собой свою горничную и, пригласив Ферду и Фойкса сопровождать их, отправилась погулять по городу в свете заходящего солнца. В голубых туниках и серых плащах оба офицера смотрелись безупречно, мечи, висящие на поясе, были просто мерой предосторожности, а не попыткой щегольнуть, и немало пар прекрасных глаз, принадлежащих не только касилшасским девушкам, но даже матронам, долго смотрели им вслед. Рост и походка Лисе ничем не уступала стати братьев ди Гура, рядом с молодостью и здоровьем шелка тускнели, а драгоценности меркли, словно дешёвые побрякушки. Иста решила, что такого блестящего сопровождения у неё не было со времён королевского двора.

Несмотря на небольшие масштабы храма, планировка была обычной: четыре крыла, увенчанные куполами, каждое из которых посвящено отдельному члену Святого Семейства; внутри — открытый двор и священный огонь в центре; рядом с крылом Матери — башня Бастарда. Стены храма были построены из местного серого камня, а своды украшены резьбой по дереву: ярко раскрашенные демоны, святые, священные животные и растения, свойственные каждому богу, резвились вдоль несущих балок. За неимением лучшего развлечения, Иста решила остаться на вечерние службы. Она устала от богов, но приходилось признать, что пение радовало слух: в семинарии оказался замечательный хор, одетый в белое. Торжественное впечатление немного портило лишь то, что время от времени женщина, дирижирующая певцами, оглядывалась, чтобы посмотреть на реакцию высокопоставленной слушательницы. Иста тихонько вздохнула и принялась старательно улыбаться и кивать, чтобы успокоить бедняжку.

Три походных дня изнурили и людей, и животных, завтра они все останутся здесь отдыхать. В душу Исты закрадывалось едва уловимое ощущение, что ей стало легче; и не важно, что

подействовало — солнечный свет, физическая нагрузка, жизнерадостная молодая компания, расстояние, разделяющее её и Валенду, — Иста в любом случае была благодарна за это. Она скользнула под пуховое стёганое одеяло, сочтя, что эта узкая кровать гораздо роскошнее, чем все изысканные, но неудобные ложа королевских замков, вместе взятые, и заснула прежде, чем Лисе прекратила ворочаться на своей кушетке.

* * *

Иста видела сон и знала, что видит сон.

Она пересекла мощёный двор замка в полуденном свете поздней весны или раннего лета. Аллея, украшенная каменными арками, вела вдоль стены, тонкие алебастровые колонны были увиты резными лозами и цветами в рокнарском стиле. Солнце жарко пылало в зените; тени плотной субстанцией лежали у её ног. Иста поднялась — нет, не просто поднялась, а поднялась паря, — по каменным ступеням, ведущим из аллеи в деревянную галерею, дальше. В дальнем конце — комната. Иста мягко просочилась внутрь, не открывая деревянных дверей, которые разошлись перед ней и сомкнулись позади, словно вода.

В комнате было сумрачно и прохладно, но сеть

солнечных лучей падала на плетёные коврики сквозь щели в ставнях, из-за чего приглушённые цвета нитей становились ярче. Посреди комнаты кровать, на кровати чей-то силуэт. Иста, словно дух, подплыла поближе.

Мужчина, спящий или мёртвый, очень бледный и неподвижный. Он высок, его длинное тело одето в балахон из неокрашенного льна, собравшийся складками на груди и перехваченный льняным поясом на талии. В левой части груди пятно тёмно-алой крови, просочившейся сквозь одежду.

В сравнении с длинным телом, черты его лица можно назвать тонкими: широкие брови, точёная челюсть, немного заострённый подбородок. На коже нет ни царапин, ни шрамов, лишь только тоненькие линии пересекают лоб, обрамляют губы, лучиками расходятся из уголков глаз. Его тёмные прямые волосы зачёсаны назад, открывая высокий лоб; волосы волнами разлились по подушке, по плечам, будто река-ночь, в которую луна пустила нити серебристого цвета. Его брови выгнуты, словно крылья; нос прямой; губы полуоткрыты.

Призрачные руки Исты развязали пояс, закатали наверх льняной балахон. Редкие волосы,

покрывавшие грудь, становились гуще внизу живота. Птица, свившая гнездо в этой роще, была сильна и прекрасна, и Иста улыбнулась. Но рана на левой стороне груди зияла, словно голодный рот. И пока Иста смотрела, оттуда забила кровь.

Она закрывала руками тёмный разрез, пытаясь заткнуть струю, но красная жидкость сочилась сквозь её белые пальцы, быстрый поток продолжал растекаться по груди, заливая алым простыни. Глаза мужчины вдруг открылись, он увидел её и хрипло вздохнул.

Иста проснулась, перестала кричать и прижала костяшки пальцев ко рту, не давая воплю вырваться наружу. Она ожидала почувствовать на губах тёплый, липкий вкус крови и поразилась, ничего не ощутив. Сердце бешено колотилось о грудную клетку, и она задыхалась, словно только что бежала.

В комнате было темно и прохладно, но лунный свет проникал сквозь щели в ставнях. У себя на кровати Лисе что-то пробормотала и перевернулась.

Это один из тех снов. Вещих снов. Ошибки быть не могло.

Иста вцепилась в волосы, чуть приоткрыла рот и тихонько закричала.

— Проклинаю Тебя, — выдохнула она. — Кто бы это из Вас ни был! Проклинаю Тебя, Тебя одного и Всех пятерых сразу. Убирайтесь из моей головы. Убирайтесь!

Лисе потянулась, как кошка, и сонно спросила:

— Леди? С вами всё в порядке?

Девушка, щурясь, поднялась на локте.

Иста сглотнула, чтобы взять себя в руки, и откашлялась:

— Всего лишь странный сон. Спи, Лисе.

Лисе согласно промычала и снова свернулась калачиком. Иста откинулась на подушки, прижав пуховое одеяло к без того мокрому от пота телу.

Неужели всё начинается сначала?

Нет. Нет. Больше у меня такого не будет. Она с хрипом дышала, сглатывала и едва себя сдерживала, чтобы не зарыдать. Через несколько минут дыхание успокоилось.

Кем был тот мужчина? В жизни она его не видела, Иста была уверена в этом. Но если она его встретит, то узнает немедленно. Тонкие черты его лица, словно клеймо, горели в её памяти. И… и все остальные части тела. Он враг? Друг? Это предупреждение? Он шалионец, ибранец, рокнарец? Благородный или крестьянин? И что значит это странное пятно крови? Ничего хорошего, в

этом сомнений быть не могло.

Что бы Ты ни хотел от меня, я не смогу это выполнить. Я уже доказала это раньше. Уходи. Уходи.

Дрожа, Иста лежала долго; лунный свет успел смениться утренней дымкой, прежде чем она снова заснула.

* * *

Иста проснулась от того, что Лисе не бесшумно ушла, а тихонько вошла. Она с удивлением обнаружила, что горничная позволила ей проспать все утренние молитвы, что недопустимо как для паломника, даже ложного, так и для гостя.

— Но вы выглядели такой усталой, — оправдывалась Лисе, когда Иста напустилась на неё с упрёками. — Вы, видимо, плохо спали ночью.

Это верно. Приходиться признать, что лишнему отдыху можно только порадоваться. Завтрак ей принёс на подносе раскланивающийся прислужник, что тоже не было в порядке вещей по отношению к такому ленивому пилигриму, который умудрился проспать утреннюю службу.

Одевшись и уложив волосы в более сложную косу, чем обычно, — Иста надеялась, что чем-то её причёска всё же отличается от лошадиной, —

она отправилась гулять вместе с Лисе по старому особняку. Они устроились во дворе, где уже вовсю светило солнце. Сидя на скамейке у стены, они наблюдали, как спешат по своим делам обитатели школы — студенты, преподаватели, слуги.

Ещё одна вещь, которая Исте нравилась в Лисе, — девушка не болтала без умолку. Когда нужно было, она разговаривала с удовольствием, но оставшееся время, ничуть не обижаясь, проводила в блаженной тишине.

Иста шеей почувствовала холодное дыхание, исходящее от стены, на которую опиралась: один из местных духов. Он крутился вокруг неё, как кошка, которая хочет, чтобы её приласкали. Иста чуть не подняла руку, чтобы отогнать его, но наваждение исчезло. Скорбные души, оставленные, отверженные или забытые богами. Свежие духи сохраняют форму тел, в которых они были заключены при жизни. Сначала они зачастую неистовы, жестоки, разгневаны, но со временем становятся тусклым, бесформенным комком забвения. Крепости, такие как, например, Зангра, хуже всего. Иста перестала видеть эти души внутренним взглядом, когда была избавлена от затянувшейся чувствительности. То, что она сейчас видит такой дух, означает, что некий бог

рядом, что иное зрение возвращается, — а значит, возвращается и всё остальное.

Иста вспоминала двор замка, виденный во сне. Раньше она там не бывала, это не стоило подвергать никакому сомнению. Но также очевидно, что это место вполне реально. И чтобы избежать его… чтобы наверняка избежать его, ей нужно просто вернуться в Валенду и жить там до тех пор, пока плоть не начнёт гнить живьём.

Нет. Назад я не вернусь.

Эта мысль окончательно лишила Исту покоя, она поднялась и направилась к школе. Все прислужники и служители, встретив её на балконе, в коридорах, принимались кланяться и улыбаться, из чего она заключила, что опрометчивые сведения ди Кэйбона разнеслись повсюду. Притворяться леди ди Аджело самой — одно дело, но когда вместе с тобой притворяется целая сотня абсолютно незнакомых людей — это уже начинает злить.

Они заглянули в анфиладу маленьких комнат, забитых книгами, расставленными по полкам, лежащими на столах: вожделенная библиотека ди Кэйбона. К великому удивлению Исты, на диванчике у окна сидел Фойкс ди Гура и читал какой-то том. Он поднял глаза от книги, прищу-

рился, встал и поклонился:

— Леди. Лисе.

— Не думала, что ты интересуешься теологией, Фойкс.

— Ох, да я читаю всё, что подвернётся под руку! Но это вовсе не теология. Тут полно других вещей, порой даже странных. Здесь никогда ничего не выкидывают. Есть даже комната под замком, где хранятся книги о магии и демонах, а также… хм… книги непристойного содержания. Прикованные цепями.

Иста подняла брови:

— Значит ли это, что их не открыть? — Фойкс усмехнулся:

— Скорее, не унести. — Он указал на томик, который держал в руках. — Здесь много романов в стихах, таких как этот. Я могу подыскать и вам.

Лисе, до этого с удивлением оглядывавшая то, что было для неё самым большим собранием книг в одном месте, казалась заинтересованной. Иста покачала головой:

— Как-нибудь потом.

В дверь протиснулся ди Кэйбон и радостно произнёс:

— А, леди! Отлично. Я как раз вас искал.

Иста поняла, что ещё ни разу его не видела с тех

пор, как они приехали, даже на вечерней службе. Он выглядел усталым: серое лицо, мешки под глазами. Может быть, он поздно встал, посвятив всю ночь штудиям?

— Я прошу — молю вас — о личной аудиенции.

Лисе оторвалась от того, на что смотрела через плечо Фойкса:

— Я должна уйти, госпожа?

— Нет. В случае, если леди желает поговорить наедине с неким господином, который не является её близким родственником, фрейлина должна находиться на таком расстоянии от беседующих, чтобы не слышать, о чём они говорят, но быть в поле зрения, готовой прийти по первому зову.

— Ох, — Лисе понимающе кивнула. Исте никогда больше не придётся повторять ей это. Девушка, может быть, и не вышколена должным образом, но, пятеро богов, у неё наконец-то есть фрейлина с мозгами!

— Я могу ей почитать, в этой или в соседней комнате, — сразу предложил Фойкс.

— Хм… — ди Кэйбон жестом указал на стол и пару стульев, видных через арку, ведущую в следующее помещение анфилады. Иста кивнула и последовала за ним. Фойкс и Лисе устроились на уютном диванчике у окна.

Иста подозревала, что предстоит очередная беседа об их паломническом пути, а потом написание скучных писем, чтобы уведомить ди Феррея о дальнейшем маршруте. Ди Кэйбон придержал стул и помог ей сесть, затем обогнул стол и уселся сам. Иста слышала из соседней комнаты голос Фойкса, слишком тихий, чтобы разобрать слова, но всё же передающий стихотворные интонации.

Служитель Бастарда положил руки на стол перед собой. Некоторое время он их рассматривал, а потом посмотрел Исте в глаза.

— Леди, на самом деле вы зачем отправились в паломничество? — спросил он ровным голосом.

От такой прямоты брови Исты взлетели вверх. Но она решила на прямой вопрос ответить прямо; слишком редко такие вопросы задают королеве, такая смелость не должна остаться без поощрения.

— Чтобы сбежать от тех, кто присматривает за мной. И от себя тоже.

— И всё же, у вас не было и нет желания молить богов о внуке?

Иста сморщила нос:

— Даже ради всех богов Шалиона я не стану принуждать ни Изелль, ни мою новорождённую

внучку Исару к этому. Я до сих пор помню, как меня стыдили и бранили за то, что я родила Иасу дочь, тогда, девятнадцать лет назад. Ту самую исключительную девушку, которая теперь — средоточие всех самых светлых надежд Шалиона за последние четыре поколения! — она смягчила яростный тон, который немного испугал ди Кэйбона. — Если в должное время появится внук, конечно, мне будет только приятно. Но я не буду просить богов ни о каких одолжениях. — Он принял это, медленно кивнув:

— Хорошо. Я подозревал нечто вроде этого.

— Я, само собой, понимаю, что не очень хорошо использовать паломничество в таких целях и впустую тратить силы и время добротной охраны, которую мне обеспечивает Орден Дочери. Хотя, уверена, я не первая, кто устраивает себе отдых за счёт богов. Моя казна компенсирует Храму все издержки.

— Меня это никоим образом не касается, — ди Кэйбон махнул рукой, словно отгоняя материальные соображения. — Леди, я много читал. Обращался к своим наставникам. Думал. Я… ладно, сейчас это не важно, — он набрал в грудь воздуха. — Знаете ли вы, госпожа, понимаете ли, я обнаружил повод думать, что вы необыкновен-

но одарены в духовном смысле.

Его взгляд словно искал что-то у неё в глазах. Где он нашёл этот повод? Каких тайных искажённых историй наслушался? Иста откинулась на спинку стула, словно отступая:

— Не думаю, что вы правы.

— Уверен, вы себя просто недооцениваете. Серьёзно недооцениваете. Признаю, такое редко случается с женщинами вашего социального положения, но я понял, что вы от них отличаетесь. Я верю, что молитвы, умелое руководство, медитации и наставления приведут вас на ту ступень духовной восприимчивости к ощущению выполненного призвания, о каких мы, те кто носит одеяния цвета нашего бога, можем только мечтать. Такие дары нельзя просто оттолкнуть.

И правда просто — нельзя. Их надо отталкивать с силой, не зная жалости. Как, о пятеро богов, он пришёл к этому внезапному заблуждению? Иста заметила во взгляде ди Кэйбона блеск одержимости великой идеей. Неужели он представляет себя её гордым духовным наставником? Никакие пустые протесты не заставят его отступиться от убеждения, что он призван помочь ей посвятить жизнь священному служению. Его ничто не сможет остановить, кроме голой правды. Исте

показалось, что на месте желудка у неё пустое место. Нет.

Да. Тем более, она уже рассказывала всё одержимому богом человеку. Может быть, с каждым разом будет становиться всё легче и легче.

— Вы ошибаетесь. Поймите, просвящённый. Следуя по этому пути, я уже однажды пришла к печальному концу. Я была святой.

Теперь настала его очередь поражённо отпрянуть. Он судорожно сглотнул:

— Вы были сосудом богов? — его лицо сморщилось от напряжения. — Это объясняет… что-то. Нет, не объясняет.

Он схватился за волосы, но к счастью, удержал руку и не стал их выдёргивать:

— Госпожа, я ничего не понимаю. Как вас коснулся бог? Когда случилось это чудо?

— Очень, очень давно, — Иста вздохнула. — Когда-то эта история была государственной тайной. Государственным преступлением. Но теперь, мне кажется, это время прошло. Станет ли это когда-нибудь сплетней или легендой, или вовсе сотрётся из памяти людей — не знаю. В любом случае, не стоит никому её рассказывать, даже вашим наставникам. А если вам всё-таки придётся так поступить, спросите сначала у канцлера

ди Кэсерила. Он знает всю правду.

— По слухам, он очень мудр, — заметил ди Кэйбон, широко раскрыв глаза.

— Ну хоть об этом слухи не врут. — Иста замолчала, собирая вместе мысли, воспоминания, слова. — Сколько вам было лет, когда фаворит рея Иаса, лорд Арвол ди Лютез, был подвергнут мучительной казни за предательство?

Ди Лютез. Друг детства Иаса, брат по оружию, верный подданный на протяжении мрачных тридцати пяти лет его правления. Могущественный, умный, смелый, богатый, красивый, обладатель изысканных манер… казалось, не было конца дарам богов и короля, которые сыпались на блистательного лорда ди Лютеза как из рога изобилия. Исте было восемнадцать, когда она вышла замуж за Иаса. Королю и его правой руке ди Лютезу было уже к пятидесяти. Ди Лютез устроил свадьбу, вторую для стареющего короля, ибо уже тогда появились опасения насчёт единственного выжившего наследника Иаса — Орико.

— Ну, я был ещё совсем мал, — ди Кэйбон помолчал, потом кашлянул, — но я слышал разговоры об этом, когда стал постарше. Говорили, что… — он осёкся.

— Говорили, что ди Лютез соблазнил меня и

умер за это от королевской руки моего мужа? — холодно подсказала Иста.

— Хм. Да, миледи. Так это… не…

— Да. Это ложь.

Он тихонько вздохнул от облегчения. Её губы изогнулись:

— Это не меня он любил, а Иаса. Ди Лютезу следовало быть обычным офицером вашего Ордена, а не священным генералом Ордена Сына.

Кроме незаконнорождённых и других отбросов мира, Орден Бастарда ещё служил прибежищем тех, кому не было дано наладить плодотворные отношения между мужчиной и женщиной, освящённые четырьмя богами, тех, кто искал возлюбленных собственного пола. Отдалившись от событий и грехов того времени, было даже забавно наблюдать за лицом ди Кэйбона, пока он осознавал смысл сказанного.

— Должно быть… вам, молодой невесте, было тяжело.

— Это верно, — согласилась Иста. — Теперь… — она вытянула руку и раскрыла ладонь, словно пропуская песок сквозь пальцы. — Всё это в прошлом. Гораздо сложнее было пережить знание того, что после гибели отца Иаса, короля Фонсы, великое и странное проклятие нависло над коро-

левским домом Шалиона. И то, что я, сама того не зная, обрекла на него своих детей. Мне никто не сказал, не предупредил.

Губы ди Кэйбона сложились в беззвучное «О».

— Я видела вещие сны. Кошмары. Иногда мне казалось, что я сошла с ума. — Иногда Иас и ди Лютез оставляли её в этом ужасе одну, без защиты. Тогда это было, и остаётся сейчас, большим предательством, чем их потные тела и стоны под простынями. — И я молилась, молилась богам. И мои молитвы были услышаны, ди Кэйбон. Я говорила с Матерью, представ пред её очами так же, как я разговариваю сейчас с вами. — Даже от воспоминания об этом непередаваемом жаре по спине бежали мурашки.

— Великое благословение, — в благоговейном трепете выдохнул он.

Иста покачала головой:

— Великая печаль. Следуя указаниям, данными мне богами, мы — ди Лютез, Иас и я — решили совершить опасный ритуал, чтобы снять проклятие и отправить его богам, которые однажды обронили его. Но мы… я от беспокойства и страха совершила ошибку, великую, но осознанную ошибку, и в результате неё ди Лютез умер. Магия, чудо, зовите это как угодно, ритуал не был

свершён, боги отвернулись от меня… В панике Иас пустил слух о супружеской измене и о смертельной расплате за неё. Ярчайшее светило его королевского двора, его возлюбленный сначала был убит, похоронен, а потом обесчещен, что хуже, чем быть убитым снова, ибо ди Лютез любил свою честь больше, чем жизнь.

Ди Кэйбон сдвинул брови:

— Но… не был ли этот посмертный слух, пущенный вашим мужем о ди Лютезе, клеветой и на вас, леди?

Иста замялась, прежде чем ответить на такое неожиданное замечание.

— Иас знал правду. Разве чьё-то ещё мнение имело значение? То, что меня ошибочно будут считать изменницей, казалось менее отвратительным, чем прослыть убийцей. Но позже Иас умер от скорби, покинув меня, оставив на пепелище несчастья, потерявшую разум и всё ещё проклятую.

— Сколько вам было лет? — спросил ди Кэйбон.

— Когда всё это началось — девятнадцать. Двадцать два — когда закончилось, — Иста нахмурилась. По крайней мере, так тогда казалось…

— Вы были слишком юны для такой ноши, —

заметил он, словно откликнувшись на её мысли.

Она поджала губы:

— Офицеров, таких как Ферда и Фойкс, посылают драться и умирать в том же возрасте. Я была старше, чем Изелль сейчас, а она несёт всю королевскую власть Шалиона на хрупких плечах, и не только женскую ношу.

— Но она не одна. У неё есть мудрые придворные и король-консорт Бергон.

— У Иаса был ди Лютез.

— А кто был у вас, леди?

Иста замолчала. Она не могла вспомнить. Неужели она и вправду была так одинока? Она потрясла головой и набрала в лёгкие побольше воздуха:

— Новое поколение принесло новых людей, более скромных и более великих, чем ди Лютез, людей, обладающих острым умом, более подходящих для выполнения должного. Проклятие было снято, но не мной. Но не до того, как мой сын Тейдес тоже умер от него — от проклятия, от моей пустой попытки снять его, когда мальчик был ещё ребёнком, от предательства тех, кто должен был защищать и направлять его. Три года назад, трудами и жертвами других, меня избавили от ярма. Я увязла в тихом омуте жизни в Валенде.

Непереносимо тихом, безмолвном. А я ещё не стара…

Ди Кэйбон протестующе замахал пухлыми руками:

— Конечно нет, миледи! Вы очень даже привлекательны! — Иста резким жестом оборвала его восклицания:

— Матери, когда я родилась, было сорок. Я была её последним ребёнком. Теперь сорок мне, этой скорбной весной, когда умерла она. Большая часть моей жизни осталась позади, и её половина отнята проклятием Фонсы. Но что делать с оставшимся сроком? Неужели меня ждёт долгое и медленное угасание?

— Конечно нет, леди!

Иста пожала плечами:

— Я рассказывала всю правду уже дважды. Может быть, после третьего раза эта часть моей жизни отпустит меня.

— Боги… боги могут простить многое искренне раскаявшемуся сердцу.

Её улыбка стала горькой, как морская соль:

— Боги могут хоть днями напролёт прощать Исту. Но если Иста не простит Исту, боги могут пойти и повеситься.

Его тихое «ох» было едва слышно. Но, как энер-

гичное, верное идеалам существо, он был обязан попробовать ещё раз.

— Но молю вас, не отворачивайтесь с таким пренебрежением! Смею сказать, госпожа, вы предаёте дарованное вам!

Иста перегнулась через стол и понизила голос до хриплого шёпота:

— Нет, просвящённый. Не смеешь.

Он выпрямился и несколько минут сидел молча, не двигаясь. Наконец, его лицо снова пришло в движение:

— Так что же делать с вашим паломничеством, леди? — Иста поморщилась и махнула рукой:

— Если хотите, выберите путь через постоялые дворы с лучшей кухней. Неважно, куда ехать, главное — как можно дольше не возвращаться в Валенду.

Как можно дольше не возвращаться к Исте ди Шалион.

— Но в конце концов вам придётся вернуться домой.

— Я лучше сброшусь в пропасть, если только боги не будут поджидать меня на дне неё, а их я больше видеть не хочу. Эта дверь для меня закрыта. Я должна жить. Жить. И снова жить… — она совладала с высокими нотками в голосе. — Мир

— это прах, а боги — ужас. Скажите, просвящённый, куда мне в таком случае отправиться?

Широко распахнув глаза, он покачал головой. Иста его мучила, и ей было стыдно. Она смущённо погладила его руку:

— Если честно, эти несколько дней в дороге дали мне больше, чем три года безделья. Мой побег из Валенды был спазмом, я, словно идущая ко дну, рвалась к спасительному воздуху. И я начала дышать, просвящённый. Паломничество, вопреки мне самой, может излечить меня.

— Я… Я… во имя пяти богов, пусть это будет так, леди.

Он осенил себя божественным знамением. По тому, как рука каждый раз задерживалась на священной точке, можно было сказать, что сейчас этот жест не просто дань обычаю.

Иста хотела даже поведать ему о своём сне. Но нет, это только снова его переполошит. Бедняге на сегодня достаточно. У него и так щёки белые как мука.

— Я ещё всё тщательно обдумаю, — заверил её ди Кэйбон, отодвигая стул от стола. Поднявшись, он поклонился ей, но не как проводник ведомому, не как придворный покровителю. Он склонился перед ней в глубоко почтительном поклоне,

предназначенном живому святому.

Иста вытянула руку и поймала его ладонь, не дав закончить жест бесконечного уважения:

— Нет. Не сейчас. Никогда. Никогда больше.

Он сглотнул, дрожа, превратил официальное прощание в нервный кивок и сбежал.

Глава пятая

Пережидая долгий весенний дождь, они ещё на два дня задержались в Касилшасе, со всех сторон окружённые гостеприимством, которое начинало казаться Исте несколько навязчивым. Её приглашали в семинарскую трапезную не отведать скромной пищи, а почтить своим присутствием настоящие банкеты в её честь, причём старшее духовенство и местная знать чуть ли не дрались за место у стола королевы. К ней продолжали обращаться как к леди ди Аджело, но всё же пришлось на время забыть об уже привычных простых манерах и вспомнить тонкости дворцового этикета, столь крепко засевшие в голове, что едва ли даже тяжёлым жерновам времени удалось бы стереть их. Иста была любезна, внимательна к гостям; она расточала комплементы, улыбалась и, стиснув зубы, посылала Фойкса сообщить вечно ускользающему ди Кэйбону, что ему немедленно нужно завершить все свои изыскания или Бастард знает что ещё. Пришло время двигаться дальше.

Следующие дни прошли куда как лучше: при-

ятная езда от одного священного источника к другому по цветущим полям и долам давала именно тот отдых, которого Иста ожидала от паломничества. Неуклонно продвигаясь на северо-запад, они миновали Баосию и оказались в соседней провинции — Толноксо. Долгие часы, проводимые в седле, сменялись одухотворёнными прогулками к местам, представляющим собой исторический или теологический интерес, — к колодцам, руинам, рощам, источникам, знаменитым захоронениям, стратегически важным возвышенностям и бродам. Юная часть отряда прочёсывала все места боевой славы в поисках наконечников от стрел, осколков мечей и костей и, обнаружив какое-нибудь пятно, спорили, был ли это след крови какого-нибудь героя. Ди Кэйбон обзавёлся новой книжкой для своей переносной библиотеки, скрывавшейся в седельной сумке; в этой брошюре были изложены истории и легенды региона, и, когда появлялась возможность, он зачитывал оттуда красочные отрывки. И несмотря на вереницу весьма непритязательных постоялых дворов и священных приютов, совсем не соответствующих тому, к чему привыкла королева или даже младшая дочь провинкара, Иста давно так не спала даже в собственной по-

стели… очень давно, уже и не вспомнить когда. К её великой радости, тот странный сон больше не возвращался.

В первые дни после Касилшаса на утренних церемониях ди Кэйбон блистал результатами своих поспешных штудий, без зазрения совести подглядывая в сборник уроков по теологии. Но дальше на суд публики явился более интересный и смелый материал — предания о героических деяниях шалионских и ибранских святых и одержимых богами мучеников, выполняющих волю своих божеств. Ди Кэйбон за уши притягивал воображаемые связующие нити между этими сказаниями и местами, которые паломникам предстояло осмотреть, но Иста так легко не поддавалась. От историй о чудесах, которые творили мужчины и женщины, бывшие сосудами для божественной силы, светились восторгом глаза не только у Ферды и Фойкса, но даже у Лисе, однако на Исту эти тайные намёки никак не действовали. Он беспокойно ждал, что она скажет, но она холодно благодарила его. Служитель кланялся и разочарованно уходил, укрепившись в намерении сделать намёк ещё прозрачнее.

Перелом в секретной кампании ди Кэйбона наметился, только когда они достигли изножья

холмов на западной границе и прибыли в городок Виниаска, как раз во время праздника, посвящённого середине весны. День гуляний приходился на расцвет сезона, когда до Дня Матери оставалось столько же, сколько прошло со Дня Дочери. В Виниаске в эту пору возобновлялось движение торговых караванов из Ибры через заснеженный перевал, что означало приток вина, масла, сушёных фруктов, рыбы и массы других деликатесов из этой тёплой страны, а также экзотических товаров с дальних берегов.

За городскими стенами между каменистой речкой и сосновой рощицей раскинулась ярмарочная площадь. От жарящихся за палатками кабаньих туш поднимался аромат, от которого текли слюнки, на лотках красовались предметы, сделанные руками девушек, во имя богини соревнующихся в рукоделии. Проходя мимо прилавков с вышивкой, шитьём и шерстяными изделиями, Лисе вздрогнула. Ди Кэйбон и Фойкс вернулись из разведки и грустно сообщили, что в палатке с едой попробовать стряпню дают только судьям.

Еда, конечно, очень важна, но нашлось место и юному задору! Несмотря на то что праздник устраивался в честь девушек, молодые люди тоже были не прочь побороться за взоры пре-

красных глаз в разнообразных состязаниях на смелость и ловкость. Стража Исты, воодушевившись происходящим, умолила своего командира отпустить их и разбежалась попытать счастья, хотя Ферда и успел разделить ребят на пары, чтобы они в любой момент могли откликнуться на зов своей госпожи. Суровость Ферды мгновенно улетучилась, когда он выяснил, что будут скачки. Отпрашиваться было больше не у кого, и поэтому он обратился к Исте. Она, спрятав улыбку, отослала его готовить скакуна.

— Мой курьерский конь, — страстно заявила Лисе, — покажет всем этим деревенским пони, что их место у плуга!

— Боюсь, женский заезд был раньше, — ответила Иста. Она видела, как мимо провели победителей — лошадь и девушку, всю в бело-голубых гирляндах, окружённую счастливыми родственниками.

— Тот заезд был для девчонок, — немного презрительно возразила Лисе. — А сейчас к скачкам готовятся девушки постарше и дистанция будет длиннее, я видела.

— А ты уверена, что это не грумы, или чьи-то родственники, может, вообще владельцы коней?

— Нет, они же привязывали на рукава ленты

цветов богини. И внешне на наездниц похожи.

Прямо, как Лисе. Девушка изо всех сил старалась казаться спокойной, но не смогла удержаться и встала на цыпочки.

— Что ж, — Иста от души забавлялась, — если хоть Фойкс меня не бросит, то…

Фойкс усмехнулся и покорно ей поклонился.

— О! Спасибо, миледи! — воскликнула Лисе и побежала к конюшням постоялого двора, где они оставили коней, с такой скоростью, словно уже оседлала своего гнедого.

Иста прогуливалась под руку с Фойксом вдоль наскоро сколоченных площадок для состязаний, стараясь не пропустить ни одного раунда конкурсов, в которых участвовала её доблестная охрана. Соревнование по собиранию на копьё колец со столбиков выиграл один из её ребят; прыжки с лошади с целью завалить молодого бычка увенчались победой этого самого бычка. Все призы приносились королеве, чтобы она посмотрела на них, а затем передавались на хранение Фойксу; Иста чувствовала себя и владычицей, и матерью одновременно. Она пожалела грязного, прихрамывающего борца с быком тем же ласковым тоном, каким поздравляла его более удачливых товарищей.

В начале пути Иста приняла отряд охраны как неизбежную помеху и не обращала на него внимания. Но за те дни, что они вместе провели в дороге, она выучила имена, запомнила лица, узнала историю жизни каждого — в большинстве своём они были весьма коротки. Они перестали быть для неё безликими солдатами, ответственными за её безопасность, и превратились в великовозрастных детей. Но она старалась не обращать внимания на такие изменения. Она не хотела чувствовать себя ответственной за них. Увы, мне не везло с сыновьями. Однако преданность должна быть обоюдной, иначе она становится предательством в зародыше.

Пока соперники готовились к заезду, Фойкс отыскал для Исты удобное место на склоне холма, откуда поверх голов болельщиков открывался вид на дорогу. Галантным жестом офицер расстелил на земле плащ, который носил в руках, благо день выдался тёплый и ясный, и Иста благодарно расположилась на нём. Отсюда были отлично видны старт и финиш, отмеченные большими пнями. Участникам скачек предлагалось проехать около двух миль, обогнуть холмик, поросший дубами, и вернуться обратно той же дорогой.

Около двадцати лошадей и наездников толклись в том месте, где дорога расширялась. Ферда ди Гура, верхом на своём чёрном лоснящемся звере, как раз регулировал стремена и украдкой поглядывал на остальных, когда появилась Лисе на длинноногом гнедом. Офицер удивлённо посмотрел на неё, но особого восторга не выказал. Судя по выражению лица Лисе, он отпустил какую-то колкость. На секунду замявшись, девушка, видимо, нашлась, что ответить. Ферда наклонился к ней и сказал ещё что-то, на этот раз более длинную фразу. Покраснев, она пришпорила коня и отъехала прочь: гнев мгновенно улетучился, уступив место задумчивости, а потом на губах девушки появилась кривая улыбка.

— И что же там произошло? — вслух поинтересовалась Иста.

Фойкс, расположившийся у её ног, фыркнул:

— Ну, думаю, братец решил щегольнуть перед Лисе, заявив, что ей даже не стоит с ним соревноваться. И боюсь, он не сумел сдержать удивление как следует, — он полулежал, опираясь на локоть, и светился от удовольствия, которое, судя по всему, относилось отнюдь не к предстоящему заезду.

— А ты почему не внизу с ними? — спросила

Иста. — Рёбра всё ещё беспокоят?

— Нет, леди. Просто наездник из меня никудышный, — молодой человек хитро прищурился. — Когда мне захочется, я тоже выберу состязание по себе. Такое, где потребуется смекалка и способность шевелить мозгами.

Долго придётся выбирать, подумала Иста, мы же всё-таки на деревенской ярмарке.

Следуя указаниям, которые выкрикивали двое заводил, всадники, толкаясь, выстроились в неровную линию поперёк дороги. Служитель богов городка Виниаска, чью талию украшал бело-голубой пояс, взгромоздился на пень, благословил присутствующих, посвятив скачки богине, и поднял над собой голубой платок. Рука опустилась. Под крики всадников и зевак лошади ринулись вперёд.

Сначала позиции отыгрывались в жуткой борьбе — один всадник даже упал, — но уже на полпути к повороту участники растянулись. Гнедой Лисе и вороной Ферды мчались в первых рядах. Иста с замиранием сердца следила за расстоянием, её губы приоткрылись, дыхание участилось. Когда всадники появились у купы дубов, эти двое уже уверенно лидировали. Спутники Исты разразились радостными криками.

Когда же и дубы остались позади, Лисе через плечо бросила взгляд на Ферду и на его во всю старающегося вороного, а затем пригнулась, прильнув к холке своего коня. Стройный гнедой словно бы оторвался от земли и понёсся по воздуху, неумолимо увеличивая отрыв от преследователя.

Иста обнаружила, что ликует вместе со всеми:

— Да! Давай! Ха!

Когда Лисе стала приближаться к финишному пню, соперников уже разделяло расстояние в десяток лошадей. Но девушка вдруг осадила скакуна. Шаг коня замедлился, а последние несколько метров он и вовсе практически топтался на месте. Вороной Ферды, разбрасывая хлопья пены, молнией пронёсся мимо, и только тогда Лисе отпустила поводья, позволив гнедому демонстративно дотрюхать до финиша. Конь выглядел так, словно вовсе не прочь пробежать с той же скоростью дистанцию побольше, и Иста напомнила себе, что курьерские лошади преодолевают и двадцать пять километров без остановки. В воплях зрителей чувствовалось замешательство. Все бросились к финишу, запрудив дорогу.

Фойкс покачивался взад-вперёд, одной рукой

обхватив колени, а другой зажав рот, и издавал булькающие звуки.

Ферда, красный от напряжения и гнева, приподнялся на стременах. Тем не менее все чествования достались ему, хотя озадаченные жители время от времени недоумённо поглядывали на Лисе. Девушка же, гордо задрав носик, повела своего скакуна в город к конюшням вслед за горе-победителем. На лице у Ферды было написано, что ему хочется сорвать с себя бело-голубую гирлянду и в гневе бросить к ногам обидчицы, но он боится оскорбить богиню и хозяев праздника.

— Если твой брат таким образом пытается ухаживать, — обратилась Иста к Фойксу, — посоветуй ему избрать другой… хм… метод.

— Ни за что на свете, — отозвался Фойкс, справившись наконец с собой. Но смешки всё же иногда вырывались наружу. — Если я начну ему советовать, он мне спасибо не скажет. И заметьте, леди, я, не раздумывая, брошусь наперерез стреле, пущенной рокнарским арбалетом в брата. Такое уже случалось. Но, сдаётся мне, должны существовать пределы братскому самопожертвованию…

Иста сухо улыбнулась:

— Может, это как раз одно из его проявлений?

Понимаю…

Фойкс пожал плечами:

— Ну… кто знает? Время покажет.

— Верно. — Всё это напомнило Исте дворцовые политические игры в миниатюре. Нужно посоветовать Лисе не сеять раздор в их маленьком отряде, не важно, случайно или намеренно. Что касается Фойкса… то ему вряд ли нужен чей-либо совет.

Фойкс встал, глаза его сверкали:

— Я должен поздравить братца с победой. Такой случай упускать нельзя.

Он повернулся и с изяществом, достойным кардегосского дворца, помог ей подняться с земли.

Ближе к вечеру, когда Лисе уже вернулась к Исте, Фойкс решил поучаствовать в состязании по рубке дров. Он выполнял простые, но требующие силы упражнения, сняв рубашку, чтобы покрасоваться перед дамами. На мускулистом торсе не было видно серьёзных шрамов, но Иста заметила, что кое-где остались небольшие пятна. Она решила, что мечом он владеет так же красиво, как и работает топором. Но офицер то ли ещё не настолько оправился от ранений, как утверждал, то ли что-то задумал, потому что с превеликим удовольствием занял второе место. Он хлопнул

победителя по плечу, поздравил его, купив бутыль эля, и удалился, весело насвистывая.

* * *

Вплоть до вечера Исте не удавалось поговорить со своей горничной с глазу на глаз. После ужина они вышли на балкон лучшей на постоялом дворе комнаты с видом на городскую площадь. Внизу на мощёной мостовой праздник продолжался, начались музыка и танцы в кружевном свете сотен красивых резных фонариков, развешанных по всей площади на деревьях перед храмом. Веселье пока ещё не превратилось в буйство, поскольку девушек тщательно опекали их родственники. Ближе к ночи, когда все юные создания уйдут, наступит время для серьёзной пьянки.

Иста уселась на стул, вынесенный сюда специально для неё; Лисе опёрлась на деревянные перила и с тоской смотрела на танцоров.

— Ну, — немного спустя подала голос Иста, — что вы с Фердой наговорили друг другу перед заездом? Что вас так распалило?

— Ох, — Лисе полуобернулась, поморщившись. — Да глупости всякие. Он сказал, что нечестно с моей стороны участвовать, ведь мой конь слишком хорош и быстр для деревенских

соревнований. Будто его собственный вороной не лучшее, что можно найти в Кардегоссе! А потом он ещё заявил, что эти скачки не для женщин, хотя вокруг было полно девушек! Ещё бы, это скачки во имя богини! Мужчины же могут выступать только от имени женщины, а он взялся защищать вашу честь.

— Да уж, не совсем логично, — пробормотала Иста.

— Он был отвратителен. Что ж! Я ему показала.

— Мм-м… Но ты также показала, что он был в чём-то прав. Твой конь во много раз превосходит виниасских кляч.

— Его конь тоже. Если бы я по этой причине отказалась участвовать, то и он бы не стал.

Иста молча улыбнулась, а Лисе, немного подождав, вернулась к созерцанию танцующих. В местных деревенских танцах мужчины и женщины плясали то отдельно, хороводом, взявшись за руки, то вместе, следуя сложному рисунку, который, перекрикивая музыку, задавал заводила. Многие из фигур требовали немалой энергии и сопровождались кружением верхних и нижних юбок и ритмичным топаньем ног.

Иста не могла решить, повлечёт ли трудности

вспышка, промелькнувшая между двумя её приближёнными, или наоборот. Честно говоря, она не знала, действительно ли её горничная, столь поспешно принятая на работу, — девушка. Девицы-курьеры наверняка заботятся о том, чтобы не забеременеть, иначе они потеряют средство к существованию, но это отнюдь не значит, что они воздерживаются от сексуального общения, или невинны, или просто ничего не знают об этой стороне отношений. А если невинность основывается на незнании, то худшего средства защиты не придумаешь.

При дворе Иаса Иста не могла не узнать способы, как мужчина и женщина — или любая другая комбинация участников — могут доставить друг другу удовольствие, не рискуя получить последствия в виде детей. И королева понятия не имела, ни сколько способов эти самые девицы-курьеры обсудили в своих спальнях, ни научили ли своих питомиц таким секретам дамы, что присматривают за ними и которые сами в молодости были курьерами. В любом случае, будучи фермерской дочкой и видя спаривание животных собственными глазами, Лисе знала обо всём гораздо больше, чем Иста в её годы. Но эмоции всегда готовы учинить смуту при дворе физиологии.

Кроме всего прочего, было неясно, что входит в намерения одного из братьев ди Гура: собирается ли он честно ухаживать, или просто пытается соблазнить. А если задуматься о пропасти, что разделяет безземельного младшего аристократа и дочь простого, хотя и владеющего землёй фермера, то она, может, и не смутит последнего, но для первого окажется непреодолимой. Остаётся уповать на приданое, что в случае с Лисе весьма сомнительно.

За то малое время, что оба брата провели в беззаботном общении с Лисе, она, без сомнения, успела обратить на себя их внимание. Девушка красива и весьма привлекательна, а молодые люди пышут здоровьем и силой… в общем, Иста решила не кидаться латать брешь, дабы не нажить трудностей посерьёзнее.

Всё же она запустила удочку:

— Так как тебе братья ди Гура?

— Ферда сначала был ничего, но теперь стал сильно нос задирать.

— Мне кажется, он принимает ответственность, возложенную на него, слишком близко к сердцу.

Лисе пожала плечами:

— А Фойкс… Фойкс — тоже ничего.

Умер бы Фойкс, услышав столь прохладный

отзыв? Вряд ли. Иста решилась на рискованный выпад:

— Надеюсь, никто из моей гвардии не делал тебе непристойных предложений. Дабы содержать в чистоте имя своей леди, горничная сама должна быть выше всего этого.

— Нет, они всецело преданы служению богине, — девушка фыркнула, — если только Ферда не сделал это служение очередным объектом своего самодовольства, — она задорно улыбнулась, и на её щеке появилась ямочка. — А вот наш добрый служитель времени не терял. Он приставал ко мне в первую ночь, в Палме.

Иста удивлённо моргнула.

— А! — осторожно отозвалась она. — Не следует забывать, что не все служители Ордена Бастарда той ориентации. — Иста раздумывала, как бы сформулировать следующий вопрос. — Вовсе не нужно сносить оскорбления, и не важно, какое социальное положение занимает обидчик. Тем более что ты — моя подчинённая. Если возникает такая проблема, следует обязательно обратиться ко мне.

Лисе покачала головой:

— Всё это вполне могло меня обидеть, но он умудрился быть очень милым. Он покорно вы-

слушал отказ и отправился попытать счастья с горничной.

— Но мне не поступало никаких жалоб!

Девушка усмехнулась:

— Ну, не думаю, чтобы у неё были какие-то претензии. Когда, некоторое время спустя, они вышли из её комнаты, девица вовсю хихикала. Это заставило меня задуматься, а не много ли я потеряла.

Иста попыталась сохранить строгую мину и не засмеяться, но у неё не получилось:

— Да уж!

Лисе широко улыбнулась в ответ и снова принялась с завистью наблюдать за танцующими. Вскоре Иста уже не могла это выносить и отпустила девушку на праздник. Лисе восторженно приняла столь неожиданный подарок и, чем немало удивила свою госпожу, лихо перемахнула через перила балкона, повисла на одной руке, спрыгнула на землю и убежала.

Странное ощущение — остаться одной. Несколько проходящих мимо мужчин немного грубовато, но всё же дружелюбно окликнули Исту, но, не зная, что ответить, она решила промолчать. Мужчины отреагировали уже более резко и менее дружелюбно. Немногим раньше

Лисе несколько раз уже отшучивалась, и пьяненькие поклонники отправлялись восвояси, громогласно хохоча. Нет, это не мой мир. А когда-то, возможно, она им правила из туманного Кардегосса.

На соседнем балконе появился Ферда ди Гура и, увидев, что королева в гордом одиночестве наблюдает за несостоявшимися певцами серенад, растворяющимися в ночи, вежливо пожурил её за то, что она опрометчиво отпустила горничную. Офицер исчез, чтобы затем появиться у выхода с постоялого двора и нырнуть в толпу в поисках Лисе. Когда они, уже вместе, вернулись, кулаки у обоих были крепко стиснуты. Какая бы перепалка ни произошла между ними, к тому времени, когда Иста могла их услышать, оба уже шли молча.

Иста направилась к кровати. Шумное празднество продолжалось ещё несколько часов, но её это уже не беспокоило.

* * *

Глубокой ночью во сне она открыла глаза и обнаружила, что снова оказалась во дворе таинственного замка. На этот раз вокруг было темно, — может, всё происходит этой ночью? Та же ущербная луна, что озаряла Виниаску болез-

ненным, неровным светом. Но тени не казались непроницаемыми, в воздухе висело странное сияние, словно луч из белого огня. Он пересекал двор, вёл вверх по ступеням и исчезал в уже знакомой тяжёлой двери в конце галереи. Истинное «я», принадлежащее сну, не осмеливалось прикоснуться к нему, хотя отвести взгляд от свечения не было сил. И она последовала за ним — по лестнице, вдоль перил. Сквозь дверь.

В спальне было темнее, чем во дворе, ставни наглухо закрыты, ни один лунный блик не просачивался внутрь, но освещение всё же присутствовало: луч белого огня шёл прямо из сердца мужчины, лежащего на кровати. Бледное пламя охватывало его тело, словно он горел, поднималось из груди и струилось прочь… и Исте хотелось понять, что перед ней — луч или путеводная нить. И куда ведёт эта путеводная нить. Она скользнула взглядом вдоль повисшей в воздухе линии света, ей хотелось схватить её, чувствовать, как эта нить тянет её куда-то, словно канат, вытаскивающий из воды тонущую женщину.

Призрачная рука Исты потянулась к лучу, сжала его; линия оборвалась, рассыпалась в пальцах на светящиеся осколки.

Мужчина на кровати очнулся, хрипло вздохнул

и приподнялся. Увидев её, он вытянул вперёд горящую руку.

— Вы! — выдохнул он. — Леди! Помогите мне во имя бога… — Какого бога? Иста, чуть ли не на грани истерики, не смогла удержаться от этой мысли. Она не осмелилась взять эту жуткую горящую руку, несмотря на то что она тянулась к ней.

— Кто вы?

Его широко распахнутые глаза, казалось, пожирали её.

— Она говорит! — его голос дрогнул. — Миледи, молю, не уходите…

Она открыла глаза в тёмной комнатке на постоялом дворе в Виниаске.

Единственный звук, который нарушал тишину, — мерное дыхание Лисе, спящей на соломенном тюфяке в другом конце комнаты. Праздник, судя по всему, закончился, последние подвыпившие гуляки разошлись по домам или отключились там, докуда успели добрести.

Стараясь не шуметь, Иста спустила ноги на пол и прокралась к запертым дверям балкона. Она отодвинула щеколду и выскользнула наружу. Источниками света были только два стенных фонаря, тускло освещавших с двух сторон вход

в храм на противоположной стороне площади. Королева подняла глаза к ночному небу, к ущербной луне. Она знала, что это та же самая луна, что была в видении. Место и мужчина, где бы они ни были, так же реальны, как и она сама. Видел ли тот странный мужчина сегодня сон об Исте, такой же, как Иста о нём? Что видели его тёмные будоражащие глаза, что заставило его так отчаянно тянуться к ней и была ли она для него такой же загадкой, как и он для неё?

Его голос был глубок, но искажён болью, страхом или изнеможением. Однако говорил он на ибранском, языке Ибры, Шалиона и Браджара, а не на рокнари или дартакане — хотя и с северо-шалионским произношением и рокнарскими интонациями.

Я не могу помочь тебе. Кем бы ты ни был, я не могу помочь. Молись своему богу, если хочешь спасения. Хотя я бы тебе не советовала этого делать.

Она вышла из потока лунного света, заперла двери балкона и поспешила к кровати как можно тише, чтобы не разбудить Лисе. Иста накрыла голову пуховой подушкой. Она скрыла всё, кроме того, что она не хотела видеть, — жгущие разум глаза. Когда она завтра проснётся, события

минувшего дня покажутся сном по сравнению с этим. Она сжала пальцами простыни и стала ждать рассвета.

* * *

Когда на следующее утро после восхода солнца Лисе причёсывала волосы Исты, в дверь комнаты постучали и послышался голос Фойкса ди Гура:

— Миледи? Лисе?

Лисе подошла и распахнула дверь, ведущую в галерею, опоясывающую внутренний двор гостиницы. Фойкс, уже одетый по-дорожному, кивнул ей и поклонился Исте, которая встала за плечом своей горничной.

— Доброе утро, миледи. Просвящённый ди Кэйбон нижайше просит прощения, но он не в состоянии вести утренние молитвы. Ему очень плохо.

— О нет! — воскликнула Иста. — Насколько это серьёзно? Нужно послать в храм за целителем?

Виниаска гораздо меньше Валенды, достаточно ли велик местный Орден Матери, чтобы поддерживать целительство на должном уровне?

Фойкс потёр губы, сдерживая прорывающуюся улыбку:

— Не думаю, что это необходимо, миледи. Мо-

жет, он вчера съел что-нибудь не то. Или это… ээ-э… похмелье.

— Когда я в последний раз его видела, он не был пьян, — усомнилась Иста.

— Мм-м… ну, это было раньше. А потом он вышел со всеми из здешнего храма, и что ж, совсем уже поздно ребята его принесли. Нельзя сказать, чтобы можно было поставить диагноз через закрытую дверь, но, судя по стонам и звукам, доносившимся оттуда, я бы назвал это похмельем. До ужаса знакомо, вызывает массу воспоминаний. Слава богам, уже подзабытых воспоминаний, но всё же.

Лисе подавила смешок.

Иста хмуро посмотрела на неё и сказала:

— Замечательно. Скажи своим людям оставить сборы и отправить лошадей обратно к кормушкам. Вместо этого мы пойдём на утреннюю службу в храм, а потом решим, ехать ли нам дальше… В конце концов, мы никуда не спешим.

— Отлично, миледи, — Фойкс кивнул, отсалютовал, развернулся и зашагал прочь.

Утренняя служба длилась час, но Исте показалось, что обряд укоротили, тем более что народу было немного, да и сам храмовый служитель имел бледный, нездоровый вид. После она с

Лисе и Фойксом побродила по тихому городку. Ярмарочные палатки разбирали и складывали. Они прогулялись вдоль реки, по тем местам, где проходили скачки, и Фойкс уговорил Лисе дать полный отчёт о заезде, указав все мелочи, касающиеся лошадей и наездников, которые Иста едва ли заметила. Лисе объяснила, что её потрясающая скорость во второй части скачек была отчасти кажущейся: дело в том, что остальные кони к тому времени уже стали выдыхаться. Исту порадовало то, что их пятимильная прогулка совсем её не утомила, как это было в тот день, когда она решила сбежать из Валенды, и, судя по всему, дело было вовсе не в более подходящей обуви и одежде.

Просвящённый ди Кэйбон вышел из своей комнаты только после полудня, цвет его лица напоминал тесто. Иста взглянула на него, отменила все планы по отбытию на сегодняшний день и отослала беднягу обратно в постель. Он уполз обратно, жалобно бормоча слова благодарности. Отсутствие у него жара Исту успокоило. Диагноз Фойкса — похмелье — казался вполне обоснованным, потому что служитель появился к ужину, стыдливо пряча глаза, съел тост, выпил чаю и решительно отказался от разбавленного

водой вина.

* * *

На следующее утро ди Кэйбон был на вид совершенно здоров, хотя утренняя молитва снова была зачитана из книжки. Отряд Исты пустился в путь, когда воздух ещё был прохладен, они пересекли вброд каменистую реку, держа путь на север, и начали подъём на холм, оставив Виниаску позади.

Местность, по которой они ехали, находилась на сухой стороне гор и отличалась скудной растительностью: кое-где росли сосны и вечнозелёные дубы, пространство между ними заполнял низкорослый кустарник, и то тут, то там из жёлтой листвы торчали камни. Почва была слишком бедна для земледелия, если не считать лоскуты рукотворных садов, террасами спускавшихся по склонам, но скоро и эта малонаселённая область вблизи Виниаски стала совсем дикой. Дорога петляла вверх-вниз, и одна небольшая долина ничем не отличалась от другой. Иногда попадались старые мосты и акведуки, не в самом лучшем состоянии, пересекавшие ручьи, которые бежали с дальних вершин, возвышающихся по левую руку, но чаще всего кони и мулы пересекали потоки

вброд, осторожно ступая по камням. У одного такого ручья чуть позже полудня они остановились перекусить. Главным даром этой части страны была вода — чистая, прозрачная и холодная.

К вечеру нужно было добраться до священного места, затерявшегося среди холмов, до деревни, где родилась служительница Матери, святая целительница, чьи чудесные деяния вершились уже вдали от этого места. Там, подумала Иста, когда их отряд двинулся дальше, они будут ещё незаметнее. Суслики, которые то и дело выскакивали на дорогу и неодобрительно фыркали, наблюдая за проезжающими, не станут писать доносы и пользоваться их именем, чтобы впоследствии привлечь побольше путешественников. После посещения деревни маленькой кавалькаде предстоит спуститься с гор к более простым дорогам равнин Шалиона. А потом повернуть на юг, к Баосии, к дому?

Иста не хотела возвращаться. Но как долго будет продолжаться это странное паломничество, как долго ей удастся удерживать подле себя этих молодых людей, бесцельно таская их по деревенским тропкам? Их скоро призовут выполнять более жестокий долг, ведь шалионские лорды готовят кампанию на севере. Что ж, пусть

каждому из нас удастся успешно увиливать от наших обязанностей как можно дольше. Погода стояла мягкая, время года было подобрано весьма удачно; тёплый вечер дышал ароматом горного тимьяна и полыни. Скоро их сменит резкий запах крови, пота и железа.

Карабкаясь по лесистому склону, а затем устремляясь вниз, тропа стала шире. Ферда и ди Кэйбон ехали впереди, за ними — молодой гвардеец и Фойкс. Лисе пристроилась рядом с Истой, остальные тянулись следом.

Сначала Иста уловила волну эмоций, идущую извне, — горячую, липкую угрозу, боль и отчаяние, невозможность дышать. Секунду спустя её конь упёрся всеми четырьмя копытами в землю и, дрожа, замер. Он резко дёрнул головой и заржал.

Из тени деревьев появился медведь. Голова опущена, могучие плечи угрожающе напряглись, бронзовый мех, словно вода, переливался в вечерних лучах солнца. Для такого неуклюжего, неповоротливого животного он двигался невероятно быстро. Рёв рассёк тишину.

Все лошади и мулы принялись крутиться на месте и брыкаться. Молодой гвардеец Пежар, тот, что ехал впереди Исты, полетел влево, когда его

перепуганный скакун резко дёрнулся вправо. Иста не успела увидеть, упал ли юноша, потому что её собственный конь взвился на дыбы, истошно ревя. Она попыталась придержать поводья, ухватиться за гриву, но поздно. Лука седла ударила в живот, животное ещё раз рванулось, быстро стала приближаться земля, встреча с которой вышибла дыхание. Оглушённая, Иста вскочила на ноги и попыталась ухватить ремень узды.

Лошади галопом неслись прочь, а наездники яростно натягивали поводья, стараясь заставить их повиноваться. Конь Пежара с опустевшим седлом был уже далеко внизу. Истин жеребец, брыкаясь, летел следом. Распластавшись по земле, юноша в ужасе смотрел на медведя, который, пуская слюну, навис над ним. Неужели животное взбесилось настолько, чтобы напасть? Обычно горные медведи пугливы, они всегда стараются скрыться. И это не самка-мать, защищающая детёнышей, а крупный самец.

Это не медведь! Или — не совсем медведь. Едва дыша, в немом изумлении, Иста подобралась поближе. Несмотря на первое жуткое впечатление, медведь оказался не совсем здоров. Запаршивевший мех — с близкого расстояния это было виднее — кое-где оставлял проплешины, в ко-

торых виднелась нездорово тонкая кожа, вовсе не соответствующая размерам её обладателя. Могучие ноги дрожали. Медведь посмотрел на Исту не менее удивлённо, чем она на него.

Ей казалось, что вся медвежья сущность животного была выедена изнутри. В глазах, смотревших на неё, светился разум, не свойственный зверям. Им завладел демон. И почти поглотил его.

И теперь наездник ищет нового скакуна.

— Как ты смеешь? — возмутилась Иста. — Даже простой медведь не заслужил такое. Ты из другого мира, демон. Возвращайся к своему проклятому хозяину!

Их взгляды скрестились; Иста шагнула вперёд, медведь отступил от белого, как простыня, мальчика. Ещё шаг. Ещё. Медведь-демон опустил голову чуть ли не до земли; широко раскрыв глаза с белой каймой и сопя, он в страхе пятился.

— Миледи, я здесь! — краем глаза Иста увидела Фойкса в развевающемся плаще, который с боевым криком занёс меч для мощного удара. Его губы растянулись, зубы стиснуты в предвкушении удара.

— Нет, Фойкс! — слишком поздно выкрикнула Иста.

Тяжёлый клинок одним махом отсёк медведю

голову и воткнулся в землю. Из шеи животного хлынула кровь, голова покатилась по траве. Передняя лапа судорожно дёрнулась, и огромное мохнатое тело рухнуло вниз.

Исте казалось, что она видит демона всеми чувствами, кроме зрения, — осязаемую силу, кровавый огонь, пахнущий раскалённым металлом. Он метнулся к ней, потом вдруг бросился назад, объятый каким-то животным страхом. На какой-то отчаянный момент демон завис в нерешительности между Фойксом и юношей, лежащим на земле. И перетёк в Фойкса.

Глаза Фойкса распахнулись.

— Что? — произнёс он странным тоном, будто обращаясь к кому-то. Потом его зрачки закатились, и юноша потерял сознание.

Глава шестая

Лисе первая справилась с конём и поскакала обратно; она спрыгнула с гнедого, смятение и тревога сдавливали горло. Пежар, постанывая, сел и в ужасе посмотрел на обезглавленного медведя. Юноша недоумённо нахмурился при виде Фойкса, лежащего рядом с тушей, всё ещё истекающей кровью.

— Сэр?..

Падая с лошади, Иста ударилась животом, но теперь кости ныли от толчка, вызванного переселением демона. Было такое ощущение, что разум неестественным образом отделён от тела. Она сняла плащ, свернула его и опустилась на колени, пытаясь перевернуть тяжёлое тело Фойкса и уложить голову на импровизированную подушку.

— Подождите, леди, — остановила её Лисе. — Он был парализован, когда упал с коня? У него кости могут быть сломаны…

— А он упал? Я не видела, — это могло объяснить, почему он раньше всех оказался рядом с медведем. — Нет, с ним было всё в порядке. Это он убил зверя.

Что очень и очень жаль.

— Хм, он соскользнул с крупа прямо на нас. Думаю, там сложно было что-нибудь сломать, — Лисе намотала повод на руку, удерживая фыркающего и пятящегося коня, и встала на колени, чтобы помочь. Девушка оглядела впечатляющие доказательства — тушу, меч и голову, лежащую неподалёку.

— Пятеро богов, вот это удар, — она посмотрела на Фойкса. Лицо его цветом напоминало овсяную кашу. — Что это с ним?

Ферда подъехал следом, взглянул на происходящее и слетел с коня, даже не подумав прихватить повод.

— Фойкс! Госпожа, что случилось? — он встал на колени рядом с телом брата и ощупал его в поисках ран, явно ожидая увидеть кровавый след от удара когтистой лапы. Ничего не обнаружив, он удивлённо поднял брови и попытался перевернуть Фойкса. Тяжело дыша, подбежал ди Кэйбон без мула.

Иста схватила Ферду за руку:

— Нет, твоего брата не ударили.

— Он отрубил медведю голову, а потом… упал, — подтвердил Пежар.

— Этот медведь взбесился что ли, чтобы так на-

падать? — выдохнул ди Кэйбон. Наклонившись, он упёрся руками в колени и тоже внимательно осмотрел Фойкса.

— Он не взбесился, — сказала Иста ровным голосом. — Он был одержим демоном.

Глаза ди Кэйбона широко раскрылись, и он взглядом впился ей в лицо:

— Вы уверены, госпожа?

— Полностью. Я… я почувствовала его. А он почувствовал меня.

Ферда откинулся на пятки с совершенно ошеломлённым видом.

— И куда оно… — голос ди Кэйбона оборвался, он посмотрел на испуганного юношу-гвардейца, потом поднял глаза на Исту, погружённую в раздумья. Фойкс лежал, словно его оглушили дубинкой. — Оно не вселилось в него, правда же?

— Именно, — Иста облизала губы. — Демон уже отступал. Я пыталась остановить Фойкса, но он видел только взбесившегося медведя, казалось бы, угрожающего мне.

Губы ди Кэйбона пошевелились, повторив слова «казалось бы». Он посмотрел на неё пристальнее.

То, что служитель поверил, окончательно убедило поражённого Ферду. Его лицо было влаж-

ным от слёз:

— Просвящённый, что будет с Фойксом?

— Это зависит… — ди Кэйбон сглотнул, — …в большей степени от сущности демона.

— Этот демон сам был, как медведь, — сообщила Иста всё тем же ровным голосом. — До этого бедного животного он, может быть, и сожрал нескольких других существ, но ещё не сталкивался с человеческим разумом. Он даже не умел говорить. А теперь в его распоряжении целое пиршество из слов и мыслей. Вопрос в том, как скоро он приступит к трапезе.

— Это — другой вопрос, — пробормотал ди Кэйбон, откликаясь на мысли Исты. Он набрал в лёгкие воздуха. — Мгновенно ничего не произойдёт, — заявил он уже в полный голос. Исте не понравился слишком душевный тон, которым он это произнёс. — Фойкс сможет противостоять. Если захочет. Неопытному демону требуется время, чтобы вырасти, чтобы научиться.

Чтобы окопаться, мысленно подсказала Иста. Чтобы впитать соки души, чтобы подготовиться к осаде. И значит ли это, что опытный демон, поглотивший множество людских душ, может победить сразу, безоговорочно?

— В любом случае, мы дадим ему как можно

меньше времени, чтобы… как можно меньше времени. В каком-нибудь храме в этой провинции наверняка найдутся средства и служители, способные справиться с этим. Следовало бы отвезти его к главному служителю Тариуна, но нет. Это займёт целую неделю, — он посмотрел на холмы, в сторону далёких равнин. — Храм в Маради ближе всего. Ферда, где твои карты? Нужно найти кратчайший путь.

Стали подъезжать остальные гвардейцы, отловившие в конце концов сбежавших лошадей и мулов. Один из людей привёл жеребца Ферды. Ферда уже было встал и направился к своим седельным сумкам, но быстро обернулся, услышав, что Фойкс зашевелился и застонал.

Фойкс открыл глаза. Он оглядел небо, обеспокоенные лица, кругом нависшие над ним, и поморщился.

— Ох, — выдавил он.

Ферда опустился на колени рядом с головой брата, беспомощно сжимая и разжимая кулаки.

— Как ты? — решился он наконец. Фойкс моргнул:

— Очень странно.

Одной рукой он сделал неуклюжий жест, — как будто ударил лапой, — попытался перекатиться

на спину и подняться. Закончилось тем, что он встал на все четыре конечности. Устоять на ногах ему удалось со второй попытки. Ди Кэйбон держал Фойкса за одну руку, а Ферда за другую, пока тот моргал и двигал челюстью взад-вперёд. Он поднёс ладонь ко рту, промахнулся, попытался снова. Пальцы ощупали лицо, словно желая удостовериться, что это лицо, а не морда.

— Что произошло?

Долгое мгновение никто не осмеливался ответить. Фойкс с растущим удивлением ощущал на себе полные ужаса взгляды окруживших его людей.

— Есть мнение, что в тебя вселился демон, — ответил наконец ди Кэйбон. — Он направлял медведя, когда тот напал.

— Медведь умирал, — заметила Иста. Даже для собственных ушей её голос казался странно далёким. — Я пыталась предупредить тебя.

— Это же неправда, да? — спросил Ферда. В его словах слышалась мольба. — Этого не может быть.

Лицо Фойкса было неподвижно, словно он заглядывал внутрь себя, глаза смотрели в одну точку, ничего не видя вокруг.

— Ох, — ещё раз произнёс он. — Да. Это то… это

то, что…

— Что? — ди Кэйбон пытался придать голосу мягкость, но беспокойство ему скрыть не удалось.

— Есть что-то… у меня в голове. Что-то испуганное. Стянутое в узел. Оно как будто бы прячется, словно в пещере.

— Хм.

Становилось ясно, что Фойкс пока не собирается превращаться в медведя, демона или во что-то ещё, а остаётся просто перепуганным молодым человеком. Главы отряда, поддерживая Фойкса, отошли в сторону и устроились на обочине дороги сверяться с картами. Несколько гвардейцев тихо обсудили состояние звериной туши и решили, что запаршивевшую шкуру снимать не стоит, но всё же не удержались и взяли на память клыки и когти, после чего оттащили бездыханное животное от дороги.

Ферда отыскал карту местности и расстелил её на широком, плоском камне. Затем провёл по ней пальцем линию:

— Мне кажется, чтобы быстрее добраться до Маради, нам нужно проехать по этой дороге ещё около тридцати миль вот до этой деревни. Потом повернуть и спуститься почти прямо на восток.

Ди Кэйбон посмотрел на солнце, уже почти севшее за гребни гор на западе, и на небо, ещё сиявшее синевой.

— До наступления ночи мы не успеем.

Иста осмелилась коснуться карты белым пальцем:

— Если мы проедем ещё чуть-чуть, то попадём на этот перекрёсток, а там недалеко та священная деревушка, в которую мы собирались. Мы уже обговорили и еду, и корм для лошадей, и спальные места. А завтра выедем пораньше.

Крепкие стены отделят нас от всех медведей. Но не спасут от демона, эту мысль она решила оставить при себе.

Ферда нахмурился:

— Ещё шесть миль туда и обратно. Больше, если мы снова перепутаем дорогу. — Такая же развилка днём ранее стоила им нескольких часов. — Полдня потеряно. У нас с собой достаточно еды и корма для наших животных. Пополнить запасы можно там, где мы повернём на восток, — он помолчал, а потом более осторожно добавил: — Конечно, если вы готовы снести неудобства ночного лагеря, леди. В конце концов, погода, похоже, портиться не собирается.

Иста молчала. Ей не нравился план, не нрави-

лось то, что она имеет возможность поставить собственный комфорт выше нужды верного офицера. Разделить отряд, отправить самых быстрых всадников с Фойксом вперёд? Эта идея тоже не вызывала восторга.

— Я… мне всё равно.

— Ты можешь ехать верхом? — спросил Ферда у брата. Фойкс сидел, нахмурив брови и погрузившись в себя, как человек, у которого болит живот.

— А? Не лучше, чем обычно. У меня ноет задница, но это не имеет никакого отношения к… тому, — он на секунду замолчал, а потом добавил: — Разве что косвенное.

Ферда объявил командным голосом:

— Тогда мы поедем быстро, чтобы к ночи совершить переход как можно больший.

Среди присутствующих, сидящих на корточках вокруг камня, раздался одобрительный гул. Иста плотно сжала губы.

Фойксу помогли взобраться на нервничающего коня; для того чтобы удержать жеребца потребовалось двое, потому что он сначала уворачивался и фыркал, но со второй попытки смирился. Ди Кэйбон и Ферда решили ехать по обе стороны Фойкса. Чтобы защитить. Увы, для этого слишком

поздно.

Иста смотрела им в спины, когда они, словно ничего не произошло, отправились дальше вниз по дороге. Ощущение присутствия демона, такое жгучее поначалу, теперь притупилось. Случайно ли это или он специально прячется в своём новом логове из плоти? Или Иста просто не чувствует его? Она так долго подавляла в себе эту восприимчивость, что теперь она напоминала онемевшую мышцу. Просто причиняла боль.

Лорд ди Кэсерил утверждал, что мир духа и материальный мир существуют рядом, как две стороны монеты или стены; боги не где-то далеко, а прямо здесь, постоянно, и чтобы их увидеть, нужно найти особый угол зрения. Их присутствие так же всепроникающе и невидимо, как луч солнца, касающийся кожи, словно стоишь голым, с завязанными глазами, посреди невообразимого полудня.

Демоны же, в свою очередь, больше напоминают воров, сующих руки в чужие окна. Что теперь происходит внутри Фойкса? И если оба брата подойдут к ней сзади, сможет ли она, не глядя, отличить, кто есть кто?

Иста закрыла глаза, чтобы проверить ощущения. Скрип седла, звук шагов лошадей, лёгкий

стук, когда копыто ударяется о камень; запах её коня, её пота, свежий аромат сосен… больше ничего.

Ещё её беспокоило, что же увидел в ней демон, когда они встретились взглядами.

* * *

Они разбили лагерь у очередного прозрачного ручья, когда стемнело уже настолько, что едва хватало света, чтобы найти хворост для костра. Но гвардейцы натащили целую кучу; у Исты появилось подозрение, что не она одна беспокоится по поводу возможного присутствия диких зверей. Для неё и Лисе соорудили шалаш из веток и сучьев, выстлав его наспех срезанной сухой травой. Особо надёжной защитой от медведей он не выглядел.

Фойкс решительно запретил относиться к нему, как к инвалиду, и вызвался вместе со всеми собирать дрова. Иста осторожно наблюдала за ним и заметила, что ди Кэйбон тоже украдкой следит за молодым человеком. Фойкс приподнял бревно внушительных размеров и обнаружил, что оно полностью прогнило и кишит личинками. Он уставился на находку с весьма странным выражением на лице.

— Просвящённый, — тихо произнёс он.

— Да, Фойкс?

— Я превращусь в медведя? Или в чокнутого, который думает, что он медведь?

— Нет, ни то ни другое, — твёрдо ответил ди Кэйбон. Хотя, положив руку на сердце, Иста подозревала, что и он не знает, как всё будет на самом деле. — Это пройдёт.

Ди Кэйбон хотел выглядеть уверенно, хотя сам, по-видимому, не был так спокоен. Ведь если демон будет всё меньше походить на медведя, то, значит, будет всё больше походить на Фойкса?

— Это хорошо, — облегчённо вздохнул Фойкс и поморщился. — Потому что вот это кажется вкусным.

Он отпихнул бревно обратно с гораздо большей силой, чем было нужно, и отправился искать валежник посуше. Ди Кэйбон подошёл к Исте:

— Леди…

Пятеро богов, его голос был не менее жалобным, чем секунду назад у Фойкса. Она едва смогла превратить ласковое «Да, ди Кэйбон?» в более строгое «Что?», чтобы он не подумал, что она его передразнивает.

— Я хочу спросить о снах. О снах, навеянных богами, что вы давно видели.

Не так уж и давно.

— И в чём же дело?

— Ну… как понять, что сон — вещий? Как вы отличаете пророчество от, как бы назвать, подделки?

— В пророчествах нет ничего хорошего. Всё, что я могу вам сказать, это что они никогда не врут. Они более реальны, чем память, ни больше, ни меньше, — от внезапного подозрения её голос сорвался. — А почему вы спрашиваете?

Он нервно коснулся своего пухлого бедра пальцами:

— Мне кажется, вы единственная, кто может быть мне в этом наставником.

— Ученик учит учителя? — Иста попыталась обратить всё в шутку, хотя в желудке стало холодно. — Храм это не одобрит.

— Не думаю, леди. Кто не станет просить совета у человека более сведущего? Что делать, если столкнулся с задачей, слишком сложной для тебя?

Иста прищурилась. Пятеро богов, — и это обращение было здесь как раз кстати, — какие сны привиделись ему? Неужели худой мужчина, лежащий на кровати в тёмной комнате… Она даже не стала гнать прочь это тайное видение.

— И что же вам приснилось?

— Мне приснились вы.

— Ну, что ж. Люди часто видят во сне тех, кого знают.

— Да, но это случилось раньше. Однажды во сне я увидел вас, как тогда, в первый день, едущей верхом по дороге в Валенду.

— Может быть… вы, ещё ребёнком, побывали в Кардегоссе либо ещё где-нибудь, где проезжали мы с Иасом? И ваш отец или кто-нибудь другой, посадил вас на плечо, чтобы вам было лучше видно королевскую процессию.

Ди Кэйбон покачал головой:

— И тогда с вами был сэр ди Феррей? А вы были одеты в лилово-чёрное и ехали по просёлочной дороге на лошади, которую вёл грум? И тогда вам было сорок, вы были грустны и бледны? Не думаю, госпожа, — он на секунду отвёл взгляд. — И демон-хорёк тоже знал вас. Что же смог увидеть он, а я нет?

— Не знаю. Вы не пытались выяснить это, прежде чем вернуть его в мир духов?

Он наморщил лоб и покачал головой:

— Я знал слишком мало, чтобы спросить. Следующие сны пришли позже и стали ярче.

— Какие сны, просвящённый? — Иста спраши-

вала почти шёпотом.

— Мне приснился тот ужин в замке Валенды. Как все мы отправляемся в путь, почти в этом самом составе. Иногда с нами Лисе, Ферда и Фойкс, иногда другие, — он опустил взгляд, а потом посмотрел ей прямо в глаза и признался: — Храм Валенды не посылал меня вам в проводники. Они поручили мне передать извинения просвящённой Товии и сказать, что она свяжется с вами, как только вернётся. Я украл ваше паломничество, госпожа моя. И я думал, бог требует от меня этого.

Иста судорожно вдохнула. Чтобы унять дрожь, она обхватила руками деревце, на которое облокачивалась, и постаралась, чтобы её голос звучал нейтрально:

— Продолжайте.

— Я молился. Я повёл нас в Касилшас, чтобы иметь возможность посоветоваться с моими наставниками. Вы… вы поговорили со мной. Сны прекратились. Мне посоветовали постараться действительно стать вашим духовным проводником, тем более что я и так зашёл слишком далеко, и, леди, я *старался*!

Иста разжала ладонь, стараясь немного успокоить ди Кэйбона, но он едва ли увидел это в

сгущающихся сумерках. Так, значит, все его странные заверения о её духовном даре, тогда, в Касилшасе, основывались на более серьёзных источниках, чем старые сплетни. Сквозь редкие деревья было видно, как из двух ям, выкопанных в песке на берегу ручья, бросая весёлый вызов ночи, стало появляться пламя. Огненные язычки казались… крохотными на фоне огромных холмов. Зубы Бастарда — так называется этот хребет, и, говорят, на перевалах они жестоко кусают путешественников.

— Но несколько ночей назад сны вернулись. Новые сны. Точнее, новый, повторившийся трижды. Дорога, очень похожая на эту. И окрестности, напоминающие эти, — белый рукав ди Кэйбона качнулся в темноте. — Меня хватает колонна солдат. Рокнарских солдат. Еретиков-четырёхбожников. Они сбрасывают меня с мула. И…

Он вдруг замолчал.

— Не все пророческие сны сбываются. Или сбываются так, как приснились, — осторожно сказала Иста. Его страдания были искренними, глубокими.

— Нет, это не может сбыться, — чуть ли не яростно воскликнул он. — Ведь каждую ночь они убивают меня различными жуткими способа-

ми, — в его голосе послышалось сомнение. — Хотя каждый раз они сначала отрезают мне большой палец.

А они с Лисе смеялись над его похмельем… Может, он топил сны в вине? Это не сработает. Она сама пробовала, давно, ещё при дворе Иаса.

— Вы должны были мне всё это рассказать! Ещё раньше!

— Но здесь не может быть рокнарцев. Для этого им пришлось бы пересечь две провинции. Вся страна уже на голове стояла бы, — он пытался разогнать тьму светом разума. — Этот сон, должно быть, рассказывает об отдалённом будущем.

Нельзя разогнать тьму светом разума. Всегда нужен огонь. Откуда пришла эта мысль?

Или вовсе не о будущем. Некоторые сны — просто предупреждения. Прислушайтесь к ним, и опасность исчезнет.

В темноте его голос был едва слышен:

— Боюсь, я подвёл богов, и это будет мне наказанием.

— Нет, — холодно ответила Иста. — Боги безжалостны. Если ты им больше не нужен, то ты для них не больше, чем сломанная, задеревеневшая кисточка для художника: тебя выбросят и заменят, — она помедлила. — А если они подхлё-

стывают тебя, заставляя идти вперёд, это значит, что они всё ещё хотят чего-то. Чего-то, чего у них ещё нет.

— Ох, — тихо произнёс он.

Иста держалась за деревце. Ей хотелось ходить. Можно ли сойти с этой дороги? Возвращаться в Виниаску дальше, чем идти вперёд. Смогут ли они пробраться вдоль русла ручья вниз, к равнинам? Ей представились водопады, колючие лианы, скалы, через которые невозможно ни переехать, ни перевести коней. Её сочтут безумной, если она станет настаивать на таком пути. По спине поползли мурашки.

— И всё же вы правы насчёт рокнарцев, — решила Иста. — Отдельные шпионы, хорошо замаскировавшись, могут проникнуть незамеченными далеко на юг. Но в любом случае ничего способного превзойти по силе наш хорошо вооружённый отряд, мы встретить не можем. Даже Фойкс в состоянии держать оружие.

— Верно, — согласился ди Кэйбон.

Иста прикусила губу, оглядываясь, чтобы убедиться, что молодой человек ушёл в лагерь и их не слышит:

— А что делать с Фойксом, просвящённый? На какой-то миг я видела — или было такое впе-

чатление, что я видела, — дух медведя. Он был более измученным и угасшим, чем тело зверя, он извивался в огне разложения. Так Фойкс?..

— Он действительно в опасности, но ничего не случится сразу, — голос ди Кэйбона окреп, когда он почувствовал более твёрдую почву, его живот, обтянутый белым, подобрался. — Он случайно обрёл то, чего порочные и малодушные люди добиваются специально. Поймать демона и кормить его собой в обмен на его помощь — вот способ стать магом. На некоторое время. Для немногих, если они достаточно умны и аккуратны, — на весьма длительное время.

— И кто обрывает это сосуществование?

Он откашлялся:

— Почти всегда — демон. Рано или поздно. Но поскольку наш элементаль достаточно мал, Фойкс, если попытается, первое время сможет быть хозяином. Я не хочу обсуждать это с ним, не хочу ничего предлагать, и молю вас тоже быть осторожной, госпожа. Чем ближе они… сходятся, тем сложнее будет их разделить.

Ди Кэйбон тихо добавил:

— Но откуда они появляются? Какая дыра в аду выплёвывает их в таких количествах? Мой Орден призван быть защитником от таких явле-

ний, так же как армии Орденов Сына и Дочери, сверкая на солнце мечами и щитами, охраняют мир от более материальных зол. Слуги пятого бога бродят в потёмках, вооружённые только собственным умением мыслить, — он печально вздохнул. — Сейчас мне хочется иметь под рукой оружие посерьёзнее.

— Будем надеяться, что сон сделает ваш ум проницательнее, — сказала Иста. — Утро вечера мудрёнее.

— Я молюсь, чтобы это было так, госпожа.

Он провёл её сквозь кусты к шалашу. Иста сдержалась и не стала желать ему приятных снов. Вообще никаких снов.

* * *

Обеспокоенный Ферда разбудил на рассвете всех, кроме брата. Только когда завтрак уже был готов, он присел на корточки рядом со спальным мешком Фойкса и тронул спящего за плечо. Лисе, проходившая с седлом в руках мимо Исты, остановилась и стала наблюдать за этим проявлением нежной заботы, беспомощно кусая губы.

Они быстро позавтракали, свернули лагерь и вновь пустились в путь по извилистой каменистой тропе. То и дело вздымающиеся холмы

не позволяли развить приличную скорость, но Ферда вёл отряд равномерным шагом, и мили постепенно таяли. Утро и дорога оставались позади.

Все ехали молча, погрузившись в раздумья. Иста никак не могла решить, что её беспокоит больше — случай с Фойксом или сны ди Кэйбона. Демон-медведь Фойкса — просто невезение. В то время как видения ди Кэйбона — откровенные предупреждения, к которым не обязательно относиться всерьёз, но и игнорировать тоже не стоит.

Эта цепь опасных совпадений занимала все мысли Исты, нервы были напряжены до предела, зубы непроизвольно стискивались. У неё появилось неприятное ощущение, что она ступила на незнакомую территорию. Да. В Маради мы поворачиваем домой.

Решение не принесло облегчения; напряжение осталось, словно туго натянутый шнур. Как непонятная сила, которая в то утро толкнула её, в траурном наряде и шёлковых туфлях, к задним воротам и повела вниз по дороге. Я должна двигаться. Я не могу сидеть на месте.

Куда? Зачем?

Здешняя холмистая местность была суше, чем на юге, хотя потоки казались шире от талой воды,

сбегающей с гор. Сучковатые сосны становились всё ниже и росли реже, длинные овраги, почти лишённые растительности, стали встречаться всё чаще. Когда отряд достиг верхней точки подъёма, ди Кэйбон оглянулся назад на дорогу. Он резко придержал мула:

— Что это?

Иста повернулась в седле. Вдали, с гребня холма, спускался всадник, — нет, всадники. Фойкс окликнул брата:

— Ферда? Ты у нас самый зоркий.

Ферда развернул коня и прищурился от яркого света; солнце близилось к зениту и грело всё сильнее.

— Люди на лошадях, — выражение его лица стало жёстче. — Вооружённые, я вижу доспехи, копья. Оружие напоминает рокнарское… Бастард побери, пятеро богов! У них плащи княжества Джокона! Белые птицы на зелёном фоне видны даже отсюда!

Иста различала только зелёные пятна, несмотря на то что тоже прищурилась. Она тревожно спросила:

— Что им здесь делать? На мирной земле? Это охрана во главе торгового каравана? Эмиссары?

Ферда привстал на стременах, вытянул шею:

— Солдаты. Это все солдаты, — он оглядел свою небольшую кавалькаду и коснулся рукояти меча. — Так же как и мы.

— Э-э-э… Ферда? — произнёс Фойкс через секунду. — Они всё ближе.

Иста видела, как он шевелит губами, считая. Ряд за рядом, по двое, по трое, всадники возникали из-за вершины холма. По подсчётам Исты их количество уже перевалило за тридцать, когда ди Кэйбон, с побледневшим лицом, осенил себя знамением и посмотрел на неё. Он закашлялся прежде, чем успел что-либо произнести. Слова будто застыли у него в пересохшем горле.

— Го-госпожа? Не думаю, что нам стоит с ними встречаться.

— Уверена в этом, просвящённый, — сердце бешено колотилось. Скачущие впереди рокнарцы тоже их увидели. Всадники указывали на них и что-то кричали.

Ферда опустил руку и скомандовал отряду:

— Поехали дальше!

И пустил коня лёгким галопом. Мулы, везущие багаж, сопротивлялись такой скорости и замедляли тех, кто вёл их в поводу. Мул ди Кэйбона оказался покрепче и поначалу неплохо справлялся, но с каждым шагом всё больше фыркал

и прогибался под раскачивающимся грузом. Служитель тоже сгибался всё сильнее и сильнее. Когда, полмили спустя, они достигли нового подъёма, выяснилось, что колонна джоконцев выделила отряд из двух десятков всадников и послала их вперёд с намерением захватить людей Исты.

Предстояла гонка, но никто не был к этому готов. Мулов можно оставить, но что делать с животным служителя? Ноздри бедного мула расширились и покраснели, белая шкура покрылась пеной, и, несмотря на яростные пинки и покрикивания ди Кэйбона, он то и дело сбивался на неуклюжую рысь. Ди Кэйбона трясло, словно пудинг. Его лицо то бледнело, то заливалось краской, то зеленело. Казалось, что его вот-вот стошнит от напряжения и ужаса.

Если эти всадники окажутся налётчиками, — как, во имя святого семейства, им удалось появиться с юга незамеченными? — то у Исты, вероятно, будет возможность договориться о выкупе для себя и гвардейцев Ордена Дочери. Но к служителю пятого бога они отнесутся как к еретику и скверне — для начала отрежут ди Кэйбону большие пальцы. А потом язык, затем гениталии. Дальнейший сценарий будет зависеть от време-

ни и изобретательности — какую жуткую смерть могут придумать солдаты-кватернианцы, какую жестокость они заставят себя учинить — повесить, посадить на кол или и того хуже? Три ночи ди Кэйбон всё это видел во сне, и каждый раз по-новому. Какая же смерть может быть более гротескна, чем смерть на колу? — думала Иста.

Местность не позволяла спрятаться. Деревья были слишком низкими, а если найти какое-нибудь поблизости от дороги, то вряд ли им удастся помочь запыхавшемуся служителю забраться на него. Его белое одеяние, несмотря на то что оно заляпано грязью, будет сиять сквозь листву, как маяк. Их отряд ещё полмили проскачет сквозь кустарник, измученный мул будет держаться за ними. Но потом они взберутся на очередной холм и временно окажутся вне зоны видимости преследователей, а на дне вон той промоины…

Иста пришпорила коня, поравнялась с Фердой и крикнула:

— Служитель — нельзя, чтобы его схватили! — Офицер оглянулся, посмотрел на спутников и кивнул.

— Поменяться лошадьми? — предложил он с сомнением.

— Этого мало! — прокричала Иста и указала

вперёд. — Спрячем его в канаве!

Она придержала своего жеребца, пропуская остальных вперёд, пока не оказалась рядом с изо всех сил старающимся мулом ди Кэйбона. Фойкс и Лисе не отставали от своей госпожи ни на шаг.

— Ди Кэйбон! — окликнула она служителя. — Снилось ли вам, что вас вытаскивали из канавы?

— Нет, леди! — дрожащим голосом ответил он, подпрыгивая в седле.

— Тогда прячьтесь вон в той и сидите тихо, пока они не проскачут мимо!

Фойкс. Если Фойкса схватят, он тоже окажется в страшной опасности, если кватернианцы узнают о демоне, затаившемся в нём. Они могут счесть его магом и сжечь заживо.

— А Фойкса с тобой во сне случайно не было?

— Нет!

— Фойкс! Останься с ним, помоги ему, ладно? Пригните головы и, что бы ни случилось, не высовывайтесь!

Фойкс посмотрел на укрытие, на которое она показывала, и, судя по всему, понял план:

— Слушаюсь, миледи!

Они резко осадили своих скакунов прямо у канавы. Теченье не наполняло её до краёв, но всё же укрытием она будет изрядно мокрым и

неудобным, особенно для ходящего ходуном от страха внушительного живота ди Кэйбона. Фойкс спрыгнул на землю, бросил поводья Пежару и подхватил пыхтящего служителя, чтобы тот не свалился с мула.

— Завернитесь в это, спрячьте белое одеяние, — Фойкс накинул свой серый плащ на ди Кэйбона, увлекая его подальше от дороги. Другой гвардеец решительно потянул за собой мула ди Кэйбона; лишившись тяжкого бремени, животное пустилось лёгким галопом.

Нет, галопом дело не обойдётся, — подумала Иста.

— Присматривайте друг за другом! — отчаянно крикнула она вслед уходящим. Оба как раз начинали спускаться в канаву, и было неясно, услышали они напутствие или нет.

Отряд двинулся дальше. Остался ещё один человек, которому не стоит попадаться в лапы грубой солдатне, — решила Иста.

— Лисе! — прокричала она. Девушка подъехала поближе. Конь Исты весь исходил потом и сопел; длинноногий гнедой Лисе скакал, не особо напрягаясь.

— Поезжай вперёд…

— Госпожа, я вас не оставлю!

— Слушай меня, глупая девчонка! Поезжай вперёд и предупреди людей о приближении джоконских налётчиков. Подними всех местных на ноги! Найди подмогу и пошли их сюда!

Понимание отразилось на её лице:

— Слушаюсь, леди!

— Лети, как ветер! Не оглядывайся!

Лисе, полная решимости, отсалютовала и пригнулась к шее коня. Три-четыре мили, которые они уже проскакали галопом, были для него всего лишь разминкой. Через какие-то секунды гнедой уже обошёл всех лошадей в отряде и начал отрываться.

Да, лети, лети, девочка моя. Тебе даже не нужно обгонять джоконцев, пока ты можешь обогнать нас…

Когда они добрались до следующего подъёма, где дорога огибала выступ на холме, Иста посмотрела назад. Ни служителя, ни Фойкса видно не было. Первые всадники Джоконы, увлечённые преследованием, пересекли канаву, не глядя вниз и не останавливаясь. Сдавливать грудь стало чуть меньше, даже когда Иста вздохнула.

Наконец, мечущиеся мысли удалось сконцентрировать на собственной судьбе. Если её возьмут в плен, следует ли продолжать скрывать

имя? Насколько ценной покажется им младшая двоюродная сестра богатого провинкара Баосии? Достаточно ли будет влияния леди ди Аджело, чтобы сохранить жизнь её людям и ей самой? Ведь вдовствующая королева Шалиона, родная мать королевы Изелль, слишком ценный приз, чтобы так просто попасть в грязные руки джоконских солдат-бандитов. Иста оглядела мрачно настроенных спутников. Не хочу, чтобы эти верные юноши умирали за меня. Не хочу, чтобы вообще кто-то снова умирал за меня.

Ферда догнал её и указал назад:

— Миледи, придётся бросить мулов!

Она понимающе кивнула, судорожно вдохнув. Ноги болели от постоянного трения о бока коня.

— Седельные сумки ди Кэбона… нужно от них избавиться… незаметно… книги и бумаги выдадут его, джоконцы могут вернуться и искать его! И мои сумки тоже, там есть письма на моё настоящее имя…

Молодой человек сжал губы и склонил голову, демонстрируя понимание. Затем привстал в стременах и исчез позади. Иста повернулась в седле и ухватилась за ремни, привязывающие сумки. Хорошо, что Лисе так умело справилась с ними; как только Иста потянула, тугие узлы развязались.

Ферда снова нагнал её; теперь на луке его седла лежали две тяжёлые сумки служителя. Она оглянулась. Отпущенные мулы, что везли багаж, и белое животное ди Кэйбона начали отставать, потом, спотыкаясь, остановились и благодарно разбрелись подальше от дороги.

Отряд как раз приближался к мосту, перекинутому через мощный горный поток. Ферда выжидательно поднял руку, и Иста бросила ему свою ношу. Он придержал жеребца на середине моста и изо всех сил швырнул сначала первую пару сумок, а потом вторую через каменную балюстраду вниз, навстречу бурлящей воде. Сумки поплыли прочь, натыкаясь на камни, погружаясь всё глубже и глубже. Иста немного жалела книги служителя и кошельки с деньгами, но вместе с ними ушли все дурацкие письма и остальные предметы, способные нарушить её инкогнито.

Эта предосторожность значила гораздо больше, чем неумолимо таящее расстояние между их отрядом и джоконцами. Иста перенесла вес на стремена, готовя уже слабеющего коня к новому подъёму. Быть может, желание отловить отпущенных мулов замедлит преследователей. Хотя бы некоторых. В распоряжении врага, кажется, достаточно людей. Первые ряды колонны разгля-

деть было можно, но последние едва виднелись вдалеке.

Кто они такие — это ясно. Обе стороны вели жестокие игры в набеги на границе на протяжении многих поколений; на границе, которую шалионские квинтарианцы медленно продвигали дальше на север. В пограничных районах люди всегда были готовы к налётам, как будто это была неотъемлемая часть будней. Иногда в эти игры играли по особым правилам, придерживаясь некоторого этикета, заключая почти деловые договоры о выкупах, основанные на весьма странных понятиях о чести. А порой правила вообще отсутствовали, игры не было, а честь растворялась в переполненных потом и кровью кровавых ужасах.

Насколько они отчаянны? Такое впечатление, что они с неба свалились. На расстоянии полутора провинций от границы с Джоконой эти всадники едут по дороге, затерянной между холмами. Свежие силы, намеревающиеся захватить какой-нибудь населённый пункт, или уже потрёпанные в сражениях, жаждущие вернуться домой? Если на них плащи с гербом князя, то это означает, что они не случайная шайка полубандитов — младших сыновей лордов, головорезов,

ищущих, что бы такое им ограбить, — а вымуштрованные воины, выполняющие какую-то миссию. Возможно.

С очередной вершины, когда её конь уже начал спотыкаться, Иста смогла вновь увидеть ленту дороги на несколько миль вперёд. Стройный гнедой Лисе летел галопом на солидном расстоянии.

У Исты ёкнуло сердце. По склону холма, поросшему кустарником, на Лисе нёсся ещё десяток джоконских всадников. Судя по всему, конный отряд, посланный вперёд на разведку. Иста на глаз попыталась прикинуть угол сближения, расстояние, сравнить скорости. Джоконцы спускались с холма, будто стремясь схватить Лисе, как ястреб — белку, сидящую на ветке. Девушка их ещё не заметила и не могла услышать предупреждающий оклик Исты. Ферда приподнялся на стременах, на его лице отразился беспомощный ужас. Он пришпорил коня, но измученное животное отказывалось скакать быстрее.

Всадники были всё ближе и ближе, — Лисе наконец посмотрела в сторону и увидела их. Наверняка и выносливый гнедой идёт на грани своих возможностей в этой гонке на выживание… Девушка пронеслась мимо главарей отряда. Сверкнул арбалет, в воздухе мелькнула стрела.

Ферда в отчаянии вскрикнул, но выстрел, сделанный с большого расстояния со скачущей лошади, оказался неточен.

Отряд джоконцев приблизился к дороге. Их командир сделал рукой какой-то знак. Двое всадников отделились и отправились в погоню за Лисе. Остальные развернулись, перегородили дорогу и замерли. В ожидании.

Ферда выругался, оглянулся назад, потом снова посмотрел вперёд, крепко сжав зубы: он откинул плащ и коснулся рукой рукояти меча. Затем бросил обеспокоенный взгляд на Исту, видимо придумывая, как бы прикрыть её, если их малочисленный отряд предпримет попытку прорваться сквозь заслон. Иста тоже посмотрела назад. Новые ряды всадников всё продолжали выныривать из-за вершины холма, конца им было не видно.

Стоит пролиться хоть капле крови, ситуация выйдет из-под контроля. Смерть будет платой за смерть.

— Ферда! — крикнула Иста. Получилось сухое карканье. — Выхода нет. Нужно остановиться и сдаться!

— Нет, госпожа! — лицо его исказилось мукой. — Клянусь данным мной обетом и честью,

нет! Мы умрём, защищая вас!

— Лучше останьтесь в живых и защитите меня с помощью ума и выдержки, Ферда!

Хотя лучшие умы и образцы выдержки остались позади, в канаве. Иста вздохнула, загнала душевный страх, заглушавший даже физический ужас, подальше и заставила себя произнести:

— Своим именем приказываю! Останавливаемся!

Ферда сжал челюсти, но это была уже не решимость. Основная часть джоконцев наступала на пятки, гоня прямо на линию, перерезавшую дорогу впереди. Иста видела арбалеты в руках стоящих всадников. Теперь под ногами стрелков была твёрдая почва.

Ферда поднял руку.

— Остановиться!

Изнурённые лошади, спотыкаясь, встали. Мужчины отбросили назад плащи и потянулись к оружию.

— Оставить мечи в ножнах! — рявкнул Ферда.

Некоторые выразили недовольство вслух. Разочарование, напряжение, лихорадочный румянец… Но подчинились. Все, равно как и Иста, знали правила игры. И не хуже чем она, понимали что произойдёт, если их нарушить.

Джоконцы с копьями, мечами наголо и арбалетами наперевес, плотно сомкнув ряды, окружили их со всех сторон.

Глава седьмая

Иста привстала в стременах, стараясь пересохшим горлом вымолвить хоть слово на порядком подзабытом рокнари:

— Требую условий выкупа, — и продолжила на ибранском: — Я — леди ди Анджело, и провинкар Баосии — мой покровитель! Я гарантирую выкуп за меня и моих людей! Всех до единого! — на всякий случай она повторила на рокнари. — Выкуп за всех!

Один офицер выдвинулся вперёд. Его отличала кольчуга более тонкой работы, изящные украшения в виде листьев, выдавленные на коже уздечки седла, ножен, и зелёная шёлковая, расшитая золотыми и белыми нитями перевязь с изображением летящих джоконских пеликанов. Его характерные для рокнарцев золотисто-бронзовые волосы были собраны в сложную причёску из переплетающихся косичек, сходящихся у шеи в одну. Он окинул взглядом ряды шалионцев; возможно, при виде одежд и эмблем Ордена Дочери в нём проснулась хоть капля уважения? Иста, которая на протяжении всех недель паломничества

всячески гнала от себя мысль о молитвах, хотя и двигала механически губами на утренних службах, теперь горячо молилась, слушая безумно колотящееся сердце: Госпожа, в сезон Твоей силы, укрой покровом защиты своих верных слуг.

На вполне сносном ибранском офицер приказал:

— Сложите оружие!

Ещё миг мучительного колебания, потом Ферда скинул плащ и снял через голову перевязь. Меч и ножны звонко ударились о землю. Кинжал с пояса полетел вслед за ними. Гвардейцы последовали его примеру с той же неохотой. Пять арбалетов и несколько копий были уложены на груду оружия более аккуратно. Взмыленные, чуть ли не дымящиеся лошади стояли смирно, пока Ферду и его ребят заставляли спешиться и сесть на землю чуть поодаль под прицелами луков, в окружении джоконцев с мечами наголо.

Солдат взял коня Исты по уздцы и жестом приказал ей спуститься. Ноги чуть не подогнулись, когда её ботинки коснулись земли. Казалось, будто колени сделаны из заварного крема. Она отшатнулась от протянутой им руки, хотя почти сразу поняла, что он хочет просто подхватить её под локоть и не дать упасть. Подошёл офицер и

отдал ей что-то наподобие салюта, улыбаясь, как ему представлялось, обнадёживающе.

— Шалионская знатная дама, — в этом утверждении всё же слышалась доля вопроса; простое платье вряд ли могло служить подтверждением заявленного статуса. Офицер скользнул по ней взглядом, но не нашёл ни колец, ни брошей, ни других драгоценностей. — Что вы здесь делаете?

— У меня есть право здесь находиться, — Иста вздёрнула подбородок. — Вы прервали моё паломничество.

— Демонопоклонники квинтарианцы! — он ритуально плюнул, но в сторону. — О чём ты молишься, а? Женщина?

Иста подняла бровь:

— О мире. А вам следует обращаться ко мне «леди», — добавила она.

Он фыркнул, но, судя по виду, принял её слова к сведению или просто потерял интерес. Человек шесть принялись копаться в седельных сумках, офицер разразился тирадой на рокнари, такой быстрой, что Исте было не уследить, направился к зачинщикам и отогнал их подальше от добычи.

Зачем — Иста поняла потом, когда подтянулась основная часть колонны. Несколько мужчин с зелёными кошелями на поясе, выдававшими

королевских приказчиков, выехали вперёд в сопровождении старших офицеров. Теперь все седельные сумки выпотрошили и содержимое разложили в гораздо более систематизированном порядке, чтобы составить опись. Приказчики были нужны для того, чтобы проследить за тем, что пятая часть улова, предназначенная князю Джоконы, тщательно высчитана. Один из них прохаживался туда-сюда, непрерывно делая стилом пометки на табличках, внося в список коней и упряжь. Теперь не осталось сомнений, что экспедиция носила более-менее официальный характер, а не была случайным бандитским нападением.

Офицер отчитался перед командованием; Иста дважды услышала слово «Баосия». Один из мужчин, копавшихся в седельных сумках, с победным кличем выпрямился. Иста решила, что он обнаружил какой-нибудь кошель, но он радостно размахивал картами Ферды. Джоконец подбежал к офицерам, тараторя на рокнари:

— Смотрите, милорды, смотрите! Карты Шалиона! Мы больше не будем плутать!

Иста удивлённо моргнула. И стала осматриваться более пристально.

Кони и люди, нагнавшие их, были не менее

взмылены и изнурены, чем они сами, и Иста, помня о замечаниях Лисе насчёт лошадей, теряющих силы к концу скачки, поняла, что её кавалькада, возможно, смогла бы уйти от рокнарцев, если бы не вмешался передовой отряд, посланный загодя на разведку. Все воины потные, потрёпанные, немытые, заросшие щетиной. Их замысловатые причёски из рокнарских косичек растрёпаны и явно не переплетались на протяжении многих дней, а то и недель. Солдаты, подъехавшие позже, имели ещё более плачевный вид. Многие ходили перевязанные, поцарапанные, в синяках, некоторые вели в поводу коней, чьи сёдла пустовали, иногда количество животных в связке доходило до трёх и даже до четырёх. Явно не добыча, поскольку сбруя в большинстве своём рокнарская. Часть их, вполне возможно, — запасные лошади. Но не все. Обоз, прибывший к месту ещё позже, оказался до странности скудным.

Если обозом заканчивается их колонна и среди пленников не видно ни Фойкса, ни ди Кэйбона… Иста позволила разгореться маленькой надежде. Если приказчики, считающие лошадей, считают ещё и людей, то они могут заметить два пустых седла, но к тому времени, когда они пошлют кого-нибудь на поиски недостающих, Фойкс, вместе

со служителем, уже найдут себе укрытие понадёжней. Если Фойкс так же скор на ноги, как на язык, — если демон-медведь не слишком спутал его мысли, — и если джоконцы просто не убили их и не оставили тела на дороге…

Но одно можно сказать с уверенностью. Эти джоконцы не собираются ни на кого тайно нападать. Они явно либо понесли поражение, либо одержали весьма трудную победу. И возвращаются домой, на север. Она была исключительно рада за Шалион, но начала серьёзно беспокоиться за себя, Ферду и его гвардейцев.

Распалённые, измученные, выдохшиеся люди на грани своих возможностей превращаются в очень неприятных захватчиков.

Офицер вернулся и сделал ей знак, чтобы она села у обочины, в пятнистой тени маленького корявого деревца, разновидности странной северной флоры с лапчатыми листьями. Обыск сумки Фойкса принёс урожай — кошель с золотом, весьма обрадовавший приказчиков князя, и теперь офицеры смотрели на Исту уже с большим уважением или просто прикидывали её стоимость. Они сняли багаж и с пойманных мулов. Иста отвернулась, отказываясь смотреть, как солдаты, хрипло посмеиваясь, играют с её

одеждой. Офицер выразил желание уточнить, насколько близки её родственные отношения с провинкаром Баосии, и Иста без запинки выдала им всё воображаемое фамильное дерево. Он как будто засомневался, что богатый провинкар предложит за неё выкуп.

— О да! — холодно ответила Иста. — Думаю, он прибудет за мной лично.

А с ним будет тысяча меченосцев, пять тысяч стрелков и кавалерия марча ди Паллиара на закуску. Ей вдруг пришло в голову, что если она не хочет, чтобы за неё умирали, то выбрала не совсем верный путь. Но нет. Ещё есть шанс убежать или быть выкупленной за сумму, представляющую лишь малую часть её реальной стоимости, если, конечно, никто не раскроет инкогнито. Лисе… Удалось ли ей уйти? Никто из солдат пока не явился, таща за собой упирающуюся девушку или с её бездыханным телом, перекинутым через седло.

Офицеры спорили над картами, пока люди и животные отдыхали, пытаясь отыскать себе хоть какую-то полоску тени; мухи вились вокруг. Офицер, говорящий на ибранском, принёс воды в вонючем кожаном мехе; Иста помедлила, облизала сухие потрескавшиеся губы и глотнула.

Вода, в конце концов, оказалась прохладной. Иста объяснила, что неплохо бы отнести воду Ферде и его отряду, — рокнарец согласился. Наконец, её посадили обратно на коня, крепко привязав запястья к луке седла, а жеребца, в свою очередь, вплели в связку других, следующих за обозом. Людей Ферды выстроили в линию и погнали далеко впереди под охраной более серьёзно вооружённых солдат. Разведчики снова ускакали вперёд, и колонна возобновила путь на север.

Иста оглядела своих товарищей по плену, точно так же привязанных к лошадям, как она сама. Их оказалось странно мало, около десятка истощённых мужчин и женщин, детей не было вообще. Рядом, в другой цепочке лошадей, ехала женщина постарше. Её платье, уже изрядно ободранное, было умело скроено и изящно украшено, — очевидно, женщина не из простых, и её семья может предложить за неё солидный выкуп. Иста наклонилась к ней:

— Откуда эти солдаты? Если не считать Джоконы.

— Думаю, из какого-то рокнарского ада, — ответила та.

— Нет, туда они, в конце концов, отправятся, — прошептала Иста в ответ.

Уголки губ женщины приподнялись в мрачной улыбке; хорошо, она не глупа. Или уже не глупа.

— Я ежечасно молюсь об этом. Они забрали меня из Раумы в Ибре.

— Ибра! — Иста взглянула налево, туда, где вдали возвышался горный хребет. Должно быть, они переправились из Ибры через какой-нибудь малоизвестный перевал и попали в Шалион, надеясь срезать путь к дому. И преследовали их упорно, раз они решились на этот отчаянный ход.

— Неудивительно, что они словно с неба свалились.

— А в какой части Шалиона мы находимся?

— Провинция Толноксо. Этим всадникам предстоит двигаться ещё сотню миль, прежде чем они доберутся до безопасных мест, — через оставшуюся часть Толноксо и через весь Карибастос. Только тогда они достигнут границ Джоконы. Если смогут, — она помолчала. — Надеюсь, теперь фактор неожиданности утрачен. Кое-кому из нашего отряда удалось сбежать.

Глаза женщины на секунду вспыхнули:

— Хорошо, — через некоторое время она добавила: — Они внезапно напали на Рауму на рассвете. Их вторжение было хорошо спланиро-

вано — они уже захватили несколько десятков более укреплённых городов вдоль границы. Я привезла дочерей в город, чтобы совершить подношения на алтарь Дочери, ведь моя старшая собиралась — и, молю богиню, всё ещё собирается — замуж. Сначала джоконцам было интереснее грабить, а не разрушать и насиловать. Они не тронули остальных, кто находился в храме, хотя и держали их внутри, угрожая мечами. Но потом они задержались, чтобы снести башню Бастарда и замучить несчастную служительницу, которая там распоряжалась, — женщина поморщилась. — Они застали её ещё в белом одеянии; у неё не было возможности спрятаться. Они убили её мужа, когда тот пытался защитить её.

Женщине, посвятившей себя пятому богу, кватернианцы сначала тоже отрежут большие пальцы рук и язык. Потом они её изнасилуют, скорее всего, самым долгим и непристойным способом.

— В конце концов, они сожгли её вместе с башней бога. — Женщина вздохнула. — К тому моменту это уже казалось милостью. Но за святотатство они получили сполна, войска марча Раумы напали на них, когда они ещё были в городе. Пусть Сын даст силу деснице марча! Он

не знал пощады, ведь служительница была его единоутробной сестрой. Я думаю, он помог ей получить эту должность, чтобы устроить её жизнь.

Иста понимающе кивнула.

— Мои дочери сбежали во время этой суматохи… надеюсь. Быть может, Мать услышала мои молитвы, потому что я в страхе предложила ей себя в обмен на них. Меня схватили и увезли всадники, чьи ряды были уже сломлены, они отступали; по моей одежде и украшениям они решили, что я могу принести им выгоду.

Теперь на ней действительно не было украшений.

— Жадность пробудила в них уважение ко мне, но с моей горничной они обращались… ужасно. Всё же, мне кажется, она ещё жива. Они бросили всех пленников попроще в лесу, потому что те задерживали их подъём в горы. Если бедняги нашли в себе силы держаться вместе и не запаниковать, то теперь, наверное, они уже спаслись. Надеюсь… надеюсь, они не бросили раненых.

Иста кивнула. Она никак не могла понять, о чём думал князь Джоконы Сордсо, дозволяя — нет, направляя — этот разбой. Больше похоже на прощупывание обстановки, чем на первую волну вторжения. Возможно, это попытка взбаламу-

тить Северную Ибру, заставить войска старого короля развернуть масштабную защиту и таким образом не дать им присоединиться к Шалиону в осенней кампании против Виспинга? Если так, то стратегию вряд ли можно назвать успешной. Если только эти люди, сами того не зная, не были сознательной жертвой…

Не особо тяжело раненные ехали вместе с обозом. Иста предположила, что серьёзно раненых бросали на дороге на сомнительную милость недавних жертв. Один мужчина привлёк внимание Исты. Судя по одежде и упряжи, он был старшим офицером, даже весьма высокого звания. На нём не было ни повязок, ни видимых ран, но он ехал привязанный к седлу, так же как и пленники, время от времени постанывая, на лице его отражалась мука, косички печально повисли. Он бормотал слова, непонятные даже самим рокнарцам, — так решила Иста. Может, это последствия удара по голове? Его бормотание беспокоило её, от стонов сводило зубы; Иста втайне обрадовалась, когда обоз перестроился и раненого увели подальше от неё.

Через несколько миль они встретили всадников, посланных в погоню за Лисе, оба сидели на одной спотыкающейся лошади, а вторая хромала

рядом. Разгневанный командир приветствовал их изощрёнными рокнарскими ругательствами и пинками; обоих выдохшихся животных отпустили и заменили на менее усталых. Иста скрыла злорадную улыбку. Джоконцы ещё раз сверились с картами Ферды, отправили ещё группу разведчиков, и колонна двинулась дальше.

Час спустя они добрели до деревушки, где отряд Исты собирался свернуть на восток к Маради. Она оказалась абсолютно пустой, ни единой души, ни одного животного, за исключением нескольких кур, кошек и кроликов. Судя по всему, Лисе забралась далеко, удовлетворённо подумала Иста. Джоконцы, торопясь, обыскали деревню, таща всё, что могло сойти за пищу и корм для лошадей, поругались, поджигать здешние домишки или нет, поспорили над картами и наконец поспешили на север, стараясь сократить путь домой. Разум и дисциплина, хотя и с трудом, но всё же не сдавали свои позиции, и от оставшейся позади деревни не поднимался чёрный дым, видимый за много миль и отмечающий места, где побывали рокнарцы.

Солнце скрылось за горами. Сумерки стали сгущаться, когда колонна свернула с лёгкой, но чересчур опасно открытой дороги и принялась

карабкаться по тому, что в другое время года можно было бы назвать высохшим оврагом. Теперь же в глубине его бурлил поток. Ещё через несколько миль они снова повернули на север, продираясь сквозь кустарник туда, где деревья росли плотнее и можно было укрыться. Иста не могла понять, к чему такая скрытность, — ведь они оставили столько отпечатков копыт, сломанных веток и навоза, что даже она сама, с её скудными талантами следопыта, смогла бы выследить их. Джоконцы разбили лагерь в тенистой лощине, разложив только несколько костров, чтобы поджарить украденных цыплят. Лошадям нужно было дать время сжевать корм и зерно, награбленные в деревне, а людям восстановить силы. Пленницам выдали спальные принадлежности не хуже, чем у самих джоконцев, во всяком случае, по виду точно такие же. Еда тоже не отличалась от той, что ели захватчики. В любом случае, на жареную кошатину не похоже. Иста задумалась, не досталась ли ей походная постель умершего и если да, то какие сны ей это принесёт.

Лучше бы какие-нибудь полезные. Это была не совсем молитва. Но вещие сны не приходили, да и обычных приснилось немного, пока она

вертелась туда-сюда, периодически засыпая и просыпаясь от странных шорохов, или когда какая-нибудь из женщин начинала всхлипывать в одеяло, плохо приглушавшее рыдания.

Один из раненых джоконцев умер этой ночью от жара, вызванного ранами. Его похороны на рассвете были поспешными, не все правила были соблюдены, но Брат тем не менее милостью своей принял его душу, подумала Иста. Так или иначе, она не почувствовала присутствия беспокойного духа, когда проходила мимо небольшого холмика земли. Её сын Тейдес умер от заражения крови. Она подловила момент, когда никто из джоконцев не смотрел на неё, и незаметно благословила могилу кватернианским знамением. Пусть это хоть как-то успокоит умершего мальчика, заблудившегося в чужой стране.

Колонна не стала возвращаться на дорогу, а двинулась на север по холмистому бездорожью. Приходилось идти медленно, и Иста чувствовала, как с каждым часом растёт напряжение.

Горы по левую руку становились ниже; уже ближе к вечеру они пересекли невидимую границу с провинцией Карибастос. Дикая местность всё чаще перемежалась населённой, вынуждая рокнарцев делать крюки, чтобы обойти обнесённые

стенами города и деревни. Количество речушек и ручьёв уменьшилось. Джоконцы остановились у одного из них, давая лошадям отдохнуть. Как и полагалось шалионской провинции, граничащей с Пятью Княжествами, Карибастос был лучше укреплён, его крепости находились в лучшем состоянии, а народ был готов к регулярно происходящим стычкам. Джоконцам лучше бы идти здесь под покровом темноты. Ещё три перехода, прикинула Иста.

Её, особо ценную пленницу, снова посадили под дерево, принесли еды и оставили одну. До тех пор пока в низких лучах солнца, клонящегося к закату, не появился говорящий на ибранском офицер в сопровождении двух своих начальников. В руках он держал какие-то бумаги, а на его лице застыло удивлённое, обеспокоенное выражение. Он остановился рядом с Истой, сидевшей прислонившись к дереву. Она ничего не сказала, дав ему заговорить первым.

— Приветствую, миледи, — он как-то странно выделил это голосом. Ни слова больше не произнося, он протянул ей бумаги.

Это было письмо, незаконченное, помятое от пребывания в седельной сумке. Уверенный квадратный почерк принадлежал Фойксу. Сердце

Исты ушло в пятки ещё до того, как она прочла обращение. Письмо предназначалось канцлеру ди Кэсерилу, в Кардегосс. После почтительного безошибочного перечисления всех титулов и регалий великого придворного шёл следующий текст:

«Высокочтимый лорд!

Я в меру сил продолжаю докладывать обстановку. Мы покинули Касилшас и прибыли в Виниаску: на завтра тут намечена ярмарка. Я был рад оставить Касилшас. Просвящённый ди Кэйбон, видимо, не понимает, что такое секретность или хотя бы просто благоразумие. Пока он ходил вокруг да около, уже полгорода знало, что леди ди Аджело — это вдовствующая королева, и пришло выразить ей своё почтение, что, как мне кажется, совсем ей не понравилось.

По результатам моих дальнейших наблюдений я начинаю с вами соглашаться; госпожа Иста не безумна в обычном смысле, хотя время от времени я чувствую себя рядом с ней странно и как-то по-дурацки, словно она видит, чувствует или знает больше, чем я. Иногда она надолго замолкает и как будто бы полностью погружается в грустные мысли. Не знаю, почему я раньше думал, что женщины болтливы. Было бы легче, если бы

она говорила почаще. А что касается того, что поводом для паломничества послужило какое-то божественное внушение, как вы опасались после долгих молитв в Кардегоссе, то мне тут сказать нечего. Но, если вспомнить, что я провёл несколько недель рядом с вами и целым каскадом чудес и ничего не заметил, то нынешние мои ощущения тоже не больно-то много значат.

Праздник в честь Дочери наверняка отвлечёт меня от забот. Продолжу писать завтра».

Далее стояло число следующего дня и продолжались аккуратные строчки.

«Праздник прошёл отлично, — затем следовало два абзаца забавного описания. — Ди Кэйбон напился до потери сознания. Он утверждает, что сделал это, чтобы избавиться от кошмаров, но мне кажется, что, скорее, наоборот — чтобы вызвать их. Ферда не особенно им доволен, но служитель сблизился с госпожой Истой больше, чем любой из нас, так что, вполне возможно, это ему действительно необходимо. Сначала я счёл его толстым нервным идиотом, о чём я уже писал вам раньше, но теперь я начинаю думать, может, идиотом был как раз я.

Обо всём этом я напишу, когда мы остановимся в следующий раз; скорее всего это произойдёт в

захолустной деревушке, затерянной среди холмов, где родился какой-то святой. Я бы тоже там родился, если бы у меня был выбор. Я беспрепятственно отправлю это письмо из дома Дочери, из Маради, если мы повернём в ту сторону. Попытаюсь предложить такой маршрут. Не думаю, что стоит рисковать и забираться дальше на север, тем более что я уже перечитал всё, что взял с собой».

На этом письмо обрывалось, полстраницы остались неисписанными. Фойкс, видимо, был чересчур потрясён и не стал рассказывать о медведе, а на следующий день их захватили джоконцы.

Иста подняла глаза. Один из джоконцев, молодой, тёмноволосый, смотрел на неё с довольной, жадной улыбкой. Старший, тот что пониже, с зелёной перевязью, богато расшитой золотом, судя по всему командующий кампанией или один из немногих выживших старших офицеров, задумчиво хмурился. В его глазах можно было прочесть дальновидные стратегические размышления, которые беспокоили его гораздо больше, чем обычная жадность. Офицер, знавший ибранский, видимо, тоже трезво оценивал ситуацию.

Иста решила предпринять последнюю попытку

удержать инкогнито, какой бы тщетной она ни казалась. Она протянула им бумагу с безразличным видом:

— Какое отношение это имеет ко мне?

Переводчик взял письмо:

— В самом деле, королева, — он поклонился ей, как было принято при рокнарском дворе, — коснулся земли правой рукой, прижимая большой палец к ладони. Полушутливо, но с долей осторожности.

Командующий сказал на рокнари:

— Так это действительно печально известная мать королевы Изелль?

— Видимо, да, милорд.

— Боги осенили нас своей щедрой рукой, — произнёс тёмноволосый, его голос дрожал от волнения. Он сделал кватернианский знак благословения, тронув лоб, пупок, низ живота и сердце; большой палец снова был тщательно прижат к ладони. — По одному их мановению все наши горести возмещены сполна, и теперь мы богаты!

— Я думал, они держат её в замке. Что за беспечность — позволить ей шататься по дорогам вроде этой? — спросил командующий.

— Её охрана не могла предположить, что может встретить нас здесь. Даже мы не могли

предвидеть, что окажемся тут, — ответил тёмноволосый.

Командующий хмуро уставился в письмо, хотя было очевидно, что без помощи своего офицера он едва ли сумеет понять одно слово из трёх. — Этот канцлерский шпион слишком беззаботно болтает о богах. Это непочтительно.

И это тебя беспокоит. Замечательно, подумала Иста. Сложно было воспринимать Фойкса как шпиона. Её оценка его хитрости и сообразительности поднялась на новый уровень, ведь он ни словом не обмолвился о своём задании. Хотя, конечно, если оглянуться назад, то всё обретало чёткий смысл. Если бы он писал кому угодно, а не лорду ди Кэсерилу, то это глубоко оскорбило бы Исту, но весь Шалион в руках канцлера, а её собственный долг перед этим человеком безбрежен, как море.

Командующий откашлялся и обратился к Исте на жутком ибранском:

— Думаешь, ты отмечена богами, безумная королева?

Иста, продолжая спокойно сидеть, позволила губам сложиться в загадочную полуулыбку:

— Если бы ты был отмечен богами, тебе не пришлось бы спрашивать. Ты бы знал ответ.

Он отпрянул, сощурив глаза:

— Нечестивая квинтарианка!

Она одарила его лучшим из своих бесстрастных взглядов:

— Спрашивай у своего бога. Обещаю, с Ним ты скоро встретишься. Твой лоб отмечен Его знаком, а Его руки готовы принять тебя в объятия. — Тёмноволосый что-то спросил; говорящий на ибранском офицер перевёл её холодное замечание; судя по всему, стрела попала в цель. Чтобы выдать такое пророчество, едва ли нужно иметь связь с богами, учитывая непрочное положение джоконских всадников. Губы командующего сжались ещё сильнее, но он больше не пытался вступить с ней в словесную перепалку. Казалось, он наконец осознал, насколько возросла опасность их отступления с появлением её в качестве пленницы. Побег Лисе причинит гораздо больше проблем, чем он полагал ранее.

Женщин перевели поближе к тому месту, где расположился командующий, и к ним были приставлены ещё двое стражей — чтобы присматривать за Истой, в этом она не сомневалась. Это обращало в прах все надежды ускользнуть в лес в темноте во время какой-нибудь суматохи, когда за ней никто не будет наблюдать.

Вечер прошёл неспокойно. Притащили джоконского солдата и высекли его за какую-то провинность — скорее всего, за попытку дезертирства. Старшие офицеры сидели тесным кружком и обсуждали, — время от времени они начинали громко и злобно ругаться, но потом быстро понижали голос, — идти ли дальше всей колонной, чтобы в случае чего иметь возможность защитить друг друга, или разбиться на группки и завершить побег в Джокону максимально незаметно.

Так продолжаться долго не могло, потому что некоторые больше не дожидались приказа разделиться и бежать. Ещё раньше, во время долгого перехода, Иста от нечего делать считала джоконцев — всего получилось около девяноста двух человек. Будет интересно ещё раз заняться подсчётами завтра, когда рассветёт. Чем меньше их количество, тем хуже они смогут защитить себя, если будут оставаться вместе. Сколько ещё ждать до того, как колонна будет вынуждена разбиться из-за недостатка людей?

У командующего джоконцев были все причины, и внутренние, и внешние, чтобы заставить их продвигаться вперёд как можно быстрее, и поэтому Иста не удивилась, когда её разбудили

около полуночи и заставили сесть верхом. Однако на сей раз её отделили от обоза и приставили к ней говорящего на ибранском офицера. Двое других всадников ехали поблизости. Спотыкаясь и бранясь, колонна двинулась в темноту.

Сначала она думала, что войска Толноксо обрушатся на них сзади, выследив по слишком заметным знакам их пребывания, но эта провинция давно осталась позади. С каждым часом возможная расстановка сил смещалась: теперь более вероятной казалась атака спереди, чем нападение сзади. В этом можно было отыскать тактическую мысль: пусть джоконцы тратят зря силы, чтобы добраться до поля боя, уже занятого их врагами.

И всё же… может быть, Лисе до сих пор держит в тайне настоящее имя Исты, сообщив властям, что непрошеные проезжающие по провинции схватили знатную даму средней руки, прервав её паломничество? Иста в красках представляла, как провинкар Толноксо медлит, позволяя убегающим джоконцам стать проблемой провинкара Карибастоса. Ди Кэйбон и Фойкс не допустили бы такого, но добрались ли они до безопасного места? Может быть, они до сих пор блуждают по холмам? Побеждённые или введённые в заблуж-

дение демоном Фойкса, который быстро обрёл силу, сообразительность и волю, начав наконец пожирать подвернувшийся ему острый ум?

Следуя указаниям своих разведчиков, джоконцы покинули реденький лес и вышли на тёмную дорогу, решив преодолеть несколько миль быстрой рысью. Рассвет уже был близок, когда они свернули в русло реки, заполненное водой наполовину, копыта лошадей громко стучали по гальке и мокрому песку. Чтобы поговорить, всадникам приходилось подъезжать как можно ближе и наклоняться друг к другу. Иста облизала пересохшие губы, выгибая ноющую спину насколько позволяли руки, привязанные к луке седла. Между связанными запястьями и кольцом на седле, к которому крепился узел, был оставлен кусок верёвки, как раз такой, чтобы, если поднять руки и согнуться, можно было почесать нос. Прошло много времени с того момента, когда ей позволили попить, поесть и помочиться, и кроме того, внутренняя часть колен была стёрта в кровь.

А что если колонна всё-таки благополучно минует все засады и проскользнёт через границу Джоконы? В таком случае её несомненно передадут князю Сордсо, а он поселит её во дворце,

окружит уютом — нет, даже роскошью — и… кучей бдительных слуг. Неужели она сбежала из одного замка, чтобы стать пленницей в другом и, что гораздо хуже, превратиться в политический рычаг, работающий против тех немногих людей, которых она любит?

Чёрный цвет сменился серым, в темноте стали проявляться очертания деревьев и людей, затем они обрели цвет, а небо побледнело в преддверии рассвета. Туман висел низко над водой и клубился у берегов; двигаясь вперёд, лошади мешали его, словно молоко. Только небольшой выступ, обточенный ручьём, возвышался слева, красноватые оттенки его слоёв постепенно становились всё ярче.

Камешек, сорвавшийся с вершины выступа, упал в тёмную воду. Один из стражей Исты резко повернул голову на этот внезапный звук.

Удар — и арбалетная стрела вонзилась ему в грудь! Он едва вскрикнул и упал на гальку. Секунду спустя, Иста ощутила его смерть — словно разряд молнии по всем чувствам и головокружение. Её конь вдруг рванулся рысью, а затем перешёл на галоп. Вокруг начали кричать, отдавать приказы, ругаться, сыпать проклятиями. Были слышны ответные крики, сверху посыпа-

лись стрелы.

Пятеро богов, пусть атака закончится быстро! Ферда и его гвардейцы находятся в непосредственной опасности, потому что джоконцы, прежде чем броситься на нового врага, могут убить своих самых опасных пленников. Сначала одна, потом ещё одна смерть резанула её внутренние ощущения, словно белый огонь, несмотря на то что все внешние чувства были заняты вихрем движения. Иста дёргала стёртые запястья из стороны в сторону, тщетно пытаясь избавиться от пут, но узлы держали крепко и не ослабли даже после целой ночи езды. Если высвободить ступни из стремян, перекинуть обе ноги на одну сторону и спрыгнуть, то скорее растянутся руки, чем развяжутся узлы; конь потащит её за собой.

Оглушительный стук копыт, крики и вопли послышались со стороны авангарда колонны. Видимо, отряд кавалерии встретил джоконцев боевым кличем, ударами и звоном металла. Лошади ржали, трубно ревели и падали. Из арьергарда тоже послышались крики. Офицер, ведший в поводу коня Исты, так резко натянул поводья, что его лошадь встала на дыбы. Он затравленно озирался.

Командующий, не участвующий в рукопаш-

ной, подъехал к нему с мечом наголо, крича на рокнари остальным следовать за ним. Они увлекли за собой Исту и её надсмотрщика и бросились в сторону, карабкаясь на берег там, где он был пониже. Передние ряды мечами прорубали себе дорогу сквозь арбалетчиков в незнакомых серых плащах, которые спешили к месту боя. Полдюжины джоконцев и Иста прорвались через толпу и углубились в лес, который начинался за деревьями, растущими вдоль реки.

В голове у Исты стучало, зрение затуманивалось, в глазах то темнело, то становилось невыносимо ярко от ослепительных вспышек чужих смертей — столько душ в одно время и в одном месте насильно отделялись от тел. Она не осмеливалась потерять сознание и упасть — на такой скорости ей просто оторвёт руки. Лишь одна мысль пробилась сквозь мешанину чувств: как это нечестно по отношению к тому несчастному солдату, которого высекли кнутом прошлой ночью, что его же командир без всяких колебаний покинул его…

Она не видела ничего, кроме шеи коня, двигающейся перед ней, его прижатых ушей и мелькания земли внизу. Её глупого напуганного жеребца не нужно было тянуть за собой, он нёсся

бок о бок с остальными, да так, что угрожал через некоторое время начать вырываться вперёд и превратить её надсмотрщика в преследователя. Траектория их движения стала загибаться вправо по широкой дуге. Они, наконец, сбросили скорость, когда достигли более лесистой местности, низеньких холмов, покрытых редкими деревцами, кое-как скрывающими их от взора преследователей. А есть ли вообще эти преследователи?

Командующий в конце концов улучил момент и спрятал меч в ножны. Иста заметила, что на клинке даже не было крови. Он направился прямо в чащу, огибая попадающиеся на пути камни и деревья. Иста подозревала, что он не хотел сбить с толку тех, кто пойдёт по их следу, а был сбит с толку сам. Что ж, он наверняка сумеет определить, где находится север, а учитывая такое небольшое количество народу, им удастся спрятаться, возможно именно в этом он и хотел удостовериться. Деревья стали расти теснее. Они поднялись на холм и спустились в овраг. Иста пыталась прикинуть сколько миль теперь отделяет их от поля боя. По крайней мере пять или шесть.

Она думала об опасности, угрожавшей ей ещё тогда, когда лошади медленно брели по камням

ручья, теперь у неё снова появилась возможность перевести дыхание. Её положение едва ли стало хуже, чем раньше. Она не боялась ни изнасилования, ни страшных пыток, единственное, ей предстоит вынести все трудности и лишения, с которыми столкнутся и сами беглецы джоконцы. Эти офицеры потеряли всё — людей, снаряжение, трофеи, честь и даже дорогу. Но если они сумеют доставить Исту князю Джоконы, он простит им все неудачи. Она — их единственная надежда на спасение. Они не отпустят её за деньги, не послушают никаких угроз, не отдадут её в обмен на жизнь. Так что умышленно её не убьют, нет; но случайная смерть или смерть под горячую руку — да, вполне возможна. Звучит не особенно жизнеутверждающе.

Они проехали по дну оврага около мили. Он становился всё глубже, а склоны, всё более крутые, поросшие лесом, нависали с двух сторон; но впереди, на некотором расстоянии виделся неясный просвет. Они миновали поворот и обнаружили, что овраг выходит на спокойную, прозрачную небольшую речку.

Между склонами, преграждая любой путь к отступлению, стоял одинокий всадник. Исту сковал холод, или, может, это был страх? Конь

серовато-угольной масти был взмылен, его красные ноздри раздувались, но он нетерпеливо бил о землю копытом и нервно вскидывал голову, готовый в любой момент сорваться с места. Мужчина, казалось, не запыхался вовсе.

В его тёмно-рыжих волосах не было косичек, они были коротко подстрижены по шалионской моде, пряди у висков немного вились. Нижнюю челюсть покрывала аккуратная короткая бородка. На всаднике была кольчуга, тяжёлая кожаная перевязь, по серому плащу шли золотые нити. Плащ был залит кровью. Глаза всадника блеснули, когда он подсчитывал перевес сил, потом сузились и засияли.

Он по широкой дуге поднял меч, приветствуя противника. Рука, сжимавшая рукоять, была грязной, со следами запёкшейся крови. На секунду самая обречённая улыбка из тех, что Исте приходилось видеть на мужском лице, сверкнула ярче стали.

Всадник пришпорил коня и ринулся вперёд.

Глава восьмая

Перед лицом столь убедительного натиска замешательство джоконцев длилось слишком долго. Всадник пронёсся мимо двух рокнарцев, ехавших впереди, с такой скоростью, что они даже не успели обнажить клинки, — оба уже пошатывались от полученных кровавых ран; затем он обрушился на джоконца, ведшего в поводу коня Исты. Тот вскрикнул и увернулся, судорожно хватаясь за оружие; с громким свистом тяжёлый меч всадника рассёк туго натянутый повод. Уже освобождённый, жеребец Исты отпрянул.

Серый конь взвился рядом на дыбы. Клинок взлетел, каким-то непостижимым образом переместился в левую руку, не менее умелую, чем правая, блеснул лезвием и нырнул между руками Исты и седлом, к которому они были привязаны. Она едва успела поджать пальцы, прежде чем острый, словно бритва, металл снова рванулся вверх, разрубая путы, и мелькнул у самого лица. Всадник метнул в неё улыбку, столь же остро отточенную, как и его оружие, издал клич и пришпорил скакуна.

С радостным возгласом Иста освободила запястья от ненавистных верёвок и наклонилась вперёд, чтобы подобрать поводья. Охранявший её рокнарец развернул свою лошадь на месте, врезавшись в коня Исты, чуть не выбив из седла её саму, и успел предупредить её движение. Он потянул поводья через голову её коня.

— Пусти, пусти! — крикнула она, колотя его крепко стиснутую руку. Собственные поводья и меч джоконец неловко сжимал в другой руке; сильно свесившись набок, он еле удерживал равновесие. Повинуясь внезапному порыву, Иста вдруг схватила его за рукав и, стараясь удержаться в стременах, изо всех сил потянула. Изумлённый джоконский офицер выпал из седла и рухнул на галечное дно ручья.

Она надеялась, что её жеребец, шагнув по инерции в сторону, наступил на него, но полной уверенности не было. Ровные мокрые камни покрывал слой водорослей, по которым скользили копыта. Конь споткнулся и дёрнулся. Поводья теперь болтались внизу, норовя запутаться между передних ног животного. Иста перегнулась через луку седла, схватила их, потом упустила, снова ухватила и, наконец, поймала; грязный кожаный ремень скользнул между её не менее грязными

пальцами, и в первый раз за последние несколько дней она обрела контроль над собственными передвижениями. Звенели и скрежетали мечи. Она огляделась.

Один из замыкающих маленький отряд офицеров пытался оттеснить нападающего всадника к остальным, в то время как другой рокнарец подбирался поближе, чтобы ударить с незащищённой стороны. Командующий направил свою лошадь поближе к схватке, но левой рукой, неуклюже сжимавшей меч, он прикрывал правую. Кровь сочилась у него сквозь пальцы, бежала вниз по рукаву, от чего поводья сделались скользкими. Другой джоконский солдат, ехавший позади первой троицы и таким образом избежавший первого натиска, сумел снять с седельных ремней арбалет и взвёл тетиву в яростной поспешности; конь его шёл боком и фыркал. Стрелу солдат сжимал в зубах. Он выплюнул смертельный заряд в ладонь, защёлкнул его в нужном положени, и стал поднимать арбалет, чтобы прицелиться. Мишень двигалась, но расстояние было мало.

У Исты не было оружия… подгоняя коня пятками, на которых не было шпор, она пустила его рысью через ручей. Жеребец перескочил поток

и нехотя пошёл лёгким галопом. Иста дёрнула поводья и заставила его столкнуться с лошадью арбалетчика. Джоконец выругался, когда тетива зазвенела, но стрела ушла в сторону. Он швырнул тяжёлый арбалет в Исту, но та пригнулась, и снаряд пролетел мимо.

Командующий через плечо крикнул стрелку на рокнари:

— Забери женщину! Доставь её князю Сордсо!

Серый всадник, оставив позади на земле двоих истекающих кровью противников, метнулся вперёд; управляя конём одними коленями, он привстал на стременах и занёс меч над головой, готовя сокрушительный удар. Последний несчастный приказ командующего был отсечён вместе с его головой. Иста видела падающее тело, бьющую фонтаном кровь, метнувшуюся в сторону лошадь, ослепительный огонь бьющейся в агонии души, отделённой от своего прибежища, и уловила удивлённую мысль: «Теперь-то ты веришь моим пророчествам?»

И даже ещё более изумлённую: «Верю ли я?»

Сверкающий клинок и серый жеребец, не останавливаясь, понеслись дальше, к арбалетчику, который уже в полном бешенстве натягивал своё оружие. Меч опять скользнул из правой руки в

левую, и его остриё устремилось вперёд, словно наконечник копья. Сила удара коня и всадника была огромной и рассчитана точно; меч вошёл в грудь стрелка, прошив кольчугу, протащил тело по крупу лошади и пригвоздив тело к дереву, оказавшемуся позади несчастного. От чудовищного толчка лошадь упала, но затем вскочила и, тяжело дыша, унеслась прочь. На секунду тяжёлый меч вырвало из смертоносной руки хозяина, но он немедленно развернул коня, рванул рукоять и освободил клинок. Мёртвый джоконец сполз на землю, орошая корни дерева кровью.

Иста чуть не потеряла сознание от белого вихря кричащих, обезумевших душ, мечущихся вокруг. Она вцепилась в луку седла, заставила себя сохранить вертикальное положение и открыть глаза, перестав обращать внимание на внутреннее зрение. Реки крови, представшие перед её глазами, казались менее жуткими, чем нежелательные видения. Сколько людей умерло?.. Командующий, арбалетчик… ни один из двух замыкающих офицеров тоже не шевелился. Одному всаднику удалось скрыться, но направление его бегства было отмечено следами крови. В устье оврага офицер-переводчик, оставив меч в зелёно-красном месиве, вскарабкался на свободную лошадь.

Он, не оглядываясь, понёсся галопом вниз по течению.

Даже не запыхавшись, сжимая в руке меч, с острия которого капала кровь, серый всадник хмуро смотрел некоторое время ему вслед, потом повернулся и задумчиво взглянул на Исту. Он подъехал поближе к ней:

— Миледи, вы в порядке?

— Я… не ранена, — выдохнула она в ответ. Призрачные видения меркли, словно временное ослепление, когда смотришь прямо на солнце.

— Хорошо, — на его лице снова вспыхнула улыбка, на сей раз немного хмельная, — упоение битвой? Его рассудок не подвержен страху, но и благоразумия в нём тоже было немного. Разумные люди не нападают в одиночку на шестерых отчаянных солдат.

— Мы видели, как вас уводили, — продолжил он. — В поисках вас мы разбили лес на четыре сектора. Я подумал, что вы должны выйти сюда. — Он отвернулся, проверяя, нет ли вокруг каких-нибудь угрожающих движений; удостоверившись в их отсутствии, он довольно прищурился. Всадник вытер клинок полой грязного плаща, поднял его в коротком приветствии и со звонким щелчком спрятал в ножны. — Можно ли узнать имя леди,

с которой я имею честь и удовольствие разговаривать?

— Я… — Иста поколебалась. — Леди ди Аджело, кузина провинкара Баосии.

— Хм, — его брови опустились. — Я Порифорс. — Он повернулся в сторону устья оврага. — Нужно найти моих людей.

Иста разминала руки. Она не решалась коснуться докрасна стёртых запястий, которые кое-где были покрыты коркой, а кое-где кровоточили.

— А мне — моих, я была привязана к этой дурацкой лошади с прошлой полуночи. Без еды и воды, что сначала казалось жестокостью, а теперь — милостью. Если вы хотите довести до конца ваше сегодняшнее героическое поведение, то будьте добры, посторожите это животное и мою стыдливость, пока я пойду искать куст, — она с сомнением оглянулась на овраг. — Или камень, или что-нибудь ещё. Хотя вряд ли моему коню хочется сделать шагов больше, чем мне.

— А, — ответил всадник, тоном забавного сочувствия. — Конечно, миледи.

Он легко спрыгнул с боевого коня и взял у неё поводья. При виде запястий Исты его улыбка потухла. Она свалилась вниз, словно мешок с зерном, но сильные руки подхватили её. От них

на её тунике остались грязные красные следы. Он поддерживал её несколько секунд, пока не убедился, что ноги снова стали её слушаться.

Улыбка опять исчезла, когда он оглядел её с ног до головы.

— У вас юбка залита кровью.

Иста проследила за его взглядом. Складки юбки для верховой езды действительно были заляпаны кровью, свежей и уже подсохшей, в особенности на коленях. Последняя скачка превратила её и без того стёртую кожу в клочья.

— Ссадины от седла. Обычное дело, но чувствуется, что они действительно мои.

Он поднял брови:

— А что же тогда вы зовёте серьёзной раной?

Пошатываясь, она проковыляла к обезглавленному командующему:

— Вот это.

Всадник склонил голову, признавая её правоту.

Оставив тела позади, она поспешила дальше, поглубже в овраг, в поисках какого-нибудь камня, скрытого кустами. Когда Иста вернулась, её спаситель стоял на коленях у ручья. Он улыбнулся и протянул ей на древесном листе какой-то предмет. Она присмотрелась и, на се-

кунду смутившись, узнала в этом предмете кусок добротного мыла.

— Ох, — отозвалась она, чтобы не расплакаться. Иста упала на колени и вымыла в прохладном потоке, бежавшем по камням, сначала руки, а потом, уже с большей осторожностью, перешла к запястьям. Сложив ладони лодочкой, она принялась пить одну пригоршню за другой.

Всадник положил свёрток из льняной ткани на плоский камень и развернул его, явив миру кучку чистых тряпок, специально нарезанных на лоскуты для перевязки ран. Видимо, это он извлёк из своей седельной сумки, ведь джоконцы давным-давно использовали все бинты на себя.

— Госпожа, боюсь, мне придётся вынудить вас проехать верхом ещё некоторое расстояние. Может быть, вы сначала промоете и перевяжете себе колени?

— О да. Спасибо большое.

Иста уселась на камень, сняла ботинки, насколько она помнила, в первый раз за долгое-долгое время, и осторожно закатала юбку на ноге, отдирая подол там, где он прилип к волдырям, а потом и присох. Всадник склонился над ней, вымыл руки, собираясь помочь, но она терпеливо продолжила процедуру сама. Теперь мыло.

Болезненно, но становится легче. И виднее. Из глубоких алых ссадин, сочилась желтоватая жидкость.

— Неделю будет заживать, — заметил он.

— Наверное.

Как конный воин, он не раз сталкивался с такими ранами и говорил это со знанием дела. Ещё несколько секунд он наблюдал за ней, словно желая убедиться, что она всё делает правильно, потом размял пальцы, потёр лицо, поднялся и направился к телам погибших.

Он осматривал трупы, не с целью найти трофеи, — он едва ли взглянул на перстни, булавки и кошельки, видневшиеся то тут, то там. Все бумаги, которые ему попадались, он изучал и прятал в складках туники. Этот Порифорс — или ди Порифорс, ведь он не сказал, его ли это имя или имя их рода, — без сомнения, офицер, и, судя по всему, весьма рассудительный: наверное, какой-нибудь боевой вассал провинкара Карибастоса или вымуштрованный лорд-воин. Письмо Фойкса, вероятнее всего, осталось с брошенной колонной или оказалось у кого-то из сбежавших.

— Скажите, миледи, а кто ещё был среди пленников?

— Благодарение богам, их было немного. Шесть

женщин из Ибры и семеро мужчин, которых джоконцы посчитали достаточно ценными, чтобы тащить за собой через горы. Ещё двенадцать, нет, одиннадцать гвардейцев Ордена Дочери, которых отрядили сопровождать меня в паломничестве, прерванном джоконцами… два дня назад. — Неужели прошло лишь два дня? — Я надеюсь, что один из моих гвардейцев и ещё несколько человек из моего отряда успешно сбежали в Толноксо, где нас и перехватили рокнарцы.

— А была ли в плену ещё какая-нибудь дама из Шалиона? — он нахмурился ещё сильнее.

Иста коротко кивнула, стараясь придумать, что бы ещё полезного сказать этому решительно настроенному офицеру.

— Эти всадники действуют под эгидой князя Сордсо, у них эмблема князя. Они прошли через Ибру, разграбив город Раума, а потом сбежали через перевал, потому что марч Раумы преследовал их слишком рьяно. Тот, кого вы обезглавили, — она кивнула на скорбное тело, — был их предводителем, хотя не думаю, что он был командующим с самого начала. Что касается вчерашнего дня, их насчитывалось девяноста два человека, если только кто-нибудь не дезертировал до того, как мы попали в вашу засаду.

— Толноксо… — он отряхнул руки, встал над последним телом и зашагал к Исте, посмотреть на её успехи. Она как раз завязывала бинт на втором колене. Его исключительная галантность обостряла, а не притупляла, понимание, что она находится наедине с незнакомцем. — Тогда нет ничего удивительного. Вы сейчас меньше, чем в тридцати милях от границы с Джоконой. За последние два дня колонна преодолела не меньше ста миль.

— Они спешили. Им было страшно, — Иста огляделась. Стали собираться зелёные мухи, чьи крылья ослепительно переливались в свете солнца, они грозно жужжали. — Но, к сожалению, не настолько страшно, чтобы с самого начала остаться дома.

Он кисло усмехнулся:

— Может, к следующему разу их страх усилится, — он поскрёб бороду. Она была светлее, чем его тёмно-рыжие волосы, и в ней виднелись серебристые нити.

— Эта ваше первое сражение, миледи?

— Такого плана — да, — она закрепила последнюю повязку и крепко затянула узел.

— Спасибо, что толкнули того парня с арбалетом. Очень своевременно.

Он заметил? Пятеро богов! А она-то думала, он был полностью сосредоточен на битве.

— Всегда пожалуйста.

— Я вижу, вы всегда начеку.

— Знаю. — Услышав его удивлённый смешок, Иста подняла глаза и сказала срывающимся голосом: — Если вы будете ко мне слишком добры, я начну рыдать, что не сулит нам обоим ничего хорошего.

Он казался немного изумлённым, но кивнул:

— Жестокая леди, вы запрещаете мне проявлять доброту! Значит, так тому и быть. Нам пора в путь, чтобы перебраться в более безопасное место. Быстро и осторожно, потому что, сдаётся мне, в живых остались не только ваши люди. Надеюсь, сначала мы встретимся с кем-нибудь из моих. — Он хмуро огляделся. — Я пошлю их сюда забрать всё это и отловить лошадей.

Иста окинула взглядом скорбный пейзаж. Трупы лежали в неестественных позах; изнурённые лошади ушли недалеко. Кричащие видения исчезли, — она не сказала «благодарение богам», — но в овраге до сих пор отдавалось эхо их стонов. Ей хотелось скорее покинуть это место.

Всадник помог ей подняться, она благодарно кивнула. С каждой минутой отдыха тело затекало

всё больше. Ещё немного, и она не сможет ни ходить, ни ездить верхом.

Или даже просто сесть в седло. Попытка поддержать её ногу закончилась тем, что Иста застонала от боли; тогда он просто взял её за талию и подсадил. Она не была особо высокой, но и не напоминала тростинку, как тогда, когда ей было восемнадцать. Так нечестно, — этому мужчине должно быть столько же лет, сколько ей, но те годы, что посеребрили его бороду, нимало не отразились на его могучей стати. Конечно, патрулируя окрестности, он постоянно тренируется. Он легко и изящно оседлал своего высокого скакуна. Иста подумала, что этот красивый серый в яблоках жеребец тех же кровей, что и длинноногий гнедой Лисе, такой же поджарый, быстрый и выносливый.

Всадник направился вдоль реки вверх по течению. Иста заметила на песке и гальке следы его же коня, идущие им навстречу; радовало то, что других отпечатков копыт видно не было. Спустя несколько минут, следы поворачивали, скорее выворачивали, из редкого леска, тянущегося вдоль реки. Но они поехали дальше вдоль воды. Усталый конь Исты шагал медленно, через силу, и только присутствие другой лошади заставля-

ло его двигаться вперёд. Прямо как я, подумала Иста.

Она украдкой рассматривала своего спасителя при более ярком свете. Так же, как конь и меч, остальное его снаряжение было отличного качества, но не имело безвкусных украшений из драгоценных камней или металлических вставок. Офицер небедный, но серьёзно относящийся к своему делу. Чтобы выжить в течение двадцати лет на этой границе, а судя по бороде и обветренному лицу, он провёл здесь не меньше, мужчина должен уделять максимальное внимание тому, чем он занимается.

Это лицо притягивало её взгляд. Совсем не мальчишеское, свежее и румяное, как у Ферды или Фойкса, не старческое, сморщенное, как у ди Феррея, а лицо, полное силы и зрелости. Лицо человека, достигшего апогея жизни. Бледное, хотя и дышащее волей. Прошедшая зима в Карибастосе, видимо, была необычно пасмурной.

Ошеломляющее первое впечатление, это вовсе не то же самое, что любовь с первого взгляда. Но в любом случае, это приглашение задуматься над этим вопросом.

Что такое, в конце концов, она и любовь? Когда ей было восемнадцать, лорд ди Лютез подарил

ей яркий, простой, напоённый отравой триумф брака с королём Иасом. Который рухнул вниз в долгий, тёмный туман её вдовства и проклятия, ослепив ум и сердце. Весь расцвет её жизни покрыт чёрной пеленой, и эти долгие годы не изменить, не стереть. У неё не было ни жизни, ни опыта, которым другие женщины обладают к такому возрасту.

Несмотря на повсеместное идеализирование девственности, верности и непорочности — исключительно в отношении женщин, — Иста знала, что множество высокородных леди при дворе Иаса тайно или открыто заводили любовников. Она слабо представляла, как они со всем этим управляются. Такие вольности, конечно, не могли случиться при малом дворе вдовствующей провинкары в Валенде; старая леди терпеть не могла бессмыслицы и поэтому не держала вокруг себя бессмысленных молодых людей, не считая своей позорно безумной дочери Исты. Со времени снятия проклятия Иста дважды отправлялась в Кардегосс; первый раз, сопровождая провинкару на коронацию Изелль, второй раз прошлой осенью — навестить маленькую Исару; и оба раза ей не давали покоя придворные. Но в их глазах она видела не желание, а жадность. Они жаждали

милостей королевы, а не любви Исты. Нет, Иста не чувствовала любви. Ничего, вообще ничего, — решила она.

За исключением ужаса в последние три дня, наверное. Но даже страх находился по другую сторону прозрачной грани, разделяющей её разум.

И всё же, она покосилась в сторону, это поразительный мужчина! Не больше часа она сможет оставаться скромной леди ди Аджело, способной полюбить красивого офицера. Когда они прибудут на место, сон закончится.

— Почему вы молчите, леди?

Иста кашлянула:

— Никак не соберусь с мыслями. Мне кажется, я поглупела от усталости, — они ещё не добрались до безопасного места, но когда они, наконец, будут там, она упадёт, словно подрубленное дерево. — Вы тоже, наверное, всю ночь провели на ногах, подготавливая нам такой радушный приём.

Он улыбнулся на это, но сказал только:

— Теперь я не нуждаюсь в длительном сне. Отдохну после полудня. — Его глаза снова принялись её изучать, смущая пристальным взглядом. Казалось, что для него она остаётся какой-то чрезвычайно сложной загадкой. Иста, чувствуя

неловкость, отвела глаза в сторону и первая заметила предмет, плывущий вниз по течению.

— Труп, — указала она в его сторону. — Это та же река, вдоль которой ехала колонна джоконцев?

— Да, она тут поворачивает… — Он заставил своего коня войти в покрытую рябью воду до самого брюха, нагнулся, схватил тело за руку и отволок на песок. К огромной радости Исты, мёртвый не был одет в бело-голубые цвета Ордена Дочери. Ещё один несчастный молодой солдат, который теперь никогда не состарится.

Офицер поморщился, глядя на него:

— Похоже, разведчик. Я бы с удовольствием оставил его плыть дальше, в Джокону, пусть доложит о случившемся. Но туда, без сомнения, уже отправились куда более разговорчивые курьеры. Такие всегда найдутся. Этот может покоиться с миром. — Он оставил промокшее тело и пришпорил коня. — Их колонне пришлось бы здесь повернуть, чтобы миновать крепость Оби и замок Порифорс. Хотя последний изначально был построен для обороны южной, а не северной стороны. Им следовало бы разделиться, чтобы прошмыгнуть мимо нас по двое и по трое. Так бы они потеряли кого-нибудь, но не всех. Однако их привлекал самый короткий путь.

— И самый верный, раз они знали, что река течёт в Джокону. У них были сложности с определением направления. Не думаю, что такое отступление входило в их первоначальные планы.

Его глаза удовлетворённо сверкнули:

— Мой б… Мой лучший советник всегда говорил, в таких случаях так и получается. И, как обычно, он оказался прав. Поэтому прошлой ночью мы разбили на этой реке лагерь, ничего не делали и ждали, когда джоконцы сами придут нам в руки. Делом занимались разве что разведчики, которые загнали не по одной лошади, чтобы поддержать связь.

— А до вашего лагеря ещё далеко? Похоже, мой многострадальный конь уже на последнем издыхании. — Животное спотыкалось через каждые пять шагов. — Он мой собственный, и мне не хотелось бы, чтобы он начал хромать.

— Да, мы могли запросто выследить джоконцев только по изнурённым лошадям, которых они оставляли на пути, — он осуждающе покачал головой. По его грациозному жеребцу, даже после утренней гонки, было понятно, что заботятся о животном, как полагается.

Лёгкая улыбка мелькнула на лице офицера:

— Давайте облегчим ношу вашему коню.

Он подъехал к ней вплотную, бросил поводья своему жеребцу на шею, туда же перекинул и её повод, нагнулся, вынул Исту из седла и боком посадил перед собой. Она едва успела сдержать неуместный возмущённый возглас. Завершив все эти неожиданные перемещения, он не попытался сорвать поцелуй, не позволил себе никакой бесстыдной вольности, а просто обхватил её одной рукой, чтобы подобрать свои поводья, а другой поймал повод её коня. Ей не хватало только склониться к нему и для уверенности обвить руками. Что — очень осторожно — она и сделала.

Вблизи его прохладная сила поражала. От него не пахло высохшим потом, как Иста думала сначала, — без сомнения, она сама пахла сейчас хуже, чем он. Кровь, пятнами застывшая на его плаще, источала лёгкий запах, создавая ощущение, что над ним навис холод смерти. Иста опиралась на его руку, не касаясь самых влажных пятен, явственно чувствуя тяжесть своих ног на его бедре. Она не отдыхала в объятиях мужчины уже… уже так давно, что едва это помнила. И сейчас об отдыхе не было речи. Вялое изнеможение и отдых — вещи разные.

Он прижался лицом к её затылку; Исте показа-

лось, что он вдыхает запах её волос. Она тихонько вздрогнула.

Он заботливо прошептал:

— Поймите, я просто жалею вашего коня.

Иста тихо хмыкнула и почувствовала, что из-за её смешка он ослабил объятия. Было замечательно представить, что можно забыть о бдительности, но лишь на секунду. Притвориться, что безопасность обеспечивает кто-то другой. Это может продлиться ещё совсем недолго; он бы, конечно, никогда не стал бы блокировать ею правую — рабочую — руку, если бы они не были совсем близко от лагеря. Но, видимо, если будет притворяться она, то и он последует её примеру. Поэтому она ухватилась за него ещё крепче и позволила себе расслабиться. Глаза слипались.

Цоканье копыт по гальке, оклик; Иста знала, что это друзья, ещё до того, как подняла взгляд, потому что мышцы на обнимавших её руках совсем не напряглись. Твой сон окончен.

Она вздохнула.

— Милорд! — крикнул новый всадник. Сквозь опущенные ресницы Иста видела, как в уже ярком свете утра один из трёх солдат в серых плащах скачет вдоль берега им навстречу. Одетые в кольчуги солдаты пустили коней галопом и

окружили их смеющейся толпой.

— Она у вас! — продолжил тот, что кричал. — Я так и знал.

Голос её спасителя звучал довольно и, может быть, немного хвастливо:

— Я знал, что ты знал.

Иста представила, какую героическую картину они собой являют верхом на боевом коне в яблоках и какое это воодушевляющее зрелище для людей лорда. Этой ночью весь лагерь только и будет об этом шептаться. А командующий поддерживает свою таинственность, и, если это расчёт, она не станет винить его. И если, как мужчине, ему приятно галантно обнимать её обессилевшее тело, Иста тоже не могла его в этом винить.

Солдат выдал серию коротких рапортов: пленников удалось отбить, местность очищена от врагов, раненым оказывают помощь или доставляют на носилках в ближайший город, идёт подсчёт потерь.

— Мы ещё не отловили всех беглецов, — ответил командующий. — Хотя я начинаю сомневаться в точности показаний лорда ди Толноксо. В отношении количества джоконцев нам лучше опираться на цифру девяносто, а не двести, как заявлял он. Вниз по течению вы найдёте ещё пя-

терых убитых. Одного я вытащил из реки в трёх милях отсюда, думаю, он свалился с лошади, когда мы напали на их авангард. Остальные четверо ближе к оврагу где-то в миле от первого, там я пресёк их попытку сбежать с этой леди. Возьмите с собой несколько человек, отловите их лошадей, соберите амуницию и доставьте тела к остальным, чтобы занести их в список, — он бросил поводья коня Исты одному из солдат. — Позаботьтесь об этом животном, оно принадлежит леди. Его сбрую принесите мне в палатку. Через некоторое время меня можно будет найти там. Найдите кого-нибудь, кто доставлял в лагерь пленников из обоза и сразу же отправьте его ко мне. После полудня я поеду осматривать раненых и взятых в плен.

Иста подняла голову и спросила солдата:

— Среди людей, взятых в плен джоконцами, было несколько гвардейцев Ордена Дочери. Кто-нибудь из них остался в живых?

— Да, я видел нескольких.

— Сколько их было? — обеспокоенно спросила она.

— Точно сказать не могу, миледи. Они все в лагере, — он указал головой вверх по течению.

— Вы увидите их через несколько минут и

услышите подробнейший отчёт об их утренних действиях, — заверил её спаситель. Он обменялся салютами с солдатами, и они разъехались в разные стороны.

— Кому принадлежат эти бравые воины? — поинтересовалась Иста.

— По счастью, мне, — ответил он. — Ах, прошу прощения. Из-за всей этой спешки я забыл представиться. Эрис ди Лютез, марч Порифорса, к вашим услугам, госпожа. Замок Порифорс отвечает за все острые моменты между Шалионом, Иброй и Джоконой, и местные воины — это отточенное лезвие этого меча. Благодарение богам, задача упростилась, когда в руках королевы Изелль Ибра утратила свою воинственность.

Иста замерла в его нежных объятиях.

— Ди Лютез? — в ужасе повторила она. — А вы не родственник?..

Он мгновенно напрягся; всё его весёлое дружелюбие сделалось прохладным. В его тоне появилась деланная непринуждённость:

— Великого канцлера и предателя Арвола ди Лютеза? Он мой отец.

Он не был одним из двух главных наследников ди Лютеза, сыновей канцлера от первого брака, которые во времена Исты жили при дворе. Трое

его признанных бастардов были девочками, которых давным-давно выгодно выдали замуж. К тому времени как Иста встретилась с ним, он уже дважды успел овдоветь, причём его вторая жена умерла за десять лет до этого. И всё же этот Эрис может быть сыном от второй жены. Той, которую ди Лютез на заре зрелости оставил в загородном поместье, чтобы она не мешала ему гоняться за Иасом при дворе и в открытом поле. Северная наследница, да, теперь Иста вспомнила.

Его голос посуровел:

— Вас удивляет, что сын предателя верно служит Шалиону?

— Вовсе нет, — она подняла глаза, чтобы взглянуть на его лицо, находящееся так близко от её собственного. Точёным подбородком и прямым носом Эрис пошёл в мать, но обескураживающая энергия досталась ему от ди Лютеза. — Он был великим человеком. Вы… немного похожи на него.

Его брови взмыли вверх; он опустил голову, чтобы посмотреть на неё по-новому, смущённо, но настойчиво и жадно. Сначала Иста не поняла, насколько он себя сдерживает, но теперь маска исчезла:

— Правда? Вы встречались с ним? Видели его?

— А вы нет?

— Я не помню. У мамы был портрет, но плохой, — Эрис нахмурился. — Я почти достиг подходящего возраста, чтобы отправиться ко двору в Кардегосс, когда он умер. Я вырос. Но… наверное, так было лучше.

Его пыл угас, скрылся в своём тайном логове. Улыбка была смущённой. Зрелый сорокалетний мужчина, делающий вид, что ему нет дела до печали двадцатилетнего мальчишки. Иста разуверилась в собственной бесчувственности, потому что эта непредвиденная вспышка откровения причинила ей столько же боли, сколько нож, всаженный в живот.

Они миновали излучину реки, обнаружив за ней ещё один внутренний изгиб, ведущий на луг, окружённый лесом. Трава была вытоптана, забросана вещами, обычными для полусвёрнутого военного лагеря, всюду виднелись кострища, валялась сбруя. Вдали, между деревьями, стояла шеренга лошадей, несколько человек седлали их и привязывали багаж к мулам. Люди собирали вещи, садились, некоторые спали, расстелив одеяла прямо на голой земле. На дальнем конце луга, в рощице, стояли офицерские палатки.

Едва увидев ди Лютеза, человек десять окружили его, приветствуя, поздравляя, задавая вопросы,

рассказывая ему новости и требуя его дальнейших распоряжений. Знакомая фигура в голубом бежала им навстречу.

— О! О! Она спасена! — радостно вопил Ферда ди Гура. — Мы спасены!

Он выглядел так, словно его целую милю тащили по колючему кустарнику, измученный, бледный от усталости, но здоровый: ни повязок, ни крови, если не считать уже знакомых ссадин от седла и нескольких синяков. Сердце Исты растаяло от облегчения.

— О, королева! — крикнул он. — Благодарение богам! Всем вместе и каждому в отдельности! Хвала Дочери Весне! Я был уверен, что джоконцы всё-таки схватили вас! Я был в состоянии поехать с людьми марча Порифорса искать вас…

— Наш отряд, Ферда. Кто-нибудь ранен? — Иста выпрямилась, опираясь на руку марча, Ферда подошёл к плечу серого в яблоках коня.

Молодой человек провёл рукой по слипшейся от пота шевелюре:

— Одному в бедро попала стрела, пущенная людьми марча, ему не повезло; другой сломал ногу, когда на него свалилась лошадь. Я оставил с ними двоих, пока целители не освободятся от врачевания парней, раненных посерьёзнее. С

остальными — всё лучше не придумаешь! Теперь со мной тоже всё хорошо, потому что моё сердце больше не тонет в боли от страха за вас.

За её спиной Эрис ди Лютез застыл, словно камень:

— Королева? — эхом отозвался он. — Это вдовствующая королева Иста?

Ферда, ухмыляясь во весь рот, посмотрел на него:

— А то как же! Если вы спасли её, сэр, мне должно целовать вам руки и ноги! Мы чуть с ума не сошли, когда считали пленниц и выяснили, что её нет.

Марч смотрел на Исту, словно она прямо у него на глазах превратилась в удивительное существо из сказок. Ну, может, так оно и есть. Какую из версий о гибели своего отца от рук короля Иаса он слышал? Какую ложь он считает правдой?

— Простите меня, марч, — сказала Иста ясным голосом, хотя ясности в душе и в помине не было. — Имя леди ди Анджело скрывает моё настоящее имя не только из смирения во время паломничества, но и ради безопасности. — Хотя это, видимо, не подействовало. — Но теперь, благодаря вашей отваге, я здесь и могу себе позволить снова стать Истой ди Шалион.

— Что ж, — произнёс он после секундного молчания. — Ди Толноксо ошибся не во всём. Вот это сюрприз.

Она взглянула на него сквозь ресницы. Маска вернулась на место и сидела крепко. Марч очень осторожно спустил Исту вниз, прямо в распростёртые объятия Ферды.

Глава девятая

Иста цеплялась за локоть Ферды, пока он вёл её по вытоптанной траве и воодушевлённо пересказывал предрассветные события, увиденные им в передней части колонны. Иста слышала только одно предложение из трёх, но поняла, что он просто влюблён в искусство ведения боя от Эриса ди Лютеза. Луг расплывался перед глазами. Казалось, что голова плохо пришита к телу и периодически изменяется в размерах. Глазные яблоки пульсировали, а ноги…

— Ферда, — мягко перебила она юношу.

— Да, госпожа моя?

— Я хочу кусок хлеба и спальник.

— Этот грубый лагерь — не место для вашего отдыха…

— Любой кусок хлеба. И любой спальник.

— Я могу найти здесь нескольких женщин, которые могут сойти за горничных, но они не такие, к каким вы привыкли…

— Сойдёт и твой спальник.

— Госпожа, я…

— Если ты сейчас же не дашь мне спальник, я

сяду вот тут на землю и начну плакать. Прямо сейчас.

Эта угроза, произнесённая ровным тоном, наконец, подействовала. Он замолчал, забеспокоился о тех вещах, без которых, по его мнению, она не могла обойтись, и которых не было в наличии, но всё же достал то, что она просила. Он отвёл её к офицерской палатке, стоявшей среди деревьев, судя по всему, выбрал первую попавшуюся, засунул голову внутрь и пригласил её войти. Внутри было тепло и душно, пахло плесенью, незнакомцем, кожей, лошадьми и маслом для смазки клинков и доспехов. Но на земле лежал спальник. Иста легла на него в ботинках, в юбке, как была.

Ферда вернулся через несколько минут с куском хлеба. Она вытянула руку и слабо махнула ей; он сунул ломоть ей в ладонь. Она принялась его сонно жевать. А когда вернётся владелец палатки… с ним разберётся кто-то другой. Иста не сомневалась, что будь здесь Фойкс, он убедил бы хозяина спальника, что это вовсе не грабёж среди бела дня, а настоящая честь, которую нужно ценить. Но и Ферда справится неплохо. Она беспокоилась о Фойксе и ди Кэйбоне. Бродят ли они всё ещё по бездорожью? Лисе явно удалось сбежать

и добраться до Маради, но что она будет делать потом? Может, они нашли друг друга? И… и…

* * *

Она разомкнула веки и посмотрела вверх. Пятна света проникали сквозь грубое переплетение полотна палатки и начинали двигаться, когда лёгкий ветерок принимался раскачивать ветви деревьев. Тело было разбито, голова болела. Не до конца съеденный кусок хлеба лежал там, где она выронила его из рук. Уже вечер? Судя по тому, что было светло и по состоянию мочевого пузыря, не позже.

Перепуганный женский голос шёпотом спросил:

— Леди? Вы проснулись?

Она застонала и перекатилась на другой бок, обнаружив, что Ферда или кто-то ещё всё же нашёл для неё прислугу. Две грубоватые на вид маркитантки и аккуратная женщина в зелёных одеждах Матери, выдающих в ней служительницу-медика, ждали её пробуждения. Как выяснилось, служительница была вызвана из города одним из курьеров марча. Все трое быстро доказали, что умеют больше, чем высокородные леди при дворе Валенды, которые своими на-

стырными услугами, скорее, досаждали Исте.

Почти половина её личной одежды была отнята у рокнарцев — тут наверняка постарался Ферда или кто-то из его гвардейцев, — и теперь лежала кучей на соседней скатке. Обилие воды для умывания, зубочистки и чистящая паста из трав, заживляющие средства и свежие бинты, тщательное расчёсывание и укладка торчащих как попало волос, почти чистая одежда, — когда в начале вечера Иста, прихрамывая и опираясь на руку служительницы, вышла из палатки, она уже чувствовала себя если не королевой, то женщиной точно.

В лагере было тихо, но не пусто; люди небольшими группами ходили туда-сюда, выполняя после сражения загадочные поручения. Никто, видимо, не жаждал снова водрузить её на лошадь, и это избавило Исту от необходимости устраивать истерику, на которую у неё не было сил. Она только могла чувствовать благодарность. Некоторые из её гвардейцев уже помылись, но всё ещё выглядели усталыми; они разложили собственный костёр в роще и раздобыли где-то пару помощниц. Её пригласили сесть на чурбан, наскоро обтёсанный под форму стула и заботливо застеленный одеялами. С этого самодельного тро-

на Иста лениво наблюдала, как готовят ужин для её отряда. Она отправила служительницу-медика оказать помощь тем, о ком ещё не успели позаботиться; женщина вернулась ободряюще быстро. Наконец, появился Ферда. К великой радости Исты ему тоже, похоже, удалось вздремнуть, но недостаточно.

Когда со стороны костра стал подниматься чудесный аромат, прибыл Эрис ди Лютез в сопровождении десятка солдат и офицеров. Он подошёл к ней и отвесил поклон, достойный королевского двора в Кардегоссе. Он вежливо спросил, как она находит здешние условия, и, услышав заверения, что всё просто замечательно, отнёсся к ним с сомнением.

— Летом в Кардегоссе придворные дамы часто устраивали пикники в лесу, чтобы предаваться деревенским утехам, — ответила она ему. — Было очень модно обедать на ковре, расстеленном в рощице, похожей на эту, в такую же хорошую погоду.

Если забыть о раненых и разбросанном повсюду боевом снаряжении.

Он улыбнулся:

— Надеюсь, вскоре нам удастся устроить вас получше. Мне нужно расправиться с некоторыми

делами и отправить рапорты милорду провинкару Карибастоса. Но к завтрашнему утру дорога уже будет безопасна, её очистят от рокнарских беглецов. Я имею честь пригласить вас воспользоваться гостеприимством замка Порифорс до тех пор, пока не заживут ваши раны и не пройдёт усталость, а ваши люди снова не наберутся сил, и обязуюсь обеспечить вам эскорт, куда бы вы ни пожелали потом отправиться.

Иста поджала губы, обдумывая предложение. Она чувствовала на себе тяжесть его испытывающего взгляда.

— Порифорс — это ближайшее убежище?

— Это мощная крепость. Есть деревни и города, которые расположены ближе, но их стены тоньше, и, честно говоря, это жалкие местечки. Ещё полдня езды, не больше, и в гораздо лучших условиях, это я обещаю. И… — улыбка тронула его губы, словно вспышка обаяния и теплоты. — Признаюсь, это мой дом; и я буду счастлив и горд показать его вам.

Иста не обращала внимания на то, что сердце таяло, словно воск в огне свечи. Принять его общество — значит продолжать разговаривать с ним, а это может привести к… чему? Она заметила, что Ферда смотрит на неё с горячей надеждой.

Молодой офицер, не таясь, вздохнул с облегчением, когда она сказала:

— Благодарю, милорд. Мы будем очень признательны за отдых и кров, — помолчав, она добавила: — Может, остальным членам отряда удастся найти нас там, если мы пробудем в крепости подольше. Когда вы будете писать ди Карибастосу, не могли бы вы передать ему, что мы с нетерпением ждём их и пусть он, если возможно, сразу же направит их сюда, если… когда их найдут?

— Безусловно, госпожа.

Ферда прошептал ей:

— Если вы укроетесь за стенами крепости, я тоже могу их поискать.

— Может быть, — шепнула она в ответ. — Давай сначала мы хотя бы доберёмся туда.

Приняв настойчивое предложение Ферды, марч сел у их костра, и когда зашло солнце, кашевары, чей пыл усиливало королевское присутствие Исты, подали удивительно разнообразный ужин. Она и не знала, что можно испечь хлеб, приправленный травами, чесноком и луком, на сковороде прямо над открытым огнём. Эрис отказался от пищи, сказав, что уже поел, но принял кружку с вином, разбавленным водой, или скорее с водой,

разбавленной каплей вина.

Он откланялся довольно рано. Иста видела мерцание свечей в его палатке, когда он писал, склонившись над походным столом, который его слуги таскали с собой во время таких кампаний; он принимал списки погибших, раненых и взятых в плен, раздавал приказы, рапорты и письма, которые уносили в темноту быстрые всадники. Она видела одного джоконца из офицерского состава, которого привели для длительного допроса. Когда Иста вернулась в свою краденую палатку, теперь уже очищенную от снаряжения предыдущего владельца и окуренную ароматными травами, свет, при котором Эрис работал, всё ещё проникал сквозь стены, словно огонёк в бесконечной ночи.

* * *

Утреннее отбытие было отложено из-за каких-то сложностей с войсками Эриса и посыльных из города, куда были отправлены джоконские пленники, что, Иста видела, не давало покоя марчу; но наконец палатки были сложены. Ей привели свежего коня, симпатичного белого мерина, на которого было надето её седло и упряжь. Ещё раньше она приметила, как молодой солдат,

приведший животное, объезжал его на лугу, чтобы усмирить его нрав и убедиться, что конь пригоден для леди. Для уставшей леди преклонного возраста. Чтобы сесть верхом, удобнее было бы воспользоваться скамеечкой, но пришлось обойтись тем, что солдат дрожащими руками подсадил её.

— Надеюсь, он понравится вам, королева, — сказал юноша, склонив голову. — Я сам выбирал его. С тех пор как главный конюх заболел, нам его очень не хватает; милорд старается выполнять обязанности двоих сразу. Но всё будет проще, когда мы вернёмся в Порифорс.

— Уверена, что так и будет.

Сильно пополнившиеся войска марча ди Лютеза покинули долину реки и зашагали по подсохшей местности. Сорок всадников в серых плащах Порифорса, облачённые в кольчуги и вооружённые по всем правилам, ехали впереди, за ними следовал изрядно поредевший отряд Исты и Ферды. Длинный обоз из мулов, везущих поклажу, и слуг тянулся позади, а его замыкали ещё двадцать всадников, прикрывавшие тыл. Маленькая армия вышла на тракт и свернула на север, на дорогу получше. Разведчики то появлялись, то снова исчезали, то спереди, то с краю,

чтобы передать короткие, но судя по всему, ободряющие рапорты офицерам Эриса.

Они спокойным шагом двигались сквозь тёплое утро. Наконец, Эрис улучил минутку, вырвался из под шквала вопросов своих адъютантов и поравнялся с Истой.

Он весело поприветствовал её, сообщив, что теперь их небольшое войско движется в нужном направлении:

— Госпожа, надеюсь, вы хорошо спали? Этот переход не причиняет вам особых неудобств?

— Всё в порядке. Но если речь зайдёт о том, чтобы пуститься рысью, я учиню бунт.

Он усмехнулся:

— Ну тогда мы не будем от вас этого требовать. В полдень мы немного передохнём, а к вечеру доберёмся до Порифорса, где нас уже будет поджидать ужин получше, чем тот, что вы отведали вчера.

— Значит, этот ужин будет просто бесподобным. Буду ждать его с нетерпением, — учтивые ответы машинально сыпались с её губ. Но судя по натянутой улыбке, он хотел большего, чем просто обмен любезностями.

— Кажется, мне стоит попросить прощения за то, что я не узнал вас вчера, — продолжил он. — Придворный из Толноксо, который привёз нам

предупреждение о приближающейся колонне, поведал дикую историю, что среди пленников находитесь вы, но все его сведения были ложными. И когда я увидел, как джоконские офицеры уводят женщину, подумал, что это может оказаться правдой. А потом ваше вымышленное имя снова спутало все мои карты.

— Вам совсем не нужно просить прощения. Как выяснилось, я просто перестраховалась.

— Вовсе нет. Я… никогда не думал, что увижу вас. Вот так, во плоти.

— Должна признать, я рада, что вам это удалось. Иначе сегодня утром я проснулась бы в Джоконе, в каком-нибудь малоприятном месте.

Он коротко улыбнулся и покосился на Ферду, который ехал рядом с Истой с другой стороны и слушал все эти благородные речи. Любопытство и страх сцепились в животе у Исты, но верх одержало первое. Она поняла намёк и сделала знак Ферде:

— Мой добрый спутник, оставь нас ненадолго.

С разочарованным видом Ферда натянул поводья и отстал. Иста и Эрис ехали теперь бок о бок; жемчужно-белый мерин и серый конь, замечательный вид и тонкое равновесие между приличиями и частной жизнью. На неё накатила

волна тоски по Лисе: где же сейчас эта девушка? Наверное, продолжает начатое.

Эрис смотрел на неё из-под полуприкрытых век, словно изучал головоломку.

— Я должен был догадаться с самого начала. С первой минуты, как я вас увидел, я ощущаю тяжесть в вашем присутствии. Но всё же вы не выглядели так, как должна была, по моему мнению, выглядеть светлейшая Иста.

Если это начало обычной учтивой болтовни, то она слишком устала, чтобы её поддерживать. Если это нечто большее… то она устала от этого ещё больше. Наконец, она выдавила:

— А какой вы меня представляли?

Он неопределённо взмахнул рукой:

— Выше. Более голубые глаза. Волосы светлее, цвета золотистого мёда, как пели придворные поэты.

— Придворным поэтам платят за то, чтобы они врали, как дураки, но в юности волосы у меня были действительно светлее. А вот глаза остались те же. Только, может быть, теперь они видят яснее.

— Я не мог представить себе глаза цвета зимнего дождя и волосы, напоминающие тень зимних полей. Долгая печаль поселила вас в этом унылом времени года.

— Нет, я была обычной, всегда, — бросила она. Он не засмеялся, хотя тогда стало бы легче говорить. — Уверяю вас, годы не тронули во мне ничего, кроме разума.

Хотя и он время от времени заставляет в себе усомниться.

— Госпожа… если, конечно, это не причинит вам боли… Не могли бы вы рассказать мне что-нибудь о моём отце?

Нечего думать, что его интересуют только мои влажные глаза цвета дождя.

— Что ещё можно сказать, кроме того, что знают люди? За что бы ни брался Арвол ди Лютез, всё у него получалось. Оружие, лошади, музыка, стихи, военное искусство, власть… И если в его блеске и был изъян, то он как раз и заключался в его изменчивости, которая губила все попытки… — Иста не договорила, но мысль потекла дальше. Теперь, глядя на те события издалека, она поняла, что далеко не все его благие начинания увенчивались победными финалами. Юный цветок источал аромат, но плод был зелен и гнил… Да. Я должна была понять это тогда, ещё тогда. А если ума девочки на это не хватало, то где же были боги, у которых нет такого оправдания? — Он был усладой всех глаз, что смотрели на него.

Но только не моих.

Эрис изучал загривок своего коня.

— Нет, вы не обычная, — сказал он, немного помолчав. — Я видел женщин гораздо красивее вас, но вы притягиваете мой взгляд… Я не могу объяснить это.

Учтивый придворный, рассудила Иста, никогда не позволил бы себе сказать, что существуют женщины, прекраснее его собеседницы, и чтобы объясниться, подался бы в поэзию. Простую болтовню всегда можно пресечь улыбкой. Но замечания Эриса причиняли беспокойство, заставляли воспринимать их всерьёз.

Он продолжил:

— Я начинаю осознавать, почему отец рискнул жизнью ради вашей любви.

Иста сожалела, что пришлось сдержать стон:

— Лорд Эрис. Остановитесь.

Он удивлённо посмотрел на неё и понял, что она не просит его придержать коня.

— Госпожа?

— Вижу, романтические слухи проникли и в Карибастос. Но их тонкий вкус вовсе не пострадает, если я скажу, что Арвол ди Лютез никогда не был моим любовником.

Изумлённый до глубины души, он некоторое

время осмысливал её слова. Наконец, он осторожно произнёс:

— Полагаю… теперь у вас нет причины говорить неправду.

— Я никогда не говорила ничего, кроме правды. Болтливые языки молвы и клеветы принадлежат не мне. Я молчала, и словом не обмолвилась.

Кто-нибудь ошибался больше? Вряд ли. Эрис наморщил лоб, обдумывая эту мысль:

— Но король Иас не поверил в вашу невиновность?

Иста потёрла бровь:

— Видимо, нам следует вернуться немного назад. Что вы все эти годы считали правдой о тех роковых событиях?

Он нахмурился:

— Я думал… Я считал… что мой отец был подвергнут пыткам за то, что любил вас. И видя, что он молчит, чтобы защитить вас или спасти свою честь, мучители зашли слишком далеко в своей жестокости, и он умер в подземельях Зангры. После, чтобы скрыть вину Иаса, были пущены слухи о том, что отец разграбил казну и вступил в тайный сговор с владыкой Браджара. Истину молчаливо признал Иас, когда имущество ди Лютеза не было изъято, как это происходит с настоящи-

ми предателями, а перешло к его наследникам.

— А вы проницательны, — отметила Иста. Где-то три четверти передано верно. Недостаёт лишь тайной сути событий. — Ди Лютез действительно был почти так же смел. Эта сказка так же хороша, как другие, и даже лучше многих.

Его взгляд метнулся к ней:

— Я обидел вас, леди. Прошу прощения.

Она решила тщательнее следить за своим голосом. Ей отчаянно хотелось, чтобы Эрис знал, что она не была любовницей его отца. Но зачем? Какое теперь это имеет значение? Его мнение о ди Лютезе, отце, который, насколько она могла судить, совсем не помнил о нём, было благородно и романтично, и почему она должна отнять у сына то единственное, что осталось ему от отца?

Уголком глаза Иста рассматривала его высокую, лёгкую фигуру. Ну, этот вопрос решился сам собой, не правда ли?

Бесполезно подменять эту светлую ложь ещё какой-нибудь ложью. Но рассказ о правде, во всей её мрачной полноте и сложности, вряд ли поможет сбыться её тайным романтическим мечтам.

Возможно, узнав его лучше, она осмелится открыть ему всё. То, что его отец утонул по моему слову? Насколько же я должна узнать его, чтобы

рассказать это?

Иста набрала в лёгкие воздуха:

— Ваш отец не был предателем ни в постели, ни вне её. Он был самым смелым и благородным из тех, кто когда-либо служил Шалиону. И лишь задание, неподвластное человеческому духу, сломило его.

Крах в самый ответственный момент. А крах — не предательство, даже если оно, как булыжник, упавший в воду, оставило после себя горькие брызги.

— Леди, вы ставите меня в тупик.

Нервы Исты не выдержали. Неужели так же, как и нервы ди Лютеза?

— Это государственная тайна, и Иас умер раньше, чем смог освободить меня от клятвы молчать. Я пообещала, что не скажу ни слова ни одной живой душе. Могу лишь заверить вас, что имя вашего отца можно носить без стыда.

— Ох, — откликнулся он, хмуря брови. — Государственная тайна. Ох.

Боги милостивые, и несчастный человек принимает это! Ей хотелось закричать. Боги, зачем вы привели меня сюда? Разве я и так недостаточно наказана? Неужели это вас забавляет?

Иста заговорила с лёгкостью в голосе, не ощу-

щая этой лёгкости в душе:

— Довольно! Не будем ворошить давно умершее прошлое. Давайте побеседуем о ещё живом сегодня. Расскажите побольше о себе.

Уловка, которая поможет скоротать остаток пути; если Эрис такой же, как большинство кавалеров, не нужно будет выжимать из себя больше, чем ободряющие возгласы.

Он пожал плечами:

— Да нечего особенно рассказывать. Я родился в этой провинции и прожил здесь всю жизнь. Уже с самого детства я патрулирую границы. Моя мать умерла, когда нам… когда мне было около двенадцати. Меня вырастил её верный… в общем, другие родственники, и в силу необходимости я встал на путь солдата. Порифорс достался мне от матери, и провинкар вручил мне этот замок, когда я подрос достаточно, чтобы управлять им. Огромные владения отца перешли большей частью в руки его прежней семьи, хотя некоторые имения здесь, в Карибастосе, были всё же расчётливо переданы мне… Душеприказчики, судя по всему, сговорились заранее, но в то время меня это не занимало.

Эрис замолчал.

Видимо, действительно исчерпал тему. Его

отец, блестящий рассказчик, мог целый вечер развлекать всех собравшихся за дружеским столом, не нуждаясь ни в каком ободрении.

Он огляделся, щурясь от яркого света северного солнца, и прибавил:

— Я люблю эту землю. Даже в темноте я узнаю каждую милю.

Иста вслед за ним обвела взглядом горизонт. Горы уменьшились и перешли в широкую, немного холмистую долину, открытую ясному небу. Уже пришло время оливковых рощ, и серебристо-зелёное изобилие то тут, то там спускалось с пологих склонов. Несколько укреплённых деревень, напоминавших слегка позолоченные игрушки, виднелись вдалеке. В этот мирный день скот, впряжённый в плуги, вспахивал далёкие поля. В потоке воды с шумом, чуть приглушённым расстоянием, вертелось колесо плотины, доставляя влагу к садам и рядам виноградников, расположившихся на более плодородной земле. На вершинах из тощей почвы торчали серые скелеты деревьев, иссушенные солнцем, словно старички, притулившиеся на скамейках на рыночной площади.

Кажется, ты тоже опустил некоторые моменты своей жизни. Но последняя реплика была так

переполнена истиной, что с ней было сложно не согласиться. Как может человек вот так, словно лицедей, менять одну за другой маски, скрывать свои намерения, но при этом беззаботно, легкомысленно выставлять сердце на всеобщее обозрение?

Появился разведчик и поприветствовал командующего почтительным салютом. Эрис на несколько секунд отъехал в сторону, чтобы переговорить с ним, потом поднял глаза к солнцу и нахмурился.

— Госпожа, я вынужден отбыть по неотложному делу. С нетерпением жду момента, когда снова смогу насладиться вашим обществом.

Мрачно кивнув, он покинул Исту.

Вернулся Ферда, пряча любопытство за широкой улыбкой. Вскоре несколько обозных мулов с поклажей, в сопровождении полудюжины вооружённых солдат проскакали вперёд. Ещё пару миль спустя, дорога привела в большую ровную долину, которую испещряли зелёными и серебристыми пятнами виноградники и деревья. У небольшой речушки пристроилась укреплённая деревня. В оливковой роще, раскинувшейся около воды, слуги натянули несколько палаток, развели огонь и уже готовили еду.

Лорд Эрис, Иста, отряд Ферды и ещё человек десять всадников свернули с дороги в эту рощицу. Оставшаяся часть обоза и солдаты проехали мимо, не задерживаясь.

Иста благодарно улыбнулась, когда Ферда помог ей спуститься с белого мерина. Уже знакомый юноша увёл животное, чтобы напоить и позаботиться о нём должным образом. Другой молодой солдат пригласил Исту, опирающуюся на руку Ферды, присесть в тени старой оливы, пока готовят поесть. Из сёдел и попон, накрытых одеялами, они соорудили для неё кресло, вполне сносное, чтобы дать отдых усталым конечностям. Лорд Эрис собственноручно принёс ей кружку вина, разбавленного водой, а сам залпом осушил другую, где, как обычно, воды было больше, чем вина.

Он вытер губы и вручил пустую кружку стоящему наготове слуге.

— Госпожа, мне нужно немного отдохнуть. Мои люди исполнят любую вашу просьбу. Если вы захотите где-нибудь укрыться, то можете располагать второй палаткой.

— О! Благодарю. Но всё же эта приятная полутень меня вполне устраивает.

Обе палатки были скромными, офицерскими;

они быстро ставились и разбирались. Большой командирский шатёр, видимо, услали вперёд вместе с обозом.

Эрис поклонился и зашагал прочь, чтобы нырнуть в свою палатку и исчезнуть. Ничего удивительного, что он готов улучить момент и поспать, если, как подозревала Иста, он провёл две ночи на ногах. Слуга последовал за ним, но через несколько минут появился снова и уселся, скрестив ноги, у входа.

Служительница, временная горничная Исты, спросила, не нужно ли ей что-нибудь, а потом расположилась рядышком в тени. Иста завела с ней бесполезную беседу, но, впрочем, узнала многое о здешней деревенской жизни. Потом слуги принесли ей поесть и взволнованно наблюдали за ней, но очень обрадовались, когда она улыбнулась и поблагодарила их.

Деревня была слишком мала, чтобы обеспечивать храм, но узнав, что на главной площади находится источник, посвящённый самой Дочери, Ферда и его гвардейцы ушли после еды туда, приносить благодарность богине за недавнее освобождение. Иста благосклонно отпустила их, хотя сама не чувствовала необходимости искать укромный уголок, чтобы поговорить с богами;

такое ощущение, что куда бы она ни пошла, они одинаково давят на неё. Есть ли на земле такое место, где их точно не будет? Вот его и нужно избрать целью паломничества. В этот тихий, бледный послеполуденный час её сморила полудрёма. Служительница свернулась рядом с ней на одеялах калачиком и уснула. Сопела она, как подобает леди, чуть громче, чем мурлычущая кошка.

Иста поправила одеяло и прислонилась к коре дерева. Его корявому стволу, судя по виду, не меньше пятисот лет. А деревня стоит здесь столько же? Похоже, что да. Шалионские, ибранские, даже некоторое время рокнарские власти, потом снова шалионские… одни хозяева сменялись другими, словно волны накатывали на берег, а деревня всё стояла, всё продолжала жить. В первый раз за много дней Иста почувствовала, как её тело начинает расслабляться, в этот безопасный час, в этой смене времён. Она позволила себе закрыть глаза, совсем ненадолго.

Мысли теряли очертания, паря на грани сна. Какая-то суета вокруг замка в Валенде, а может быть, в Зангре, какие-то споры об одежде, которая плохо сидит. Летящие птицы. Зала в замке в свете свечей.

Лицо Эриса, искажённое испугом. Его губы сложились в букву «О», руки в ужасе вытянуты вперёд. Он идёт, спотыкаясь. Он издаёт леденящий звук, нечто среднее между рычанием и криком, переходящим в скорбный вопль.

Иста проснулась, судорожно дыша, крик всё ещё звенел у неё в ушах. Она села и огляделась, сердце бешено колотилось. Служительница продолжала безмятежно спать. Несколько мужчин устроились в другой части рощи, рядом с пасущимися лошадьми, и играли в карты. Другие спали. Похоже, никто больше не слышал этого душераздирающего звука; никто не повернул голову в сторону палатки Эриса. Слуга, сидевший у входа в неё, ушёл.

Это сон… не так ли? Но он был слишком осязаемым, слишком ясным; он встал поперёк потока мыслей, словно камень посреди реки. Иста заставила себя снова откинуться на ствол оливы, но ощущение лёгкости бытия никак не хотело возвращаться. Словно тугие бинты стянули её грудь, мешая дышать.

Очень тихо, опираясь на руку, она встала на ноги. Никто на неё не смотрел. Иста скользнула по солнечному пятну, отделявшему её от соседнего дерева, и снова оказалась в тени. Она застыла у

входа в палатку. Если он спит, то как объяснить, зачем она разбудила его? А если он уже проснулся и, скажем, одевается, зачем вторгаться в его уединение?

Я должна выяснить.

Иста приподняла полотно, закрывающее вход, и шагнула внутрь; глаза привыкали к полутьме. Ткань палатки была достаточно тонкой, и сквозь неё были видны узкие тени листьев оливы, которые шелестели над крышей, освещённые солнцем, чьи лучи пробивались сквозь переплетение нитей.

— Лорд Эрис? Лорд Эрис, я… — её шёпот оборвался.

Туника Эриса и сапоги были сложены на одеяле справа. Он лежал лицом вверх на походной койке слева от Исты, накрытый лишь лёгкой льняной простынёй. Голова была ближе к двери. Тонкий серо-чёрный шнурок стягивал его бицепс, символизируя какую-то особую молитву, обращённую к Отцу Зиме.

Посеревшие веки были сомкнуты. Он не двигался. Кожа бледная и прозрачная, словно воск. С левой стороны груди на белом льне виднелось ярко-алое пятно.

Дыхание Исты замерло, не давая ей закричать.

Он упала на колени возле койки. Пятеро богов, его убили! Но как? С тех пор как слуга вышел, в палатку никто больше не заходил. Неужели слуга предал своего хозяина? А может, он был рокнарским шпионом? Её дрожащая рука приподняла простыню.

Рана под его левой грудью зияла, словно маленький тёмный рот. Из неё медленно сочилась кровь. Видимо, удар кинжала, направленный в сердце. Он ещё жив? Она прижала руку к этому своеобразному рту и почувствовала клейкий поцелуй на ладони, стараясь уловить биение или трепетание сердца. Она не могла ничего различить. Осмелится ли она прижать ухо к его груди?

Вспышка жутких воспоминаний пронеслась у неё пред внутренним взором: тот высокий, худой мужчина из сна и алая кровь, ручьём текущая сквозь её пальцы. Иста отдёрнула руку.

Я видела эту рану раньше.

Она чувствовала, как мечется её собственный пульс, стучит в шее, в лице, барабанит по ушам. Голову словно забили ватой.

Это именно та рана, она была готова поклясться, с точностью до мельчайших деталей. Вот только мужчина был не тот.

Боги, боги, боги, что это за кошмар?

Она продолжала смотреть, её губы раскрылись. Обнажённая грудь лорда выгнулась, впуская в лёгкие воздух. Начиная с краёв, рана стала стягиваться, тёмный след сжался и побледнел. Сгладился. Через секунду он превратился в розовый шрам с коричневой коркой. Эрис, постанывая, задышал и пошевелился.

Иста поднялась на ноги, стиснув липкую ладонь. Едва дыша, она выскользнула из палатки и, моргая, оказалась на ярком свету. Она буквально чувствовала, что бледна, что кровь отхлынула от её лица. Тенистая рощица как будто вертелась у неё перед глазами. Она быстро обошла палатку, укрывшись между ней и толстым стволом старой оливы, и пока никто не видит, попыталась восстановить дыхание. Иста слышала скрип койки, движения по другую сторону непрозрачной ткани стен, вздох. Она раскрыла правую ладонь и посмотрела на карминный след, пересекавший её.

Я не понимаю.

Спустя одну или две минуты, она почувствовала, что может ходить, не спотыкаясь, дышать, не постанывая, и изображать на лице полное бесстрастие. Она добралась до своего сидения и бессильно рухнула на него. Служительница

зашевелилась и села:

— Госпожа моя? Ох, уже пора ехать?

— Думаю, да, — ответила Иста. Она с удовольствием отметила, что голос не дрожит и не срывается на птичий писк. — Лорд Эрис уже встаёт… Так мне кажется.

Он откинул полотно, закрывающее вход, и вышел; для этого ему пришлось наклонить голову. Он был уже в сапогах. Он выпрямился, закрепляя последнюю застёжку на тунике. На своей незапятнанной, недырявой тунике. Эрис потянулся, поскрёб бороду и улыбнулся, как мужчина, поспавший часок-другой после полуденного перекуса. Только вот он ничего не ел…

Подбежал слуга, чтобы помочь хозяину надеть через голову накидку и перевязь. Человечек принёс ещё и плащ, расшитый по краям золотой нитью, и расправил его на плечах Эриса, чтобы ткань ниспадала вниз красивыми складками. Пара отданных небрежным тоном приказов заставила людей начать готовить их кавалькаду к отбытию.

Служительница принялась собирать свои вещи и упаковывать их. Направляясь к лошадям, мимо прошёл Ферда, и Иста мягко позвала юношу.

Она смотрела мимо него. Намеренно ровным

голосом она сказала:

— Ферда. Загляни в мою правую ладонь и скажи, что ты видишь.

Он склонился над её рукой и ужаснулся:

— Кровь! Миледи, вы поранились? Я позову служительницу…

— Спасибо, со мной всё в порядке. Я просто хотела знать… видишь ли ты то же самое, что вижу я. Вот и всё. Можешь идти дальше.

Иста вытерла руку об одеяла и протянула офицеру, чтобы он помог ей встать. Помолчав, она добавила:

— И никому не говори об этом.

Он изумлённо поджал губы, но отсалютовал и пошёл дальше.

Вторая часть пути оказалась короче, чем ожидала Иста, — пять миль вверх до следующей вершины, а потом переход через достаточно широкий поток. Дорога несколько раз сворачивала в разных направлениях, петляя по пологому склону, и затем пошла вдоль небольшой реки. Эрис разъезжал вдоль колонны, но в конце концов оказался рядом с Истой и Фердой.

— Посмотрите туда, — он указал вперёд широким жестом. — Замок Порифорс.

Ещё одна укреплённая деревня, гораздо более

крупная, чем предыдущая, пристроилась у воды, у подножья высокой скалы. Вершину скалы, с которой открывался вид на всю долину, венчала прямоугольная корона, украшенная башнями. Гладкие зубчатые стены, испещрённые бойницами, были искусно высечены из камня, в свете дня отливавшего золотом. Прихотливая резьба, белым кружевом обрамляющая стены, была образцом искусства рокнарских каменщиков, построивших Порифорс как оплот Джоконы против Шалиона и Ибры.

Лицо Эриса на секунду приняло странное выражение: одновременно нетерпение и напряжение, жажда и нежелание. И лишь на малую, едва заметную долю секунды на нём отразилась безграничная усталость. Но потом он с радостной улыбкой повернулся к Исте:

— Поехали, миледи! Мы уже почти добрались.

Почти весь обоз и большинство солдат отделились от них в деревне. Эрис повёл остатки своих воинов и отряд Ферды через малые стены, потом по узенькой дороге, идущей вверх по склону, где можно было двигаться только по одному. Невысокие кусты отчаянно цеплялись корнями, словно пальцами, за камни. Ноги лошадей скользили и подгибались, когда они преодолевали последний

подъем. Приветственные возгласы донеслись сверху, эхом разносясь среди скал. Если бы они штурмовали замок, камни и стрелы посыпались бы на них так же незамедлительно.

Кавалькада обогнула стены и подошла к подъёмному мосту, перекинутому через естественную расщелину — её глубина добавляла стенам ещё футов двадцать высоты. Эрис, теперь возглавляющий отряд, махнул рукой и издал радостный возглас, а затем галопом пронёсся под аркой ворот, выбивая копытами барабанную дробь.

Иста последовала за ним более чинным шагом и неожиданно очутилась в буйно цветущем саду. Прямоугольный парадный двор был уставлен огромными кашпо с цветами и мясистыми растениями. Одна из стен была сплошь закрыта цветочными горшками, закреплёнными на вделанных в камень металлических кольцах, — настоящий фейерверк цветов: сиреневых, белых, красных, голубых, розовых, перемежающихся зелёными лозами, вьющимися по бледному грубому камню. У другой стены росло абрикосовое дерево, разросшееся до неимоверных размеров, которое переплеталось с не менее древним миндальным деревом — оба в полном цвету. В дальнем конце двора аркада стройных каменных

колонн поддерживала балкон. Искусно выточенные ступени, словно белый алебастровый водопад, спускались во двор.

Высокая молодая женщина с сияющим от радости лицом буквально спорхнула с этих ступеней. Её тёмные волосы были забраны у висков назад, подчёркивая румяное личико цвета слоновой кости; оставшиеся локоны, словно текучий шёлк, свободно ниспадали на плечи. Лёгкая ткань обтягивала её стройное тело, точно парус, раздуваясь на бегу. Эрис спрыгнул с серого в яблоках коня и бросил поводья груму, едва успев раскинуть руки и принять её неистовые, благоухающие объятия.

— Милорд! Милорд! Хвала пятерым богам, ты вернулся живым!

Молодой солдат возник рядом с головой мерина Исты и встал, готовый в любой момент помочь ей спешиться. Он с нескрываемой, даже немного забавной завистью наблюдал эту трогательную сцену приветствия.

— Какая потрясающе красивая молодая леди, — сказала Иста. — Я не думала, что у лорда Эриса есть дочь.

Юноша заставил себя повернуться к ней и поспешил поддержать ей стремя:

— Ох, дочь милорда живёт не здесь, госпожа…

Иста как раз утвердилась на ногах, когда к ней подошёл Эрис; молодая женщина крепко держалась за его плечо.

— Госпожа Иста, — произнёс Эрис, задыхаясь от гордости и долгого поцелуя. — Имею честь и счастье представить вам мою жену, Катиллару ди Лютез, марчессу Порифорса.

Тёмноволосая женщина с непередаваемой грацией сделала реверанс:

— Вдовствующая королева, я безмерно рада, что вы почтили наш дом своим присутствием. Надеюсь, мне удастся сделать всё возможное, чтобы превратить ваше пребывание здесь, в обществе моего мужа и меня, в незабываемое удовольствие.

— Да ниспошлют вам пятеро богов удачный день, леди Порифорса, — выдавила Иста. — Несомненно, вам всё удастся.

Глава десятая

В сопровождении двух улыбающихся фрейлин молодая марчесса повела Исту по прохладному, полутёмному сводчатому проходу под балконом, ведущему во внутренний двор. Ферда и служительница-медик Исты последовали за ними сначала нерешительным, чуть крадущимся шагом, но лорд Эрис жестом подтвердил приглашение. Внутренний двор украшал маленький мраморный бассейн в форме звезды, вода в нём была кристально прозрачной; вокруг стояло ещё несколько кашпо с цветами. Леди Катиллара взлетела по лестнице на галерею второго этажа и остановилась, поджидая остальных и озабоченно наблюдая за тем, как служительница помогает Исте преодолевать ступени. Ферда поспешил предложить руку. На лице Исты отразилась смесь благодарности и досады.

Звук их шагов по доскам отдавался эхом; они подошли к углу, над которым возвышалась небольшая башенка, и тут лорд Эрис вдруг резко остановился:

— Катти, нет! Только не эти комнаты!

Леди Каттилара застыла перед резными двойными дверями, которые как раз собиралась открыть её фрейлина, и неуверенно улыбнулась Эрису:

— Милорд? Но это же лучшие комнаты в доме. Мы не можем предложить вдовствующей королеве ничего хуже!

Эрис приблизился к ней и, понизив голос, сквозь зубы прошептал:

— Ты в своём уме?

— Но их вымыли и прибрали к её приезду…

— Нет, Катти!

Она испуганно смотрела на него:

— Я… Простите меня, милорд. Я… Я придумаю что-нибудь ещё. Что-то другое.

— Уж сделай милость, — огрызнулся он, раздражение так и сквозило в его лице и в голосе. С заметным усилием он снова принял вежливый и гостеприимный вид.

Леди Каттилара натянуто улыбнулась:

— Госпожа моя. Не могли бы вы… отправиться в мои покои и немного отдохнуть до обеда там? Прошу сюда…

Она проскользнула обратно; все повернули назад к таким же дверям в другом конце галереи. На какую-то секунду Иста казалась рядом с Эрисом.

— А что не так с теми комнатами? — спросила она.

— Там крыша протекает, — буркнул он. Иста посмотрела на безоблачное голубое небо:

— А.

Дальше этих новых дверей мужчин не пустили.

— Миледи, тогда я принесу ваши вещи сюда? — уточнил Ферда.

Иста выжидательно взглянула на Эриса.

— Временно, да, — ответил тот, видимо сочтя такой вариант размещения гостей более удобным. — Пойдём, ди Гура. Я покажу тебе и твоим людям ваши спальные места. И вы наверняка захотите проведать своих лошадей.

— Хорошо, милорд. Спасибо. — Ферда отсалютовал Исте и последовал за Эрисом вниз.

Иста вошла в комнаты сразу за фрейлиной, которая остановилась, придерживая дверь. Женщина улыбнулась и присела в реверансе.

Иста сразу же почувствовала какую-то лёгкость оттого, что оказалась в том месте, которое определённо можно было назвать женскими покоями. Мягкий свет струился сквозь изящные решётки, закрывающие узкие окна в дальнем конце комнаты. Гобелены, вазы со свежими

цветами, отчётливые линии белёных углов. Закрытая дверь вела в какую-то прилегающую комнату, и Иста предположила, что в спальню Эриса. Вдоль стен стояли сундуки, разнообразно украшенные, отделанные мозаикой, кованые; женщины Каттилары быстро прибрали лежащие на виду ворохи одежды и другие свидетельства беспорядка и положили на один из сундуков мягкую, словно пёрышко, подушку, чтобы гостья могла сесть отдохнуть. Иста посмотрела сквозь решётки, за которыми открывался вид на крышу ещё одного внутреннего двора, и, наконец, решила усадить своё ноющее тело.

— Какая милая комната, — заметила Иста, чтобы облегчить леди Каттиларе неудобство от такого внезапного вторжения в её будуар.

Каттилара благодарно улыбнулась:

— Все мы были бы рады видеть вас за нашим столом, но я подумала, что вы, наверное, захотите сначала вымыться и отдохнуть.

— О, вы правы, — с жаром заверила её Иста. Служительница сделала реверанс хозяйке дома и твёрдо сказала:

— И я прошу вас, леди, помимо всего прочего, королеве следует сменить повязки.

Каттилара удивлённо моргнула:

— Вы ранены? В своём письме муж не сказал ничего подобного…

— Ерунда, обычные ссадины. Но мытьё и отдых — прежде всего, — Исте вовсе не хотелось пренебрегать своими ранами. Её сын, Тейдес, как говорят, умер оттого, что не уделил должного внимания ране, едва ли посерьёзнее царапины, но от неё пошло заражение крови. Иста подозревала, что осложнения имели сверхъестественный характер; и молитвы, которыми мальчик был окружён, канули в пустоту.

Леди Каттилара сгладила всеобщую неловкость и развила бурную деятельность, раздавая своим фрейлинам и горничным указания. Принесли чай, вяленые фрукты и хлеб, притащили тазы, лохань и воду для мытья. Служительница и женщины Каттилары позаботились не только о теле Исты, но и вымыли её волосы. К тому моменту когда банные процедуры были закончены и Исту облачили в халат из гардероба хозяйки, Катти была снова весела.

Повинуясь её распоряжениям, леди приносили Исте на рассмотрение охапки одежды, а Каттилара открывала шкатулки с драгоценностями.

— Муж сказал, что все ваши вещи разграбили джоконцы, — едва дыша сказала Каттилара. — Я

молю вас принять всё, что вам понравится.

— Поскольку моё путешествие планировалось как паломничество, я взяла с собой совсем немного багажа, так что потеря невелика, — ответила Иста. — Боги сжалились над моими людьми, а всё остальное можно без труда возместить.

— Вы многое испытали, — продолжила Каттилара. Она ахнула от ужаса, когда служительница обнажила весьма уродливые раны на коленях Исты.

— Джоконцам пришлось ещё хуже, в конце концов. Спасибо вашему мужу и его солдатам.

Каттилара засияла от удовольствия, услышав эту косвенную похвалу марчу:

— Ну разве он не совершенство? Я безумно влюбилась в него с первого взгляда, увидев, как однажды осенним днём он вместе с отцом въезжает в ворота Оби. Мой отец — марч Оби, самой крупной цитадели в Карибастосе, ближайший приближённый провинкара.

Иста изогнула губы в улыбке:

— Уверяю вас, лорд Эрис верхом на коне действительно производит умопомрачительное впечатление.

Каттилара заливалась соловьём:

— Он был просто очарователен, но так печален!

Его первая жена умерла от родов несколько лет назад, давая жизнь дочери Лавиане, и говорили, что после этого он даже не смотрит на других женщин. Тогда мне было четырнадцать. Отец сказал, что я слишком юна, и это девичье увлечение, но я доказала ему, как он ошибся. Три года я осаждала отца, чтобы завоевать милость милорда, и, наконец, этот чудесный приз достался мне!

Верно.

— Вы давно поженились?

— Скоро будет четыре года, — она с гордостью улыбнулась.

— Дети?

Её лицо погрустнело, голос потух:

— Ещё нет.

— Что ж, — сказала Иста, стараясь облегчить эту тайную скорбь, столь ясно отразившуюся на лице девушки, — вы же ещё так молоды… Давайте лучше посмотрим платья.

Сердце Исты упало при виде того, что предлагала Каттилара. Вкусы марчессы склонялись к светлым, воздушным, летящим нарядам, которые, без сомнения, подчёркивали её длинную, стройную фигуру. Иста подозревала, что сама она в них, со своим не особо высоким ростом, будет напоминать гнома, завернувшегося в занавеску.

Что ж, попытаемся обойтись без столь грубых сравнений:

— Я все ещё ношу траур по своей недавно усопшей матери. И моё паломничество было грубо прервано джоконскими всадниками на полпути. Может быть, есть что-нибудь в цветах, отвечающих моей скорби?..

Старшая из дам Каттилары взглянула на Исту, потом на яркие шелка и, похоже, верно поняла её. Поиски по сундукам и по другим местам увенчались наконец несколькими платьями и нарядами более строгого фасона, без рюшей, в чёрно-сиреневых тонах. Иста улыбнулась и покачала головой, отказываясь от шкатулки с драгоценностями. Каттилара посмотрела на содержимое, а потом вдруг сделала реверанс и убежала.

Иста слышала, как она прошла по галерее и почти сразу свернула; потом сквозь стену зазвучали голоса: один принадлежал Каттиларе, а другой — мужчине. Видимо, лорд Эрис уже вернулся в свои покои. Его тембр и интонации узнать было несложно. Лёгкие шаги заспешили обратно, но затем замедлились и превратились в поступь леди. Каттилара вошла и вытянула руку вперёд, на её губах играла довольная улыбка.

На протянутой ладони лежала роскошная серебряная траурная брошь, украшенная аметистами и жемчугом.

— У моего мужа осталось немного вещей, унаследованных от отца, — застенчиво произнесла она, — а это одна из них. Будет честью для него, если вы наденете её в память о прошлом.

Иста, удивлённая увиденным, усмехнулась:

— И правда. Узнаю эту брошь. Лорд ди Лютез прикалывал её к шляпе, сообразно случаю.

Её подарил ему король Иас, это один из последних его многочисленных подарков, которые уже можно было приравнять к половине королевства, ещё до того, как всё рухнуло в небытие.

Каттилара смотрела на неё лучащимися глазами, и Иста могла поклясться, затуманенными романтической дымкой. Марчесса, видимо, разделяла героические теории мужа о падении его отца. Иста до сих пор не была уверена, что Эрис поверил в то, что у неё не было сексуальных отношений с мужчиной, чьи любовные похождения были едва ли не менее известны, чем подвиги на поле брани, а не просто согласился с ней из вежливости. Неужели он вообразил себе, что она до сих пор носит траур по ди Лютезу? Или по Иасу? По утраченной любви или ещё чему похлеще?

Эта брошь — двусмысленное послание, если это послание вообще.

Плоть Эриса, когда Иста коснулась его исчезнувшей раны, была плотной и холодной на ощупь, как воск. Но теперь он восстал из мёртвого сна, ходит, ездит верхом, разговаривает, целует жену, смеётся или ворчит, как положено настоящему мужу. Исте было бы проще убедить себя, что у неё случилась галлюцинация или приснился сон, но Ферда же подтвердил реальность крови на ладони. Иста, протянув руку, приняла у Каттилары эту тайну его намерений и сказала:

— Благодарю, и передайте мою благодарность вашему мужу. — Каттилара была чрезвычайно довольна собой.

Иста легла на кровать леди Каттилары; ещё влажные волосы разметались по льняному полотенцу, в другом конце комнаты на стуле сидела служительница-медик и пристально наблюдала за своей подопечной. Каттилара выставила своих леди вон и вышла сама, чтобы почётная гостья могла отдохнуть перед тем, как накроют ужин. Иста решила, что марчесса отправилась присматривать за приготовлениями. В тишине полутёмной комнаты усталость и потрясающее ощущение чистой кожи и одежды подарили Исте

ощущение — иллюзию? — что она наконец-то оказалась в святилище. Головная боль, скорее всего, следствие ссадин и ночной кошмарной езды… только это не относится к непрекращающемуся звону нервов. Её веки сомкнулись.

От холодного дыхания на щеке Иста раздражённо распахнула глаза. Неудивительно, что в замке — как и во всех старых крепостях — есть привидения, и вполне нормально, что они явились взглянуть на гостя… Она перекатилась на бок. Рядом парило едва заметное белое пятно. От её недовольного и хмурого взгляда ещё два призрака отделились от стены и присоединились к первому, словно их притягивало тепло её тела. Древние духи, бесформенные, угасшие, на пороге полного забвения. Милостивого забвения. Губы Исты сурово прошептали:

— Прочь, бестелесные. Я не могу ничем вам помочь.

Она взмахнула рукой, разгоняя призраков, словно туман, и они исчезли. Ни одно зеркало не отразит эти видения, никто больше не сможет их увидеть.

— Госпожа? — раздалось сонное бормотание служительницы.

— Всё в порядке, — ответила Иста. — Мне про-

сто что-то приснилось.

Не приснилось, а внутреннее зрение снова дало о себе знать. Против воли, без приглашения, несмотря на негодование. И всё же… в этот яркий день она попала в очень мрачное место. Может быть, внутреннее зрение ей всё же понадобится.

В дарах богов всегда скрыт острый крюк.

Вспоминая живой, устрашающий сон, увиденный раньше, Иста не решалась позволить себе заснуть. Так, вполглаза, она дремала до тех пор, пока Каттилара и её фрейлины не пришли помочь ей собираться.

Старшая леди уложила волосы Исты так, как та привыкла, убрав пряди с лица и оставив остальную часть свободно спускаться на плечи. Прекрасные локоны Каттилары образовывали прелестный водопад; Иста подозревала, что её собственная тускло-пепельная копна, спутанная на затылке, больше напоминала мочалку. Но сорочка лавандового цвета и верхнее платье из чёрного шёлка, заколотое на груди траурной брошью, создавали вполне приемлемый внешний вид. Подать себя нужным образом — вот следующая задача.

Летняя жара в северной провинции настала рано. Столы были расставлены во дворе, и еду

подали, когда клонящееся к западу солнце коснулось крыш, удлинив тени присутствующих. В дальнем конце двора, лицом к фонтану в форме звезды, стоял главный стол, ещё два располагалось перпендикулярно ему.

Иста обнаружила, что сидит по правую руку от лорда Эриса, а леди Каттилара устроилась рядом с ней. Если в кольчуге и коже, забрызганной кровью, Эрис производил ошеломляющее впечатление, то в сером наряде, слегка украшенном золотом, и благоухающий вербеной, он был просто неотразим. Он тепло улыбнулся. Сердце Исты перевернулось; но она собрала остатки силы воли и ответила на приветствие немного прохладно; а затем заставила себя отвести от него взгляд.

Ферда получил почётное место рядом с марчессой. Старшие мужчины, одетые в одежды храмовых служителей, сели слева от Эриса, причём их от марча отделял пустой стул. Один из старших офицеров направился было к нему, но лорд Эрис сделал пальцами знак, и офицер, понимающе кивнув, направился к другому столу. Увидев это, леди Каттилара перегнулась через Исту и прошептала мужу:

— Милорд, имея честь принимать сегодня вечером столь почётных гостей, нам следует всё же

использовать это место.

Глаза Эриса потемнели:

— Как раз сегодня этого делать не стоит, — глядя на жену, он хмуро сдвинул брови и пальцем коснулся рта. Предупреждая?

Каттилара вернулась на место, поджав губы. Она через силу раздвинула их, улыбаясь Исте, и сказала Ферде какую-то вежливую банальность. Иста обрадовалась, увидев оставшихся гвардейцев из отряда Ферды тоже помытыми и одетыми в чистое, сидящих за другими столами. Офицеры Эриса, женщины Каттилары и служители храма занимали остальные места. За едой ей, конечно же, непременно представят важнейших жителей города, расположенного у подножия замка.

Старший служитель поднялся и дрожащим голосом стал произносить молитвы в благодарность за победу, одержанную накануне, за чудесное спасение королевы, за скорейшее выздоровление раненых, а затем благословил грядущую трапезу. Он отдельно, хоть и несколько сумбурно, упомянул стойкость Ферды и его людей в этот сезон Дочери, за что, как заметила Иста, офицер остался ему чрезвычайно благодарен.

— И, как обычно, мы с особым усердием молим Мать, ввиду её сезона, который уже не за горами,

о излечении лорда ди Арбаноса.

Он сделал благословляющий жест в сторону стула, стоящего по левую руку от лорда Эриса, и марч кивнул, тихо вздохнув. Едва слышный шёпот пробежал по столам, за которыми сидели офицеры, кое-кто даже открыто нахмурился.

Когда слуги начали сновать туда-сюда, неся кувшины с вином и водой и подавая первые блюда, Иста спросила:

— Кто такой лорд Арбанос?

Каттилара бросила опасливый взгляд на Эриса, но тот тут же ответил:

— Иллвин ди Арбанос, мой знаток лошадей. В последние два месяца он… плохо себя чувствует. Как видите, я сохранил его место за столом, — в последней реплике так и читалось упрямство. Помолчав, он добавил: — Помимо всего прочего, Иллвин мой единоутробный брат.

Иста сделала глоток из кубка с разбавленным водой вином, прокручивая в голове фамильные древа. Ещё один неизвестный внебрачный сын ди Лютеза? Но великий придворный славился тем, что признавал всё своё разбросанное по стране потомство, регулярно молясь в Башне Бастарда и делая туда внушительные подношения на содержания своих отпрысков. Может быть,

этого родила замужняя женщина, но младенца оставили в семье, благодаря уступчивости мужа-рогоносца?.. Имя вполне оправдывает такую версию. Втихую, но не тайно, особенно если этот ди Арбанос метил на место марча, и его амбициям пошли навстречу.

— Это большая трагедия, — произнесла Каттилара.

— Слишком большая, чтобы омрачать этот праздничный вечер, — прорычал Эрис. Да уж, марч не церемонился с женой.

Каттилара затихла; но потом, взяв себя в руки, всё же стала рассказывать о своей семье из Оби, о братьях и их пограничных стычках с рокнарцами в кампаниях последних лет. Иста отметила, что лорд Эрис положил себе на тарелку совсем немного и едва касался этого немногого вилкой.

— Вы совсем не едите, лорд Эрис, — решилась наконец Иста. Он вслед за ней посмотрел на свою тарелку и горько улыбнулся:

— У меня небольшой жар и несварение желудка. Считаю, что голодание — самое эффективное лечение. Это скоро пройдёт.

Несколько музыкантов, расположившихся в галерее, заиграли весёлую мелодию, и Эрис, но не Каттилара, счёл это хорошим предлогом

прервать и без того прихрамывающую беседу. Немного спустя, он извинился и отправился обсудить что-то со своим офицером. Иста обратила внимание, что на столе, перед пустующим стулом лорда ди Арбаноса, стоял полный набор приборов. Кто-то положил поперёк тарелки только что срезанную белую розу в качестве дара или подношения богам.

— В вашем обществе, видимо, очень скучают по лорду ди Арбаносу, — сказала Иста Каттиларе.

Та оглядела двор и увидела, что муж разговаривает возле другого стола, и ничего не слышит:

— Да, очень! На самом деле мы уже похоронили надежду на его выздоровление, но Эрис не хочет слушать… это очень грустная история.

— А этот человек сильно старше марча?

— Нет, это младший брат моего мужа. Почти на два года младше. Большую часть жизни они были неразлучны… Управляющий замка, как говорит мой отец, после смерти матери мальчиков, растил их вместе и относился к ним одинаково. Иллвин был знатоком лошадей у Эриса с тех пор, как я себя помню.

Их матери? Иста вернулась к рассмотрению гипотетического генеалогического древа.

— Так этот Иллвин… не приходится сыном

канцлеру ди Лютезу?

— О нет, вовсе нет, — горячо возразила Каттилара. — Я всегда считала, что в своё время это была одна из самых романтичных историй. Говорят… — она снова осмотрелась, немного покраснела и, подвинувшись к Исте, понизила голос. — Когда лорд ди Лютез оставил леди Порифорса, мать Эриса, чтобы оказаться при дворе, она полюбила своего управляющего, сэра ди Арбаноса, а он — её. Ди Лютез вряд ли возвращался в Порифорс, а дата рождения лорда Иллвина… в общем, всё было ясно. Тайна была известна всем, но сэр ди Арбанос признал Иллвина сыном только после смерти несчастной леди, матери мальчика.

Вот ещё один повод для ди Лютеза не вспоминать о своей невесте с севера… но что было причиной, а что следствием? Рука Исты коснулась броши на груди. Иллвин стал серьёзным пятном на тщеславии и могуществе ди Лютеза. Было ли это великодушным жестом прощения — законно отдать ребёнка настоящему отцу — или простым способом выставить мальчишку-бастарда из длинной вереницы наследников ди Лютеза?

— А что за болезнь мучает его?

— Это не совсем болезнь. Очень неожиданная… трагедия или жестокий случай. Раздутый до невероятных размеров слухами и догадками. Произошедшее стало причиной безграничной печали для моего мужа и потрясением для всего Порифорса… ой, он возвращается!

Лорд Эрис выпрямился и направился обратно к своему месту во главе стола. Офицер, с которым он разговаривал, поднялся, отсалютовал ему и покинул двор. Каттилара заговорила почти шёпотом:

— Мой муж очень нервничает, когда об этом говорят. Я расскажу вам всё наедине, попозже, хорошо?

— Благодарю, — ответила Иста, толком не понимая, как реагировать на всю эту таинственность. Она только знала, каким будет её следующий вопрос. Лорд Иллвин случайно не высокий, худощавый мужчина с волосами цвета морозной ночи? В конце концов, ди Арбанос-младший вполне может оказаться коротышкой, округлым, как бочонок, лысым или с огненно-рыжей шевелюрой. Она может спросить, Каттилара ответит, и узел в животе у Исты развяжется сам собой.

Тарелки убрали. Несколько солдат, выделенные офицером Эриса, принесли множество коро-

бок, сундуков, мешков и груды оружия, брони и свалили всё это кучами прямо перед главным столом. Трофеи, добытые в утреннем сражении, сообразила Иста. Лорд Эрис и леди Каттилара вместе поднесли королеве небольшой сундучок и открыли его перед ней.

Иста едва не отпрянула от запаха смерти и плача, который поднимался от безделушек, горкой лежащих внутри. Она поняла, что чувствует эту вонь не носом. Она, судя по всему, первая, кому досталась часть добычи, отнятой у злополучных джоконцев. Холмик из изящных колец, булавок и браслетов, созданных искуснейшими мастерами, чтобы подчеркнуть женственность, сиял в тусклом свете заходящего дня. Какие из них так недавно были украдены в Рауме? Какие из них предназначались джоконским девушкам, которые никогда больше не увидят своих обожателей? Иста выровняла дыхание, натянула подходящую улыбку и выдавила из себя несколько подобающих случаю слов, благодаря лорда Эриса и его людей за смелость и быстроту, проявленные в ответ на вторжение всадников; голос пришлось повышать, чтобы все эти похвалы были услышаны и за дальними столами.

Меч тонкой работы был преподнесён Фер-

де, который даже не пытался скрыть восторг. Каттилара раздала какую-то часть сокровищ своим фрейлинам, Эрис вручил ещё одну груду офицерам, сопроводив подарки шутливыми комментариями, остальное передали служителю в качестве подношения в городской храм. Молодой служка, видимо личный помощник старшего служителя, с благодарностями и благословениями принял дар, чтобы распорядиться им должным образом.

Иста провела пальцами по содержимому сундучка. По коже побежали мурашки. Ей не нужно это наследство мёртвых. Что ж, есть одно решение. Она нашла колечко в форме табуна золотых коней, свитого в круг, для своей храброй горничной, — где сейчас Лисе? Но после секундных размышлений рука потянулась к изогнутому кинжалу с рукояткой, украшенной драгоценными камнями. В нём сочетались и элегантность, и практичность, что как раз подходило всаднице. Вздохнув от воспоминания, что все деньги остались на дне реки в Толноксо, Иста выбрала несколько украшений на продажу. Отложив колечко и кинжал в сторону, она подвинула сундучок к Ферде.

— Ферда. Выбери для брата, что понравится.

Ещё четыре штуки возьми для наших раненых и тех, кто с ними остался. Отыщи что-нибудь подходящее для ди Кэйбона. Все твои ребята тоже могут взять, что приглянется. Проследи, чтобы остальное перешло к Ордену Дочери с моей величайшей благодарностью.

— Конечно, госпожа! — Ферда улыбнулся, но потом улыбка потухла. Он нагнулся к Исте поближе через пустующий стул марчессы. — Я хотел спросить вас. Теперь, когда вы доставлены в действительно безопасное место и некоторое время можете находиться под надёжной защитой марча, можно мне уехать на поиски Фойкса, Лисе и служителя?

Я не знаю что происходит с этим местом, но безопасным его точно не назовёшь. Но вслух произносить этого нельзя. Помимо этого нельзя приказывать ему готовить людей к завтрашнему отбытию. Сегодня же ночью? Непрактично, невозможно. Невежливо. Воины Дочери утомлены не меньше, чем она. Тем более что половина их лошадей ещё только идут в замок, а грумы из Порифорса медленно ведут их небольшими переходами.

— Как и всем нам, тебе нужно отдохнуть, — Иста тянула время.

— Мой сон значительно улучшится, если я буду знать, что случилось с ними.

Иста понимала справедливость этого, но мысль, что она останется здесь одна, запертая, словно в ловушке, без собственного эскорта, заставляла звенеть и без того измученные нервы. Она нерешительно нахмурилась, когда леди Каттилара снова заняла своё место.

Лорд Эрис тоже вернулся и, подавив усталый вздох, опустился на стул. Иста спросила его о письмах, отправленных, чтобы узнать, что случилось с теми, кто отделился от её отряда. Он выслушал слова Ферды о беспокойстве за брата, как показалось Исте, с особой симпатией, но высказал мнение, что ответ ещё не успел прийти. По общему молчаливому соглашению никто не упомянул о сложностях, связанных с демоном-медведем.

— В любом случае, мы знаем, что Лисе добралась до провинкара Толноксо, — возразила Иста. — Предупредить о приближении всадников мог кто угодно, но то, что среди пленных нахожусь я, могла знать только она. И если девушка в безопасности, то она наверняка догадается организовать поиски твоего брата и нашего доброго служителя.

— Это… верно, — Ферда сжал губы, разрываясь между этими доводами и тревогой. — Если только её послушали. И дали ей кров…

— Станции канцлерских курьеров предоставят ей кров в любом случае, даже если ди Толноксо откажет в гостеприимстве, хотя если он не оценит отвагу девушки, не обеспечит ей достойный приём и не будет ей содействовать, то он лично выслушает моё мнение. И мнение канцлера ди Кэсерила тоже, это я обещаю. Благодаря письмам лорда Эриса все скоро узнают, где нас подобрали. И если наши заблудшие овечки доберутся до Порифорса, в то время как ты разыскиваешь их, Ферда, то ты всё равно их упустишь. В любом случае, ты не можешь отправиться сегодня же ночью, в темноте. Давай посмотрим, какое решение — или послание — принесёт завтрашнее утро.

Ферде пришлось согласиться со всеми этими рассуждениями.

Прохладные сумерки опустились на двор. Музыканты уже закончили играть, никто этим вечером не танцевал, не представлял пьес. Мужчины проследили, чтобы остатки вина не пропали даром, и начались последние молитвы и благословения. Служитель, опираясь на руку своего помощника, удалился, ступая нетвёрдой

походкой, за ним потянулись и остальные представители деревенского храма. Офицеры Эриса даже с некоторым благоговением выполнили все условности этикета, положенные вдовствующей королеве, и почли за честь опуститься на колени и поцеловать её овеянные легендами руки. Но когда они уходили прочь, на их лицах появлялась озабоченность тем приказом, который им предстояло исполнить, и Иста напомнила себе, что находится в действующей цитадели.

Когда она встала, Каттилара предупредительно подхватила её под локоть:

— Теперь я могу проводить вас в ваши комнаты, госпожа, — сообщила она с улыбкой. Она быстро взглянула на Эриса. — Они не очень просторные, но… крыша там в лучшем состоянии.

Еда и вино, вынуждена была признать Иста, коварно объединились в намерении отбить у неё всякое желание двигаться.

— Благодарю, леди Каттилара. Замечательно.

Эрис формально поцеловал Исте руки и пожелал спокойной ночи. Иста не поняла, были его губы прохладными или тёплыми, поскольку её смутило, что ощущение, оставшееся на коже после поцелуя, её беспокоило. Но всё же не жгло; хотя, когда он посмотрел на неё своими чистыми

серыми глазами, она покраснела.

Как всегда окружённая стайкой женщин, марчесса взяла Исту за руку и повела по очередному сводчатому проходу под галереей, а затем по короткой аркаде. Они снова свернули, прошли под ещё одной чередой нависающих строений и оказались в маленьком квадратном дворике. Ещё не окончательно стемнело, но вверху, над головой, в тёмно-синем небе зажглась первая звезда.

Аллея, украшенная каменными арками, вела вдоль стены, тонкие алебастровые колонны были увиты резными лозами и цветами в рокнарском стиле…

Не жаркий полдень, не прохладная лунная ночь, но тот же самый двор, что являлся Исте в снах, всё совпадает, до последней детали, безошибочно, всё именно так, словно кто-то тупым долотом и острым шилом врезал этот образ ей в память. Иста почувствовала, что вот-вот потеряет сознание. Она никак не могла понять, удивлена ли она по-настоящему или нет.

— Думаю, мне лучше сесть, — сказала она слабым голосом. — Прямо сейчас.

Каттилара взглянула на неё и заметила, что ладонь королевы, лежащая на её руке, дрожит. Она послушно отвела Исту к скамейке, одной из

тех, что были расставлены в аллее по периметру, и села рядом с ней. Отшлифованный временем мрамор под пальцами Исты ещё хранил тепло дня, хотя воздух уже становился холоднее, мягче. Она крепко обхватила каменный край, потом заставила себя сесть прямо и глубоко вдохнуть. Судя по всему, это место — старейшая часть замка. Тут не было вездесущих кашпо с цветами; только искусство рокнарских каменщиков не позволяло ему казаться суровым.

— Госпожа, с вами всё в порядке? — с тревогой в голосе спросила Каттилара.

Иста обдумывала разнообразные варианты лжи и правды, подходящие случаю. — У меня болят ноги. И голова.

Потом выжала из себя:

— Всё будет хорошо, если я минутку отдохну, — Иста рассматривала обеспокоенное личико марчессы. — А вы пока мне расскажете, что же обрушилось на лорда Иллвина.

Иста изо всех сил старалась отводить взгляд от той двери, в дальнем левом углу галереи, к которой вели ступени. Каттилара помолчала, нахмурившись:

— Скорее не что, а кто. По крайней мере, мы так думаем. — Иста подняла брови:

— На него кто-то напал?

— Ну, нечто вроде этого, — она взглянула на своих фрейлин и сделала знак, чтобы они отошли: — Оставьте нас, пожалуйста.

Марчесса проследила, что они расположились на скамейке в другом конце двора, а потом доверительно понизила голос:

— Около трёх месяцев назад из Джоконы прибыло весеннее посольство, чтобы организовать обмен пленными, договориться о выкупах, оформить грамоты, позволяющие торговцам пересекать границы, в общем, исполнить всё, для чего организуются такие делегации. Но в этот раз самым неожиданным их предложением стала овдовевшая сестра князя Сордсо Джоконского. Старшая сестра, уже два раза побывавшая замужем, как я думаю, за жутко богатыми джоконскими лордами, которые сделали то, что делают все старые лорды. Не знаю, может быть, она отказалась в очередной раз пожертвовать собой, а может, она уже потеряла цену на этом своеобразном рынке замужеств — ей было около тридцати. Хотя она всё ещё очень привлекательна. Княжна Юмеру. Скоро выяснилось, что её окружение жаждало отдать её в жёны брату моего мужа, если он ей понравится.

— Интересно, — невозмутимо откликнулась Иста.

— Эрис решил, что это хороший знак, что это станет способом заручиться поддержкой Джоконы в предстоящей кампании в Виспинге. Если Иллвин согласится. Вскоре стало очевидно, — в общем… я никогда не видела, чтобы хоть одна женщина так же вскружила ему голову. Его язык больше привык к горьким остротам, чем к медовым комплиментам.

Если Иллвин лишь немного младше Эриса…

— А лорд Иллвин — сэр ди Арбанос, да? — раньше был женат?

— Да, теперь он сэр ди Арбанос. Он унаследовал титул отца почти десять лет назад, как мне кажется, и кроме этого, наследовать было больше нечего. Нет, женат он не был. Обручён раза два, но сговор по какой-либо причине расстраивался. Отец посвятил мальчика Ордену Бастарда, чтобы ребёнок получил образование, но по словам лорда Иллвина, в нём так и не проснулось призвание. Но время шло, люди начали строить всякие предположения. Я видела, как это раздражает его.

Иста вспомнила, как сама строила различные предположения насчёт ди Кэйбона, и поморщилась. И всё же, даже если эта княжна Юмеру

потеряла товарный вид, союз с младшим лордом-квинтарианцем, бастардом ко всему прочему, был бы мезальянсом для такой благородной кватернианки. Её дедом по материнской линии был сам Золотой Генерал, если Иста верно вспомнила схему древних браков Пяти Княжеств.

— В случае свадьбы она собиралась менять вероисповедание?

— Честно говоря, я в этом не уверена. Иллвин был настолько увлечён ею, что сам скорее перешёл бы в её веру. Они были замечательной парой. Тёмные волосы жениха, золотистые локоны невесты; у принцессы была классическая рокнарская кожа, оттенка свежего мёда, и цвет волос идеально сочетался с ней. Всё было… в общем, понятно, к чему всё шло. Но один человек был несчастен.

Каттилара глубоко вздохнула, на её взгляд набежала тень:

— В свите принцессы был один придворный, которого снедали ревность и негодование. Он хотел, чтобы Юмеру принадлежала ему, и не мог видеть, как её отдают в лапы врага. Положение и состояние лорда Печмы едва ли превышали ранг и богатство бедного Иллвина, но, само собой, у него не было той боевой славы, что окружала брата моего мужа. Однажды ночью… однажды

ночью она отослала слуг и Иллвин… пришёл к ней, — Каттилара сглотнула. — Нам кажется, что Печма это увидел и последовал за ним. На следующее утро Иллвина нигде не было, но когда фрейлины принцессы вошли в её комнату, они обнаружили там ужасающую сцену. Они пришли и разбудили нас с мужем… Эрис не позволил мне войти в ту комнату, но говорят… — марчесса говорила едва слышно, — лорда Иллвина нашли обнажённым, запутавшимся в простынях, без чувств, истекающего кровью. Княжна лежала мёртвой у окна, как будто она хотела сбежать или позвать на помощь; из груди её торчал отравленный рокнарский кинжал. Лорд Печма, его конь и сбруя, а также отряд, находившийся в распоряжении этого рокнарца, исчезли из Порифорса.

— Ох, — только и произнесла Иста. Каттилара ещё раз сглотнула и потёрла глаза.

— Люди моего мужа и слуги княжны вместе отправились искать убийцу, но он успел скрыться. Посольство превратилось в погребальный кортеж и увезло тело принцессы обратно в Джокону. Иллвин… так и не пришёл в себя. Мы не знаем, случилось ли это из-за подлого рокнарского яда, обнаруженного на кинжале, которым пронзили Иллвина, или он упал и ударился головой, или его

ударил кто-то другой. Но мы с ужасом полагаем, что разум покинул его. Мне кажется, этот кошмар мучает Эриса сильнее, чем опечалила бы смерть Иллвина, потому что муж всегда полагался на ум брата.

— А… как это приняли в Джоконе?

— Не очень хорошо, даже несмотря на то что зло рокнарцы привезли с собой. На границе всегда положение напряжённое. Что сослужило неплохую службу вам, потому что, когда прибыл курьер от провинкара Толноксо, люди моего мужа были в полной боевой готовности.

— Неудивительно, что лорд Эрис всё время на взводе. Действительно жуткие события. — Действительно, крыша протекает. Иста могла быть только благодарна Эрису, что его твёрдость не позволила поселить её в той комнате, где встретила смерть княжна Юмеру. Она понимала жуткий расчёт Каттилары. Страшно и мучительно, да. Но в этом нет ничего опасного. Ни богов, ни видений, ни сверкающих белых огней, которые не обжигают. Нет смертельных алых ран, которые открываются и закрываются так же просто, как кто-то застёгивает и расстёгивает тунику.

Я взгляну на этого лорда Иллвина, хотела сказать она. Не могли бы вы провести меня к нему?

Но как она объяснит своё болезненное любопытство, сомнительное желание попасть в комнату больного мужчины? Всё равно, сейчас она совсем не хотела смотреть на сражённого недугом лорда. Наоборот, она жаждала оседлать коня, нет, сесть в повозку, которая увезёт её подальше отсюда.

Сгущающаяся темнота выпивала цвет из предметов; лицо Каттилары стало белым пятном.

— День был длинным. Я устала, — Иста поднялась на ноги. Каттилара вскочила, чтобы помочь ей подняться по ступеням. Она стиснула зубы и позволила левой ладони ухватиться за руку молодой женщины; Иста медленно шла по лестнице, правой рукой держась за перила. Дамы Каттилары, продолжая беседовать между собой, последовали за ними.

Когда они достигли вершины лестницы, дверь в дальнем конце двора распахнулась. Иста резко обернулась. Низенький, кривоногий мужчина с короткой серой бородой появился на пороге, неся ворох грязных тряпок и накрытое крышкой ведро. Увидев женщин, он свалил свою ношу у двери и поспешил вперёд.

— Леди Катти, — позвал он скрипучим голосом, склонив голову. — Ему нужно ещё козьего молока. И побольше мёда в нём.

— Не сейчас, Горам, — раздражённо поморщив носик, Каттилара махнула, чтобы он ушёл. — Я скоро приду.

Он снова склонил голову, но при виде Исты его глаза под мохнатыми бровями сверкнули. От любопытства или просто так, Иста едва ли могла различить в темноте, но когда она повернула вслед за Каттиларой к комнатам, ожидавшим её на другом конце галереи, его взгляд, словно рука, упёрся ей в спину.

Горам заковылял прочь. Иста оглянулась и увидела, как дверь в другом конце снова открылась и закрылась, оранжевая полоса света свечи замерцала, сузилась и потухла.

Глава одиннадцатая

Фрейлины Каттилары завернули Исту в изящную, прозрачную ночную рубашку и уложили в постель, застланную тончайшим расшитым бельём. Иста попросила оставить на столе горящую свечу в стеклянном шарообразном подсвечнике. Женщины на цыпочках вышли из спальни через комнату, в которой должны были ночевать горничная и служительница-медик, чтобы в любой момент прийти на зов госпожи, и закрыли за собой внешнюю дверь покоев. Иста села, опираясь на гигантскую гору подушек, и стала смотреть на колеблющийся огонёк свечи, разгонявший окружающую тьму, обдумывая дальнейшие действия.

Можно не спать целыми днями до тех пор, пока комната не начнёт раскачиваться и перед глазами, словно искры, сыплющиеся из пламени, не начнут мелькать странные, бесформенные галлюцинации. Это она уже пробовала; тогда, когда боги в первый раз потревожили её сны, когда она думала, что сходит с ума, а Иас позволил ей так думать. Закончилось это плохо. Разум и сны

можно утопить в вине. Но лишь ненадолго. Это она тоже испробовала, и сработало это ещё хуже, потому что продолжалось достаточно долго. От богов не скрыться даже в безумии; напротив, эффект будет обратным.

Она подумала о том, *что* находится в той, ничем не отличающейся от этой комнате, разве что не окуренной ароматными благовониями, расположенной в другом конце галереи. Более того, она точно представляла себе, где там стоит кровать, как лежат ковры, как выглядит комната, а главное — её обитатель. Не нужно даже смотреть. Только вот Горама я раньше не видела. Но есть подозрение, что его существование тоже подразумевалось заранее.

Итак, ты, кем бы из Пятерых ты ни был, притащил меня сюда. Но Вы не можете заставить меня пройти в ту дверь. И открыть её самостоятельно Вам не по силам. Вы не сумеете даже поднять листок; согнуть металл или мою волю вне Вашей власти. Боги предлагают состязание. И она может противостоять им весь день.

Но не ночь. В любом случае, мне нужно спать. И мы все это знаем.

Иста вздохнула, наклонилась и задула свечу. Запах горячего воска защекотал ноздри, и блеск

потухшего пламени оставил разноцветные разводы на сетчатке глаза. Она перекатилась набок и подмяла плечом подушку. Вы не можете открыть ту дверь. И Вам не заставить сделать это меня, какие бы сны Вы не наслали.

Делайте то, что задумали. Самое плохое, что могли, Вы мне уже сделали.

* * *

Сначала сон был бесформен, пуст. Потом пришли обычные видения, чьи беспокойные абсурдные смыслы, тая, перетекали друг в друга. Наконец, она вошла в какую-то комнату, и всё изменилось; эта комната была осязаемой, квадратной, её углы были чёткими, как в любом реальном месте, только здесь Иста ни разу не была. Это не спальня лорда Иллвина. И не её собственная спальня. Судя по свету, проникавшему сквозь резьбу ставен, снаружи был солнечный день. По характерному стилю она поняла, что это одна из комнат замка Порифорс, а потом сообразила, что однажды уже мельком видела её в свете свечи. Лорд Эрис запретил…

Теперь вокруг было тихо и пусто. Покои были тщательно вымыты и убраны. Кроме неё, никого не было… но, постойте. Дверь открылась.

Чуть туманный свет, льющийся сквозь ставни со двора, уставленного цветами, осветил знакомую фигуру. Она заполнила весь дверной проём, протиснула полные бёдра внутрь; дверь захлопнулась позади. На секунду сердце Исты наполнилось радостью, что ди Кэйбон жив и невредим.

Только… это был не ди Кэйбон. Или не только ди Кэйбон.

Он был толще, ярче, белее. Бесполый. Плоть раздулась, чтобы вместить в себя то, что вместить невозможно? Одежды его были безукоризненно чисты — уже только по этому Иста могла почувствовать разницу — и сияли, словно луна. Над изгибом улыбки, которую задорно оттеняли несколько подбородков, сверкали глаза бога. Шире, чем небо, бездоннее, чем морские глубины; взгляд многократно отражался внутри себя самого, каждый слой был лишь множеством других слоёв, повторяемых бесконечно много или бесконечно мало. Глаза, которые одновременно могут смотреть на каждого, на каждое живое существо в мире, снаружи и изнутри, с одинаково неослабевающим вниманием.

Милорд Бастард. Иста не произнесла его имя вслух, чтобы он не принял это за молитву. Вместо

этого она только сказала:

— Неравная встреча, не так ли? — Он подался вперёд, перегибаясь через огромный живот:

– **Ты мала, но сильна. Я, как ты знаешь, не могу поднять даже листок. И не могу гнуть железо. Моя Иста.**

— Я не твоя.

– **Мной, как и влюблённым, руководит надежда и предчувствие**, — улыбка ещё сильнее растянула толстое лицо.

— Или как крыса, которой руководит желание совершить подлость.

– **Крысы**, — он задумчиво вздохнул, — **примитивные, пугливые и прямолинейные создания. Очень ограниченные. Чтобы совершить подлость, требуется мужчина. Или женщина. Подлость… правда, победа… поимка медведя…**

Она вздрогнула, услышав этот возможный намёк на Фойкса.

— Ты хочешь от меня чего-то. Языки богов источают мёд только тогда, когда им что-нибудь нужно. А когда что-то нужно мне, — когда я молилась, распростёрши по земле лицо и руки, в слезах и в страхе, годами, — где были вы тогда? Где были боги в ту ночь, когда умер Тейдес?

– **Сын Осень отправил в путь многих людей**

в ответ на твои молитвы, дражайшая Иста. Но они свернули с дороги и не пришли. Потому что он не мог согнуть их волю и направить их шаги. Их разбросало ветром, словно листья.

Его губы сложились в улыбку, мрачнее и серьёзнее которой Иста никогда не видела:

– **Теперь молится другой, и его отчаяние не меньше, чем было твоё тогда. Он так же дорог мне, как Тейдес был дорог Братцу Осени. И я послал тебя. Ты свернёшь с пути? Так, как сделали те, кто шёл к Тейдесу? Тем более теперь, когда до конца путешествия осталось всего несколько шагов?**

Повисло молчание.

Исту душила ярость. И что-то ещё, более сложное, какая-то кипящая смесь, которую даже она не могла выделить и назвать. Болевая горячка, может быть. Она выдавила сквозь зубы:

— Господин Бастард, да ты действительно бастард. Ублюдок. — Он только раздражающе ухмыльнулся:

– **Когда появится человек, способный тебя рассмешить, мрачная Иста, разгневанная Иста, железная Иста, только тогда твоё сердце излечится. Ты не молила об этом: такую награду не могут дать даже боги. Нам не всегда доступны**

даже такие простые вещи, как искупление ваших грехов.

— В последний раз, когда я пыталась следовать святым, запутанным, непонятным наставлениям богов, меня предали и втянули в убийство, — не унималась она. — Но от тебя мне не нужно искупление. Я не хочу быть частью тебя. Если я решусь, я буду молить о забвении; чтобы меня замарали, уничтожили, стёрли, как бестелесных духов, которые действительно умирают и только так бегут от скорби мира. Что боги могут дать мне?

Он поднял брови, на его лице отразилась деланная благосклонность:

– **Как «что»? Занятие, дражайшая Иста!**

Он подошёл ближе; доски опасно скрипнули у него под ногами. Она чуть не сделала шаг назад, представив, что они оба провалятся сквозь пол в комнату нижнего этажа. Он держал руки, не касаясь, чуть выше её плеч. В крайнем беспокойстве, Иста заметила, что обнажена. Он наклонился вперёд так, что глобус его могучего брюха коснулся её, и прошептал:

– **Твой лоб отмечен моим знаком.**

Его губы тронули её лоб. След жёг, словно клеймо.

Он вернул мне дар второго зрения. Прямое,

непосредственное понимание мира духов, Его мира. Она вспомнила, как губы Матери точно так же обожгли её кожу тогда, давным-давно, в том самом видении, которое привело к таким гибельным последствиям. Ты можешь впечатать в меня свой дар, но я не обязана его открывать. Я отказываюсь от него и готова противостоять тебе!

Глаза бога сверкнули яркой искрой. Его руки скользнули по её голой спине, крепче прижимая её к своему телу; он снова наклонился и впился ей в рот откровенно похотливым поцелуем. Её тело вспыхнуло от постыдного возбуждения, что разозлило Исту ещё больше.

Тёмные бездны вдруг исчезли из его глаз, которые находились так близко от её. Человеческие глаза расширились, а потом совсем округлились. Просвящённый ди Кэйбон охнул, убрал язык и отскочил, словно испуганный телёнок.

— Королева! — всхлипнул он. — Простите меня! Я, я, я… — его взгляд метнулся по комнате, вернулся к Исте, стал ещё изумлённей, бросился к потолку, к полу, к дальней стене. — Я даже не знаю, где я…

Теперь он не её сон, в этом Иста была уверена. Это она была его сном. И когда проснётся, он будет помнить его так же живо. Где бы он ни был.

— У вашего бога, — усмехнулась она, — отвратительное чувство юмора.

— Что? — непонимающе переспросил он. — Он был здесь? И я упустил его?

Его лицо стало безумным.

Если это такие реальные сны, то каждый…

— Где вы сейчас? — быстро спросила Иста. — Фойкс с вами?

— Что?

Иста открыла глаза.

Она лежала на спине в своей спальне, запутавшись в тонких льняных простынях и прозрачной ночной рубашке Каттилары. Одна. Она выругалась.

Вероятно, сейчас около полуночи; в крепости тихо. Вдалеке сквозь оконные решётки слышалось тихое мерное жужжание насекомых. Ночная птица мелодично выводила трель. Тусклый лунный свет проникал внутрь, разгоняя угольно-чёрную темноту.

Она думала, чьи же молитвы привели её сюда. Бастарду, как богу последней надежды, молятся многие, не только те, чьё происхождение вызывает сомнения. Это мог быть любой житель Порифорса. За исключением, предположила Иста, мужчины, который не может очнуться от

бескровного обморока. Если я найду того, кто сделал со мной это, я сделаю так, чтобы он никогда больше не захотел распевать молитвенные стишки перед сном…

Лёгкий скрип и шорох шагов послышался со стороны галереи.

Иста поспешила избавиться от простыней, спустила босые ноги на доски и неслышно прокралась к окну, которое выходило во двор. Она отперла внутреннюю деревянную ставню и потянула на себя; к счастью, она не скрипнула. Иста прижалась лицом к металлическим кружевам внешней решётки и выглянула наружу. Ущербная луна ещё не зашла за скат крыши. Её неверный свет падал на галерею.

Привыкшие к темноте глаза Исты могли различить высокую изящную фигуру леди Каттилары в бледном платье, в одиночестве скользящую вдоль перил. Она остановилась у двери в дальнем конце, тихонько открыла её и исчезла внутри.

Мне нужно последовать за ней? Красться и подсматривать, подслушивать под окнами, подглядывать, словно вор? Нет уж, я не стану! И плевать на то, какой любопытной Ты заставляешь меня быть, будь Ты проклят…

Никакими силами боги не заставят её про-

никнуть вслед за леди Каттиларой в спальню её сражённого недугом деверя. Иста закрыла ставню, развернулась, прошла обратно к кровати и зарылась в одеяла.

Она лежала и слушала.

Спустя несколько секунд бессильной ярости Иста встала снова. Она осторожно придвинула табурет к окну, уселась, опираясь головой на железную решётку, и стала смотреть. Ещё через некоторое время дверь опять приоткрылась, ровно настолько, чтобы выпустить стройную женщину. Каттилара вернулась и спустилась по лестнице. В руках у неё ничего не было.

Видимо, она проверяла, как заботятся о больном. А это входит в обязанности хозяйки замка, если дело касается столь благородного человека, столь важного офицера, столь близкого родственника, так ценимого мужем. Возможно, лорду Иллвину нужно было обеспечить какое-то ночное лечение, дать какое-то обнадёживающее средство, которое прописали целители. Существует десяток обычных, безобидных объяснений.

Хорошо, всего лишь несколько.

Одно или два, наконец.

Иста зашипела сквозь зубы и вернулась в постель. Она долго ещё ворочалась, пока не за-

снула.

* * *

Для той, кто по ночам тайно порхает по замку, леди Каттилара появилась в комнатах Исты достаточно рано, почти сразу после рассвета, принеся с собой весёлую гостеприимность и изъявив желание сводить Исту в деревенский храм на утреннюю службу, чтобы возблагодарить богов. Собравшись с силами, Иста подавила в себе болезненное напряжение, которое вызывало присутствие молодой марчессы. Когда она вышла в уставленный цветами парадный двор и обнаружила Пежара, державшего под уздцы её коня, отказываться уже было поздно. Мышцы всё ещё немилосердно ныли, создавая ощущение, что вот-вот рассыплются окончательно, но она позволила усадить себя в седло. Пежар повёл коня в поводу вполне благопристойным шагом. Леди Каттилара шагала летящей походкой впереди процессии, держа голову прямо и свободно покачивая руками, с таким видом, словно вот-вот запоёт вместе со своими фрейлинами какой-нибудь гимн.

Деревня Порифорс была населена достаточно густо и сразу же производила впечатление места,

которому очень не хватает укреплений, или, наоборот, вокруг которого царит мир, и они вовсе ни к чему. Местный храм был маленьким и древним, алтарями четырёх богов служили лишь небольшие ниши, окружавшие центральный двор, а Башней Бастарда и вовсе оказалась одна из временных построек, которая отжила своё уже много лет назад. Тем не менее после службы старый служитель выразил желание показать гостье все маленькие сокровища его храма. Ферда знаком приказал Пежару ждать Исту и откланялся, сказав, что оставит их ненадолго. Ista дёрнула уголком губ, выражая недовольство по поводу момента, который он выбрал.

Сокровища же, напротив, оказались не такими уж маленькими, потому что после удачных предприятий лорда Эриса на долю храма выпадали весьма щедрые пожертвования. Имя лорда Иллвина тоже часто встречалось в полных энтузиазма речах служителя. Да, преступление, приведшее к таким печальным последствиям, действительно просто ужасно. Увы, деревенские целители не смогли ничем помочь, но есть ещё надежда, что более сведущему человеку из какого-нибудь крупного города Шалиона или Ибры удастся сотворить чудо, когда люди, посланные

лордом Эрисом, доставят такого сюда. Служитель упомянул пару интересных историй, связанных с происхождением младшего брата марча, а вслед за этим перешёл к планам постройки нового храма, требующим одобрения и покровительства марча и марчессы. Вскоре вернулся Ферда.

Лицо его было мрачным. Он на секунду опустился на колени у ниши Леди Весны, закрыв глаза и шевеля губами, а потом приблизился к Исте.

— Простите меня, просвящённый, — Иста безжалостно прервала монолог служителя. — Мне нужно поговорить со своим офицером.

Теперь уже вдвоём они вернулись в нишу Леди Весны:

— Что случилось? — тихо поинтересовалась Иста. Он ответил ей вполголоса:

— Прибыл утренний курьер от лорда ди Карибастоса. Ни словечка ни о Фойксе, ни о ди Кэйбоне, ни о Лисе. Поэтому прошу отпустить меня и ещё двух моих людей на поиски, — он с понятным восхищением посмотрел на леди Каттилару, которая взяла на себя заботу внимательно слушать служителя. — Здесь вы в лучших руках, чем можно вообразить. Дорога до Маради и обратно займёт всего несколько дней, лорд Эрис взялся

одолжить нам хороших свежих коней. Думаю, я вернусь раньше, чем вы снова сможете отправиться в путь.

— Я… не нравится мне всё это. Если что-нибудь случится, я не смогу обойтись без вашей помощи.

— Если войска лорда Эриса не смогут защитить вас, то горстка моих гвардейцев тем более окажется бессильной, — возразил Ферда. Он поморщился. — Как, боюсь, мы уже наглядно продемонстрировали. В обычной ситуации я бы безропотно покорился вашему мнению, — он понизил голос, — но существует угроза медведя.

— Ди Кэйбон справится с такими осложнениями лучше, чем любой из нас.

— Если он жив, — хмуро заметил Ферда.

— Я уверена, что жив. — Иста решила не объяснять, откуда она это знает. Но за Фойкса она поручиться не может.

— Я знаю брата. Он может быть сильным и убедительным. И хитрым, если первое не сработает. Если… его воля принадлежит ему и управляется его разумом… Не уверен, что ди Кэйбон справится с ним. А я смогу. Я знаю парочку способов. — На секунду лицо юноши озарилось улыбкой, полной братской любви.

— Мм-м, — протянула Иста. Умение убеждать, видимо, у них семейное.

— Есть ещё Лисе, — добавил он неопределённым тоном. Насчёт Лисе он распространяться не стал, и Иста милосердно решила не выспрашивать.

— Я ужасно хочу, чтобы она снова была рядом, — добавила она через секунду. — И ди Кэйбон тоже. — Может быть, даже особенно ди Кэйбон. Что бы там бог ни задумал, запутавшийся молодой служитель тоже в этом замешан.

— Так позволите покинуть вас, госпожа? Пежар будет исполнять при этом крошечном дворе всё, что вы прикажете. Он сделает это с удовольствием.

Иста пропустила эту вспышку кардегосского высокомерия мимо ушей. Будь Порифорс обычным провинциальным двором, Ферда был бы без сомнения прав.

— Вы отправляетесь прямо сейчас?

Он опустил голову:

— Сразу же, прошу вас. Если что-то случится, то чем раньше я доберусь туда, тем лучше. — В ответ на её угрюмое молчание он прибавил: — А если всё будет в порядке, тем скорее я вернусь.

Она задумчиво облизала нижнюю губу:

— Тем более что, как ты выразился, существует угроза медведя.

Поимка медведей, как сказал бог. Его проклятое животное сбежало. Нет смысла молить бога о защите; если бы он мог сдерживать демонов и не давать им проникать в материальный мир, то он так бы и сделал, не допустив, чтобы слабость его служителя зависела от слабости человека.

— Хорошо, — вздохнула она. — Иди. Но возвращайся поскорее.

Он натянуто улыбнулся:

— Кто знает? Я могу встретить их на дороге из Толноксо и вернуться ещё до заката.

Он опустился на колено и благодарно поцеловал ей руку. Она ещё только успела вздохнуть, а его плащ уже исчез за дверью храма.

Обед, к неудовольствию Исты, был накрыт в честь вдовствующей королевы на главной площади деревни и сопровождался выступлением детского хора, исполнявшего песни, гимны и плавные, не очень ритмичные мелодии местных танцев. Лорда Эриса не было; молодая марчесса добропорядочно выполняла все обязанности хозяйки замка, что наверняка служило предметом гордости для её заботливых родителей. Несколько раз Иста отметила, что Каттилара смотрит

на самых маленьких певцов с нескрываемой тоской в глазах. Когда мальчишки наконец справились с последним куплетом, когда вся деревня приложилась с поцелуем к рукам королевы, Исте разрешили сесть на коня и сбежать. Тайно, чтобы никто не заметил, она вытерла о гриву животного пальцы, на которых остался липкий след от поцелуя простуженного парнишки. На этот раз она была почти счастлива видеть своего коня. Почти.

* * *

Спешившись в цветущем парадном дворе, Иста пыталась решить, пугает ли её изящно высказанное предложение леди Каттилары, что за ужином за ней будет ухаживать женщина тех же лет, что и высокая гостья, когда со стороны закрывающихся ворот послышался возглас:

— Эй, замок Порифорс! Курьер из замка Оби!

Иста развернулась на каблуках, услышав знакомый звонкий голос. Верхом на соловом толстом и взмыленном пони во двор въехала Лисе. На ней был плащ с изображением замка и леопарда, в руках девушка держала пакет, судя по всему официальный, с которого свисали восковые печати. Рубашка под плащом была такая же мокрая

от пота, как и пони, а лицо Лисе потемнело от загара. При виде пёстрых горшков с цветами, губы девушки округлились.

— Лисе!!! — восторженно воскликнула Иста.

— Ха, миледи! Значит, вы таки здесь! — она выдернула ступни из стремян, перекинула ногу через шею пони и спрыгнула на землю. Улыбаясь во весь рот, она на придворный манер опустилась на колени у ног Исты; Иста тотчас подняла её собственными руками. Она едва сдерживалась, чтобы не заключить девушку в объятия.

— Как ты сюда добралась? На этой лошади? Ферда нашёл тебя?

— Ну, добралась я сюда даже верхом на этом тунеядце. Ферда? С ним всё в порядке? Привет, Пежар!

Стоящий у локтя Исты сержант вовсю улыбался:

— Благодарение Дочери, ты справилась!

— Если те басни, что я слышала, правда, то вам пришлось потуже, чем мне!

Иста беспокойно сказала:

— Ферда уехал часа три назад… Ты, должно быть, встретилась с ним по дороге из Толноксо?

Лисе нахмурилась:

— Я приехала по дороге из Оби.

— Ох. Но как ты туда… Ох, давай, давай, садись рядом и расскажи мне всё! Как я соскучилась по тебе!

— Хорошо, милая моя госпожа, но сначала мне надо вручить письма, потому что сегодня я ещё курьер, и позаботиться об этой зверушке. Слава богам, не я его хозяйка. Он приписан к почтовой станции на полпути сюда из Оби. А ещё мне не помешает ведро воды.

Иста махнула рукой Пежару, тот кивнул и исчез. Подошли Каттилара и её дамы. Марчесса немного смущённо улыбнулась сначала девушке, потом Исте:

— Госпожа?..

— Это моя самая верная и храбрая горничная Анналисс из Лабры. Лисе, поклонись Катилларе ди Лютез, марчессе Порифорса и этим леди… — Иста стала перечислять титулы фрейлин Каттилары, которые изумлённо смотрели на девушку-курьера. Каждое новое имя Лисе принимала лёгким дружеским реверансом.

Вернулся Пежар с ведром, в котором плескалась вода. Лисе схватила ведро и окунула в него голову. Она вынырнула со вздохом облегчения, а её мокрая чёрная коса чуть не обрызгала попятившихся дам.

— Ах! Вот так-то лучше. Пятеро богов, Карибастос в это время года — жаркое местечко.

Лисе поставила ведро с остатками воды перед пони и дружелюбно похлопала его по шее.

Животное слегка оттеснило Пежара и опустило нос в воду, а юноша сказал:

— Мы были уверены, что ты успела предупредить жителей той деревни на перекрёстке, но куда ты направилась потом, мы вычислить не могли.

— К тому времени как я туда добралась, мой славный курьерский конь уже выдохся, но мой плащ и канцлерский жезл убедили местных дать мне новую лошадь. У них не было солдат, способных сразиться с джоконцами, поэтому они остались прятаться, а я, выжимая из бедного коня всё возможное, поскакала на восток. Жителям удалось скрыться?

— Мы добрались туда к закату, их уже и след простыл, — ответил Пежар.

— Что ж, замечательно. После этого самого заката я доехала до курьерской станции на главной дороге в Маради, и когда я убедила тех, кто был там, что я не брежу, они отправили кого-то на поиски. Или, по крайней мере, так я подумала. Я переночевала там и на следующее утро уже более

степенным шагом отправилась в Маради, где провинкар Толноксо как раз выводил войска, чтобы начать погоню. Зная, как быстро перемещаются джоконцы, я боялась, что уже слишком поздно.

— Так оно и оказалось, — подтвердила Иста. — Но курьер добрался до замка Порифорс как раз вовремя, и лорд Эрис успел устроить засаду на пути джоконцев.

— Да, это наверное один из тех парней, что выехали прямо с моей курьерской станции, да благословят их пятеро богов. Один из них сказал, что родился здесь. Я надеялась, что он знает, что говорит.

— Ты слышала что-нибудь о Фойксе и просвящённом ди Кэйбоне? — взволнованно поинтересовалась Иста. — С тех пор, как мы их спрятали в канаве, я их не видела.

Лисе покачала головой и нахмурилась:

— Я рассказала о них на курьерской станции и предупредила лейтенантов лорда ди Толноксо, чтобы отрядили кого-нибудь на их поиски. Я не могла точно сказать, захватили ли их, как и вас, джоконцы, или они сбежали, в какую сторону пошли по дороге, или вообще бросились прятаться по кустам. Поэтому я пришла в храм в Маради, нашла старшего служителя Ордена ди Кэйбона и

рассказала ей все наши беды, что наш служитель бродит по дорогам и нуждается в помощи. Она взялась послать нескольких служек искать его.

— Это ты хорошо придумала, — заметила Иста, её голос потеплел от одобрения.

Лисе благодарно улыбнулась:

— Мало того: я провела день в канцлерском бюро в Маради, но от лорда ди Толноксо не было никаких вестей. Поэтому я вспомнила о короткой южной дороге и вызвалась отправиться курьером в Оби. Вспомнив, что это достаточно крупная крепость, я решила, что вероятнее всего вас спасут её солдаты и доставят туда. И тогда я полетела — не думаю, что какой-нибудь курьер ехал по этой дороге быстрее, чем я в тот день. — Она убрала с загорелого лица влажную прядь, пальцами откинув её назад. — Когда к ночи я добралась до крепости, ещё ничего не было известно. Но наутро все мои труды увенчались успехом, потому что пришло письмо от марча Порифорса, где говорилось, что вы спасены. Лорд Оби и его люди тоже поехали наперехват джоконцам, но днём вернулись.

— Марч Оби — мой отец, — заметила Каттилара, в её голосе звучали заботливые нотки. — Вы его видели?

Лисе отвесила свой уникальный полупоклон-полуреверанс:

— Он находится в добром здравии, миледи. Я попросила его отправить меня курьером в Порифорс, чтобы как можно скорее вернуться к своей госпоже. — Девушка протянула пакет. — Он отослал меня сегодня на рассвете. Это я получила лично из его рук. Тут наверняка есть что-нибудь для вас… а! — её глаза блеснули, увидев, что к ним приближается управляющий замком Порифорс: безземельный дворянин в летах, очень напоминавший Исте ди Феррея, только этот был не толстый, а тощий. Грум Горам следовал за ним. К заметному облегчению Лисе, управляющий забрал пакет и поспешил прочь, приказав груму позаботится о курьерской лошади.

— Вы, наверное, утомились, — сказал леди Каттилара, в очередной раз удивляясь Лисе. — Такое тяжёлое испытание!

— Да, но я люблю свою работу, — весело ответила Лисе, хлопнув ладонями по грязному плащу. — Мне просто дают коня и стараются поскорее унести ноги у меня с дороги.

Иста ухмыльнулась. Действительно, веская причина для радости.

Но всё-таки получается, что Ферда отправился

выполнять не совсем бессмысленное задание, хотя и не встретил Лисе по пути. Она надеялась, что сейчас он уже добрался до Маради, вскоре обнаружит своего брата с медведем внутри и его спутника под опекой храма.

Лисе, собираясь вести своего пони вслед за Горамом, раскланивалась во все стороны.

Иста мягко сказала:

— Когда моя горничная позаботится о пони, ей, как и мне раньше, будет нужна ванна. И прошу ей тоже выдать одежду. Все её вещи, как и мои, украли джоконцы.

Даже несмотря на то что весь скромный гардероб Лисе умещался в седельную сумку, Иста решила, что носы фрейлин леди Каттилары вынесут запах лошадей и пота простой девушки.

— И молю задать мне корм, милая моя госпожа! — крикнула Лисе через плечо.

— Он будет достоин твоей безумной скачки, слава о которой дойдёт до самого Кардегосса в моём следующем письме, — пообещала Иста.

— Главное, чтобы побыстрее, а меню — на ваше усмотрение!

* * *

Лисе долгое время провела в конюшне, но в конце концов явилась в новые покои Исты. Дочери мелких местных лордов, фрейлины Каттилары, которые чуть не надорвались, прислуживая вдовствующей королеве, отнеслись к обслуживанию Лисе с меньшей серьёзностью. Но ванну девушка принимала под строгим присмотром Исты. Лисе то и дело таскала с подноса куски хлеба и сыра, оливки и вяленые фрукты и одну за другой осушала чашки тёплого травяного чая. Её курьерскую форму отдали слугам, чтобы они её как следует выстирали.

Наряды Каттилары подходили Лисе и по возрасту, и по росту лучше, чем Исте, разве что для девушки-курьера глубокие вырезы на груди могли показаться слишком откровенными. Лисе смеялась от восторга и благоговения, помахивая струящимся изящным рукавом, и Иста улыбалась этому восхищению непривычной роскошью.

Ещё один человек был искренне рад появлению Лисе; служительница-медик наконец могла поручить кому-то ухаживать за ранами Исты и вернуться к семье и своим обязанностям в храме. Лисе ещё не успела высохнуть, а служительница

уже закончила давать указания, вручила девушке кучу бинтов и мазей, собрала вещи, получила от Исты щедрое вознаграждение за труды и умчалась домой.

* * *

Обед был накрыт в небольшой зале, окна которой выходили во двор с фонтаном в виде звезды; за столом собрались исключительно особы женского пола во главе с леди Каттиларой. Ни один стул не был по традиции оставлен пустым.

— А лорд Эрис не будет сегодня обедать? — спросила Иста, усевшись по правую руку от марчессы. Он вообще когда-нибудь обедает? — Думаю, небольшой жар, который его мучает, вас тревожит.

— Его военные походы тревожат меня куда больше, — со вздохом призналась леди Каттилара. — Он взял с собой отряд и отправился патрулировать северную границу. Моё сердце не найдёт себе места, пока он не вернётся. Когда он уезжает, я готова умереть от страха за него, но я лишь мило улыбаюсь, и он ни о чём не догадывается. Если с ним что-нибудь случится, я, наверное, с ума сойду. Ой. — Чтобы скрыть свой промах, она пригубила вино из кубка и подняла его перед

Истой. — Я уверена, вы всё понимаете. Я бы хотела, чтобы он всю жизнь был рядом со мной.

— Но разве военные подвиги не делают его ещё более… — прямо-таки потрясающе привлекательным? — Удержи его дома и он, возможно, утратит то, чем вы так восхищаетесь.

— О нет, — серьёзно ответила леди Каттилара. Отрицая сказанное, но не споря с этим, как заметила Иста. — Я прошу его писать мне каждый день, когда он в отъезде. Если бы он забыл о своём обещании, я бы рассердилась на него, — уголки её губ приподнялись, глаза весело сверкнули, — на целый час, наверное! Но он не забывает. В любом случае он должен вернуться к ночи. Я буду сидеть в северной башне и смотреть на дорогу. Когда появится его конь, моё сердце сначала остановится, а потом забьётся в тысячу раз быстрее, — её лицо затуманилось в предвкушении.

Иста поспешно засунула в рот огромный кусок хлеба.

Еда была превосходной. Леди Каттилара или её повар не стали пытаться подражать изыскам или тому, что они считали изысками кухни Кардегосса, и подали свежую простую пищу. Сегодня на столе было больше сладостей, что Иста нашла отнюдь не лишним, а Лисе исключительно

одобрила, взяв себе внушительную порцию. В этом окружении девушка вела себя очень тихо, и Иста сочла это страхом перед таким изысканным обществом. Она подумала, что с большим удовольствием выслушала бы рассказы Лисе, чем местные сплетни. Когда Иста и её горничная наконец сбежали от дам и вернулись в квадратный каменный дворик, она сказала Лисе об этом и пожурила за стеснительность.

— Верно, — согласилась девушка. — Думаю, это из-за платья. Я чувствую себя разиней, среди всех этих благородных девиц. Не знаю, как они управляются с этими одёжками. Мне казалось, что я вот-вот что-то на себя переверну или порву что-нибудь.

— Давай пройдёмся по колоннаде. Я, по совету служительницы, разомну свои ссадины, а ты поучишься правильно шуршать шелками, чтобы не ударить лицом в грязь. И расскажешь мне о своих приключениях подробнее.

Лисе, как положено леди, сбавила шаг и подстроилась под темп прихрамывающей Исты; они двинулись по аллее. Иста осыпала девушку вопросами о её путешествии. Не то чтобы Исте было нужно тщательнейшее описание масти, недостатков, преимуществ и повадок всех

лошадей, которых Лисе сменила за последние несколько дней, но голос девушки казался музыкой, и было совершенно не важно, о чём она говорит. Сама Иста могла мало что рассказать о своих приключениях, уж конечно не то, как они с джоконцами ели конину и что она воспринимала происходящее как наказание. Совсем не хотелось вспоминать зелёных мух, слетающихся отведать запёкшейся крови.

Проходя мимо колонны, Лисе провела пальцами по искусной резьбе:

— Похоже на каменную парчу. Замок Порифорс оказался гораздо красивее, чем я думала. А лорд ди Лютез и правда так великолепно владеет мечом, как утверждает марчесса?

— Да, правда. Он убил четверых врагов, которые хотели сбежать вместе со мной. Двоим удалось скрыться. — Она не забыла о них. Теперь, оглядываясь назад, она была даже рада, что среди избежавших смерти был офицер-переводчик. Слишком часто она беседовала с ним с глазу на глаз, чтобы представить его среди безликой массы погибших. Должно быть, это женская слабость, так же как отказ есть животных, которых кто-то назвал домашними питомцами.

— А правда, что марч вёз вас в своём седле?

— Да, — коротко ответила Иста. Глаза Лисе лучились от удовольствия:

— Как мило! Жалко, что он женат, а? А он на самом деле так красив, как считает его жена?

— Не могу сказать, — буркнула Иста. Но потом неохотно призналась: — Но всё же он очень даже привлекателен.

— Как здорово, когда такой лорд у твоих ног. Я рада, что в конце концов, вы попали в такое замечательное место.

Иста не дала вырваться словам «Он вовсе не был у моих ног!» и только сказала:

— Я не собираюсь задерживаться тут надолго. — Лисе подняла брови:

— Служительница сказала, что ездить верхом вам ещё нельзя.

— Скорее, мне не стоит. Это просто неприятно. Но если нужно, я смогу. — Иста проследила за восхищённым взглядом Лисе, осматривающей двор, освещённый косым вечерним светом, и попыталась придумать причину своей тревоги, не упоминая ночные кошмары. Нормальную, разумную причину для женщины, которая уже *совсем не безумна*. Она потёрла лоб:

— Здесь рукой подать до Джоконы. Не знаю, в каких отношениях состоят сейчас княжества

Джокона и Бораснен, но всем отлично известно, что моя дочь выбрала порт Виспинг объектом своих монарших притязаний. То, что планируется, — это не просто пограничный набег. Тем более что весной здесь случилось событие, которое не способствовало установлению мирных отношений с князем Джоконы.

Иста не смотрела в сторону угловой комнаты.

— Вы имеете в виду то, что джоконский придворный пырнул ножом знатока лошадей Порифорса? Мне рассказал об этом Горам, когда мы вместе мыли моего толстого пегенького пони. Странный парень — я даже подумала, что он немного глуповат, — но своё дело знает. — Она прибавила: — Послушайте, госпожа, вы хромаете сильнее, чем моя вторая лошадь. Присядьте отдохнуть.

Она выбрала тенистую скамейку в дальнем конце двора, ту самую, на которой прошлым вечером расположились фрейлины Каттилары, и с озабоченным видом усадила на неё Исту.

Немного помолчав, девушка искоса посмотрела на неё:

— Забавный старичок, этот Горам. Он хотел знать, кто выше по званию: вы или княжна. Потому что княжна — дочь князя, а вы — дочь

простого провинкара. И Сара, вдова короля Орико, стала вдовствующей королевой позже вас. Я сказала, что провинкар Шалиона превзойдёт по знатности любого рокнарского князя, и, кроме всего прочего, вы — мать самой королевы Шалиона-Ибры, и тут уж соперников у вас быть не может.

Иста заставила себя улыбнуться:

— Думаю, он не часто встречает королев на своём пути. Твои ответы его успокоили?

Лисе пожала плечами.

— Похоже на то, — она нахмурилась. — Разве не странно, что человек лежит без движения столько месяцев?

Теперь настала очередь Исты пожать плечами:

— Паралич, пробитые головы, сломанные шеи… утопление… иногда так случается.

— Но некоторые выживают, не так ли?

— Думаю, те кто остаётся в живых, не приходят в себя так… быстро. Но многие из них, после того как придут в себя, остаются жить совсем недолго, только если за ними ухаживают тщательнейшим образом. Это медленная, уродливая смерть для мужчины. Да и для любого. Лучше умереть быстро и сразу.

— Если Горам ухаживает за лордом Иллвином

хотя бы вполовину менее усердно, чем он холит лошадей, то тогда всё понятно.

Иста заметила, что низенький коренастый человечек собственной персоной вышел из угловой комнаты и, глядя на них, сел на корточки у балюстрады. Немного спустя он поднялся, спустился по лестнице и пересёк двор. Чем ближе он подходил, тем короче становились его шаги, тем ниже, на манер черепахи, опускалась его голова, а руки сильнее цеплялись друг за друга.

Он остановился на некотором расстоянии от них, согнул колени и склонил голову сначала перед Истой, потом перед Лисе, а затем снова перед Истой, словно желая удостовериться, что его поклон замечен. Глаза его были цвета неполированной стали. Они, не мигая, смотрели из-под кустистых бровей.

— Ага, — сказал он, наконец, не глядя на женщин. — Это о ней он постоянно толкует, ошибки быть не может. — Он сморщил губы, и его взгляд вдруг остановился на Лисе. — Вы спросили её?

Лисе криво улыбнулась:

— Здравствуй, Горам. Ну, я как раз к этому и вела.

Он обхватил себя руками и принялся раскачиваться из стороны в сторону:

— Тогда спросите. — Лисе вскинула голову:

— А почему бы тебе самому не спросить? Она не кусается.

— Н…не… — пробормотал он мрачно, сердито рассматривая свои ботинки. — Вы.

Лисе смущённо пожала плечами и обратилась к Исте:

— Госпожа, Горам хочет, чтобы вы зашли проведать его хозяина.

Иста откинулась назад и надолго замолчала.

— Вы та, о ком он постоянно говорит.

— Думаю, — ещё помолчав, сказала Иста, — ни один мужчина не захочет, чтобы незнакомые люди видели его в больном состоянии.

— Всё в порядке, — подал голос Горам. Он моргнул и впился в неё тяжёлым взглядом.

Лисе, прищурив глаза, приложила руку ко рту и прошептала Исте в ухо:

— В конюшнях он был разговорчивее. Мне кажется, вы его пугаете.

Иста была в состоянии сопротивляться простым мягким убеждениям. Но в этом странном клубке она не могла найти ни конца ни начала. Настойчивый взгляд, деревянный язык, молчаливое давление ожидания… Она могла проклясть бога. Но грума — нет.

Она оглядела двор. Сейчас не полночь, не полдень; ничто не напоминает картинку из снов. Во сне не было ни Горама, ни Лисе, время дня тоже было иным… может быть, это неопасно. Она набрала в лёгкие воздуха:

— Ну что ж, Лисе. Давай вернёмся к делам паломничества и навестим очередную развалину.

Лисе помогла ей встать, на лице у девушки было написано нескрываемое любопытство. Иста медленно поднялась по ступеням, опираясь на её руку. Горам беспокойно смотрел на королеву, шевелил губами, будто бы мысленно подталкивал её вверх.

Женщины последовали за грумом в конец галереи. Он открыл дверь, отступил и снова поклонился. Иста помедлила, а потом вслед за Лисе вошла внутрь.

Глава двенадцатая

Комната оказалась светлее, чем Иста видела во сне, ставни в дальней стене были распахнуты, за ними виднелось голубое небо. Всё вокруг казалось лёгким, воздушным. В спальне не пахло, как в комнате больного, не было свисающих с потолочных балок букетиков трав, тяжёлый запах которых скрывал вонь фекалий, рвоты, пота и отчаяния. Просто свежий воздух, в котором улавливались нотки мебельного воска и лёгкой, вовсе не неприятной примеси присутствия мужчины. Совсем даже не неприятной.

Иста заставила себя посмотреть на кровать и застыла на месте.

Постель была прибрана. Он лежал поверх покрывала, не как больной, а как человек, который прилёг на секунду посреди дня, полного забот. Или как умерший, облачённый в лучший наряд, в ожидании церемонии погребения. Длинный, худой, точь-в-точь как во сне, но одетый иначе: не как пациент или спящий, а как принято при дворе. Жёлто-коричневая туника, вышитая переплетающимися листьями, затягивалась у шеи.

Штаны в тон были заправлены в доходящие до икр сапоги, натёртые до блеска. Коричневый плащ, аккуратно расправленный на кровати, и меч в ножнах, лежащий поверх ровных складок; его узорчатая рукоять покоилась рядом с немощной левой рукой. На пальце поблёскивало кольцо с печатью.

Его волосы были не просто зачёсаны назад, а заплетены у висков над металлическим обручем, украшавшим лоб. Длинная, морозно-чёрная копна была собрана в косу, перекинутую через правое плечо, доходившую до коричневых завязок туники и там, на конце, рассыпавшуюся на свободные пряди. Он был побрит, и, судя по всему, недавно. Аромат лавандовой воды коснулся ноздрей Исты.

Она заметила, что Горам с болезненным вниманием смотрит на неё, сжимая и разжимая ладони.

Вся эта тихая красота, должно быть, плод его работы. Почему лакей так преданно ухаживает за этим человеком, распростёртым на кровати, когда он утратил все силы и не может ни наказать, ни вознаградить?

— Пятеро богов, — выдохнула Лисе, — он мёртв.

Горам засопел:

— Нет, не мёртв. Он не разлагается.

— Но он же не дышит!

— Дышит. Это заметно на зеркале, видите? — Он обогнул кровать и взял со стоящего рядом сундука небольшое зеркальце. Глядя на девушку из-под лохматых бровей, он поднёс его к ноздрям лорда Иллвина. — Видите?

Лисе перегнулась через неподвижное тело и с подозрением посмотрела:

— Это твой палец отпечатался.

— Нет!

— Ну… может быть… — Лисе выпрямилась и резко отступила, словно приглашая Исту занять освобождённое ей место у постели и судить самой.

Под беспокойным взглядом Горама Иста подошла поближе, пытаясь придумать, что сказать ворчливому старичку:

— Ты хорошо о нём заботишься. Печально, что сэр ди Арбанос был сражён вот так.

— Да, — ответил Горам, сглотнул и добавил: — Ну… давайте, леди.

— Прости?

— Ну… поцелуйте его.

На какой-то миг она так сильно стиснула зубы,

что челюсть свело. Но на пронизанном мукой, напряжённом лице Горама не было ни намёка на весёлость, на издёвку.

— Я тебя не понимаю.

Он пожевал губу:

— До такого состояния его довела княжна. Я подумал, может, у вас получится разбудить его. Вы же королева, в конце концов. — Немного поколебавшись, он прибавил: — Вдовствующая королева.

К вящему ужасу Иста поняла, что он абсолютно серьёзен. Как можно ласковее она сказала:

— Горам, это детская сказка. А мы, увы, уже не дети. — Тихий сдавленный звук заставил её обернуться. Лицо Лисе перекосилось, но, слава пятерым богам, она изо всех сил старалась сдержать смех.

— Вы могли бы попытаться. Это же не больно, — он снова начал тревожно раскачиваться из стороны в сторону.

— И всё же, боюсь, ничего хорошего не получится.

— Это не больно, — упрямо повторил он. — Попробуйте хоть что-нибудь.

Он, должно быть, потратил много часов, чтобы тщательно подготовить всю эту обстановку,

своего хозяина к её приходу. Что за отчаянная надежда руководила его столь странными действиями?

Может быть, ему тоже снятся сны. От этой мысли у неё перехватило дыхание.

Воспоминание о втором поцелуе Бастарда обожгло ей лицо. Что, если это не непристойная шутка, а ещё один дар? Что, если он даст ей возможность сотворить чудо исцеления, например, сейчас? Вот как боги соблазняют святых. Её сердце учащённо билось от тайного волнения. Жизнь за жизнь, и волей Бастарда мой грех будет искуплен.

Словно зачарованная, она подалась вперёд. Вблизи свежевыбритая кожа Иллвина казалась слишком тонкой, слишком туго обтягивала челюсть. Его губы телесного цвета были немного разомкнуты, и через них виднелись ровные белые зубы.

Когда её губы коснулись его рта, она не почувствовала ни тепла, ни холода…

Иста выдохнула в эти полуотверстые губы. Она вспомнила, что язык — священный орган Бастарда, так же как лоно принадлежит Матери, мужские гениталии — Отцу, сердце — Брату, а мозг — Дочери. Мироздание рассудило так,

поскольку язык — источник лжи, утверждают еретики-кватернианцы. Она осмелилась незаметно, минуя его зубы, дотронуться языком до кончика его языка, точно так же, как бог вторгся во сне в её рот. Её ладонь застыла у него над сердцем, не решаясь опуститься, ощутить бинт, охватывающий его грудную клетку, скрытый под расшитой туникой. Грудь не начала вздыматься. Тёмные глаза, а Иста уже наизусть знала их цвет, удивлённо не распахнулись. Он остался неподвижным.

Она проглотила стон разочарования, подавила досаду и выпрямилась. Нашла затерявшийся где-то голос:

— Вот видишь. Ничего хорошего в этом нет. Глупая надежда и глупый провал.

— Эх, — протянул Горам. Он сощурил глаза и пронзил её взглядом. Он тоже был разочарован, даже подавлен. — Должно быть, нужно что-то другое.

Выпустите меня отсюда. Слишком больно.

Лисе, которая стояла в стороне и наблюдала за происходящим, посмотрела на Исту взглядом, полным раскаяния. Лекция об обязанностях горничной не допускать до своей госпожи ничего причиняющего беспокойства, глупого или стран-

ного, видимо, предстоит ей позже.

— Но вы именно та, кто нужна, — настойчивым тоном повторил Горам. Судя по всему, смелость вернулась к нему. Или тщетность её поцелуя рассеяла его благоговейный трепет перед ней. В конце концов, она — всего лишь вдовствующая королева, не способная вдохнуть жизнь в практически мёртвого человека. — Невысокая, вьющиеся волосы, ниспадающие вдоль спины, серые глаза, спокойное лицо… нет, печальное, он сказал, печальное. — Он оглядел её с ног до головы и коротко кивнул, как будто бы убедившись, что печаль в ней присутствует в должном размере. — Именно вы.

— Кто сказал… Кто описал меня тебе? — возмущённо спросила Иста.

Горам мотнул головой в сторону кровати:

— Он.

— Когда? — голос Исты прозвучал резче, чем ей того хотелось. Лисе буквально подпрыгнула.

Горам развёл руками:

— Когда приходит в себя.

— Он приходит в себя? Я думала… леди Каттилара дала мне понять… что после удара ножом он так и не приходил в сознание.

— Эх, леди Катти, — сказал Горам и вздохнул.

Иста не смогла понять, был ли этот вздох комментарием, или он просто прочищал нос. — Но, видите, он в сознании не остаётся. Он приходит в себя каждый день, около полудня, но очень ненадолго. В основном, мы стараемся в это время засунуть в него столько пищи, сколько сможем, пока он не начнёт давиться. Но ему и этого не хватает. Видите, он тает. Леди Катти в голову пришла замечательная идея вливать козье молоко ему в горло по тоненькой кожаной трубочке, и это заметно помогает, но этого тоже мало. Он уже слишком похудел. С каждым днём его хватка слабеет.

— А когда он приходит в себя, он вменяем?

Горам пожал плечами:

— Эх.

Не очень обнадёживающий ответ. Но если он вообще приходит в себя, то почему не сейчас, от её поцелуя, или не в любое другое время? Почему именно тогда, когда его брат вдруг без причины засыпает… Иста испугалась собственной мысли.

Горам прибавил:

— Да, иногда. Но некоторые сказали бы, что он бредит.

В разговор вступила Лисе:

— Что-то сверхъестественное… Какое-то рок-

нарское колдовство?

Иста вздрогнула от одного упоминания о чарах. Я не собиралась спрашивать об этом. Не собиралась предполагать это. И со сверхъестественным ничего общего иметь не хочу.

— В княжествах колдовство запрещено, на Архипелаге тоже. — И не только по теологическим причинам. В Шалионе его также не приветствуют. Дай только возможность, последнюю степень отчаяния, преступное намерение или высокомерие, — и заблудший демон станет для кватернианца не меньшим искушением, чем для кинтарианца. Более того, кватернианца, заключившего договор с демоном, обвинят в вероотступничестве скорее, если он обратится за помощью к своему храму.

Горам снова пожал плечами:

— Леди Катти считает, что так действует яд с рокнарского кинжала, поскольку рану не лечат должным образом. Я не раз травил крыс в конюшнях, но никогда не видел, чтобы яд действовал вот так.

Лисе приподняла бровь, изучая неподвижное тело, лежащее на кровати:

— Ты давно ему служишь?

— Уже третий год.

— Грумом?

— Грумом, сержантом, посыльным, рабочим, в общем, всем. Теперь сиделкой. Остальные слишком напуганы. Боятся тронуть его. Я — единственный, кто может сделать всё без содрогания.

Девушка склонила голову набок; удивление не исчезло с её лица:

— А почему его волосы заплетены по-рокнарски? Впрочем, должна признать, это ему идёт.

— Он ездит туда. Ездил. Был разведчиком марча. Он как раз подходил для этого, знает язык. Однажды он сказал мне, что отец его матери был рокнарцем, хотя сама она училась пятикратному знамению.

Снаружи послышались шаги, и грум встревоженно поднял глаза. Дверь распахнулась. Голос леди Каттилары строго произнёс:

— Горам, чем ты занимаешься? Я слышала голоса… ох. Прощу прощения, госпожа.

Скрестив руки на груди, Иста повернулась в её сторону. Леди Каттилара присела в поклоне, всё же успев сердито посмотреть на грума. Поверх тонкого платья, в котором она присутствовала за обедом, был повязан передник, а за ней стояла служанка с кувшином, накрытым крышкой. Глаза хозяйки замка распахнулись шире, когда она

заметила изящное одеяние больного. Её ноздри гневно расширились.

Горам сгорбился, опустил взгляд и снова спрятался за стеной неразборчивого бормотания.

Иста, тронутая его виноватым видом, попыталась выгородить старика.

— Вам следует простить Горама, — мягко сказала она. — Я спросила его, нельзя ли мне увидеть лорда Иллвина, чтобы… — Действительно, зачем? Посмотреть, похож ли он на своего брата? Нет, это слабый аргумент. Проверить, похож ли он на героя моих кошмаров? Ещё хуже. — Я поняла, что лорда Эриса очень беспокоит состояние брата. И решила написать одной знакомой очень опытной целительнице в Валенду, просвящённой Товии; может быть, она могла бы дать какой-нибудь совет. Поэтому мне хотелось описать его самого и симптомы болезни как можно более точно. Для неё чем точнее диагноз, тем лучше.

— Вы чрезвычайно добры, госпожа, предлагая услуги вашей собственной целительницы, — ответила леди Каттилара растроганно. — Мой муж действительно очень опечален трагедией, произошедшей с его братом. И если тот учёный целитель, за которым мы уже послали, будет твёрд в своём нежелании ехать так далеко — а

такие целители, какие нам нужны, обычно пребывают в преклонных летах, — мы будем очень благодарны вам за помощь. — Она с сомнением посмотрела на служанку с кувшином. — Думаете, вашей целительнице следует знать, как мы кормим его козьим молоком? Это не очень приятная процедура. Иногда он начинает давиться.

Намёк был ясен, каким бы недобрым и отталкивающим он ни казался. Зная, сколько сил приложил Горам, чтобы его поверженный господин предстал перед глазами королевы в достойном свете, у Исты не было сил смотреть, как с длинного тела снимают придворные одеяния и подвергают нелицеприятной процедуре, какой бы необходимой она ни была.

— Мне кажется, что просвящённая Товия достаточно знает об уходе за больными, так что не вижу надобности указывать это.

На лице леди Каттилары отразилось облегчение. Жестом приказав служанке и Гораму продолжать, она вывела Исту и Лисе обратно в галерею и пошла с ними по направлению к комнатам Исты. Сумерки сгущались; двор уже накрыла темнота, хотя облака высоко над головой на фоне темнеющего неба ещё сохраняли персиковый оттенок.

— Горам — человек обязательный, — извиняющимся тоном обратилась Каттилара к Исте, — но, боюсь, он глуповат. Хотя он лучший из людей лорда Иллвина, раз взялся прислуживать своему господину. Остальные слишком напуганы. У Горама раньше была тяжёлая жизнь, и он не брезглив. Я бы не смогла управиться с Иллвином без него.

Язык Горама неуклюж, но руки — вовсе нет; по мнению Исты, он был образцовым слугой-дураком.

— Похоже, он на редкость верен лорду Иллвину.

— Неудивительно. Думаю, в молодости он был слугой офицера, а потом, во время одной из злосчастных кампаний короля Орико, его взяли в плен и продали в рабство кватернианцам. В любом случае, Иллвин отыскал его; мне кажется, это случилась в очередном его путешествии в Джокону. Не знаю, купил ли его Иллвин, или заполучил другим способом, но, видимо, с этим было связано какое-то неприятное происшествие. С тех пор у Иллвина появился Горам. По-моему, он слишком стар, чтобы покинуть хозяина и отправиться куда-нибудь. — Взгляд Каттилары метнулся вверх. — О чём бедняга пытался с вами

говорить?

Лисе только открыла рот, но Иста успела ущипнуть её за руку до того, как девушка успела что-либо произнести. Иста ответила:

— Боюсь, он выражался не очень ясно. Я надеялась, что он давно живёт в замке и сможет рассказать мне о юности братьев, но выяснилось, что это не так.

Каттилара, не скрывая сочувствия, улыбнулась:

— Вы имеете в виду те времена, когда ди Лютез был ещё жив и молод? К сожалению, канцлер — к тому времени он уже был канцлером короля Иаса или ещё только влиятельным придворным? — не часто появлялся в Порифорсе.

— Вот видите, — холодно откликнулась Иста. Она позволила Каттиларе проводить себя и Лисе в их комнаты и вернуться наблюдать, как ухаживают за больным.

Или чем там ещё она занималась в отношении Иллвина. Иста раздумывала, нет ли ещё чего-нибудь в козьем молоке, кроме мёда, или что за странными специями могли приправлять еду, которую он ел один раз в день. После чего он начинал неразборчиво бредить, и спать целыми днями, не просыпаясь.

Соблазнительно разумное предположение. Не единовременная доза яда с рокнарского кинжала, а регулярное отравление, исходящее от человека, близкого к дому? Но это бы вызвало весьма заметные симптомы. Ей стало стыдно, что такая мысль пришла ей в голову. Хотя такой вариант причиняет меньше тревог, чем сны про нить белого огня.

— Зачем вы ущипнули меня за руку? — поинтересовалась Лисе, когда дверь за ними закрылась.

— Чтобы ты замолчала.

— Ну это-то я поняла. Но почему?

— Марчесса не одобрила рвения грума. Я хотела уберечь его от трёпки или, в конце концов, от выговора.

— Ох, — Лисе нахмурилась, осознавая это. — Простите, что я позволила ему побеспокоить вас. В конюшнях он казался безобидным. Мне понравилось, как он обращается с лошадьми. — Через секунду она добавила: — Хорошо, что вы отнеслись к нему по-доброму, не стали насмехаться и не отказали ему в просьбе. В этом нет никакой доброты.

— Он же приложил столько сил, чтобы сделать своё предложение как можно более привлекательным.

Лукавый блеск, вернувшийся в глаза Лисе, никак не вязался с её тоном:

— Это верно. И всё же… от этого стало как-то грустнее.

Исте оставалось только согласно кивнуть.

* * *

От того, как Лисе просто, без лишних церемоний подготовила её ко сну, у Исты стало легко на душе. Девушка весело пожелала ей спокойной ночи и отправилась спать в соседнюю комнату, чтобы в любой момент услышать зов госпожи. По просьбе Исты она снова оставила горящую свечу, и Иста, усевшись на подушках, принялась обдумывать открытия, которые принёс день.

Пальцы отбивали барабанную дробь. Исту обуяло то же беспокойство, что заставляло её без устали шагать вдоль зубчатых стен замка Валенды до тех пор, пока на ногах не образовывались волдыри, от туфель не начинала отваливаться подмётка, а фрейлины не принимались молить о милосердии. Это было хоть какое-то средство, способное приостановить поток мыслей, но всё же не избавить от него.

Несмотря на то что все происшествия, приведшие её в Порифорс, казались цепью случайно-

стей, Бастард утверждал, что она оказалась здесь не случайно. Боги расчётливы, заметил как-то лорд ди Кэсерил, они готовы воспользоваться малейшим шансом. И он не прикидывался, — сам будучи человеком, осенённым богом, — что это великое благо. Иста усмехнулась, соглашаясь с ним.

Но всё же, как боги откликаются на молитвы? Количество молитв не счесть, а чудеса происходят крайне редко. Вероятно, боги сваливают свою работу на других. Ведь как бы пространен бог ни был, в единицу времени он может вместить лишь одну душу и проникнуть в мир сущего: через дверь, окно, трещину, щель, игольное ушко…

Демоны же, пусть их и легионы, не столь пространны, в их глазах нет бесконечной глубины, как в глазах богов, но они ограничены точно так же; разве что, могут прогрызть в краях своего живого существа отверстия и таким образом расширить свои владения.

Но у кого на совести те молитвы, что заставили её прийти сюда? Может быть, это были молитвы не конкретно о ней, а просто о помощи, и тот факт, что выбор пал на неё, — очередная злая шутка Бастарда. Она заведомо исключила лорда Иллвина, потому что считала, что он лежит

без чувств, но, если Горам говорит правду, у его хозяина случаются периоды… если не вменяемости, то хотя бы бодрствования. И Горам сам обращался к ней с мольбами, если не словесно, то хотя бы действиями. Кто-то в качестве прощения положил белую розу поперёк пустой тарелки Иллвина. Леди Каттилара явственно тоскует о ребёнке, а её муж… не то, чем кажется.

Дурацкая идея отправить по дорогам Шалиона женщину средних лет, привести её сюда — и зачем? Неудавшаяся святая, неудавшаяся колдунья, неудавшаяся королева, жена, мать, дочь… ну, роль любовницы она на себя никогда не примеряла. В её ряду скорбей, это ещё хуже, чем неудача. Сначала, узнав, что лорд Эрис — родственник ди Лютеза, она решила что настал час божественной расплаты за её давнее, хладнокровное убийство и грех, о которых она поведала ди Кэйбону в Касилшасе. Боялась, что в наказание в ней воскресят застарелую вину… Кто-нибудь! Принесите ведро воды для тонущей женщины!

Но теперь… кажется, все её эгоистические ожидания издевательски разрушены. Не она, а кто-то другой теперь центр внимания богов. Её губы изогнулись в горькой усмешке. А она всего лишь… кто? Та, кого искушают заняться любовью?

Конечно, искушают. Бастард прямо воспламенил её своим сладострастным поцелуем. Его ищущий язык нёс в себе и более таинственное послание, но эту часть его она восприняла очень ясно, и телом, и разумом.

Но ради чего будить в ней это спящее желание здесь, сейчас? Зачем вообще? В маленькой, захолустной Валенде не подавали блюд, от которых начинали течь слюнки, даже если бы проклятие не сковало Исту ниже талии так же, как и выше. Там её даже сложно было обвинить в невыполнении женского долга влюбляться. Она попыталась представить себе ди Феррея или ещё какого-нибудь господина из окружения провинкары объектом желания и фыркнула. Вот именно. Так или иначе, скромная леди должна жить потупив взор. Этому её научили ещё в одиннадцать лет.

Занятие, сказал Бастард.

А не любовное приключение.

Но что за занятие? Исцеление? Но если и так, то простым поцелуем результата не добиться. Похоже, при первой попытке она что-то упустила, что-то, что лежит на поверхности. Что-то неуловимое. Важное. Или скрытое? Но для второй попытки ей может не хватить смелости. Она пожелала, чтобы в следующий раз бог выражался

яснее, но потом спохватилась и взяла желание обратно.

Но если ситуация и так настолько плачевна, то сможет ли она усугубить её ещё больше? Может, здесь она оказалась по тем же причинам, по каким молодые целители пробуют новые методики и лекарства на безнадёжных больных? И поэтому они не виноваты в своих — чаще всего неизбежных — неудачах. Умирающий в Порифорсе есть. Эта туго закрученная домашняя трагедия — всего лишь случай из практики. Два брата, бесплодная жена, замок… возможно, решение вовсе не за пределами её возможностей. Это не вопрос будущего целого королевства или судьбы всего мира. Не то, ради чего боги призвали её на службу в первый раз.

Но зачем в ответ на молитвы послать именно меня, если ты отлично знаешь, что без Тебя я сделать ничего не смогу?

Из этого можно было вывести очевидную мысль.

Если я не откроюсь Тебе, то Ты не сможешь поднять даже лист. Если ты не вольёшься в меня, я не смогу сделать… что?

Станут ли ворота для вылазки проходом или, наоборот, препятствием зависит не от того, из

чего они сделаны, а в каком положении находятся. Свободная воля двери. Все двери открываются в двух направлениях. Она не могла быть уверена, что приоткрыв врата своей замкнутости и выглянув наружу, ей всё же удастся удержать крепость.

Но я не вижу…

Она по очереди прокляла богов в пяти стихах, в этакой злостной пародии на детскую молитву перед сном, перекатилась набок и накрыла голову подушкой. Я не сопротивляюсь. Я уклоняюсь.

* * *

Если какой-нибудь бог и проник в её сны, то Иста, раскрыв глаза посреди ночи, об этом не помнила. Невзирая на все призраки, бередившие ей ум, тело требовало своё. Она вздохнула, спустила ноги с кровати и пошла приоткрыть тяжёлую деревянную ставню, чтобы впустить немного света. Судя по серебряному блеску ущербной луны сейчас около полуночи, решила она. Ночь была тихой и ясной. Иста нашарила под кроватью ночной горшок.

Закончив, она со звоном водворила крышку на место, нахмурилась тому, каким громким показался этот звук в окружающей тишине, и

задвинула ёмкость обратно. Иста вернулась к окну, собираясь закрыть ставни.

Шорох крадущихся шагов послышался со двора, а потом быстро метнулся вверх по ступеням. Иста задержала дыхание, глядя через металлический узор решётки. Снова Катти, вся в мягких, словно светящихся шелках, точно вода, обтекающих её тело в такт его движениям в свете луны. Девчонка так может простудиться.

В этот раз у неё не было в руках кувшина с козьим молоком. С ней даже не было свечи. Иста не могла разглядеть, прижимала ли она к груди какой-то крошечный, но гораздо более опасный пузырёк, или просто придерживала лёгкое платье.

Марчесса тихо приоткрыла дверь в комнату лорда Иллвина и исчезла внутри.

Иста стояла у окна и смотрела в темноту, вцепившись руками в холодную металлическую листву.

Хорошо. Ты победил. Я больше не выдержу.

Скрежеща зубами, Иста порылась в своей одежде, теперь аккуратно развешанной по крючкам вдоль стены, вытащила чёрный шёлковый халат и накинула его поверх бледной ночной рубашки. Ей не хотелось будить Лисе, в потёмках проби-

раясь через внешнюю комнату к двери. А окно открывается? Сначала она не была уверена, что железный прут, придерживающий решётку, удастся вытащить из каменного паза, но после некоторых усилий он поддался. Решётка распахнулась наружу. Иста подтянулась к подоконнику и перекинула через него ноги.

Босые её ступни создавали меньше шума, скользя по доскам галереи, чем туфельки Катти. Заметив, что под дверью тёмной комнаты напротив неё появилась полоска оранжевого света, Иста совсем не удивилась, обнаружив, что внутренние ставни окна Иллвина тоже открыты навстречу лунному свету. Но для Исты, прижавшейся к краю извилистых металлических лоз, увивающих окно, Катти была лишь едва различимой тенью, двигающейся среди ещё более тёмных теней, шорохом, дыханием, скрипом досок, слабее мышиного писка.

Отметина на лбу Исты горела, как свежий ожог.

Темно, хоть глаз выколи. Я хочу видеть.

Внутри комнаты затрещала ткань.

Иста сглотнула, или по крайней мере попыталась. И стала молиться на свой лад: возносить молитвы в ярости — точно также, как это делают

в песне или во труде. Если молитвы идут от сердца, утверждали служители, боги их обязательно услышат. А сердце Исты кипело.

Я отказалась от зрения, как от внутреннего, так и от внешнего. Я не младенец, не девственница, не скромная жена, страшащаяся оскорбить. Мои глаза не принадлежат никому, кроме меня. Если у меня не хватит смелости смотреть на мир, добрый или злой, прекрасный или уродливый, любым зрением сейчас, то когда ещё? Уже слишком поздно для невинности. Моя единственная надежда — болезненное утешение мудрости. Которая может перерасти знание.

Дай мне истинные глаза. Я хочу увидеть. Я должна знать.

Господин Бастард. Да будет проклято твоё имя.

Открой мне глаза.

Боль во лбу вспыхнула, а затем исчезла.

Сначала она увидела пару старых призраков, витающих в воздухе: ничуть не любопытных, ведь такие угасшие холодные духи уже не испытывали эмоций, а слетевшихся, словно мотыльки на свет. Потом руки Катти, нетерпеливо отмахивающиеся от них, словно от надоедливых насекомых.

Она тоже их видит!

Иста отложила обдумывание этого факта на потом, потому что перед её глазами возник тот молочный огонь, который она видела во сне. Иллвин был источником этого белого свечения, которое бежало вдоль его тела, как горящее масло. Катти была гораздо темнее, плотнее, но постепенно её лицо, тело, руки обрели форму и чёткость. Она стояла у дальнего края кровати Иллвина, и нить белого огня бежала сквозь её согнутые пальцы. Иста повернула голову, чтобы проследить за этой нитью, которая выходила за дверь, пересекала двор. Было отчётливо видно, что текучее движение идёт прочь, вовне, а не к фигуре, распростёртой на кровати.

Он снова был одет в удобную некрашеную льняную рубаху, хотя волосы так и остались заплетёнными. Катти наклонилась, развязала узел на его поясе и распахнула полы его одеяния от плеча до щиколоток. Теперь он лежал обнажённым, если не считать белую полосу бинта, охватывающую грудь прямо под сердцем и закрывающую то место, откуда сочилось и текло бледное пламя.

Лицо Катти было спокойно, холодно, на нём не было никакого выражения. Она коснулась бинта. Белый свет, словно шерсть, намотался на

её тёмные пальцы.

Единственное Иста могла сказать с уверенностью: Каттилара не была вместилищем какого-нибудь бога. Божественный свет, во всех его оттенках, внутренний взор отличит безошибочно. Иста знала ещё лишь одну причину, способную породить такое колдовство.

Так где же демон? Раньше Иста не ощущала его пагубного присутствия; в обществе Каттилары она чувствовала только раздражение. Раздражение, способное замаскировать более глубокую тревогу? Если оглянуться назад, то не полностью, несмотря на то что Иста ошибочно принимала своё напряжение по поводу марчессы за обычную зависть. Частично ошибочно, честно поправила она себя с усмешкой. Иста постаралась разглядеть происходящее как можно более отчётливо, расширив внутренний обзор так, чтобы уловить весь живой свет, что в печальном беспорядке витал вокруг комнаты.

Не свет: темнота, тень. Парящий в груди Каттилары тугой тёмно-фиолетовый узел, завернувшийся сам в себя. Он прячется? Если так, то не очень удачно, как кот, забравшийся в мешок, но забывший убрать хвост.

Но кто из них хозяин, а кто слуга? Понятие маг,

как ни странно, применимо к обоим духовным состояниям; невзирая на то, что служители считали их с теологической точки зрения разными, на практике, извне различить это очень сложно.

Кажется, я могу различить. Но я же смотрю изнутри. Этим демоном повелевала Каттилара, а не наоборот; её воля преобладала, её душа управляла этим прекрасным телом. Пока.

Каттилара провела ноготком по торсу Иллвина, от горла к пупку и ниже. Огонь будто бы сгущался там, где она касалась, словно прокладывая новые русла.

Она опустилась рядом с ним на кровать, наклонилась и принялась ласкать его тело, от плеч вниз и от щиколоток вверх, перемещая фонтан света в нижнюю часть живота. Ласки стали более откровенными. Серые веки так и не распахнулись, но другие части тела Иллвина стали откликаться на такое внимание. Он был жив если не в отношении разума, то в отношении плоти точно. Заметно.

Они, что же, любовники? Иста удивлённо подняла брови. Хотя она и не была знатоком по этой части, это были самые безразличные прикосновения, какие ей доводилось видеть. Их целью было возбудить, а не доставить удовольствие,

они не несли никакой радости той, что их осуществляла. Если бы её руки могли коснуться этой кожи, цвета слоновой кости, тугих мускулов и смуглой бархатной чувственности, то её пальцы бы не были грубыми, резкими, скрюченными от напряжения. Её ладони были бы открыты, они впитывали бы наслаждение. Тогда бы… если у неё вообще когда-нибудь хватит смелости дотронуться до кого-нибудь. Страстью здесь была злость, а не желание. Господин Бастард, в этой постели пренебрегают вашими дарами.

Катти шептала:

— Да. Всё верно. Давай же. — Её пальцы сосредоточенно работали. — Это нечестно. Твоё семя плодоносно, а у моего мужа превратилось в воду. Но зачем оно тебе? Зачем тебе вообще что-нибудь? — Её руки снова замедлились. Глаза блеснули и её голос продолжил: — Мы могли бы воспользоваться им. И никто никогда не узнает. Появится ребёнок. И, в конце концов, это будет наполовину ребёнок Эриса. Сделай это сейчас, пока ещё есть время.

Тёмный узел у неё в груди… затрепетал?

Молчание, а потом голос Катти снова зашептал:

— Я не хочу второсортного брата. Я всё равно

никогда ему не нравилась. Я не понимала его глупых шуток. Для меня нет другого мужчины, кроме Эриса. И не будет. Отныне и навсегда.

Узел как будто бы снова съёжился. Да, подумала Иста, боюсь, ты вовсе не та беременность, которой она так жаждет.

Руки Каттилары раскрылись: обрамлённая её ладонями болезненно тугая плоть выплюнула из кончика струю белого огня.

— Вот. Так будет дольше держаться.

Она слезла с кровати, которая скрипнула под ней, и запахнула рубашку на Иллвине. Потом осторожно подняла простыню и накрыла его ею. Пока она огибала кровать, её рука порхала над белой линией, не касаясь пламени. Иста пригнулась, пряча лицо и волосы за широким чёрным рукавом. Скрип открывающейся и закрывающейся двери, щелчок щеколды. Шаги на цыпочках, спешащие прочь.

Иста посмотрела через балюстраду. Катти пересекала мощёный двор внизу, — шелка, струящиеся на бегу вдоль длинной линии света. Света, который не отбрасывал теней и нигде не отражался. Она и он исчезли под аркой.

Что это за колдовство, Каттилара? Иста в недоумении покачала головой.

Мне следует питать свои изголодавшиеся глаза. Может быть, насытившись, они смогут научить меня… чему-нибудь.

А если нет, то мне всё равно удалось перехватить кое-что.

Иста заметила, что петли двери в комнату Иллвина были отлично смазаны. Тяжёлая резная дверь легко поддалась. Отсюда было слышно тихое похрапывание, доносившееся из соседней комнаты, куда вела внутренняя дверь. Горам, или ещё кто-нибудь, спал, готовый прийти на зов хозяина, если случится чудо и Иллвин проснётся и позовёт. Осторожно, чтобы не задеть нить света, она обогнула сундуки и ступила на коврик рядом с постелью Иллвина. С другой стороны, не с той, где была Катти. Иста аккуратно приподняла простыню, так же как и Катти, распахнула его рубаху и принялась изучать лежащее перед ней тело.

Временно не обращая внимания на очевидное, она попыталась рассмотреть кружащийся свет, надеясь прочесть в нём какое-нибудь послание. Самое яркое пламя сейчас приходилось на низ живота, его мерцание было заметно над пупком, губами, лбом и сердцем. Свет надо лбом и губами был совсем тусклым. Иста была уверена, что Иллвин похудел с тех пор, как она в первый раз

увидела его во сне, щёки совсем впали, рёбра… раньше рёбра заметны не были, а теперь она могла буквально сосчитать их. Под его кожей была даже видна линия тазовой кости. Иста пальцем дотронулась до неё, но потом замерла.

Иллвин едва заметно шевельнулся: слабая, но вполне узнаваемая судорога желания… или, быть может, отголоски такого движения, передавшегося по пламенеющей нити, словно волна, пришедшая с дальнего берега? Минуты текли; Иста могла перечесть удары собственного сердца. Могла пересчитать удары его сердца. Они участились. Сначала дёрнулись его губы, но только чтобы испустить низкий стон.

Напряжение, дрожь, яркая вспышка света и всё кончено. Холодный огонь растёкся по его телу, а потом, пульсируя, собрался у своего источника — над повязкой под сердцем. Выкачивая… что?

Его плоть снова была тревожно мертва.

— Так, — выдохнула Иста. — Это… любопытно.

Мудрость или даже знание, обходили её стороной. Но всё же некоторые моменты, свидетельницей которых она стала, вполне ясны. А некоторые… нет.

Она бережно запахнула его рубаху и затянула пояс. Вернула на место простыню. И снова

присмотрелась к линии света. Она отчётливо помнила сон.

Осмелюсь ли я?

Просто глядя на него, ничего не добьёшься. Иста потянулась вперёд, обхватила нить пламени ладонью и застыла.

Горам, шлю тебе привет.

Она пристроила бедро на кровати и наклонилась вперёд. Коснувшись губами рта Иллвина, она вложила в поцелуй больше ласки. И сжала ладонь.

Свет брызнул в разные стороны.

Глаза Иллвина раскрылись; он вдохнул её дыхание. Опираясь другой рукой на подушку рядом с его головой, Иста заглянула ему в глаза, такие же тёмные, как в первых снах. Его рука ожила, обхватила её затылок, сжав волосы.

— О… Этот сон получше.

Его голос с мягким северным рокнарским акцентом, вязкий, словно выдержанный мёд, оказался глубже, чем она помнила из собственных видений. Он поцеловал её в ответ, сначала осторожно, потом более уверенно, не столько с доверием, а скорее слепо обходясь без него.

Иста разжала ладонь. Свет потёк снова, стал выходить из Иллвина, спеша прочь. С болезненным

вздохом он снова замер, не успев сомкнуть веки. Блеск из полуопущенных ресниц пугал своей безжизненностью. Она нежно закрыла ему глаза.

Иста не совсем понимала, что произошло в тот момент, когда линия света исчезла целиком, насколько хватало глаз. Значит, и там, где она заканчивается, тоже? И если так, то… потерял сознание кто-то другой? Эрис? В объятиях Катти?

Однажды, оставленная наедине с незнанием, безумным нетерпением и ужасом, она стала причиной несчастья. Ночь, когда Арвол ди Лютез умер в подземельях Зангры, точно так же была пронизана неясным колдовством. Так же полна жгучих видений.

Но всё произошло по вине иной Исты. Отличной от нынешней.

Страх, который пульсировал у неё в голове, мог лишь закалить её. В выносливости, и ни в чём больше, я теперь настоящий ас. Любое нетерпение она теперь могла проглотить, словно горькую микстуру целителей. Незнание… она может двигаться вперёд. Словно войско со знамёнами или, напротив, обречённое на гибель, — это она определить не могла. Но теперь Иста не была готова затеять ночную работу вроде той, до тех пор пока не будет чётко знать, что ей предстоит

совершить — чудо или убийство.

Поспешно, с некоторым сожалением, она поднялась с постели лорда Иллвина, расправила простыни, запахнула поплотнее свой чёрный халат и выскользнула за дверь. Она на цыпочках пробежала по галерее, открыла решётку на своём окне и забралась внутрь. Затем вернула металлический прут запора на место. Закрыла внутренние ставни. Села на кровать и стала смотреть на щель в них.

Немного спустя показался далёкий оранжевый отблеск пламени свечи и в галерее послышались шаги ног, обутых в туфельки. Через несколько минут они вернулись той же дорогой. Только медленно, задумчиво. Удивлённо? Снова шорох шагов, на сей раз вниз по ступеням.

Я плохо подхожу для этого мрачного задания. Бастард не её бог. Иста не сомневалась ни в своём происхождении, ни в объектах своих неуклюжих, низких, безнадёжных желаний. Но я, действительно, несчастье, которое приходит не вовремя. Но сколько бы божественных посланников не было отправлено сюда, она — единственная, кто достиг цели. Вот так.

Во что бы то ни стало, Иста решила на следующий день увидеть, как Иллвин приходит

в сознание. То, что покажется другим полным бредом, сумасшедшей вполне может быть ясным как день.

Глава тринадцатая

Солнце едва показалось из-за горизонта, а леди Каттилара уже кипела готовностью сопроводить Исту в храм на утренние службы, потом на состязание девушек по стрельбе из лука, а затем на полдник. На этот раз Иста уже придумала себе оправдания.

— Боюсь, я вчера слишком устала. Ночью мне было плохо, у меня был жар. Сегодня мне хотелось бы остаться у себя и отдохнуть. Прошу вас, не думайте, что меня нужно ежесекундно развлекать, марчесса.

Леди Каттилара доверительно понизила голос:

— По правде говоря, в городе Порифорс развлечений мало. Это граница, и мы так же просты и суровы, как и наша работа. Но я написала отцу, Оби — это второй город в Карибастосе после двора самого провинкара. Уверена, для отца будет честью принять вас у себя сообразно с вашим рангом.

— Я ещё недостаточно окрепла для путешествий, но когда это произойдёт, Оби станет самой желанной остановкой на моём пути.

Оби находится дальше от опасностей границы, чем Порифорс, и поэтому население там больше, — Иста не удержалась от этой мысли.

— Но это мы решим потом.

Леди Каттилара понимающе кивнула, но была довольна туманным согласием королевы. Да уж, представляю, как ты обрадуешься, когда сплавишь меня куда-нибудь. Или — нечто обрадуется. Иста присмотрелась к ней.

Внешне она казалась такой же, как и раньше: мягкие зелёные шелка и лёгкие ткани обтягивали многообещающее женское тело. Но внутри…

Иста взглянула на заботливо склонившуюся над ней Лисе, которая как раз заканчивала заплетать ей волосы и готовилась подавать верхнее платье. У здорового человека душа соответствует телу, это дух, окутанный материей, которую он кормит и питает, из-за чего он практически не заметен для внутреннего зрения, так же как и для обычного. При нынешней обострённости восприятия, данной богом, Исте показалось, что она может различить что-то, если не разум или эмоции, то душу в целом. Душа Лисе была яркой, озорной, расцвеченной переплетением энергии и полностью сконцентрированной в одной точке. У служанки, которая ждала, когда ей прикажут

унести использованную воду, душа была спокойней, только её омрачало пятно негодования, хотя в целом она девушке подходила.

Душа Каттилары была самой тёмной и плотной, испещрённой постоянным напряжением и тайными страданиями. Под её поверхностью скрывался ещё один слой, более тёмный и плотный, словно красную бусину опустили в бокал красного вина. Сегодня утром демон заперся тщательнее, чем накануне ночью. Он прячется? От кого?

От меня, сообразила Иста. Отметины бога, невидимые для глаз смертных, сияли перед демоном, словно факелы дозорных во тьме. Но поделился ли он соображениями с той, в ком он живёт? И давно ли у леди Каттилары этот своеобразный седок? Умирающий медведь был изодран в клочья, словно демон был жадной опухолью, запустившей щупальца во все уголки его существа, пожиравший и вытеснявший медвежью душу. Какой бы душа Каттилары ни была, пока она полностью принадлежала хозяйке.

— Лорд Эрис вернулся вчера вечером и ваше сердце успокоилось? — спросила у неё Иста.

— О да, — улыбка Каттилары потеплела и стала более таинственной.

— Уверена, скоро ваши молитвы Матери превратятся из прошений в благодарности.

— О, надеюсь, что так и будет! — Каттилара вздохнула. — У мужа есть дочь Лавиана, премилый ребёнок, ей сейчас девять, и она живёт с бабушкой и дедушкой по материнской линии, но я знаю, он хочет сына. Если я рожу ему мальчика, он будет почитать меня превыше всех женщин!

Возможно, превыше памяти о первой жене? Неужели ты состязаешься с умершей женщиной, девочка? Затуманенный свет воспоминаний предложил исход, с которым не сможет справиться ни одна живая душа. Но, несмотря на это, в Исте проснулась жалость:

— Я помню этот мучительный период ожидания… разочарования каждый месяц… Моя мать писала мне суровые письма, давая советы по поводу диеты, как будто бы я была виновата в том, что моя матка оставалась пустой.

Лицо Каттилары осветилось неподдельным интересом:

— Как несправедливо! Король Иас был достаточно стар, гораздо старше Эриса. — Она задумчиво помолчала, а потом застенчиво спросила: — А вы… делали что-нибудь особенное? Чтобы понести Изелль?

Иста поморщилась, припомнив, как всё происходило:

— Каждая фрейлина в Зангре, не важно, рожала ли она или нет, знала массу способов, которые жаждала испробовать на мне.

Каттилара задала неожиданный вопрос:

— Они давали что-нибудь Иасу?

— Свежей, юной невесты ему было достаточно.

Сначала. Странно застенчивая похоть Иаса со временем угасла, чему, помимо всего прочего, поспособствовало хорошо скрываемое разочарование от рождения девочки. Возраст и проклятие всё больше сказывались на нём. Иста подозревала, что вместо того, чтобы глотать горькие снадобья, перед тем как отправиться в её покои, он поднимал боевой дух на ложе своего любовника. А если она осталась бы бесплодной, смог бы лорд ди Лютез убедить Иаса оставить полумеры и допустить его прямо к ней в постель? И сколько бы она бесполезно прождала, прежде чем дать на это согласие? Праведный гнев от таких уговоров жёг бы её ещё яростнее от того, что скрывал бы настоящее искушение, ведь Арвол ди Лютез действительно был впечатляющим мужчиной. И странная злость Каттилары на деверя была Исте вполне понятна.

Иста моргнула, потому что ей пришло в голову, как хитро заставить Каттилару — и её демона — не путаться под ногами в полдень, когда придёт время пробуждения Иллвина. Жестокая уловка, но действенная. Она мягко добавила:

— Что же до меня, то последнее, что я испробовала, прежде чем забеременеть Тейдесом, это припарки из цветков пальчиковой лилии. Насколько я помню, это средство мне посоветовала леди ди Вара, старая нянюшка. Леди ди Вара ручалась, что всё получится. К тому времени у неё было уже шестеро детей.

Взгляд Каттилары вдруг наполнился решимостью:

— Пальчиковая лилия? Не уверена, что знаю этот цветок. Он растёт здесь, на севере?

— Не знаю. Но несколько дней назад я видела парочку на лугу, где Эрис разбил лагерь. Уверена, Лисе сможет узнать это растение.

За спиной у Каттилары Лисе протестующе подняла брови; но Иста знаком приказала ей молчать. И продолжила:

— Старая нянюшка говорила, что эти цветы следует собирать собственноручно, босиком, в полдень, когда солнце наиболее плодородно. Их нужно срезать серебряным ножом, вознося мо-

литвы Матери, потом бутоны завернуть в повязку из хлопка — или шёлка, для леди, — и носить её на талии до тех пор, пока снова не окажешься в постели с мужем.

— А какие слова в молитве? — спросила леди Каттилара.

— Ничего особенного, главное — чтобы они были искренними.

— И это сработало?

— Разве можно сказать с уверенностью?

На самом деле она никогда не прибегала к знахарству, несмотря на предложения доброжелателей. За исключением молитв. И мы все знаем, чем это закончилось. Иста как раз составляла в уме очередную приманку, когда рыбка сама прыгнула в сеть:

— Госпожа… раз сегодня в полдень не будет женского праздника… можно мне одолжить у вас горничную Лисе, чтобы она помогла мне отыскать эти дивные цветы?

— Конечно, марчесса. — Иста улыбнулась. — А я отдохну и напишу письма.

— Я позабочусь, чтобы вам принесли полдник, — пообещала Каттилара и откланялась. Отправилась искать серебряный ножик и шёлковый шарф, — догадалась Иста.

— Госпожа, — прошептала Лисе, когда на лестнице стихли шаги марчессы. — Я ничего не знаю о растении, о котором вы говорите.

— Вообще-то, это короткий зелёный стебель с маленькими цветочками, расположенными в ряд, колокольчики Матери, так их называют. Но это не важно. Я лишь прошу тебя увезти марчессу от Порифорса настолько, насколько тебе удастся её уговорить. Позволь ей нарвать любых цветов, главное, чтобы они не были ядовитыми.

Правда, есть некоторое искушение… Иста вспомнила детские встречи с плющом, вызывающим волдыри, и крапивой, — и усмехнулась. Но то, что происходит с Каттиларой — дело серьёзное, и с этим шутить нельзя, как бы девушка ни раздражала Исту. — Замечай, если она вдруг внезапно захочет вернуться, или начнёт необычно себя вести, или говорить что-то странное. Задерживай её до тех пор, пока сможешь.

Лисе нахмурилась, одна бровь оказалась ниже другой:

— Зачем?

Иста ответила не сразу:

— Когда начальник станции вручает тебе запечатанный пакет, ты заглядываешь внутрь?

— Что вы, госпожа! — возмутилась Лисе.

— Мне нужно, чтобы в этом ты стала моим курьером. — Лисе прищурилась:

— Ох, — она исполнила свой поклон-реверанс.

— Обряд не причинит марчессе ничего дурного. Хотя… было бы хорошо, если бы ты незаметно свела её с дороги и постаралась не обижать.

То, что демон не осмеливался показываться при Исте, отнюдь не значит, что он не показывается вообще. Иста ещё не знала его силы и возможностей.

Сбитая с толку, Лисе подчинилась и вернулась к своему занятию. Иста съела лёгкий завтрак прямо в комнате, открыла ставни навстречу утреннему свету и погрузилась в гору перьев и бумаги.

Сначала она написала короткую, но колкую записку провинкару Толноксо, в которой не в самой вежливой форме изложила своё недовольство обращением с её курьером и неудачей в поисках Фойкса и просвящённого ди Кэйбона и потребовала действенной помощи Ферде. Более сердечное письмо она адресовала старшему служителю в Маради, прося Храм о помощи страдающему Фойксу и его спутнику. Лисе добралась до Порифорса достаточно быстро; что же может задерживать этих двоих?..

Иста подавила своё растущее беспокойство, углубившись в сочинение письма канцлеру ди Кэсерилу в Кардегосс, где восхваляла Лисе, Ферду, Фойкса и весь их отряд за верность и смелость, которые они недавно проявили. Затем она принялась за вежливое нагромождение фраз для Валенды, уверяя всех, что она находится в безопасности, и опуская все неприятные подробности последних приключений. Ещё одно менее официальное, но тоже успокаивающее письмо для Изелль и Бергона, сообщавшее, что с ней всё в порядке, но только ей хочется отправиться дальше… Иста бросила взгляд сквозь металлическую решётку в сторону противоположного конца галереи и отложила в сторону неоконченное письмо, уже не уверенная в том, что ей хочется отправиться дальше прямо сейчас.

Некоторое время она задумчиво сидела, водя по щеке кончиком пера, а потом снова открыла письмо лорду ди Кэсерилу и добавила постскриптум:

«Внутреннее зрение вернулось ко мне. Здесь сложилась довольно сложная ситуация».

* * *

Наконец, появился паж и увёл Лисе на полуденную прогулку с марчессой. Немного спустя пришла горничная и принесла на подносе полдник для Исты, за ней следовала женщина из свиты марчессы, которую, судя по всему, отрядили составить Исте компанию. Она попросила служанку поставить поднос на стол, а потом безжалостно отправила разочарованную фрейлину прочь. Когда их шаги стихли, Иста прошла через внешнюю комнату и скользнула наружу. Солнце, как Иста мрачно отметила, стояло высоко и нагревало двор своими жаркими лучами, делая тени темнее и отчётливее. В противоположном конце галереи она постучала в резную дверь лорда Иллвина.

Дверь приоткрылась. Скрипучий голос Горама начал:

— Так ты заставила этого дурака-повара готовить мясо помягче… — и вдруг оборвался. — Королева.

Он сглотнул и склонил голову, но не пригласил её внутрь.

— Добрый день, Горам. — Иста подняла руку и открыла дверь пошире. Напуганный старичок

беспомощно отступил.

В комнате было сумеречно и прохладно, только полосы света падали сквозь ставни на плетёные коврики, от чего приглушённые цвета их нитей казались ярче. Иста отметила некоторую схожесть с её первым видением, но отвлеклась от этого, взглянув вторым зрением на Горама.

Его душа выглядела странно, она не была похожа ни на одну из тех, что ей доводилось видеть. Она напоминала изорванную тряпку, побывавшую в купоросе или изъеденную молью до такой степени, что от неё осталась лишь пара ниток. Иста подумала об измученном медведе. Но в Гораме не было демона, и он не умирал. И всё же, что-то с ним не так. Не совсем так. Она заставила себя вновь обратиться к его сморщенной физической сущности:

— Я бы хотела побеседовать с твоим господином, когда она проснётся, — сказала она ему.

— Он, хм, не всегда говорит так, что можно что-то понять.

— Это не страшно.

Голова грума снова ушла в плечи на манер черепахи:

— Леди Катти это не понравится.

— Она ругала тебя вчера, когда я ушла? И на-

сколько сурово?

Он, глядя себе в ноги, кивнул.

— Ну, сейчас она занята. Она уехала из замка. И не надо говорить ей, что я здесь была. Когда лорду Иллвину принесут еду, забери поднос и отошли слугу. Так никто не узнает.

— Ох.

Он какое-то время словно бы переваривал её слова, но потом отступил, позволяя ей войти.

Лорд Иллвин лежал на кровати всё в той же льняной рубахе, только волосы теперь были распущены и зачёсаны назад, как в первый раз, когда Иста увидела его во сне. Неподвижный, словно мертвец, но всё же не лишённый частички души; нельзя сказать, что его душа была такой же собранной, как у Лисе, или такой же изорванной, как у Горама. Такое ощущение, что её насильно вырвали у него из сердца и теперь она вытекала из него тем, уже знакомым потоком белого огня. Едва различимая часть её всё же оставалась в пределах тела.

Иста села на сундук у стены справа от Иллвина и стала рассматривать его застывший профиль.

— Он скоро проснётся?

— Похоже, что да.

— Тогда делай то, что делаешь обычно.

Горам нервно кивнул и подтащил к противоположной стороне кровати табурет и маленький столик. Когда в дверь постучали, он чуть не подпрыгнул. Иста отклонилась назад, чтобы остаться незамеченной, пока грум принимал тяжёлый поднос, накрытый льняным полотенцем, и отсылал слугу. Парень, судя по всему, был рад сбежать побыстрее. Горам уселся на табурет, сцепив руки и тоже стал смотреть на Иллвина. В комнате воцарилась почти осязаемая тишина.

Полоса белого огня постепенно начала истончаться. И скоро превратилась в тоненькую ниточку. Тело Иллвина как будто наполнилось жизнью, душа окрепла перед внутренним взглядом Исты, но продолжала странно волноваться.

Губы Иллвина раскрылись. Вдруг он вздохнул, а потом выдохнул. Глаза раскрылись и диким взглядом уставились в потолок. Иллвин дёрнулся вверх, закрыв глаза.

— Горам? Горам! — в его голосе слышалась паника.

— Я тут, м'лорд, — взволнованно откликнулся Горам.

— А. Вот'ы'де, — речь Иллвина была смазанной. Его плечи опустились. Он потёр лицо, уронил руки на покрывало, посмотрел на ноги, морщины

на высоком лбу стали отчётливее. — Этой ночью мне снова приснился отчаянный сон. Сияющая женщина. Пятеро богов, на сей раз она была как живая! Я прикасался к её волосам…

Горам посмотрел на Исту. Иллвин повернул голову, чтобы проследить за его взглядом. Тёмные глаза расширились:

— Вы! Кто вы? Я ещё сплю?

— Нет, на сей раз, нет. — Иста помедлила. — Меня зовут… Иста. И здесь я по некоторой причине, но по какой — не знаю.

С его губ слетел смешок, полный боли:

— А. Я тоже.

Горам поспешил поправить ему подушки; он откинулся на них, как будто бы последнее усилие утомило его. Горам подоспел с ложкой, на которой лежал кусок тушёного мяса, приправленного травами и чесноком:

— Съешьте мясо, м'лорд. Ешьте, ешьте быстрее. — Иллвин взял кусок в рот, хотя было заметно, что он пытался сопротивляться; он проглотил его и отмахнулся от следующей порции. Он снова повернулся к Исте:

— Теперь… вы больше не светитесь в темноте. Вы мне действительно снились?

— Да.

— Ох, — он озадаченно поднял брови. — Откуда вы знаете? — Ему не удалось увернуться от настойчивой ложки и пришлось снова замолчать.

— Лорд Иллвин, что вы помните из событий той ночи, когда вас закололи? Тогда, в спальне принцессы Юмеру?

— Закололи, меня? Меня не… — его рука наткнулась на повязку, скрытую под рубашкой. — Проклятие, Горам, почему ты постоянно обматываешь меня этой дурацкой тряпкой? Я же говорил тебе… Я же говорил тебе.

Он развязал бинты, размотал их и сбросил под кровать. На коже не было никаких следов.

Иста встала, подошла к постели и перевернула бинт. Ткань была влажной от тёмной, красно-коричневой крови. Подняв брови, она продемонстрировала это Иллвину. Он сердито нахмурился и замотал головой.

— Я не ранен! У меня нет жара. Почему я так много сплю? Я слабею… У меня ноги подгибаются, как у новорождённого телёнка… Я не могу думать… Пятеро богов, молю, только не паралич, не хочу быть слюнявым калекой… — Его голос стал резче от смятения. — Эрис… я видел, как Эрис упал к моим ногам. Кровь… Где мой брат?..

Горам отозвался преувеличенно мягко:

— Сейчас, м'лорд, сейчас. С марчем всё в порядке. Я говорил вам уже пятьдесят раз. Я вижу его каждый день.

— Почему он не приходит ко мне? — теперь его голос был жалобным, как всхлипывание усталого ребёнка.

— Он приходит. Но вы спите. Не волнуйтесь вы так. — Горам коротко посмотрел на Исту. — Вот, съешьте мясо.

Значит, Эрис тоже был в спальне Юмеру той ночью? События уже расходятся с чистенькой версией Каттилары.

— Вас заколол лорд Печма? — спросила Иста.

Иллвин удивлённо моргнул. Он проглотил кусок, который Горам успел впихнуть в него, и ответил:

— Печма? Этот безмозглый дурак? Он ещё в Порифорсе? И вообще, какое отношение Печма имеет ко всему этому?

Иста терпеливо уточнила:

— Лорд Печма был там?

— Где?

— В спальне княжны Юмеру.

— Нет! С чего ему там быть? Золотая сука обращалась с ним, как с рабом, так же как и со всеми остальными, впрочем. Обман-обман…

Голос Исты стал жёстче:

— Золотая сука? Юмеру?

— Мать и Дочь, она была безжалостно красива! Иногда. Но когда забывала смотреть на меня, она казалась обычной. Такой же, как я видел её раньше, в Джоконе. А когда её янтарные глаза останавливались на мне, я вёл себя, как раб. Нет, не вёл. Был рабом. Но в тот раз она остановила взгляд на бедняге Эрисе… Так происходит со всеми женщинами…

Что ж, это верно…

— Она увидела его. Она захотела его. Она взяла его так же легко, как будто бы подобрала, подобрала что-то с земли… Я понял это и пошёл за ними. Она уложила его на кровать. Её губы слились с его…

— Мясо, — встрял Горам и запихнул ему в рот очередной кусок.

Экзотическая женщина, мужественный мужчина, полуночный визит, отвергнутый воздыхатель… роли те же, только исполнители отличаются от версии Каттилары? Не Печма, а Иллвин, убийца, вторгшийся в альков в самый интимный момент? Всё сходится; совсем не сложно предположить, что Юмеру отправили свести с ума Иллвина, чтобы обеспечить какой-то

союз с Джоконой, и не важно, по личным или политическим причинам, но Юмеру переключается на старшего, более могущественного брата. Каттилара — препятствие на этом пути, но это не больше чем ухаб, который помогут сгладить коварные яды.

Гораздо сложнее представить, что соблазнительнице удалось вытеснить Каттилару из сердца Эриса. Катти, по всей видимости, относилась к Исте как к старшей тётке с трагически-романтичным прошлым, и тем не менее марчесса при каждом удобном случае заявляла ей о своих правах на Эриса. Было ли это чувство собственности частью её характера или стало следствием пережитых тревог?

Новая история казалась всё более правдоподобной. Отверженный, практически бесправный бастард положил глаз на прекрасную княжну, и тут её уводит старший брат, у которого уже есть красавица-жена, и ему ничего больше не нужно; богатый, обворовывающий бедного… Достаточный мотив для братоубийства в порыве яростной ревности. Некоторые совершают такое, кем бы они ни были, квинтерианцем или кватернианцем, к какой бы расе ни принадлежали и в каком бы климате ни обитали.

Значит, так: Иллвин, напав в приступе ревности на брата и его любовницу, закалывает ножом суку-княжну, а потом Эрис, в ужасе вырвав нож у него из рук, наносит смертельный удар брату и оставляет его умирать на простынях?

Постойте-ка. Иллвин сначала был тщательно раздет догола, а его незапятнанные кровью вещи удивительно аккуратно сложены на стуле, нож был перенесён к телу Юмеру и только потом их оставили умирать. Иста задумалась, с сомнением сморщив нос.

От лорда Печмы и его коня тоже как-то избавились. Укрывательство — не в духе Эриса, но, быть может, он боялся мести со стороны князя Джоконы за смерть прекрасной — или обычной — сестры? Достаточный повод для того, чтобы взять себя в руки, подтасовать события и свалить вину на беглого джоконского придворного. В таком случае придворного запросто могли убить и закопать. У Эриса, несомненно, хватило бы силы и нервов для таких действий. Такое виденье произошедшего оставило бы неверность Эриса своей спавшей в то время жене в тайне. А публичные молитвы Эриса и заботы о здоровье брата — ещё один отвлекающий манёвр или плод вины.

Ещё одна чистенькая история. В неё только

лишь не укладывается присутствие демона Каттилары и смертельная рана, которую два брата делят между собой. И тот факт, что Каттилара, похоже, знает больше о происходящем, чем Эрис. И сны Исты. И нить огня. И посещение бога. И…

— Мне кажется, — произнёс лорд Иллвин тихим голосом, — я схожу с ума.

— Ну что ж, — сухо заметила Иста, — вам нужен опытный проводник по этой стезе? Если так, то я та, кого вы ищете.

Он воззрился на неё в полном смятении.

Из сна, приснившегося ей в палатке, она помнила скорбный стон Эриса при свете свечи. Но что это, картина прошлого или будущего?

Иста не сомневалась, что мужчина, распростёртый перед ней, способен, когда находится в здравом уме и твёрдой памяти, на тонкую и умную ложь. Совершенно ясно, что весь его здравый ум и твёрдая память разбежались сейчас, как мальчишки-попрошайки. Сейчас он может бубнить, бредить, мучиться галлюцинациями, но никак не лгать. Поэтому… какие существуют способы, которыми трое людей могут убить двоих из них одним ножом? Иста потёрла лоб.

Горам отвесил ей невесёлый поклон:

— Леди. Прошу вас. Дайте ему возможность

поесть. И облегчиться.

— Нет, не отпускай её! — рука Иллвина дёрнулась было к ней, но безвольно упала.

Иста кивнула обеспокоенному груму:

— Я отойду ненадолго. Совсем недалеко. И скоро вернусь, — добавила она, обращаясь к взволнованному Иллвину. — Обещаю.

Она вышла в галерею и оперлась на стену, скрестив руки на груди. И принялась следить за линией света, которая стала совсем тоненькой, но не разорвалась.

Так. Иллвин не видел брата и не разговаривал с ним; Эрис тоже не видел, как Иллвин приходит в себя. После той ночи у обоих не было возможности обменяться впечатлениями или теми обрывками впечатлений, которые остались у них в памяти.

Леди же Каттилара видела обоих. И разговаривала с обоими. Рассказывала то, что считала нужным.

Посмотрим, удастся ли нам что-нибудь изменить.

Иста подождала, пока Горам заканчивает помогать своему хозяину справить личные нужды, укладывает его обратно в постель, впихивает в него ещё пищу, устраивает больного поудобнее,

стараясь уложиться в то время, которое его господину отведено. Нить начала медленно крепнуть. Потом это стало совсем заметно. Иста протянула руку и обхватила её, замкнув в круг большой и указательный пальцы.

Господин Бастард, веди меня своей волей. Или своей прихотью.

Она пожелала, чтобы нить стала короче, сматываясь у неё в ладони, словно клубок. Похоже, помимо второго зрения, в дар Бастарда входило ещё нечто, потому что нить скручивалась без усилий. Сначала Иста пыталась изобразить, будто наматывает её на руку, но потом обнаружила, что может тянуть её, просто желая этого. При этом не сводила глаз с арки напротив, ведущей в соседний двор.

По камням, залитым солнцем, шёл лорд Эрис.

Одет он был легко, сообразно с жарким полуднем, подол серого плаща с золотым кантом покачивался в такт шагам на уровне икр. Марч сиял чистотой, борода была ровно подстрижена. Он широко зевнул, озабоченно посмотрел в сторону угловой комнаты и, увидев, что Иста перегнулась через балюстраду, отвесил ей вежливый поклон.

Только что вздремнул, не так ли? И я точно

знаю, как долго ты не спал прошлой ночью.

С трудом Иста отвела взгляд от его элегантной внешности.

Душа его оказалась серой, странно бледной, лишённой центра, она как будто тащилась за ним, оставляя после себя след, напоминающий дым.

А. Да. Теперь я вижу. Иста выпрямилась и направилась к лестнице, чтобы встретить марча на полпути.

Они оказались лицом к лицу, хотя она стояла на две ступеньки выше того места, где остановились его обутые в сапоги ноги. Эрис вежливо ждал, глядя на неё немного удивлённо:

— Госпожа?

Она обхватила его волевой подбородок рукой, почувствовав ладонью щетину его бороды, наклонилась вперёд и поцеловала его в губы.

Его глаза расширились, он изумлённо помычал, но не отпрянул. Она пыталась ощутить вкус его губ: прохладные, словно вода, и такие же безвкусные. Иста грустно отступила. Значит, и это не сработало.

Его губы тронула смущённая, очаровательно кривая улыбка, и он поднял брови, словно желая спросить: Что это было, леди? Как будто бы женщины каждый день без предупреждения це-

луют его на лестнице и он считает невежливым уклоняться.

— Лорд Эрис, — решилась Иста, — и давно вы умерли?

Глава четырнадцатая

Улыбка Эриса стала натянутой и насторожённой. Он обеспокоенно, даже озабоченно смотрел на Исту, словно опасался, что у безумной королевы прямо у него на глазах случился приступ, и ему как добропорядочному хозяину, придётся отвечать за последствия:

— Мадам… вы шутите? — Это приглашение отказаться от своих слов. Откровенное предложение: Прошу, не делайте этого… — Обычно, над моими поцелуями не глумятся!

— Моя жизнь вообще не располагает к шуткам. — Он нервно усмехнулся:

— Признаюсь, в последнее время меня мучает жар, но, уверяю вас, до могилы мне ещё далеко.

— У вас нет жара. Вы даже не потеете. Температура вашей кожи ничем не отличается от температуры воздуха. Если бы климат здесь не был таким знойным, многие это заметили бы.

Он продолжал недоумённо взирать на неё. Пятеро богов. Он действительно ничего не знает! Её сердце сжалось.

— Думаю, — осторожно сказала она, — вам сле-

дует побеседовать со своим братом.

На его лице отразилась боль:

— Я бы побеседовал с ним, если бы мог. Я ежечасно молюсь об этом. Но отравленная рана не позволяет ему прийти в себя.

— Он приходит в сознание. Каждый полдень, когда вы ненадолго погружаетесь в сон. Это единственный час, когда вы спите. Ваша жена не говорила вам об этом? Она почти каждый день отправляется проведать его.

А иногда и ночью. Только тогда её беспокоит забота о другом, мне кажется.

— Госпожа, поверьте мне, это неправда.

— Я самолично только что разговаривала с ним. Пойдёмте. — Недоверчивое выражение не исчезло с его губ, но когда она развернулась и стала подниматься по ступеням, он последовал за ней.

Они вошли в прибранную спальню Иллвина. Горам, сидевший и выполнявший свои обязанности, при виде лорда Эриса вскочил на ноги, отвесил ему отрывистый, неуклюжий поклон и услужливо пробормотал нечто, что, скорее всего, должно было означать «М'лорд».

Взгляд Эриса остановился на неподвижном теле, лежащем на кровати. Губы марча разочарованно вытянулись:

— Всё по-прежнему.

Иста попросила:

— Лорд Эрис, сядьте.

— Я лучше постою, миледи, — в его хмуром взгляде сквозило всё меньше удивления.

— Держитесь.

Линия белого огня между двумя братьями была короткой и толстой. Теперь, разобравшись в чём дело, Иста чувствовала присутствие демона — тусклое фиолетовое сияние, своеобразный канал, который был причиной всему. Он расходился в три стороны, но только одно его разветвление было наполнено душой. Она обхватила нить, связующую двух мужчин, и сжала наполовину. Белое пламя было вынуждено хлынуть обратно в тело Иллвина.

У лорда Эриса подогнулись колени, и он рухнул на пол.

— Горам, помоги марчу сесть на стул, — распорядилась Иста. Держись, скомандовала она про себя невидимой нити, и нить выровнялась.

Иста подошла к постели Иллвина и принялась изучать узлы света. Поднимайтесь, приказала она им и стала подталкивать их руками, подгоняя к губам и ко лбу Иллвина, как делала ночью Каттилара… только с другой теологической целью.

Свет потёк так, как она хотела. Оставайся таким. Она подняла голову и стала ждать результатов. Мне кажется, должно получиться.

Горам поспешно притащил от стены кресло из полированного резного дерева и поставил его с другой стороны кровати хозяина. Он поднял Эриса, изумлённо наблюдавшего за происходящим, и усадил. Эрис закрыл рот и потёр лицо внезапно ослабевшими, дрожащими руками. Он потерял дар речи? Иста без зазрения совести стащила табурет Горама, поставила его у изножья кровати и уселась, чтобы лучше видеть лица братьев.

Глаза Иллвина раскрылись; он вдохнул, подвигал челюстью. Потом приподнялся на дрожащем локте и тут заметил брата, сидящего по правую руку и изумлённо взирающего на него.

— Эрис! — его голос зазвенел от радости. Неожиданная улыбка преобразила его лицо; Иста удивлённо отпрянула, разглядев в нём очень привлекательного мужчину. Горам бросился поправлять подушки за спиной у своего господина. Иллвин приподнялся повыше, потрясённо приоткрыв рот. — Значит, ты жив! А я им не верил… они не смотрели мне в глаза, и я думал, что они жалеют меня и поэтому обманывают… Но ты спасся! Я спасён. Пятеро богов, мы все спасены!

Он откинулся назад, тяжело дыша, но продолжал улыбаться; он даже расплакался, но потом взял в себя в руки.

Эрис с трогательной нежностью смотрел на брата.

Иста с облегчением отметила, что говорил Иллвин теперь чётко, хотя его нижние конечности были парализованы. Она уповала на то, что мысль его тоже прояснилась. Ровным тоном, который ни в коей мере не отражал то, что она чувствовала, Иста спросила:

— Почему вы решили, что ваш брат мёртв?

— Боги, а что мне оставалось думать? Я буквально чувствовал, как этот проклятый нож вошёл в него… по рукоять — или вместо меня в битвах участвовал кто-то другой! Я рукой ощутил вибрацию, когда кинжал пронзил его сердце. Меня чуть не вывернуло.

Пятеро богов, только не братоубийство… Несмотря на то что в животе стало нехорошо, Иста совладала с голосом и продолжила:

— Как это случилось? Расскажите мне всё. С самого начала.

— Она увела его в свои комнаты. — Он добавил, обращаясь к Эрису: — Я был в панике, потому что Каттилара узнала об этом от служанки, сую-

щей нос не в своё дело, и вознамерилась пойти за тобой. Я чувствовал, что в ней было что-то неестественное…

— В ком из них? — уточнила Иста. — В княжне Юмеру?

— Да. В сверкающей золотой девчонке. Эрис, — он криво усмехнулся, — если бы ты перестал каждый раз заваливаться на спину от поцелуев честолюбивых соблазнительниц, ты бы очень сильно облегчил жизнь своим родственникам.

Эрис, в глазах которого светилась та же радость, что и в Иллвине, покорно склонил голову:

— Клянусь, я их не поощряю.

— Ну это, поверьте мне, истинная правда, — заверил Иллвин Исту. — Не скажу, что это очень утешает остальных мужчин, когда женщины стаями проносятся мимо и виснут у него на шее. Тогда он похож на поварёнка, который кормит куриц.

— Я ничего не делаю. Они сами бросаются на меня. — Он взглянул на Исту и сухо прибавил: — Даже на ступенях.

— Ты мог бы уворачиваться, — назидательно предложил Иллвин. — Попробуй как-нибудь.

— Я пытаюсь, разрази тебя гром! Ты слишком хорошего мнения о моей зрелости, если думаешь,

что у меня ещё есть силы интересоваться кем-то помимо Катти.

Иста не до конца понимала, как увязать это утверждение с его поведением при их первой совместной поездке, но, вполне возможно, он так галантен со всеми спасёнными дамами, чтобы отвлечь их от рыданий и истерик. С сожалением, она решила прервать этот — судя по всему не первый на эту тему, но очень жизнеутверждающий — обмен шутками. Бог заманил её в этот лабиринт скорбей в равной степени любопытством и тайным чувством долга, но задерживаться здесь она не собиралась:

— Так почему же вы пошли в спальню княжны Юмеру? Если пошли, конечно.

Эрис помолчал, его легкомысленное настроение мгновенно улетучилось. Он потёр лоб, потом подбородок и руки:

— Даже и не знаю. В тот момент, это казалось мне хорошей идеей.

Вступил Иллвин:

— Каттилара считала, что княжна подсунула тебе любовное зелье и ты не мог контролировать свои действия. Ты знаешь, как я отношусь к её фантазиям, но… я действительно надеялся, что это так. Потому что остальные версии казались

мне ещё хуже.

— То, что я влюбился в Юмеру?

— Нет. Об этом я не думал.

Иста сурово взглянула на него:

— А о чём вы подумали?

Иллвин словно ушёл в себя, его лицо стало мрачным:

— Она произвела такое же впечатление на меня. Сначала. Но потом увидела Эриса и забыла обо мне. Бросила меня на землю, как мешок с отрубями. И… разум вернулся ко мне. Я наконец вспомнил, где видел её раньше. Хотя не совсем её. Эрис, помнишь, как года три назад я ездил в маленький джоконский городок? Я тогда притворился продавцом лошадей. Тогда же я привёз Горама и план замка Хамавик.

— Да…

— Я купил пару голов скота у лорда Хамавика. Я переплатил ему, чему он очень обрадовался; этот идиот стал разговорчивым, принимая меня за дурака. Он пригласил меня на обед в поместье на берегу моря, по чему я должен был понять, как он меня надул… если бы, конечно, сам этого не знал. Он принялся показывать мне свои богатства, среди которых оказалась и его жена. Джоконская княжна, внучка самого Золотого

Генерала, — как мне поведал её муж, будто бы она была чистокровным товаром, который он приобрёл по впечатляющей цене. Видимо, так оно и было, потому что вдовствующая регентша Джоэн не отдаёт своих детей задаром. Пятеро богов, он был отвратительным старым козлом! А жена действительно была золотой, только тише и грустнее неё я женщин не видел. Безжизненная. Запуганная. И на ибранском она могла связать лишь несколько слов.

— Но это же другая княжна, — возразил Эрис. — У князя Джоконы несколько сестёр. Ты, похоже, принимаешь одну за другую. Юмеру говорила уверенно и остроумно.

— Да. Даже придумывала двуязычные каламбуры. Но если у неё нет сестры-близнеца с тем же именем, я голову даю на отсечение, это та же самая женщина, — Иллвин вздохнул и нахмурился.

— Катти в ярости направилась в спальню княжны, я бросился за ней. Я боялся… не знаю чего, но подумал, что хотя бы смогу предупредить тебя и предотвратить скандал.

— Мой верный адъютант.

— Это выходило за пределы военных обязанностей, как мне кажется. Ты бы остался у меня

в долгу, и я не преминул бы взыскать его с тебя. Я умолял Катти хотя бы позволить мне войти первым, но она проскользнула у меня под локтем. Мы появились как раз в самый неподходящий момент. Если говорить без обиняков.

Мёртвые, заметила Иста, не краснеют. Но могут выглядеть пристыженными.

— Катти пришла в бешенство, и даже я не могу винить её за это, — продолжил Иллвин. — И если бы тот разукрашенный сверх всякой меры кинжал лежал бы под грудой одежды, а не поверх неё, я бы успел удержать твою жену. Но она с криком бросилась на княжну. Намереваясь искромсать ей лицо. По вполне понятным причинам.

— Это я помню, — медленно, словно сомневаясь в чём-то, сказал Эрис. — Припоминаю.

— Ты отпихнул золотую шлюху в сторону, я перехватил руку Катти, в которой она сжимала нож, и, между нами говоря, всё было бы в порядке, если бы ты не совершил пируэт, соскочив с кровати. Неужели похоть так завладела тобой, что ты ни минуты больше не мог оставаться в том, что ещё было на тебе? Если бы такое случилось со мной… ладно, не важно. Но лучший рыцарь Карибастоса, запутавшийся в собственных штанах… Пятеро богов, Эрис! У Катти не хватило бы духу всадить

кинжал в тебя, даже если бы она захотела, но ты, споткнувшись, свалился на нас. — Его негодование утихло, из голоса исчезли взволнованные нотки. — Я почувствовал, как нож входит в твоё тело. И честно говоря, я был уверен, что мы тебя прикончили.

— Катти не виновата! — поспешно воскликнул Эрис. — Эта скорбь у неё в глазах… всё равно, что ещё раз быть пронзённым кинжалом. Неудивительно, что она… А потом… потом я ничего не помню.

— Ты упал к моим ногам. Глупая девчонка вытащила клинок из тебя. Я закричал: «Катти, нет!» Но слишком поздно. Хотя не уверен, что кинжал удержал бы поток крови, который так и хлестал из тебя. Одной рукой я пытался зажать твою рану, другой — удержать Катти за рукав, но она выскользнула из-под накидки. Юмеру закричала и залезла обратно на кровать, пытаясь дотянуться до тебя, до сих пор не понимаю, зачем. Катти вонзила нож прямо ей в живот. Юмеру схватилась за рукоять и посмотрела на меня с бесконечной грустью. Тихим, потерянным голосом она произнесла «Ох!». Тем… тем самым голосом, который я запомнил с нашей первой встречи, — он уже почти шептал. — Она только сказала «Ох!». На лице

Катти вдруг появилось странное выражение и после этого я уже ничего не помню. — Он утонул в подушках. — Почему я не могу?..

Руки Исты дрожали. Она спрятала их в складках юбки:

— А что вы помните после этого, лорд Иллвин? — спросила она.

— Я очнулся здесь. В голове гудело. Я чувствовал себя разбитым и больным. А потом снова очнулся здесь. И снова. И снова. И снова. И… Со мной что-то произошло. Может, меня сзади ударили?

— Каттилара сказала, что тебя заколол Печма, — ответил Эрис. Он откашлялся. — Тебя и Юмеру.

— Но его там не было! Он следовал за нами? И, кроме того, я не… — Иллвин провёл рукой по груди под тугой льняной повязкой — на ладони остался алый след… — О! … ранен?

— Кто этот Печма? — гнула свою линию Иста.

— Писарь Юмеру, — пояснил Эрис. — Он ужасно одевался и был предметом постоянных шуток со стороны её свиты. Всегда есть такой безвольный бедняга. Когда Каттилара сказала, что на Иллвина напал он, я ответил, что это бред. Она заметила, что пусть лучше это не будет бредом, потому что иначе мы рискуем ввязаться в войну с князем

Сордсо, когда тело княжны доставят домой. Ведь никто из джоконцев не заступится за Печму. И она оказалась права. Ещё она сказала, что нужно терпение и Иллвин поправится. Я уже было начал сомневаться, но теперь вижу, что это так!

Иста поинтересовалась:

— Вы больше двух месяцев ничего не едите и даже не задумываетесь почему?

Иллвин оторвал взгляд от окровавленной руки и удивлённо посмотрел на Эриса, а потом прищурился.

— Я ем. Только пища сразу из меня выходит. — Эрис пожал плечами. — Но, кажется, и этого достаточно.

— Но теперь же с ним всё в порядке, — медленно произнёс Иллвин, — верно?

Иста помедлила:

— Нет. Неверно.

Она перевела взор на безмолвного слушателя их разговора, прислонившегося к дальней стене:

— Горам. Что ты думаешь о княжне Юмеру?

Из его горла послышался звук, напоминающий собачье рычание:

— Она была плохой, вот что.

— Почему ты так думаешь?

Его лицо сморщилось:

— Когда она смотрела на меня, мне было до смерти страшно. Я старался держаться от неё подальше.

Иста присмотрелась к его изодранной душе. Конечно, старался.

— Я даже подумал, что именно Горам помог мне избавиться от наваждения, — печально вставил Иллвин, — но теперь, боюсь, это было просто последствием невнимательности Юмеру ко мне.

Иста изучала Горама. Эти шрамы на душе только отвлекают, решила она; это старые раны, давние и тёмные. Если, как она уже начинала подозревать, однажды он был одержим демоном, то это было задолго до нынешних дней. Демон оставил…

— Юмеру была колдуньей, — объявила Иста. Короткая, жёсткая ухмылка мелькнула на лице Иллвина:

— Я так и думал! — он помолчал. — А откуда вы знаете? — И через несколько мгновений добавил. — Кто вы?

Я видела потерянного ею демона, это Иста решила пока не говорить. Она отчаянно хотела, чтобы ди Кэйбон был рядом и помог своими теологическими познаниями распутать этот клубок. Иллвин вдруг посмотрел на неё с осторожностью,

обеспокоенно, но, подумала она, не недоверчиво.

— Говорят, что в юности вы учились в семинарии, лорд Иллвин. И вы не могли забыть всё напрочь. Учёный служитель Ордена Бастарда сказал мне, что если существо, которым владеет демон, умирает, и у души, отбывающей в иной мир, нет сил доставить демона обратно к богам, то он переселяется в другое существо. Колдунья умерла, а демона нет ни в одном из вас, поверьте мне. Кто остаётся?

Стало заметно, что Эрису нехорошо. Для ходячего трупа это некоторое достижение, решила Иста.

— Он у Катти, — прошептал марч.

Иста отметила, что на этот счёт он с ней спорить не стал. Она одобрительно кивнула, чувствуя себя учителем, который хвалит ученика за правильно решённый пример:

— Да, теперь он у Катти. И это она заставляет его удерживать в вас жизнь. Или, по крайней мере, душу. До тех пор, пока его можно заставить делать это.

Рот Эриса открылся, потом снова закрылся. Наконец, он произнёс:

— Но… это же опасно! Они сжирают людей заживо… Маги и колдуны отдают демонам свои

души. Катти нужно вылечить; я вызову теологов из храма, пусть они изгонят эту дрянь из неё…

— Подожди, Эрис, — задумчиво перебил его Иллвин. — Думаю, над этим стоит сначала поразмыслить…

Снаружи из галереи донёсся топот бегущих ног. Двух пар. Дверь распахнулась. Каттилара, с растрёпанными волосами, босая, в измятом платье для верховой езды, ворвалась внутрь, тяжело дыша. За ней последовала не менее запыхавшаяся Лисе.

— Эрис! — воскликнула марчесса, бросившись к мужу. — Пятеро богов! Пятеро богов! Что с тобой сделала эта женщина?

— Простите, госпожа, — прошептала Лисе Исте на ухо. — Мы были как раз посреди того луга, когда она вдруг воскликнула, что с её мужем что-то не так, подбежала к лошади и понеслась прочь. Остановить её можно было только арбалетной стрелой.

— Уф. Ничего страшного. — Иста подавила приступ тошноты от воспоминания о том, как она, хоть и успешно, провела Катти. — Что ж, достаточно. Жди вместе с Горамом, но молчи и не перебивай. Каким бы странным тебе ни показалось то, что ты услышишь.

Лисе покорно поклонилась и облокотилась на стену рядом с Горамом, который поприветствовал её кивком. Девушка с сомнением посмотрела на леди Каттилару, которая всхлипывала в слабых объятиях лорда Эриса.

Каттилара схватила его за руку, удостоверилась в её бессилии и подняла заплаканное лицо навстречу взгляду мужа.

— Что она с тобой сделала? — вопросила она.

— Что ты со мной сделала, Катти? — нежно спросил он в ответ. Он перевёл глаза на брата. — С нами обоими?

Каттилара огляделась, воззрившись на Исту и Иллвина:

— Вы обманули меня! Эрис, что бы они ни говорили, они лгут!

Брови Иллвина поползли вверх.

— Хорошенькое обвинение, — пробормотал он.

Иста попыталась не обращать внимания на отвлекающие внешние слои души марчессы. Демон плотно закрылся, но Иста всё равно видела его, тёмного и мерцающего, старающегося спрятаться в самом себе, словно другого пути скрыться не было. Он как будто дрожал.

От страха? Почему? Что, он думает, я смогу с ним сделать? Даже больше: что знает он, а я нет?

Иста недоумённо нахмурилась.

— Катти. — Эрис гладил её выбившиеся из причёски волосы, поправлял локоны; она приглушённо всхлипывала ему в плечо. — Пришло время сказать правду. Сейчас. Посмотри на меня.

Он взял её за подбородок, повернул её лицо к себе и улыбнулся в её влажные от слёз глаза так, что её собственное сердце, подумала Иста, просто расплавилось бы. Но на бьющуюся в истерике Катти это подействовало куда как хуже. Она выскользнула из его слабых объятий и свернулась комочком у его ног, плача ему в колени, словно заблудившийся ребёнок; из того, что она причитала, можно было понять только постоянно повторяющиеся слова «Нет, нет!».

Иллвин закатил глаза к потолку и раздражённо потёр лоб не менее слабой рукой, чем у его брата. Такое ощущение, что сейчас он выменял бы остатки своей души на то, чтобы сбежать из комнаты. Он повернулся и встретил сочувствующий взгляд Исты; она подняла два пальца: Подождите…

— Да, да, — шептал Эрис жене. Его рука, лежащая у неё на волосах, ласково покачивала её голову из стороны в сторону. — Я правлю Порифорсом. Все жизни в моих руках. Я должен знать всё. Да.

— Отлично, Эрис, — пробубнил Иллвин. — Поспорь с ней хоть раз.

Иста приложила руку к губам, потому что Эрис говорил. Пусть лучше она услышит это от него. Она не будет ему сопротивляться или будет, но, по крайней мере, не так долго.

— Что случилось после того, как ты заколола… колдунью? — спросил Эрис. — Как ты поймала её демона?

Катти всхлипнула, сглотнула, судорожно вдохнула и закашлялась. Хриплым голосом она ответила:

— Он просто пришёл ко мне. Я ничего не сделала. Там были я и Иллвин, но он больше испугался Иллвина. — Жёсткая улыбка мелькнула на её лице. — Демон пообещал мне всё, всё что угодно. Но я жаждала только одного. Я жаждала, чтобы ты вернулся. Я заставила его вернуть тебя. Он до сих пор хочет сбежать, но я никогда не дам ему это сделать, никогда.

Воля против воли. Демон, как подозревала Иста, оказался опытным, поднаторевшим в краже жизней. Но в некоторых аспектах Каттилара оказалась сильнее. Даже не сильнее: одержимей. Если демон счёл Катти более податливым материалом, чем Иллвин, то это оказалось для

него интересным сюрпризом. И несмотря на всю неприязнь, которую вызывала в ней Катти, Иста почувствовала мрачное удовлетворение от того, что демон так жестоко ошибся.

— Вы понимаете, — обратилась к ней Иста, — что демон вытягивает из Иллвина жизнь, чтобы Эрис… двигался?

Катти вздёрнула голову:

— Это справедливо. Он заколол Эриса, так что пусть расплачивается!

— Постойте-ка! — вмешался Иллвин. — В этом виноват не только я!

— Если бы ты не схватил меня за руку, этого не случилось бы!

— Да, если бы Эрис не запутался, если бы Юмеру потянулась в другую сторону или мало ли ещё что. Но мы все сделали так, как сделали. И демон тоже. — Его губы вытянулись в ниточку.

— Да, — медленно произнесла Иста. — Четверо сделали то, осмелюсь сказать, чего не хотел ни один из них. Но я не уверена насчёт… пятого действующего лица.

— Верно, — откликнулся Иллвин. — Эти демоны паразитируют на невзгодах и беспорядках; это их природа, и магия, которой они наделяют своих владельцев, тоже проистекает из хаоса и

разрушения. Так учили меня служители.

Он откинулся на подушки и тревожно посмотрел на невестку.

— Что ж, этот демон был послан сюда, — сказала Каттилара. — Специально. Он намеревался соблазнить Иллвина или Эриса, а то и обоих, и передать замок Порифорс во владения Джоконы. Я не позволила этому случиться. Так же, как солдат сталкивает осадную лестницу со стены крепости.

Она отбросила волосы назад и сердито посмотрела вокруг, не осмелится ли кто-нибудь усомниться в этом её достижении.

Иллвин сморщил губы от такого откровения. Брови Эриса огорчённо опустились.

— А лорд Печма? — напомнила Иста.

— С Печмой всё оказалось просто. Демон знал про него всё. — Каттилара презрительно фыркнула. — После того, как я должным образом подготовила Иллвина и отвела Эриса в нашу постель, мне оставалось только найти Печму, обвинить его и убедить, что его повесят на рассвете, если он немедленно не сбежит. Остальное он сделал сам. Он, наверное, до сих пор в бегах.

Эта женщина провела беспокойную ночь, — признала Иста. Изощрённая злоба подготовки

обнажённого Иллвина поразила её. Маленькая месть за то, что он не питал иллюзий по поводу выбора братом невесты?

— Эрис ни в чём не виноват, — страстно продолжила Катти. — Почему тогда страдать должен он один? — Она обратила охваченное злостью лицо к Исте. — А вы… что бы вы ни сделали, чтобы приковать его к этому стулу, отпустите его!

Иста коснулась губ.

— Очень часто страдают те, кто ни в чём не виноват, — заметила она. — Это не ново в подлунном мире. Я, как вы выразились, отпущу его через некоторое время, но только сначала нужно всё спокойно обсудить. Храм утверждает, что демоны требуют непосильную плату за свои чудеса. До каких пор, вы полагаете, вам удастся продержаться?

Каттилара сжала челюсть так, что скрипнули зубы:

— Не знаю. До тех пор, пока я дышу и у меня есть воля! Потому что, если магия демона прекратится, Эрис умрёт.

— Если… это действительно так, — вступил вдруг Иллвин, — то тогда нынешнее положение событий — не самый плохой вариант. Я смогу вытерпеть… половину, скажем. Может, пусть

половина дня отныне будет принадлежать Эрису, а половина — мне?

И тогда он не будет братоубийцей? Или будет, но только на четверть? В его глазах появилась надежда. Каттилара просияла, услышав о таком компромиссе, посмотрела на Иллвина, словно что-то прикидывая.

Иста молчала, продумывая вероятные варианты. Скорее невероятные, поправил её жестокий разум.

— Думаю, — решилась она наконец, — это не сработает или сработает, но ненадолго. Как ни подавляй демона, он всё равно будет медленно пожирать Катти, иначе он уже утратил бы силу и перестал бы поддерживать заклинание. Просвящённый ди Кэйбон говорил мне, что демоны всегда покоряют своих владельцев, дай только время.

— Но если так можно спасти Эриса, я готова рискнуть! — заявила Каттилара.

Эрис резко выдохнул и покачал головой в знак протеста.

— В принципе, я тоже готов, — угрюмо пробубнил Иллвин.

— Но это не риск. Это факт, не поддающийся сомнению. И Эрис всё равно умрёт, а Катти будет

уничтожена.

— Но когда, как скоро, вот в чём вопрос! — возразила Каттилара. — Ещё множество событий произойдёт до того момента.

— Да, я могу рассказать вам о некоторых из них, — ответила Иста. — Я уверена, Иллвин ознакомился с теологической частью смертельной магии в семинарии. Однажды у меня тоже была возможность узнать её поближе. Эрис в данный момент неживой. Демон поймал его отделившуюся душу и привязал её к родному телу. В некотором смысле к знакомому, подходящему обиталищу. Но душа отрезана от своего бога и одновременно лишена подпитки из материального мира. Эрис не может поддерживать жизнь иным способом, кроме как выкачивать её из Иллвина, не может ни увеличить, так скажем, её концентрацию в себе, ни зачать новую.

Каттилара вздрогнула и протестующе дёрнула плечами.

Иста чувствовала, что чересчур углубляется в мрачные подробности:

— И поэтому его судьба не будет ничем отличаться от судьбы заблудших призраков. Медленно угасать, размываться, забывать себя, мир, воспоминания, любовь, ненависть, всё. Это что-то

вроде дряхлости. Я видела стаи слепых духов. Это тихое проклятие, для них — милосердное. Но всё же вовсе не милосердное для мужчины, располагающего телом, мне кажется.

— Вы хотите сказать, он потеряет разум? — в ужасе переспросил Иллвин.

— Это… не очень хорошо, — заметил Эрис. — Хотя терять мне меньше, чем тебе.

Он попытался улыбнуться брату. Жалкая попытка.

Иста прикусила губу и двинулась дальше:

— И у меня появилась идея, почему демон даёт Иллвину так мало времени; только чтобы успеть — да и то немного — поесть. Почему доли такие разные. Полагаю, что когда Иллвин приходит в себя, демон… теряет возможность поддерживать тело Эриса в должном состоянии. С каждым часом, который отведён для жизни Иллвина, тело Эриса гниёт. Со временем разложение станет ощутимым для всех окружающих. — Для её повышенной чувствительности это заметно уже, если знать, как смотреть. Мне не нравится этот новый способ обучения. — Разве такой судьбы вы желаете своему красивому мужу, леди Каттилара? Старческий разум, запертый в разлагающемся теле?

Губы Каттилары твердили «Нет, нет», но она не издала ни звука. Марчесса спрятала лицо в коленях Эриса.

Боги, почему я должна выполнять это омерзительное задание? Иста осталась непреклонной:

— Иллвин тоже умирает, у него забирают больше жизни, чем он может дать. Но если Иллвин умрёт, Эрис тоже… Их мать одновременно потеряла бы обоих сыновей. И уверяю вас, она этого не хотела бы. Какой конец нити выиграет эту жестокую гонку — не знаю. Но это и есть арифметика магии демона: две жизни за одну, причём последняя тоже вычитается. И все ваши страдания пройдут впустую. Верны ли мои рассуждения с теологической точки зрения, лорд Иллвин?

— Да, — прошептал он. Судорожно сглотнул, голос вернулся к нему. — Магия демона, говорят служители, порождает больше хаоса, чем производит порядка. Цена всегда выше, чем сам приз. Некоторые из тех кто связывается с демонами, пытаются заставить расплачиваться других, а приз оставить себе. Но это редко продолжается долго. Однако также говорят, что отдельные очень мудрые и искусные теологи, храмовые маги, умеют использовать демона согласно его природе, а не вопреки ей, и таким образом до-

биваются положительных результатов. Но я никогда не мог этого понять.

Иста ещё не до конца была уверена насчёт следующего шага, но он, казалось бы, логично вытекал из всего предыдущего разговора. Она совсем не доверяла логике; следуя её законам, ничего не стоит прийти медленно, шаг за шагом в трясину греха и окунуться в неё с головой, как это однажды уже с ней случилось.

— Я уже выслушала мнения всех участников, кроме одного. Думаю, этот демон уже обладает даром речи. Интересно, правда, откуда, тем более что он умеет придумывать… двуязычные каламбуры, но тем не менее. Я поговорю с ним. Леди Каттилара, вы можете выпустить его на время?

— Нет! — под взглядом Исты она нахмурилась и добавила: — Это же не часть меня, в этом-то и проблема. Он пытается сбежать. Он попробует украсть моё тело.

— Хм, — протянула Иста. Она не до конца доверяла Каттиларе, но это утверждение могло быть правдой.

— Привяжите её к стулу, — лаконично предложила Лисе, стоящая у стены. Иста через плечо посмотрела на девушку; Лисе подняла брови и пожала плечами. Её поза казалась расслаблен-

ной, но глаза были широко раскрыты и в них светилось изумление, как будто она смотрела пьесу и хотела увидеть следующий акт.

— Вы не понимаете, — сказала Каттилара. — Потом он не захочет возвращаться обратно.

— Я берусь удержать его, — пообещала Иста. Иллвин удивлённо воззрился на неё:

— Как?

— Не думаю, что у вас получится, — усомнилась Каттилара.

— А он — думает, иначе он не боялся бы меня так.

— Ох, — Каттилара поморщилась.

— Мне кажется, — задумчиво произнёс Эрис, — допрос этого пленника наиболее важен. От него зависит защита Порифорса. Ты решишься сделать это, милая Катти, для меня?

Она вздохнула, нахмурилась и сжала зубы.

— Я знаю, ты смелая, — добавил он, глядя на неё.

— Ой, ну хорошо! — она состроила гримаску и поднялась на ноги. — Но не думаю, что из этого что-нибудь получится.

Молодая марчесса грустно наблюдала за тем, как Горам с помощью Лисе стаскивает наполовину парализованного Эриса с кресла и усаживает

его на пол, прислонив к краю кровати. Каттилара сама заняла освобождённое им место и положила руки на деревянные подлокотники. Горам поспешил сделать из поясов и ремней Иллвина импровизированные путы.

— Подложите ткань, — обеспокоенно посоветовал Эрис. — Так ремни не будут впиваться ей в кожу.

Иста посмотрела на шрамы, опоясывающие её собственные кисти, словно браслеты.

— Щиколотки тоже привяжите, — настояла Каттилара. — И потуже.

Под заботливым взором марча Горам осторожничал, но Лисе в конце концов затянула ремни так, что Каттилара осталась довольна. Когда Лисе закончила, путы представляли собой нагромождение узлов.

Иста пододвинула свой табурет и села напротив Каттилары, ногой чувствуя, что сильное, хоть и обмякшее тело Эриса привалилось к её юбкам.

— Давайте, леди Каттилара. Отпускайте демона, пусть он выходит.

Глаза Каттилары закрылись. Иста тоже прикрыла веки, стараясь разглядеть внутренние границы вторым зрением. В данном случае демону нужно было не только позволить выйти, но

ещё и заставить его.

— Давай же, выходи, — пробормотала Каттилара, будто мальчишка, палкой выковыривающий барсука из норы. — Вылезай!

Фиолетовый свет хлынул во все стороны, — Иста призвала всю свою чувствительность, чтобы не упустить ни единой детали. Внешне изменилось только выражение лица Каттилары: тревожное напряжение уступило место томной улыбке, кончик языка сладострастно пробежал по губам. Марчесса поморщилась, словно растягивая мышцы лица в непривычных направлениях. Фиолетовое свечение охватывало всё её тело, вплоть до кончиков пальцев. Она втянула лёгкими воздух.

Глаза открылись и расширились от ужаса при виде Исты.

— Пощади нас, Сияющая! — воскликнула Каттилара. Все присутствующие вздрогнули от этого пронзительного крика.

Молодая женщина принялась биться и метаться в путах:

— Выпустите нас, развяжите нас! Мы приказываем вам! Пустите, пустите!

Она вдруг прекратила вырываться и замерла, переводя дыхание, её черты приняли коварное

выражение. Она откинулась на спинку кресла, закрыла глаза, открыла их снова, приняв прежний обеспокоенный вид:

— Вот видите, это бесполезно. Это глупое создание, как его ни проси, не хочет выходить. Развяжите меня.

Фиолетовый свет, отметила Иста, продолжал заполнять тело Каттилары от края до края. Жестом она остановила Лисе, которая уже разочарованно двинулась вперёд.

— Нет, это существо лжёт. Оно ещё здесь.

— Ох, — Лисе вернулась к своему месту у стены. Лицо Каттилары снова исказилось, наполняясь гневом:

— Отпустите! Болваны, вы даже не представляете, что навлекли на Порифорс! — Она вырывалась и брыкалась с впечатляющей силой, раскачивая кресло. — Бежать, бежать! Мы должны бежать! Все должны бежать! Бегите, пока можете. Она идёт. Она идёт. Пустите, пустите… — голос Каттилары становился всё громче, пока не сорвался на бессловесный вопль. Кресло начало падать: Горам поймал его и принялся держать, не обращая внимания на скрежет и толчки.

Безумная борьба не прекращалась, Каттилара покраснела от усилий, дыхание стало пугающе

хриплым. Неужели демон настолько отчаян, что попытается освободиться, устроив смерть Каттилары? Да, решила про себя Иста. Она без труда могла представить, как он бросается на стену, чтобы сломать своей владелице шею, или заставляет её броситься вниз головой с балкона. Жуткая боль, причиняемая телу Каттилары, совершенно бесполезна, тем более что Эрис… ну, у Эриса нет выбора, кроме как сидеть неподвижно. Так что это неверная тактика.

— Хорошо, — вздохнула Иста. — Возвращайтесь к нам, леди Каттилара.

Фиолетовое свечение начало пульсировать внутри бьющегося в муках тела Каттилары. Свет отступал, но потом вдруг возвращался обратно. Каттилара не в состоянии взять контроль в свои руки?

Этого Иста не ожидала. О, нет… Я же обещала ей, что сдержу его…

— Остановись, — произнесла Иста. — Бог послал меня разрубить этот узел. Отпусти Эриса, а я освобожу тебя.

Поверит ли он ей? Гораздо важнее, сможет ли эта угроза подтолкнуть Катти снова занять доминирующее положение?

Катти-демон застыла, прекратив борьбу, глядя

перед собой широко распахнутыми глазами. Белое пламя жизни потоком хлынуло обратно к Иллвину. Внезапно с лица Эриса исчезло выражение ужаса и сменилось пустотой. Вялой, бледной неподвижностью. Он завалился набок, словно тряпичная кукла. Словно труп. Блестящий рыцарь Порифорса превратился в груду останков, в гору порченого мяса, для переноски которого понадобится двое человек.

Но душа его не исчезла в вихре белого пламени, как все те, что Иста видела раньше. Его призрак только чуть-чуть отлетел в сторону от местоположения тела, но в остальном остался прежним. Исту охватил ужас. Пятеро богов! Он уже отверженный. Боги не могут дотянуться до него. Что же я наделала?

— Ммм-мм… ВЕРНИТЕ ЕГО! — Каттилара в бешенстве возвратила себе власть над собственным телом, будто спущенный с цепи мастиф опрокинул быка. Фиолетовое свечение схлопнулось в тугой оборонительный шарик, белый огонь потёк по прежним руслам. Дыхание снова ворвалось в грудь Эриса; он моргнул, подвигал челюстью, разминая лицо, самостоятельно сел, оттолкнувшись от пола, и, оставшись наполовину парализованным, огляделся вокруг.

Иста была потрясена. Уловка сработала, побудив Каттилару к действиям, но то, что при этом обнаружилось… что-то, что она едва ли понимала. Больше никаких уловок. У меня кишка тонка для этого.

Каттилара тяжело дышала в своих путах и зло смотрела на Исту.

— Ты! Ты, жуткая старая стерва. Ты обманула меня.

— Таким образом я обманула и демона. Может быть, вы пожалеете о сказанном? — Иста сделала знак Гораму и Лисе, и они принялись бережно разматывать ремни, удерживавшие марчессу.

Иллвин, до этого встревоженно наблюдавший через край кровати за братом, снова откинулся на подушки и в смятении перевёл взгляд на Исту:

— Леди, как вам это удаётся? Вы-то сами, случайно, не колдунья? Не сменили ли мы одного врага-демона на другого, более сильного?

— Нет, — ответила Иста. — Мои нежданные способности берут начало совсем в другом месте. Спросите у… питомца Катти. Он знает.

И, подозреваю, лучше, чем я. Если власть над демоном или власть демона делает человека магом, а бог делает человека святым, то каким же двояким гибридом станет тот, кто попадёт в руки

демона и бога одновременно?

— Тогда — осенённая богом, вы хотите сказать? — спросил он. Ещё не веря, но уже настороженно.

— Да, к моей бесконечной печали.

— Как это случилось?

— Один страдающий ублюдок молился богу, у которого не было времени помочь ему, и Он свалил эту работу на меня. Или, по крайней мере, Он представил мне это так.

Иллвин заполз поглубже под простыню.

— Ох, — чуть слышно произнёс он, когда до него дошёл смысл сказанного ею. Через секунду он прибавил: — Я поговорю с вами об этом попозже. Когда будет, хм, больше свободного времени.

— Посмотрим, что я смогу сделать.

Эрис поднял практически безжизненную руку и погладил жену по щиколотке:

— Катти. Так не может продолжаться дальше.

— Но, любовь моя, что же нам делать? — она склонила голову и обратила на Исту душераздирающий взор. — Вы не можете забрать его сейчас! Так быстро. Сейчас я его не отдам.

Она потёрла красные полосы на запястьях, когда их наконец освободили от пут.

— У него и так уже было больше времени, чем

отведено многим людям, — с укором заметила ей Иста. — Он принял все опасности воинского призвания много лет назад; и, когда вы связали себя с ним узами брака, вы приняли их тоже.

Но как же быть с тем, что он отвержен? Смерть тела — и без того великая скорбь. Медленное угасание призраков, душ, которые отреклись от богов, — саморазрушение. Но Эрис не выбирал это изгнание; его вынудили. Это не самоубийство души, это убийство…

Иста колебалась:

— Нет, это случится не сегодня, не в этой суматохе. Времени осталось совсем немного. Его хватит на то, чтобы привести в порядок дела, пока Эрис ещё в состоянии управлять своим разумом; если он не будет медлить, то успеет написать прощальные письма. Но не более, мне кажется.

Она видела опасную, болезненную истощённость Иллвина. Этот клубок оказался гораздо более запутанным, чем мне показалось вначале. И даже моё второе зрение не в силах увидеть выход.

Эрис постарался сесть прямо:

— Ваши слова разумны, мадам. Я вызову нотариуса из храма, чтобы… пересмотреть завещание…

— Это нечестно! — снова набросилась Каттилара. — Иллвин убил тебя, а теперь получит все твои владения!

Подбородок Иллвина дёрнулся вверх:

— Я вовсе не голодранец. Мне не нужны поместья ди Лютезов. Чтобы не навлечь на себя позора, я отказываюсь от всяких притязаний на них. Пусть они перейдут к моей племяннице, или к Храму… или даже к ней. — Движением губ он указал на жену брата. Потом помолчал. — За исключением Порифорса.

Эрис улыбнулся, разглядывая носки своих сапог:

— Хороший мальчик. Мы никому не уступим Порифорс. Держись за него, и ты останешься верным мне даже тогда, когда могила поглотит все мои надежды и чаяния.

Каттилара разрыдалась.

Иста оторвала усталое тело от табурета. Она чувствовала себя так, будто бы её избили палками.

— Лорд Иллвин, вы не возражаете, если ваш брат попользуется вами ещё некоторое время? Вы готовы?

— Эх, — пробурчал он без всякого энтузиазма. — Делайте то, что нужно. — Он поднял глаза

на неё и с хорошо скрываемой настойчивостью прибавил: — Вы придёте ко мне снова, да?

— Да, — она махнула рукой и разорвала связь.

Иллвин упал на спину. Эрис вскочил на ноги, снова став воплощением силы:

— Ах!

Он обнял всхлипывающую Каттилару и вывел прочь, шепча ей успокаивающие нежные слова.

Да, горько подумала Иста. Ты поймал её. Готова поспорить, ты даже не пытался уклониться… Ты связался с ней… Так бы и продолжалось, она была уверена в этом. Чего же ещё ожидать от мужчины, который в седельной сумке держит кусок мыла? Виски пульсировали.

— Лисе, мне нужно прилечь. У меня голова болит.

— Ох, — Лисе поспешила к ней, предлагая руку и поддержку. В качестве горничной возможности девушки были весьма ограничены, но Исте приходилось признать, что она — лучшая из придворных, которых ей доводилось встречать. — Может быть, следует потереть вам виски лавандовой водой? Однажды я видела, как леди делают это.

— Спасибо. Это было бы замечательно.

Иста оглянулась на Иллвина, который снова

лежал неподвижно, лишённый жизни и разума.

— Позаботься о нём, Горам.

Он отвесил поклон, посмотрел на неё исполненным безмолвного отчаяния взором и вдруг рухнул на колени и поцеловал край её юбки.

— Благословенная, — пробормотал он. — Освободите его. Освободите всех нас!

Иста проглотила комок, выдавила бесчувственную улыбку, вырвала подол у него из рук и позволила Лисе вывести себя наружу.

Глава пятнадцатая

Словно пелена опустилась на Порифорс в тот вечер. Хозяин с хозяйкой замка удалились на тайное совещание, и все запланированные развлечения были внезапно отменены. Иста была только рада тому, что её наконец-то предоставили самой себе. Лисе доложила, что перед закатом главные офицеры Эриса отправились к своему командиру и позже вышли от него с крайне удручённым видом. Иста надеялась, что марч догадался оставить в стороне настоящую историю смерти Юмеру и сочинил другую легенду о внезапной — или застарелой? — смертельной болезни. И поскольку правда о смерти джоконской княжны касалась марчессы, Иста не могла себе представить, чтобы Каттилара горела желанием публично покаяться, а Эрис позволил ей это.

Сон Исты в эту ночь не тревожили ни боги, ни видения, хотя всё же сновидения были подпорчены мрачными, странными кошмарами о жутких путешествиях на истощённых или умирающих лошадях и о скитаниях по полуразрушенным замкам причудливой архитектуры, за ремонт

которых она была каким-то образом ответственна. Проснулась она едва ли отдохнувшей, но с нетерпением принялась ждать полудня.

Она отправила Лисе помочь Гораму и предупредить его о её визите, затем лично осмотрела поднос с едой, который собирались нести наверх больному. Горничная передала этот поднос за дверь спальни лорда Иллвина, откуда, немного спустя, появилась Лисе и направилась к комнатам Исты.

— Горам даст нам знак, открыв дверь, когда будет готов, — сообщила Лисе. Девушка была подавлена, взволнована вчерашними мрачными чудесами и обеспокоена отсутствием вестей от Фойкса, хотя Иста заверила её, что он наверняка находится у главного служителя Маради. Лисе мало успокоили объяснения Исты о том, что Каттилара одержима более могущественным демоном, чем Фойкс, уже два месяца, а внешне это никак не проявляется. Иста только желала, чтобы её сердце могло принять все эти уверения.

Наконец, резная дверь на противоположном конце галереи распахнулась, и Лисе сопроводила Исту туда.

Иллвин, одетый в тунику и штаны, сидел на кровати; его волосы были зачёсаны назад и стя-

нуты на затылке.

— Королева, — произнёс он и склонил голову. На его лице осторожность смешивалась с удивлением. Судя по всему, Лисе или Горам, а то и оба, сообщили ему статус и имя Исты совсем недавно, практически сразу, как он вернулся в сознание. — Простите. Клянусь, я молил о помощи, а не о вас!

Его речь снова была не совсем чёткой. Иста сообразила, что в то время, как у неё был целый день, чтобы обдумать события, Иллвин не располагал и часом. Она вздохнула, подошла к краю кровати, взяла немного белого огня с нижней части его тела и направила пламя выше. Иллвин моргнул и сглотнул.

— Всё не так… Я не хотел обижать… — теперь он говорил смущённо, но чётко, хотя и запинаясь. Он попытался приподнять ноги, но потерпел неудачу и недоверчиво посмотрел на них.

— Подозреваю, — заметила Иста, — королева — не то качество, из-за которого меня сюда прислали. Статус не имеет для богов никакого значения в отличие от нас. Между королевой и горничной с их точки зрения нет различия.

— Но, согласитесь, горничных всё-таки больше.

Она безрадостно улыбнулась:

— Таково, видимо, моё призвание. И это не мой выбор. Я притягиваю богов. Как кровь — мух.

Он взмахнул слабой рукой, возражая против такой метафоры:

— Признаюсь, никогда не думал о богах как о мухах.

— Если честно, я тоже. — Она вспомнила, как смотрела в те тёмные бесконечности. — Однако размышление об их истинной природе вредит моему… разуму, как мне кажется. Вытягивает из меня нервы.

— Но, должно быть, боги знают, что делают. Откуда вы узнали, что мне снилось? Я видел вас три раза, когда просыпался во сне. Дважды вы сияли сверхъестественным светом.

— Мне тоже снились те сны.

— Даже третий?

— Да.

Это всё же не сон, но её смущал их внезапный поцелуй. Хотя после действий Каттилары он казался весьма скромной слабостью…

Он откашлялся:

— Приношу извинения, королева.

— За что?

— А… — Он взглянул на её губы и отвёл взгляд. — Просто так. — Она попыталась не думать о вкусе

его губ. Горам подтащил к кровати Иллвина немного покосившееся кресло для неё и поставил в изножье табурет для Лисе, а сам прислонился к дальней стене и принялся слушать. Исте и Иллвину было одинаково, как ей казалось, сложно смотреть друг на друга.

— Предположим, — начал он снова, — что то, что вы тут оказались неслучайно, а благодаря молитвам… ну, — смущённо прочистил горло, — некого человека, должны распутать клубок событий. Так?

— Скажем лучше, восстановить их цепь. Потому что способ распутать их от меня пока ускользает.

— Я подумал, что у вас есть власть над демоном Катти. Почему вы не изгоните его?

— Я не знаю как, — печально призналась она. — Бастард дал мне второе зрение — вернул его мне, лучше сказать, потому что боги тревожат меня уже не первый раз. Но бог не дал мне никаких указаний, за исключением того, что они каким-то образом связаны с мужчиной, которого я вижу в снах. — И наоборот. Если задуматься… не было ли появление ди Кэйбона в конце загадочного второго поцелуя Бастарда каким-то намёком? — Бог послал мне духовного проводника, просвящён-

ного ди Кэйбона, и я жажду выслушать его совет, прежде чем следовать дальше. Насколько я знаю, он изучал материалы о том, как отправить демона обратно к хозяину. Уверена, он тоже должен был оказаться здесь. Но я потеряла его в пути, и теперь беспокоюсь о нём. — Она помолчала. — Не нужно спешить. Не вижу ничего хорошего в том, чтобы избавить Эриса от тела и обречь его на существование заблудшего духа.

Иллвин замер:

— Духа? Вы уверены?

— Я видела его вчера, когда чары на время потеряли силу. Ничего… не произошло, а должно было. Когда смерть распахивает двери души перед богами, появляется белая вспышка; это великое событие. Проклятие — это не только тишина, это ещё и медленное застывание. — Она потёрла усталые глаза. — Более того, если бы я знала, как ему найти путь к богам, уверена, Эрис смог бы убедить свою жену отпустить себя. Ведь если он не сможет убедить её, то кто тогда? Боюсь, не я. И даже если она его отпустит… демон, с которым она связана, производит впечатление могущественного и искушённого. Если ей больше не нужно будет непоколебимой волей держать это создание в подчинении, чтобы сохранять в

Эрисе видимость жизни, и эта непоколебимая воля превратится в тоску… Катти станет крайне уязвимой для инсинуаций демона.

Он задумчиво хмыкнул.

— На ваш взгляд у неё достаточно сильный характер?

Он нахмурился:

— Раньше я ответил бы «нет». Хорошенькая девочка, обожает Эриса, но клянусь, что если она поднесёт горящую свечку к своему милому правому ушку, то я смогу задуть пламя через левое. Однако Эрис, видимо, не против. — Он криво улыбнулся. — Впрочем, раз эта красотка так яростно на меня клевещет, то моё мнение о её уме растёт и даже голова уже начинает пухнуть. Всё же… она выстояла против чар Юмеру, а я… нет.

— Подозреваю, Юмеру недооценила её. И вот ещё что, — ответила Иста. — Как княжна Джоконы, истая кватернианка, связала себя с демоном? И сумела скрыть его или каким-то другим способом избежала обвинения? Они там жгут колдунов и магов, хотя как их служители препятствуют тому, чтобы демоны перепрыгивали сквозь огонь к другим людям, я не знаю. Должно быть, они как-то привязывают их к хозяевам, прежде чем избавиться от обоих.

— Так оно и есть. Для этого есть определённый обряд и молитва. Грязное дело, и что хуже всего, не всегда срабатывает. — Он помолчал. — Катти сказала, что колдунья была послана.

— Кем? Её братом князем? Тем более что наследники её последнего мужа переправили её обратно в дом князя.

— Думаю, да. Но… сложно представить, что Сордсо Пьяница увлекается демонологией во славу Джоконы.

— Сордсо Пьяница? Так жители Карибастоса называют молодого князя?

— Все зовут его так по обе стороны границы. Он решил посвятить промежуток времени между смертью отца и регентством матери не изучению искусства управления государством и военного дела, а вину и стихоплётству. Впрочем, он весьма неплохой поэт, и, судя по тем стихам, которые мне доводилось читать, у него довольно меланхолическая лира. Мы все надеялись, что он последует своему призванию, которое принесёт ему больше удачи, чем стезя князя. — Он коротко ухмыльнулся. — Лорд Карибастоса с радостью предоставил бы ему дворец и назначил бы пенсию, а сам бы снял все тяготы правления Джоконой с его узких плеч.

— Видимо, теперь князь не столь невнимателен. Именно он оправил в Ибру колонну всадников, которая потом бежала к востоку от Раумы, перевалила через горы и повстречала мой отряд. Среди них были офицеры, представлявшие волю князя. Лисе рассказывала вам об этом?

— Только вкратце. — Он посмотрел на девушку, которая утвердительно кивнула в ответ. Иллвин помолчал, тёмные брови сошлись на переносице. — Раума? Странно. Почему Раума?

— Я решила, что, дабы убедить Лиса Ибры попридержать армию дома ввиду грядущей кампании, а не посылать их на подмогу сыну для взятия Виспинга.

— Мм-м, может быть. Только Раума расположена слишком глубоко на территории Ибры, чтобы нанести такой удар. Плохие пути к отступлению, что, впрочем, всадники и сами уже поняли.

— Лорд Эрис тоже отметил это, сообщив, что из трёхсот всадников, покинувших Джокону, вернулось только трое.

Иллвин присвистнул.

— Молодчина Эрис. Хорошенькая новость для Сордсо!

— Только вот они чуть не восполнили все потери, попытавшись увезти меня с собой. Но это

вряд ли было частью их изначального плана. У них даже не было карт Шалиона.

— Я давно знаю марча Раумы. Могу представить, какой тёплый приём он устроил джоконцам. Он был одним из наших лучших врагов до тех пор, пока мы все не породнились с Иброй. Замужество вашей дочери сняло огромное давление с западного фланга Порифорса, за что я ей бесконечно благодарен, королева.

— Король-консорт Бергон — замечательный мальчик.

Иста не смогла бы оставить без ласкового слова никого, кто был бы очарован её дочерью так же, как молодой муж-ибранец Изелль.

— Хотя его папаша был ещё тем кактусом. Засохший, колючий, норовящий ободрать пальцы до крови.

— Что ж, теперь это наш кактус.

— Это верно.

Иста выпрямилась и обеспокоенно вздохнула:

— В конце концов, слухи о том, что благородная леди джоконского двора дала убежище демону и попыталась магией склонить к измене шалионскую крепость, подавить не удастся. Я напишу предупредительное письмо главному настоятелю Менедалю в Кардегосс и канцлеру ди Кэсерилу.

— Хорошая мысль, — неохотно признал он, — но я до сих пор нахожусь в смятении от того, как близко Юмеру подобралась к исполнению намеченного. И ведь не настоятеля Кардегосса притащило за волосы в этот богом забытый край Шалиона. А вас. Более неподходящий отклик на мои молитвы я вряд ли могу представить.

При взгляде на неё уголки его губ смущённо приподнялись.

— В те моменты, когда вы были в ясном уме, вы молились Бастарду?

— Лучше сказать, когда я просыпался. Всё кажется сплошным туманом… вчера? Да, прямо вчера. Да, я молился отчаянно. Это всё, что мне оставалось. Я даже не мог произнести правильные слова вслух. Я выплакивал их сердцем. И обращал их к моему богу, которого оставил, — когда я вырос, увы, я перестал уделять время молитвам. Если бы он сказал: Отстань, парень, ты хотел жить сам по себе, так теперь кушай, что сготовил, — я бы счёл, что Он прав. — Он добавил помедленнее: — Но почему вы? Разве что у этого узла корни уходят вглубь, к отцу моего брата и придворной политике Кардегосса.

Эта его внезапная догадка причинила Исте неудобство:

— Да, у меня есть старый, сухой остаток вины перед прежнем лордом ди Лютезом, но к Эрису это никакого отношения не имеет. И нет, Арвол не был моим любовником!

Её горячность заставила Иллвина отпрянуть:

— Я этого не говорил, леди!

Она привела в порядок дыхание:

— Не говорили. Это леди Каттилара считает эти старые бредни романтической сказкой, да пощадят меня боги. А Эрис, судя по всему, делает из меня свою эдакую духовную мачеху.

К её вящему удивлению, Иллвин фыркнул:

— Этого ему бы очень хотелось.

Ласково-сердитый кивок едва ли пролил свет на то, как истолковать это загадочное замечание.

Она довольно колко заметила:

— До тех пор, пока я не услышала, как вы двое разговариваете друг с другом, я уже практически склонилась к решению, что ревнивец-убийца — вы. Презренный незаконнорождённый брат, без отца, без титула, имущества, доведённый до крайности последней утратой.

В его сухом полусмешке не чувствовалось обиды:

— Мне приходилось сталкиваться с такими заблуждениями и раньше. Но верно как раз об-

ратное. Это у меня всю жизнь был отец. А у Эриса была мечта. Мой отец взял на себя практическую сторону воспитания нас обоих, и он старался быть хорошим отцом и для Эриса, хотя это удавалось ему только благодаря дополнительным усилиям. Его же любовь ко мне не знала преград. Но Эрис никогда не ревновал и не обижался, потому что однажды всё должно было измениться. Однажды его великий отец призовёт его ко двору. Туда, где он полон могущества, где он блистает во всём своём великолепии. Это случится тогда, когда сын станет достаточно хорош для этого, станет искусен во владении мечом, конём, превратится в прекрасного офицера. Блистательный лорд ди Лютез посадит его по правую руку от себя, представит своей богатой свите и скажет влиятельным друзьям: «Смотрите, вот мой сын, разве он не хорош?» Эрис никогда не носил свою лучшую одежду; она была уложена в сундуки, подготовлена к путешествию. К тому времени, когда отец позовёт его. На сборы Эрису понадобилось бы не больше часа. А потом ди Лютез умер, и… мечта так и осталась мечтой.

Иста печально покачала головой:

— Все те пять лет, что я знала его, Арвол ди Лютез едва ли упоминал Эриса. И никогда не

говорил о вас. Если бы он не погиб в подземельях Зангры той ночью… приглашение ко двору могло так и не прийти, мне кажется.

— Когда я вспоминаю об этом, мне тоже так начинает казаться. Умоляю вас, только не говорите это Эрису.

— Я вообще не знаю, что ему говорить.

У меня есть свои страхи. И как бы то ни было, лучше не откладывать их в долгий ящик.

— У меня… Моим отцом был живой человек, — продолжил Иллвин. — Строгий, когда нужно: как мы ругались, когда я был моложе! Я так рад, что он дожил до времени, когда мы оба стали взрослыми мужчинами. Здесь, в Порифорсе, мы заботились о нём, когда его разбил паралич: увы, не очень долго. Тогда мне хотелось думать, что он ушёл, чтобы присмотреть там за нашей матерью, потому что несколько раз мы видели, как он ищет её. — Его глубокий голос дрогнул. — К тому времени прошло двадцать лет со дня её смерти. Жизнь так непрочно держалась в нём, что его смерть в сезон Отца не показалась горькой. Я держал его за руку до последней секунды. Ладонь была прохладная, сухая, почти прозрачная. Пятеро богов, к чему это я? Так вы заставите меня болтать без умолку. — Ты уже болтаешь, поду-

мала она; но заметив, что Иллвин старательно подавил подозрение, мелькнувшее в его глазах, она тоже сделала вид, что не заметила этого.

— Вот как я был бастардом. — Он помолчал и взглянул на неё. — А вы та, кто утверждает, что видела их в лицо, верите, что боги соединяют нас с теми, кого мы любили? Тогда, когда наши души взмывают ввысь?

— Не знаю, — Иста сама удивилась прямоте своего ответа. О ком он думает? Об Эрисе в будущем или о старом сэре ди Арбаносе? — Наверное, я не любила никого настолько, чтобы знать. Думаю… это не пустая надежда.

— Хм.

Она отвела взгляд от его лица, чувствуя, как этот задумчивый изгиб бровей незваным гостем вторгается ей в душу. На глаза ей попался Горам, который снова покачивался из стороны в сторону, сцепив руки. Внешне обычный седой, стареющий слуга. Внутренне… обнажённое, ободранное существо, выжженное, словно деревня, разорённая отступающими войсками.

— Как вы встретились с Горамом? — обратилась Иста к Иллвину. — Где?

— Я был на разведке в Джоконе, и, как обычно, у меня выдалась свободная неделя. Мне удалось

собрать планы замка и городов удивительно быстро. — Короткая улыбка, вспыхнувшая на его губах, указывала, что раздобыл он нечто большее, чем просто планы, но он продолжил: — Я направлялся под видом торговца лошадьми в Хамавик, и мне посчастливилось приобрести больше товара, чем я рассчитывал. Таким образом, мне оказался необходим ещё один грум. Как рокнарский торговец, я, если подвернётся случай, выкупаю шалионских пленников. Человеку, не имеющему семьи, вряд ли можно надеяться на выкуп со стороны родных. Гораму не оставалось даже этого, потому что он уже практически потерял разум и память. Я счёл это следствием удара по голове в последней битве, хотя шрамов видно не было, результатом плохого обращения или лихорадки. А может быть, и того и другого. Совершенно ясно, никому больше не пришло бы в голову купить его, и я заключил очень выгодную сделку. Как выяснилось. — Улыбка снова осветила его черты. — По возвращении в Порифорс я освободил его, но он попросил оставить его у меня в услужении, потому что не знал, где теперь находится его дом.

У стены Горам утвердительно закивал. Иста задержала дыхание:

— А вы знали, что он был одержим демоном?

Иллвин аж подпрыгнул:

— Нет!

Горам выглядел не менее ошарашенным. Лисе развернулась на девяносто градусов и изумлённо воззрилась на грума. Глаза Иллвина сузились от внезапной мысли:

— А откуда вы знаете, королева?

— Я вижу. Вижу его душу. Сплошь клочья и лохмотья.

Иллвин моргнул и осел на подушки. Через секунду он крайне осторожно спросил:

— А мою вы видите?

— Да. Для меня это плотный белый огонь, вытекающий из вашего сердца и идущий к вашему брату. А его душа напоминает духа, который уже начинает распадаться и размываться. Она находится внутри его тела, но не прикреплена к нему. Она только… парит в нём. У Лисе душа яркая, многоцветная, очень сконцентрированная, прочно связанная с плотью, которая создаёт её.

Лисе, по-видимому, сочтя, что ей сделали комплимент, весело улыбнулась.

Задумчиво помолчав, Иллвин сказал:

— Должно быть, это отвлекает.

— Да, — коротко ответила Иста. Он откаш-

лялся:

— То есть вы утверждаете, что Горам был магом? — Горам в ужасе замотал головой:

— Я не такой, леди!

— Горам, а что ты можешь вспомнить? — спросила Иста. Морщинистое лицо задвигалось от напряжения:

— Я знаю, что шёл с армией Орико. Помню палатки короля, все из красно-золотого шёлка, блестящего на солнце. Помню… как иду среди пленников, в цепях. Работаю, какая-то работа в поле, жаркое солнце.

— Кем были твои рокнарские хозяева?

Он покачал головой:

— Их я помню плохо.

— Корабли? Ты когда-нибудь бывал на корабле?

— Не думаю. Лошади, да. Там были лошади.

Иллвин вставил:

— Мы и раньше разговаривали о том, что он может вспомнить, тогда я пытался найти его семью. Должно быть, он был пленником несколько лет, видимо, с того времени, как князь Бораснен в первый раз попытался напасть на крепость Готоргет, за два года до того, как она пала. И по тому, что говорил Горам, у меня сложилось впечатление, что

как раз в этой кампании он и участвовал. То, как его взяли в плен, он тоже не помнит. Вот почему я решил, что его разум пострадал от лихорадки совсем незадолго до того, как он мне попался.

— Горам, можешь вспомнить то, что случилось после того, как лорд Иллвин выкупил тебя? — поинтересовалась Иста.

— О да. От этого не больно.

— А можешь припомнить хоть что-нибудь из того, что случилось до встречи с лордом Иллвином?

Горам отрицательно потряс головой:

— Какое-то тёмное место. Оно мне нравилось, потому что там было прохладно. Хотя и воняло.

— Разум и воспоминания вырваны с корнем, демон выскочил, но Горам всё же не умер, — задумчиво произнесла Иста. — Оставить живого хозяина для демона не так-то легко. Так говорит ди Кэйбон. Они каким-то образом сплетены друг с другом. Смерть человека вынуждает демона покинуть обиталище. Так случилось с Юмеру, так случается при кватернианских сожжениях.

— Не сжигайте меня! — запричитал Горам. Он ссутулился, почти сгорбился и испуганно уставился на свою грудь.

— Никто тебя сжигать не будет, — твёрдо ска-

зал Иллвин. — Не в Шалионе, в любом случае, и теперь в этом нет никакой надобности, ведь она говорит, что демон ушёл. Всё в прошлом. Верно? — он выразительно посмотрел на Исту.

— Всё в прошлом. — И большая часть Горама тоже. Она не могла понять, был ли он и раньше только слугой, или чем-то большим.

— Хамавик… — пробормотал Иллвин. — Это какой-то намёк. И Горам, и княжна Юмеру были там в одно время. Не мог ли этот… недуг Горама иметь какое-то отношение к демону Юмеру?

Довольно интригующее предположение. И всё же…

— По демону Катти не скажешь, что он вырос на солдатах. Он кажется… не знаю, как объяснить. Слишком женским. Думаю, мы можем ещё раз попробовать выудить из него информацию. Мне кажется, то, как он вёл себя вчера, более характерно для демона, чем для человека. Иначе определить мага было бы гораздо проще.

Лисе, заметила Иста, выглядела крайне встревоженной. Неужели она видит будущее Фойкса в изможднённом, перепуганном, недоумённом лице Горама? И где же сейчас мальчишка? Иста ещё не настолько отчаялась, чтобы начать молиться, учитывая её отношение к этой процедуре, но

понимала, что если так и будет продолжаться, она скоро дойдёт до этого.

Иста продолжила:

— Просвящённый ди Кэйбон сказал мне, что обычно демоны встречаются крайне редко. Но только не в последние несколько лет. Храм не видел такой активности со дня смерти короля Фонсы пятьдесят лет назад. Пока не могу вообразить, что за прореха в аду Бастарда выплёвывает в таких количествах в наш мир эти создания, но чувствую, что скоро смогу.

— День смерти Фонсы, — слова Иллвина стали звучать менее чётко. — Странно.

— Ваше время практически истекло, — сообщила Иста, мрачно наблюдая за тем, как утолщается белая нить. — Но я могу дать вам ещё пару минут.

— Тогда, как вы заметили раньше, Эрис начнёт гнить, — печально возразил Иллвин. — Разгар лета. Нехорошо выйдет… если от него начнут отваливаться куски и падать в суп… Мы можем?.. — Его голос затухал. Он приподнялся в порыве отчаяния. — Нет! Должен быть другой путь! Мы должны найти другой путь! Леди… приходите снова?..

— Да, — отозвалась она. Услышав это завере-

ние, он разжал пальцы, сжимавшие покрывало, и скользнул вниз. Его лицо снова сковал восковой покой.

* * *

Остаток дня Иста провела у себя в комнате, с нетерпением ожидая, когда же солнце наконец сядет, а потом снова взойдёт. Она писала очередные письма в Кардегосс, а потом, когда солнце наконец зашло, принялась ходить кругами по двору так, что даже Лисе через некоторое время сдалась, уселась на скамейку и стала наблюдать за госпожой оттуда. Следующее утро Иста посвятила составлению нового едкого письма провинкару Толноксо, несмотря на то что первое ещё вряд ли успело дойти до цели, а уж тем более спровоцировать какие-либо активные действия.

Снаружи на лестнице послышались быстрые шаги; Иста перестала снимать излишки чернил с кончика пера и увидела, как за решёткой окна мелькнула коса Лисе. Девушка добралась до комнаты Исты и просунула голову в дверь:

— Госпожа, — сказала она, едва дыша. — Что-то происходит. Лорд Эрис выехал с отрядом вооружённых людей. Я иду в северную башню, может быть, удастся что-нибудь рассмотреть.

Иста резко встала, едва не опрокинув стул:

— Я пойду с тобой.

Они поднялись по извилистым ступеням на смотровую площадку вслед за спешащим занять положенное место арбалетчиком в серо-золотом плаще Порифорса. Все трое подошли к северо-восточной оконечности башни и выглянули за зубцы.

С этой стороны замка — с другой скала обрывалась в реку — земля уходила вдаль более плавно, небольшими холмами. Дорога, бледная от сухой пыли, вилась на восток вдоль иссушенного, солнечного пейзажа.

— Это дорога из Оби, — пояснила Лисе.

По дороге неслись два всадника, остальные детали скрадывались расстоянием. Но даже отсюда Иста видела, что один из всадников был плотного телосложения, а второй — ещё более плотного. На том, что потолще, была какая-то коричневая накидка, наброшенная поверх периодически мелькавших белых одеяний. Тяжёлый шаг коня, старающегося скакать галопом под весом просвящённого ди Кэйбона, можно было различить даже издалека, по крайней мере намётанным глазом Исты.

Немного позади них галопом следовала дю-

жина других всадников. Эскорт?.. Нет. Зелёные плащи Джоконы прямо здесь, под хмурым взглядом самого Порифорса? Иста судорожно вздохнула. Солдаты-преследователи постепенно приближались к летящей впереди паре.

Стук каблучков и шорох шёлков — леди Каттилара появилась на вершине башни и побежала смотреть вниз. Она встала на цыпочки и наклонилась вперёд, её бледная грудь взволнованно колыхалась:

— Эрис… пятеро богов, ох, Отец Зима, защити его…

Иста проследила за её взглядом. Внизу, прямо под Порифорсом, Эрис верхом на своём сером в яблоках коне вёл конный отряд вниз по дороге. Кони похуже едва успевали за широкими скачками серого жеребца, и Лисе пробормотала что-то одобрительное по поводу его ходовых качеств.

От частого дыхания губы Каттилары приоткрылись; глаза расширились и наполнились тревогой. Она тихонько застонала.

— В чём дело? — прошептала ей Иста. — В любом случае, вам не следует беспокоиться, что его убьют.

Каттилара угрюмо взглянула на неё, дёрнула плечиком и вернулась к созерцанию дороги.

Перегруженный конь ди Кэйбона старался изо всех сил, но всё же стал заваливаться назад. Второй всадник — да, это точно Фойкс ди Гура — подстегнул своего скакуна и подтолкнул служителя вперёд. Жеребец Фойкса взвился на дыбы посреди дороги, дёргая поводья. Фойкс крепко ухватил повод левой рукой поближе к шее животного, правой взялся за рукоять меча и приподнялся в стременах, чтобы оглядеть преследователей.

Нет, Фойкс! — беспомощно подумала Иста. Фойкс прекрасно владеет мечом, но у него нет искусности, чудесной быстроты лорда Эриса; он сможет справиться с одним или с двумя врагами, может быть, с тремя, но потом остальные сразят его. Он ещё не видел всадников, спешащих на подмогу, потому что те как раз пересекали лощину. Он пожертвует собой, чтобы спасти служителя, пожертвует без надобности…

Рука молодого человека отпустила рукоять и взмыла вверх, пальцы сжимались и разжимались. Мышцы напряглись. Тоненький фиолетовый лучик вырвался из его ладони, леди Каттилара перестала дышать от изумления. Лисе никак не отреагировала; Иста решила, что девушка этот свет не воспринимает.

Первая лошадь преследователей споткнулась и, сбросив всадника, кувырнулась через голову. Ещё двое не успели придержать поводья и на всём скаку налетели на упавших. Ещё несколько коней встали, некоторые шарахнулись в сторону, другие бросились врассыпную. Фойкс развернул своего жеребца и понёсся вслед за ди Кэйбоном.

Вон оно что. Значит, Фойкс так и живёт с медвежонком. И, судя по всему, пытается научить питомца танцевать. Губы Исты беспокойно изогнулись, когда она подумала о последствиях.

Но сейчас важнее другие тревоги. После очередного подъёма и спуска ди Кэйбон встретился с Эрисом. Гнедой конь служителя споткнулся, остановился и замер, широко расставив ноги; серый в яблоках жеребец застыл рядом. Обмен жестами, указаниями. Эрис выбросил руку в воздух, и весь отряд собрался вокруг него. Ещё один взмах руки, слова приказов стёр ветер, и на той высоте, где находилась Иста, разобрать их не представлялось возможным. Сверкнули мечи, натянулись луки, поднялись копья, отряд растянулся и двинулся дальше по дороге.

Конь ди Кэйбона, то и дело спотыкаясь, шагом поковылял к Порифорсу, а тучный наездник повернулся в седле, чтобы через плечо наблю-

дать за тем, как Фойкс минует вершину холма. В зоне видимости вооружённого отряда Фойкс появился быстро, Эрис послал ему широкий жест рукой, а ди Кэйбон помахал в свою очередь, что окончательно убедило Фойкса в доброжелательности намерений незнакомцев. Молодой человек направил коня вперёд, коротко переговорил с Эрисом, развернулся и обнажил меч.

На какое-то время все перестали дышать. Иста слышала, как кровь стучит в ушах; в кустах принялась выводить ясную, тягучую, безразличную трель какая-то глупая птица, будто бы на дворе стояло мирное и беззаботное утро. Эрис поднял меч высоко над головой и резко опустил его, давая сигнал к бою. Отряд ринулся вперёд.

Воины Порифорса взмыли на холм и стремительно обрушились на джоконцев, так что первые ряды не успели снизить скорость и повернуть. Всадники обоих авангардов мгновенно перемешались. Джоконцы, оказавшиеся в тылу, дёргали коней за поводья и всячески старались улизнуть, но не в их силах было опередить арбалетные стрелы. Всадник в зелёном плаще завалился набок и выпал из седла. Расстояние до поля боя было слишком велико, и лучник, оказавшийся на башне вместе с Истой, крепко

выругался, проклиная свою беспомощность, потом взглянул на королеву и пробубнил слова извинения. Иста мановением руки позволила ему говорить всё, что вздумается, вцепилась в горячий, крошащийся камень и наклонилась вперёд, щурясь от яркого света.

Меч Эриса танцевал на солнце, посылая вокруг яркие вспышки. Серый в яблоках жеребец оказался в самом центре лягающихся и истошно ржущих лошадей. Джоконский солдат ухитрился отстегнуть копьё, поднял его над головой своего коня и неуклюже метнул. Копьё пролетело над крупом лошади того, кем как раз в этот момент занимался меч Эриса. Эрис качнулся назад. Каттилара вскрикнула, когда копьё, разбрызгивая кровь, вышло с другой стороны.

— Милорд убит! — воскликнул стрелок, перегнувшись через стену не менее напряжённо, чем женщины. — О… нет. Он поднимает руку с мечом! Благодарение пятерым богам…

Всадники рассыпались, джоконский воин завертелся в седле. Копьеносец увидел просвет и, пригнувшись к холке коня, ринулся туда, стараясь догнать убегающих товарищей. Арбалетная стрела просвистела над самой его шеей, чтобы придать смелости на сём славном пути.

Проклятие, наконечник копья всё-таки оставил след на плече у Эриса; Иста видела, как удар от столкновения тряхнул руку джоконца, чуть не выдрав древко из его пальцев. И всё же меч Эриса беспрепятственно продолжает разить врагов… Внезапно ей стало трудно дышать; Иста резко развернулась и бросилась к ступеням, ведущим вниз.

— Лисе, за мной!

— Но, госпожа, неужели вы не хотите увидеть, чем всё это закончится?

— За мной!

Не дожидаясь, что девушка последует за ней, Иста поддёрнула фиолетовые юбки и побежала вниз по тёмному витому коридору башенной лестницы. Второпях она чуть не упала, но ухватилась за стену и помчалась дальше, не сбавляя скорость.

За дверь, через ещё один двор, вниз под арку, в другой каменный двор. Вверх по ступеням. Её шаги эхом разнеслись по галерее. Она распахнула резную дверь в комнату Иллвина.

Горам скорчился справа от Иллвина, подвывая от страха. Льняная туника Иллвина была расстёгнута и приспущена. Услышав, как Иста вошла, грум оглянулся через плечо и крикнул:

— Леди, помогите!

Подбежав поближе, она увидела, что его руки, залитые кровью, сжимают плечо Иллвина. Рукав туники тоже был алый. Иста заметалась по комнате, пока не нашла тряпку, из которой можно было соорудить повязку, свернула её чистой стороной наружу и протянула груму; Горам отнял руки, только чтобы схватить эту тряпку и прижать её к рваной ране, зиявшей у Иллвина на плече.

— Это не я! Не я! — запричитал Горам, вращая выпученными глазами с белым ободком. — Это просто случилось!

— Да, Горам, я знаю. Всё в порядке, — успокоила его Иста. — Ты всё сделал правильно.

У неё было великое искушение снова разорвать нить белого пламени и вернуть уродливую отметину законному владельцу. Но сейчас не самый подходящий момент, чтобы Эрис без чувств выпал из седла. В конце концов, сомкнутые серые веки Иллвина не двигались, не дрожали, не сжимались от боли. Раз он в бессознательном состоянии, рану можно будет обработать как следует, промыть её солёной водой, сшить края. Интересно, — от мыслей у Исты кружилась голова, — если демон позволит ему проснуться

сегодня в полдень, останутся ли на плече следы от иглы, или они перекочуют к его брату?

Дверь распахнулась; наконец-то, Лисе.

— Лисе, беги скорей и найди какую-нибудь женщину, умеющую обращаться с ранами, — искусство Матери здесь должно быть в почёте, — скажи ей захватить мыло, мази и иглы. Да, пусть ещё слуга принесёт воды.

— Что? Зачем? — не скрывая любопытства, девушка подбежала поближе.

— Лорд Иллвин серьёзно ранен.

Отсюда Лисе уже разглядела кровь. Она отрывисто выдохнула:

— Да, госпожа. Но как?..

— Ты сама видела копьё.

— Ох! — Глаза Лисе стали просто огромными, она развернулась и убежала.

Горам быстро заглянул под повязку и сразу вернул её на место. Иста посмотрела ему через плечо. Рана оказалась не такой глубокой, как она боялась; тягучий поток крови уже пошёл на убыль.

— Хорошо, Горам, продолжай держать.

— Да, леди.

Иста ждала, переминаясь с ноги на ногу, пока наконец в галерее не послышались шаги. Лисе

открыла дверь, пропуская вперёд женщину в переднике, несущую в руках корзину; за ней следовал слуга.

— Лорд Иллвин… — начала Иста и взглянула на Горама, — упал с кровати и ударился плечом. — Как ещё объяснить? Выдумка Исте не нравилась. Она быстро продолжила: — Позаботьтесь о нём, перевяжите. Помогите Гораму убраться. И не вздумайте говорить об этом ни с кем, кроме меня, лорда Эриса и леди Каттилары.

Те солдаты из спасательного отряда Порифорса, кто не отправился преследовать джоконцев, как раз в этот момент, должно быть, сопровождают новых гостей к воротам, — сообразила Иста. Она направилась к двери:

— Лисе, пойдём.

Глава шестнадцатая

Иста миновала арку, отделявшую их от парадного двора, как раз в тот момент, когда раскрасневшийся и запыхавшийся ди Кэйбон вываливался из седла прямо на руки одному из людей Эриса. Солдат помог служителю сделать несколько шагов, чтобы добраться до узкой полоски тени между стеной и миндальным деревом и там рухнуть. Он обеспокоенно потрогал лицо ди Кэйбона, переговорил со слугой, и тот мгновенно умчался. Ди Кэйбон выпутался из своей маскировочной коричневой накидки и уронил её на устланные лепестками камни.

Фойкс, не менее взмокший и запыхавшийся, соскочил с коня, бросил поводья и подошёл к служителю.

— Проклятие, Фойкс, — прохрипел ди Кэйбон, подняв на него глаза. — Я же говорил тебе: прекрати играть с этой штукой.

— Ладно, — проворчал Фойкс в ответ. — Поезжай обратно и ложись на обочине, если тебе это не нравится и ты хочешь стать добычей джоконских псов. Им тебя на целый месяц пиршества

хватит.

Вернулся слуга и по знаку солдата медленно вылил ведро воды ди Кэйбону на голову, намочив его грязно-белые одежды. Ди Кэйбон не стал отодвигаться или протестовать, а косо сел, задрал подбородок и открыл рот.

Фойкс благодарно кивнул и взял оловянную кружку воды, которую зачерпнул другой слуга из второго ведра, осушил её до дна, налил ещё, потом ещё и так без конца. Потом, с сожалением на лице, набрал ещё одну кружку, присел на корточки рядом с ди Кэйбоном и поднёс питьё к губам служителя. Ди Кэйбон взял кружку трясущимися руками и принялся шумно пить.

Заметив приближение Исты, солдат уважительно отсалютовал ей и шепнул:

— Этот вот совсем недалёк от теплового удара. Когда такой большой мужчина перестаёт потеть — это плохой знак. Но не волнуйтесь, миледи, мы позаботимся о нём как следует.

Фойкс вскинул голову.

— О, королева! — воскликнул он. — Благодарение пятерым богам! Целую вам руки и ноги!

Он влил ещё кружку воды ди Кэйбону в рот и встал на одно колено перед её юбками, схватив её руки и запечатлев на каждой горячий поцелуй.

— Ох! — в качестве менее формального, но искреннего дополнения он прижал её кисть к своему влажному лбу. Он не стал вставать, а перенёс вес на другое бедро и сел, скрестив ноги; он старался отдышаться и, воспользовавшись моментом безопасности, позволил своим широким плечам опуститься.

Тут Фойкс заметил Лисе и заулыбался:

— Значит, ты тоже сюда добралась. Я должен был догадаться.

Она ухмыльнулась в ответ:

— Должен был.

— Мы неслись по вашему следу от самого Маради. Но всех самых быстрых лошадей кто-то уже забрал.

Её улыбка сделалась довольной. Он прищурился:

— Милое платьице. Какая перемена! — Лисе смущённо отступила на шаг:

— Я только взяла поносить.

Услышав цоканье копыт, Фойкс кое-как поднялся на ноги. Лорд Эрис в сопровождении ещё одного всадника въехал в ворота верхом на своём сером в яблоках жеребце, спешился и перебросил поводья груму.

— Что ж, госпожа, — губы Эриса тронула улыб-

ка. — Заблудшие овечки вернулись к вам.

Фойкс поклонился ему:

— Только благодаря вашей помощи, добрый сэр. Снаружи у меня не было времени представиться. Фойкс ди Гура к вашим услугам.

— Если бы даже я раньше не встречал вашего брата, ваш меч и враги были бы весьма надёжной рекомендацией. Эрис ди Лютез. Порифорс — мой замок. Позже я окажу вам достойный приём, а сейчас мне нужно выслушать разведчиков. На этой дороге не должно было быть джоконцев. Мы взяли двух пленников живьём, и я с нетерпением хочу выяснить, как им удалось подобраться так близко незамеченными. — Он печально взглянул на Исту. — Теперь мне ещё сильнее не хватает Иллвина. Он владеет рокнари лучше, чем кто бы то ни было.

Эрис махнул Пежару, который появился во дворе, на ходу застёгивая тунику и привязывая меч, подгоняемый желанием поприветствовать своего вернувшегося офицера. — Вот один из ваших людей. Он покажет вам что здесь и как. — Эрис подозвал слугу: — Проследи, чтобы у этих двоих было всё, что им потребуется, пока я не вернусь. Сделай всё, что попросит госпожа или Пежар.

Слуга понимающе ему поклонился. Эрис иско-

са, с осторожностью наблюдал за ди Кэйбоном, полулежащим на камнях двора.

Служитель сделал рукой усталый жест — усечённую форму благословения, словно откладывая более сложное приветствие на потом.

Эрис повернулся было к своему коню, но Иста успела схватить марча за рукав. Она потянулась и дотронулась до его туники, порванной и окровавленной на правом плече; она проникла пальцами в дыру и нащупала только прохладную, гладкую кожу. Она молча перевернула ладонь перед ним, демонстрируя тёмно-красное пятно.

— Когда у вас выдастся свободная минутка, марч, я советую вам прийти осмотреть рану вашего брата. *Новую рану* вашего брата.

Его губы в ужасе приоткрылись; он встретил её ровный взгляд и вздрогнул:

— Хорошо.

— Поэтому ведите себя осторожно. Надевайте кольчугу.

— Мы спешили… — он коснулся дыры на плече и нахмурился ещё сильнее. — Конечно.

Эрис мрачно кивнул ей и вскочил на нетерпеливо бьющего копытом коня. Сделав знак второму всаднику следовать за ним, марч поскакал прочь.

Фойкс повертел головой и с тревогой в глазах посмотрел на Пежара:

— Ферда здесь? С ним всё в порядке?

— Да, милорд, но он поехал искать вас, — ответил Пежар. — Сейчас он, наверное, как раз добрался до Маради. Думаю, он сделает круг и вернётся сюда через несколько дней, проклиная всё на свете за то, что впустую перевёл столько подков.

Фойкс поморщился:

— Надеюсь, он поедет не той же дорогой, что мы. Марч Оби описывал мне её совсем иначе.

Почему же ты сейчас не в храме Маради? — хотела спросить Иста, но решила подождать. Душа Фойкса была столь же сильной и сосредоточенной, как у Лисе, но внутреннему взору предстала тень медведя, клубком свернувшаяся у него в животе. Демон, видимо, почувствовал её интерес и сжался плотнее, словно впав в зимнюю спячку. Иста поманила слугу, стоящего неподалёку:

— Проследи, чтобы эти люди как можно быстрее пришли в себя, особое внимание удели служителю и позаботься, чтобы им предоставили комнаты рядом с моими покоями.

— Хорошо, госпожа.

Она обратилась к Фойксу:

— Нам нужно поговорить о… обо всём. И как можно скорее. Пежар проведёт вас ко мне в каменный дворик, когда вы отдохнёте и будете в состоянии что-либо воспринимать.

— Да, — поддержал её он, — мы должны услышать всё, что с вами приключилось. Вчера в Оби только и говорили о засаде лорда Эриса.

Иста вздохнула:

— Столько несчастий случилось с тех пор, что я уже почти забыла об этом.

Его брови взмыли вверх:

— О? Тогда мы поспешим.

Он поклонился и отправился помогать слуге убеждать ди Кэйбона снова занять вертикальное положение. Фойкс в последнее время поднаторел в этом деле, словно поднимать толстяка на ноги и заставлять сделать шаг стало его второй натурой. Недовольное ворчание ди Кэйбона тоже уже превратилось в формальность. И хотя со взмокшего служителя не лилась вода, а шёл пар, ему определённо стало лучше.

Со стороны галереи послышалась лёгкая поступь Каттилары. Мужчины повернули головы. Несмотря на перегрев и усталость, ди Кэйбон восхищённо улыбнулся. Фойкс моргнул, но остался спокойным.

— Где мой супруг? — с тревогой в голосе спросила Каттилара.

— Он выехал вместе с разведчиками, — ответила Иста. — Удар копья, вероятно, поразил другую цель.

Глаза Каттилары расширились, и она посмотрела в сторону каменного дворика.

— Да, — подтвердила Иста. — О нём уже позаботились.

— Ох. Хорошо.

На взгляд Исты, вздох облегчения Катти был преждевременным. Девушка ещё не до конца обдумала случившееся. Но наверняка обдумает позже.

— К полудню лорд Эрис, без сомнения, вернётся.

Бросив короткий взгляд на неё, Каттилара поджала губы. Иста продолжила:

— Леди Каттилара ди Лютез, марчесса Порифорса, позвольте представить вам моего духовного проводника просвящённого Шивара ди Кэйбона и Фойкса ди Гура, офицера Ордена Дочери. Вы уже встречались с его командиром и братом.

— О да, — Каттилара рассеяно сделала реверанс. — Добро пожаловать в Порифорс.

Она остановилась, неуверенно поглядев на

Фойкса. Секунду они, словно незнакомые коты, неподвижно смотрели друг на друга. Обе тени внутри них так плотно сжались в присутствии Исты, что трудно было понять реакцию демонов на эту встречу, однако о радостном приветствии не могло быть и речи. Лисе, заметив, что хорошенькая марчесса не производит на Фойкса того же впечатления, что на других мужчин, просияла.

Иста указала на замершего в ожидании слугу и сказала, специально выделяя слова:

— Лорд Эрис отдал этого человека в их распоряжение. Служитель опасно перегрелся на солнце, и ему требуется немедленный уход.

— Да-да, — с отсутствующим видом согласилась Каттилара. — Прошу вас, ступайте. Я устрою вам должный приём… позже.

Она сделала реверанс ещё раз. Фойкс поклонился, и марчесса упорхнула вверх по ступеням. Фойкс и ди Кэйбон последовали за слугой и Пежаром под арку, направляясь туда, где расположились гвардейцы Ордена Дочери.

Объятая беспокойством Иста смотрела Каттиларе вслед. Она вдруг вспомнила, что по свидетельству лорда ди Кэсерила, демоны знают и другие способы медленно убить своего хозяина.

Опухоль, например. Быть может, что-нибудь в этом роде уже начало развиваться? Она попыталась обследовать душу Каттилары, найти в ней нездоровое чёрное пятно гниения. Но чувства марчессы были так спутаны, что сказать определённо было невозможно. Иста могла представить себе последствия: пылкая Каттилара, безумная от надежды, утверждает, что недомогание — это симптомы долгожданной беременности, и ревностно оберегает быстро увеличивающийся живот, который несёт в себе не жизнь, а смерть… Иста поёжилась.

Иллвин прав. Нужно найти другой путь. И как можно скорее.

* * *

Прошло менее часа, когда двое заблудших пришли к Исте в каменный дворик. Оба выглядели свежее, видимо, наспех приняв ванну и залив водой всех окружающих. Влажные волосы были расчёсаны, и в сухой одежде, — может быть, не до конца чистой, но по крайней мере и не вызывающе грязной, — они пытались создать в её честь видимость этакого слегка ободранного аристократизма.

Иста указала служителю на каменную ска-

мейку в тени арки и села рядом. Фойкс и Лисе устроились у её ног. Лисе потратила некоторое время, красиво раскладывая складки непривычной юбки.

— Миледи, расскажите нам о сражении, — бодро начал Фойкс.

— Твой брат видел больше. Обратись к нему, когда он вернётся. А сначала я хотела бы выслушать ваш рассказ. Что случилось после того, как мы бросили вас на дороге?

— Ну, я бы не сказал, что бросили, — возразил ди Кэйбон. — Скорее, спасли. Укрытие оказалось удачным, или бог услышал мои молитвы, идущие от сердца. И от потрохов. Я даже не осмеливался шептать.

Фойкс хмыкнул, соглашаясь:

— Да уж. Мы проторчали битый час, скорчившись в холодной воде, — хотя теперь это кажется вполне приятным моментом, — и слушали цокот джоконских копыт у нас над головой. Наконец, мы выбрались из канавы и последовали за вами, стараясь держаться поближе к кустам и подальше от дороги. Как мы продирались! К тому времени как мы добрались до деревни на перекрёстке, уже успело стемнеть. Бедные жители как раз начали подбираться к домам. Ещё более обедневшие

после того, как в деревне побывала джоконская саранча. Но могло быть и хуже. Сначала они решили, что Лисе — сумасшедшая, но ко времени нашего появления, они уже почитали её святой, посланной самой Дочерью.

Лисе усмехнулась:

— Когда я, вопя во всё горло, въехала в деревню, меня немудрёно было счесть сумасшедшей. Однако спасибо канцлерскому плащу — я рада, что они послушались. У меня не было времени выяснять это.

— Теперь мы знаем точно. Служитель уже окончательно выдохся…

— А сам-то ты? — проворчал ди Кэйбон.

— …и поэтому мы воспользовались гостеприимством местных и переночевали в деревне. Меня никогда не перестанет удивлять, что люди, у которых осталось столь мало, готовы разделить последний кусок с незнакомцем. Да ниспошлют на них пятеро богов море благословений, ведь пережитых ими горестей хватит по крайней мере на год. Я уговорил их одолжить нашему доброму служителю мула, но они послали с нами мальчика, который должен был привести скотину обратно. Так, наутро, вслед за Лисе мы отправились в Маради. Я бы предпочёл последовать за

вами, госпожа, но у нас не было соответствующего снаряжения. Мне нужна была армия. Богиня, должно быть, услышала мои молитвы, потому что несколько часов спустя мы повстречались с одной. Провинкар Толноксо выделил нам коней, и я был рад присоединиться к его войску. Мы облегчили им задачу и провели к деревне на перекрёстке. Там мы снова оказались к вечеру и, пользуясь случаем, вернули мула, хозяин которого был просто счастлив. — Фойкс посмотрел на ди Кэйбона. — Может быть, лучше было отправить ди Кэйбона дальше, в храм Маради, там бы он встретился с Лисе, но он наотрез отказался оставлять меня одного.

Ди Кэйбон пробубнил, нехотя соглашаясь:

— Я два жалких дня проторчал в обозе у ди Толноксо. Те части меня, что касались седла, давно превратились в сплошные ссадины, но даже мне было ясно, что мы движемся очень медленно.

— Да, несмотря на всё моё нытьё, — поморщился Фойкс. — Люди Толноксо сдались у самой границы, заявив, что колонна джоконцев разобьётся на крохотные отряды и так сбежит и только у жителей Карибастоса, хорошо знающих местность, есть шанс отловить их. Я сказал, что нам нужно поймать вполне определённый от-

ряд. Ди Толноксо предложил мне забрать коня и попробовать сделать это самому, и я чуть было не согласился на это, только чтобы позлить его. А нужно было соглашаться; я бы как раз подоспел к радушному приёму лорда Эриса. Но у служителя была навязчивая идея всеми правдами и неправдами отвезти меня в Маради, да и я сам беспокоился за Лисе, так что позволил убедить себя.

— Вовсе не навязчивая идея, — возразил ди Кэйбон. — Я волновался. Поскольку видел тех мух.

Фойкс раздражённо запыхтел:

— Да оставь ты в покое этих треклятых мух! Это же не чьи-то домашние животные. В той навозной куче их ещё миллион. И в Толноксо поголовье мух не уменьшилось. Не нужно жалеть их!

— Не в этом дело, ты и сам знаешь.

— Мухи?.. — удивлённо переспросила Лисе.

Ди Кэйбон повернулся к ней и стал объяснять, в его голосе слышались яростные, гневные нотки:

— Это случилось после того, как мы оставили солдат Толноксо и наконец добрались до храма в Маради. На следующее утро я пришёл к Фойксу в комнату и застал его с мухами.

Лисе сморщила носик:

— Ой. Он их давил?

— Нет. Нет, они маршировали. Парадным строем, взад-вперёд по крышке стола, небольшими шеренгами.

— Боевые мухи, — пояснил неугомонный Фойкс.

— Он опробовал своего демона, вот как это называется, — кипел ди Кэйбон. — И это после того, как я ему строго-настрого запретил трогать это создание!

— Но это же были просто мухи, — Фойкс смущённо улыбнулся. — Хотя, должен признать, они справлялись получше тех, кого мне приходилось тренировать.

— Ты начал погрязать в колдовстве, — служитель нахмурился. — И на этом не остановился. Что ты сделал, чтобы конь джоконца споткнулся?

— Ничего противоестественного. Я хорошо усвоил твой урок. Ведь ты его бог знает сколько раз повторил! Ты не можешь отрицать, что сумятица и беспорядок проистекают из природы демона. А тут как раз такая заманчивая кочка! И ты не можешь не согласиться, что это оказалось удачной идеей! Если маги вашего ордена могут, то почему не могу я?

— Их специально для этого обучают! Они всегда находятся под присмотром!

— Пятеро богов, а меня учишь ты! И присматриваешь за мной тоже ты. Или, лучше сказать, изводишь меня и постоянно шпионишь. Деяния одного порядка, на мой взгляд. — Фойкс ссутулился. — В любом случае, — вернулся он к своему рассказу, — в Маради нам сказали, что Лисе отправилась в крепость Оби в Карибастосе, посчитав, что вероятнее всего она найдёт нашу госпожу там. А если не её, то кого-нибудь, кто сможет отправиться на её поиски. Поэтому мы последовали за Лисе с той скоростью, которой я мог добиться от ди Кэйбона. Мы прибыли туда два дня спустя после отъезда Лисе, но выяснили, что королева спасена и невредимой доставлена в Порифорс. Остаток дня мы дали отдых стёртым о седло различным частям ди Кэйбона…

— И твоим тоже, — пробубнил ди Кэйбон.

— И отбыли в Порифорс, — голос Фойкса стал выразительнее, — по дороге, которую марч Оби описал как совершенно безопасную и верную. Вторая часть его утверждений себя оправдала. Слёзы Дочери, я решил, что джоконцы вернулись за реваншем, и уже было подумал, что мы проиграем гонку прямо под стенами конечной цели.

Ди Кэйбон беспокойно потёр лоб усталой рукой. Думается, утренний опасный перегрев оставил

ему затяжную головную боль.

— Меня очень тревожит демон Фойкса, — сказала Иста.

— Меня тоже, — отозвался ди Кэйбон. — Я думал, в храме смогут помочь ему, но это оказалось не так. Орден Бастарда потерял святую из Раумы.

— Кого? — спросила Иста.

— Служительницу бога из Раумы — это город в Ибре, расположенный неподалёку от пограничных гор, — она была смертной посредницей бога, способной совершать чудо… Вы помните хорька, госпожа? И то, что я вам о нём рассказывал?

— Да.

— Если речь идёт о слабых элементалях, поселившихся внутри животного, то для того, чтобы вынудить демона переселиться в умирающего служителя, который вернёт его богу, достаточно убить животное в присутствии этого служителя.

— Таким и был конец того хорька, — кивнула Иста.

— Бедняжка, — вздохнула Лисе.

— Верно, — признал ди Кэйбон. — Убийство невинного животного, но что вы хотите? Обычно такое случается крайне редко. — Он набрал в грудь побольше воздуха. — Чтобы избавиться от магов, кватернианцы используют похожую

схему. Лечение, которое хуже, чем сама болезнь. Но иногда — такое случается один лишь раз за долгое время — появляется святой, которому бог даровал некоторое умение.

— Какое умение? — терпеливо задала вопрос Иста, хотя терпения у неё не было и в помине.

— Умение извлекать демона и возвращать его богу, причём бывший хозяин создания остаётся при этом живым. Если всё происходит так, как нужно, то душа и разум пациента остаются невредимыми или почти невредимыми.

— И… и в чём заключается это умение? — Он пожал плечами:

— Не знаю.

Голос Исты стал резким:

— Неужели в семинарии Касилшаса вы проспали все занятия, ди Кэйбон? Вы же, кажется, мой духовный проводник! Клянусь, вы не можете провести перо с одной страницы на другую!

— Это не умение, — поспешил поправиться он. — Это чудо. Невозможно выучиться чудесам по книге.

Иста сжала зубы, испытывая гнев и стыд одновременно.

— Да, — тихо произнесла она. — Знаю. — Она откинулась на спинку скамейки. — И… что слу-

чилось с той святой?

— Её убили. Те же джоконцы, что настигли нас на дороге в Толноксо.

— А! — выдохнула Иста. — Та служительница. Я слышала о ней. Внебрачная сводная сестра марча Раумы, так сказала мне одна из пленниц.

Несчастную изнасиловали, замучали и заживо сожгли вместе с Башней Бастарда. Так боги награждают своих слуг за верную службу.

— Она сестра марча? — заинтересовался ди Кэйбон. — Точнее… была ею.

Лисе возмутилась:

— Какое святотатство, убить святую! Лорд Эрис сказал, что из трёх сотен солдат, выехавших из Джоконы, только трое вернулись обратно. Теперь понятно, почему.

— Какая потеря, — вздохнул служитель. — Но ведь можно сказать, что за неё отомстили.

— Я бы больше восхищалась вашим богом, ди Кэйбон, — выдавила Иста сквозь зубы, — если бы он заранее обеспечил защиту одной жизни, а не стал мстить за неё после, отняв ещё триста жизней. — Она с трудом вдохнула. — Второе зрение вернулось ко мне.

Он резко повернулся к ней, его застывший взгляд впился ей в лицо:

— Как это случилось? Когда?

Иста усмехнулась:

— Вы при этом присутствовали, или почти присутствовали. Не думаю, что вы забыли тот сон.

Его розовое от жары лицо покраснело, потом побледнело. Он что-то хотел сказать, но никак не мог. Откашлявшись, он попробовал ещё раз:

— Так это действительно было?

Иста коснулась лба:

— Он поцеловал меня в бровь, как когда-то сделала и его Мать, взвалив таким образом на меня нежелательную ношу. Я сказала вам, что здесь произошли весьма печальные события. Так вот это — самое малое из них. Вы не слышали в Оби слухов о том, что здесь, в Порифорсе, два или три месяца назад от руки собственного ревнивого придворного погибла княжна Юмеру? Или о странной болезни сэра Иллвина ди Арбаноса?

— О да, — ответил Фойкс. — После вашего спасения это одна из самых главных сплетён. Лорд Оби выражает огромную скорбь по поводу лорда Иллвина и говорит, что лорду Эрису его, должно быть, очень не хватает. По его словам, он был знаком с братьями ещё задолго до того, как стал тестем лорда Эриса, и утверждает, что они уже двадцать лет правят этим уголком Карибастоса

вдвоём и для него они — правая и левая рука, сжимающая поводья.

— Так вот это не настоящая история преступления.

Фойкс выглядел заинтересованным, но, судя по всему, отнёсся к этому утверждению скептически; на лице ди Кэйбона читался интерес, смешанный с тревогой.

— Три дня я продиралась сквозь ложь и увёртки. Когда-то Юмеру, может, и была княжной, но когда она приехала сюда, она уже была колдуньей, одержимой демоном. Её послали — так сообщили мне, и этому я верю, — чтобы склонить Порифорс к измене и передать его в руки Джоконе. То, как это могло повлиять на грядущую кампанию в Виспинге, особенно если предательство осталось нераскрытым до самого последнего момента, я предоставляю твоему военному воображению, Фойкс.

Фойкс медленно кивнул. Очевидно, он без труда закончил её мысль. Что случилось бы…

— В тайной схватке были убиты Юмеру и лорд Эрис.

Ди Кэйбон моргнул:

— Госпожа, вы, наверное, хотели сказать «лорд Иллвин»? Лорда Эриса мы только что видели.

— Нет, всё верно. Демон переметнулся к жене Эриса, видимо ошибочно недооценив её, но марчесса сразу же покорила его и заставила вернуть уже отделившуюся душу Эриса обратно в тело, вытягивая жизнь из его младшего брата, Иллвина, чтобы заставить двигаться труп мужа. Это какой-то вид смертельной магии, так что прошу вас, просвящённый, при первом же удобном случае объяснить мне её теологическую подоплёку. Потом Каттилара заявила, что ранен лорд Иллвин, что княжну убил джоконский подданный, которого марчесса запугала и вынудила бежать.

— Так вот что я почувствовал при встрече с ней, — прошептал Фойкс с долей облегчения. — Другого демона.

— Я присутствовала при всех признаниях, — преданно подтвердила Лисе. — Это всё правда. Мы даже допрашивали демона, хотя из этого мало что получилось. И когда сегодня утром лорд Эрис был ранен джоконским копьём, то рана появилась на теле Иллвина. — Она задумчиво добавила: — Крови-то, крови! Как от заколотого поросёнка. Ну, наверное, так и должно было быть, ведь, мне кажется, они и свиней копьями закалывают.

Иста взглянула на солнце и заметила, что тени

в каменном дворике укоротились.

— Через некоторое время у вас будет возможность поговорить со свидетелем и потерпевшим в одном лице. Но ди Кэйбон, послушайте. Я не знаю, зачем ваш бог привёл меня в этот дом скорбей. Не знаю, что или кого можно спасти из этого жуткого узла событий. Я только знаю, что тем или иным способом нужно вытащить демона из леди Каттилары. Он жаждет сбежать, желательно вместе с её телом, но если ему представится шанс убежать вместе с другим, он убьёт её. Эрис начинает разлагаться и телом, и, боюсь, разумом. Хуже всего то, что у меня есть подозрение, что его душа уже отвержена. Лорд Иллвин медленно умирает, потому что заклинание вытягивает из него больше жизни, чем его тело способно восстановить. Когда он умрёт, настанет конец и его брата, а Каттилару поглотит её демон.

Она замолчала, перевела дыхание и оглядела полные ужаса лица, обращённые к ней. Никто из них, — у неё по спине побежали мурашки, — не смотрит на неё как на сумасшедшую. Они смотрят на неё так, будто бы она сейчас скажет, как быть дальше.

Из арки послышались шаги ног, одетых в сапоги. Иста подняла глаза и увидела лорда Эриса,

который вошёл, оглядел её маленький королевский совет и направился в их сторону. Он остановился, поклонился ей и несколько смутился под неуверенными, ищущими взглядами новых гостей.

— Лорд Эрис, — сказала Иста, ответив на его поклон кивком головы. — Я только что ввела своего капитана эскорта и духовного проводника в курс событий в Порифорсе. Им необходимо знать всё, дабы давать мне дельные советы и охранять меня должным образом.

— Понимаю, — Эрис превратил гримасу в натянутую улыбку. Он помолчал немного, обдумывая, что бы сказать — извиниться, может быть, за то, что мёртв? — а потом, вероятно сдавшись, перешёл к более важным делам: — Я разослал разведчиков, но они ещё не вернулись. Пленники не очень хотят сотрудничать, однако создаётся впечатление, что их отряд отвлекал внимание от некой более крупной силы, нацеленной на то, чтобы разорвать связь между Порифорсом и Оби. Нападение на ди Гура и служителя было несколько преждевременным, но ничего, кроме криков, нам выжать не удалось. Мы предпринимаем все предосторожности — наполняем баки водой, предупреждаем жителей города, отправляем

гонцов в близлежащие земли. От моих людей, охраняющих границу, я не слышал ничего о надвигающейся силе, но… В последние несколько дней меня часто отвлекали от выполнения обязанностей.

Иста разжала губы и взволнованно выдохнула:

— Нападение со стороны Джоконы? Почему сейчас?

Он пожал плечами:

— Запоздалое возмездие за смерть их княжны? Этого мы ожидали и раньше. Или… гораздо менее запоздалая попытка заполучить приз, столь недавно упущенный.

Его взгляд казался тяжёлым. Несмотря на жару, Исте стало холодно:

— Я не хочу навлекать такие беды на кого бы то ни было, тем более на вас. Быть может… мне лучше переправиться в Оби?

Сбежать? Весьма привлекательная трусость. Оставить этот замок, этот узел, оставить эти измученные, погрязшие во мраке души прогибаться под все увеличивающимся весом их ошибок, страданий и любви… она может сбежать. Может.

— Вполне возможно, — он нерешительно кивнул ей. — Но только если мы будем полностью уверены в безопасности дороги, в ином случае

мы таким образом просто передадим вас в руки джоконцев, словно подарок. Этим вечером мне нужно уехать. Мне нельзя останавливаться на полпути. Вы это понимаете. — Он прибавил с особой горячностью: — Вы не должны меня останавливать.

— Я не знаю как, — вздохнула она, — так что это вам не грозит. За остальное поручиться не могу.

— Скоро мне нужно будет немного отдохнуть…

— Иллвину необходимо иметь возможность поесть, особенно сейчас, — встревоженно возразила она.

— Иначе и быть не может. Только сначала я хотел бы осмотреть его новую рану.

— Ага! Мне кажется, это верный ход.

Осознав, что он хочет, чтобы его проводили, Иста поднялась и последовала за ним вверх по ступеням, её спутники, не скрывая любопытства, двинулись следом. Приход такого количества людей взволновал Горама, и Иста попыталась ласково успокоить его; рука Лисе, положенная груму на плечо, подействовала на него лучше. Следуя указаниям марча, Горам снял с Иллвина новую повязку. Эрис быстро осмотрел рану опытным взглядом и нахмурился. Фойкс и ди Кэйбон недоверчиво рассматривали окровавленную

дыру на тунике Эриса, пока он склонился над безмолвным братом. Когда марч отвернулся, они подошли к кровати и шёпотом потребовали у Лисе объяснений.

Рука Эриса сжималась и разжималась на рукояти меча. Он тихо обратился к Исте, стоявшей немного поодаль:

— Признаюсь, я не совсем сожалел о том, что этим утром на дороге появились джоконские солдаты. Думаю, какая-то часть меня всё же хотела надеяться на лучшую смерть. Менее… постыдную, чем первая, не позорящую честь моего отца. Но вижу, что мой план потерпел неудачу.

— Да, — отозвалась Иста.

— У меня такое ощущение, что я заблудился в каком-то тёмном, злом лабиринте и не могу найти выход.

— Да, — опять согласилась Иста. — Но, по крайней мере… вы в этом лабиринте не один.

На его губах вспыхнула улыбка; он сжал ей руку:

— Верно. Моя компания растёт не по дням, а по часам, с тех пор как боги привели вас сюда. Это лучшее утешение, чем я мог ожидать.

Принесли поднос с едой. Лорд Эрис откланялся; Иста знала, что он поспешил добраться до тихой

гавани своей кровати прежде, чем наступит полдень. Она выставила своих подданных наружу, чтобы дать Гораму время совершить всё необходимое, но приказала ди Кэйбону остаться помогать груму и наблюдать за происходящим.

Облокотившись на перила галереи, Иста смотрела, как Эрис уходит, увлекая за собой прозрачный дым своей исчезающей души. Она потёрла ладонь, которая ещё горела от его пожатия.

Я могу сбежать. Никто больше не может, а я могу.

Если захочу.

Глава семнадцатая

Фойкс, со смятением в глазах, пристроился у балюстрады рядом с Истой и тоже стал смотреть Эрису вслед:

— Удивительный человек, — заметил он. — Если джоконская колдунья преследовала цель стереть Порифорс со стратегической карты, лишить его мощи… то своим провалом она всё же добилась некоторого успеха, искалечив такого командующего. Даже хуже, чем искалечив, да простит меня Дочь.

Лисе опёрлась на перила с другой стороны от Исты, прислушиваясь к их разговору и беспокойно хмурясь.

— Что ты почувствовал в том демоне, когда увидел леди Каттилару в парадном дворе? — спросила Иста у Фойкса.

Он пожал плечами:

— Ничего определённого… раздражение, тревогу.

— Ты не видел, как он сидит в её душе, словно тень?

— Нет, госпожа моя. — Он помолчал. — А вы?

— Да.

Он откашлялся:

— А… вы видите моего? — он рассеянно потёр живот.

— Да. Он напоминает призрачного медведя, прячущегося в берлоге. Он с тобой разговаривает?

— Нет… не совсем. Ну, чуть-чуть. Не словами, но я чувствую его, если сесть и прислушаться. Он теперь доволен и ведёт себя спокойней, чем первое время. Словно ручной. — Он криво улыбнулся. — Когда служитель мне не докучает, я учу его делать некоторые штуки.

— Да, я видела одну такую там, на дороге. Вы оба молодцы, но это опасно. А ты не можешь разобрать, чем он был или где он был до того момента, как нашёл тебя?

— Медведем, блуждающим по лесу. До этого, скорее всего, птицей, потому что ни медведь, ни я не можем видеть горы сверху, а теперь у меня, по-моему, есть такое воспоминание. Странно, но мне не кажется, что мне это приснилось. Пожирание огромных насекомых, тьфу. Но тогда они не казались тьфу. Тьфу! А до этого… не знаю. Думаю, он и сам не помнит, как появился, ведь мы тоже не помним, как были вечно хнычущими младен-

цами. Он существовал, но разума у него не было.

Иста выпрямилась, растягивая ноющую спину:

— Когда мы вернёмся в комнату Иллвина, обрати внимание на его слугу Горама. Мне кажется, он однажды был так же одержим демоном, как и ты сейчас.

— Грум был магом? Ха. Но почему бы и нет? Если демон может вселиться в медведя, то что мешает ему оказаться в простолюдине?

— Не думаю, что он всегда был простолюдином. Подозреваю, что он был офицером кавалерии армии Орико, до того как его взяли в плен и обратили в рабство. Изучи Горама внимательно, Фойкс. Он может стать твоим зеркалом.

— Ох, — произнёс Фойкс и слегка ссутулился. Лисе нахмурилась ещё сильнее.

Наконец, резная дверь открылась и Горам жестом пригласил всех внутрь. Простыни сменили, окровавленную льняную рубашку убрали; Иллвин был одет в тунику и штаны, волосы стянуты на затылке. Иста была благодарна за то, что он предстал перед её друзьями в столь презентабельном виде. Горам принёс ей кресло и, беспрестанно кланяясь, усадил у кровати Иллвина.

Ди Кэйбон сообщил Исте благоговейным шёпотом:

— Я лично видел, как раны исчезли. Только что. Поразительно.

Лорд Иллвин осторожно потёр правое плечо и улыбнулся Исте:

— Кажется, я пропустил весёленькое утро, миледи, если не сказать, очень весёленькое. Просвящённый ди Кэйбон только что поведал мне о своих приключениях. Рад, что заблудшие товарищи вернулись к вам. Надеюсь, теперь у вас на сердце стало легче.

— Гораздо легче.

Ди Кэйбон занял стоявший в ногах кровати табурет — весьма ненадёжная подпорка для его живота. Иста представила Фойкса и вкратце описала его встречу с медведем, упомянув и о небольшом представлении, которое они с демоном устроили на дороге. Горам беспокойно топтался с другой стороны кровати, засовывая во время пауз Иллвину в рот куски пищи.

Иллвин, нахмурившись, оттолкнул кусок хлеба и сказал:

— Такой внушительный конный отряд так близко подобрался к Порифорсу… Либо джоконские головорезы совсем отбились от рук, либо за ними следует куда более грозная сила. А что говорят разведчики?

— Их разослали, но они ещё не вернулись, — ответила Иста. — Лорд Эрис сказал нам, что готовится к обороне и отправил гонцов в соседние земли.

— Хорошо. — Иллвин откинулся на подушки. — Пятеро богов, помогите мне, дни проносятся, словно часы. Так совсем скоро всё кончится!

Она прибавила:

— Я наказала вашему брату носить кольчугу.

— А, — произнёс он. — Да.

Он поджал губы и снова потянулся к неуловимой ране на плече. Потом он посмотрел на ноги, погрузившись в неясные думы. Исте хотелось знать, так же ли мечется его ум, как её.

Она сделала глубокий вдох:

— Горам. — Грум не донёс очередную ложку до цели:

— Леди?

— Ты когда-нибудь был в Рауме?

Он удивлённо моргнул:

— Я такого места не знаю.

— Это город в Ибре.

Он покачал головой:

— Мы воевали с Иброй раньше. Да? Я знаю, что был в Хамавике, — сообщил он в качестве компенсации. — Лорд Иллвин нашёл меня там.

— На твоей душе остались шрамы от присутствия демона. Ужасные шрамы. И всё же… если во время плена ты был магом, располагал возможностями демона, ты мог бы бежать или как-то улучшить своё положение.

Горам выглядел так, будто его отругали за какой-то промах. Иста раскрыла ладонь, чтобы успокоить его, и продолжила:

— Вокруг… слишком много демонов. Будто бы действительно случился какой-то огромный выброс, как говорил служитель. Это действительно так, просвящённый?

Ди Кэйбон в раздумье потёр подбородок:

— Уже начинает казаться, что так.

— В храме отмечают на карте те места, где их встречали? Демоны появляются из какого-то определённого места или из всех мест сразу?

На его круглом лице появилось задумчивое выражение:

— Не сказал бы, чтобы из одного места, но согласно тем докладам, что мне приходилось слышать, демоны чаще всего объявляются ближе к северу.

— Хм, — Иста расправила усталые плечи. — Лорд Иллвин, помимо всего прочего, ди Кэйбон поведал мне, что служительница Бастарда из

Раумы была святой, чьим даром было извлекать демонов из душ их носителей и возвращать их каким-то чудесным образом богу. Джоконские наездники убили её.

Иллвин выдохнул сквозь сжатые губы:

— Какая жестокая утрата, особенно сейчас.

— Да. Иначе он бы потащил Фойкса прямо к ней, а не приехал бы сюда. Но теперь я начинаю думать, что это было не просто несчастное совпадение. Когда я была пленницей джоконцев и находилась в обозе, мне случилось увидеть нечто странное. Офицер высокого ранга, может быть сам командующий, ехал среди нас; руки его были привязаны к седлу, как у пленника или раненого, неспособного держаться в седле. Лицо его выглядело измождённым… он не мог управлять своей речью и поэтому бормотал что-то неразборчивое, иногда вскрикивал, словно от страха, или плакал. Я подумала, что его разум повредило ранение в голову, но на нём не было ни повязок, ни пятен крови. И теперь мне интересно, если бы тогда у меня было второе зрение, что за следы могла бы обнаружить я в его душе?

Иллвин нахмурился, слушая это описание. Его ум сразу угадал тот вывод, который Иста не решилась высказать вслух:

— Вы хотите сказать, что это был ещё один маг на службе у Джоконы? И он командовал колонной?

— Почему бы и нет? Что, если святая из Раумы не сдалась без боя, не погибла напрасно? Что, если она вырвала с корнем его демонические силы, несмотря на то что подверглась всеобщему поруганию? В начале кампании мы всегда сжигаем поля врагов, закапываем их колодцы, лишаем всех ресурсов. Мне кажется, святая, способная по своей воле изгонять демонов, — это мощный ресурс против врага, располагающего магами. Может быть, их больше, чем двое. Почему Раума, спросили вы меня вчера. А что, если убийство святой, которое мы сочли случайным уроном от нападения, и было первоначальной целью?

— Но демоны неохотно работают вместе, — возразил ди Кэйбон. — Один маг, занимающий высокое положение при джоконском дворе, может натворить множество бед, если склонен ко злу. Или если склонен к верности, — уступил он. — Верности Джоконе. Но созвать и возглавить легион демонов — это под силу только самому Бастарду. Невообразимая гордыня для человека, а тем более для кватернианца. И помимо всего прочего, такое опасное средоточие демонов поро-

дит хаос вокруг.

— На этой границе начинается война, — заметила Иста. — Более мощное средоточие хаоса мне сложно представить. — Она потёрла лоб. — Лорд Иллвин, думаю, вы достаточно изучили придворную жизнь Джоконы, расскажите что-нибудь о ней. Что представляют из себя ближайшие советники Сордсо и его командиры?

Он обратил на неё пронизывающий взгляд:

— По большей части это старые пни, унаследованные им от отца. Первый канцлер приходился ему дядей по линии отца, но он недавно скончался. Нынешний генерал Джоконы на службе уже много лет. Личные друзья Сордсо и приятели гораздо моложе, но у него не было шанса позволить им занять какую-нибудь ключевую позицию. Ещё слишком рано говорить о том, кто из них займёт боевой, а кто государственный пост, но все они — сыновья богатых родителей, у которых нет возможности или желания изучить хоть что-нибудь. Мы с Эрисом уже прикидывали, кто из них выдвинется, когда старики начнут наконец умирать. Ах да, ещё его мать, княгиня Джоэн — вдовствующая княгиня Джоэн. Вместе с дядей и генералом она была регентшей Сордсо до тех пор, пока он не достиг совершеннолетия. Я как

раз хотел прощупать дорогу, когда она несколько лет назад взяла бразды правления в свои руки, но Эрис вдруг поддался приступу уважения к её полу и печальному вдовству. В любом случае, это происходило как раз в пору последней болезни короля Орико, которая закончилась его смертью, и мы опасались, что Кардегосс окажется не в состоянии уберечь нас от нами же совершённых ошибок. Даже более того, не сможет удержать победу.

— Расскажите мне о Джоэн, — медленно попросила Иста. — Вы когда-нибудь видели её? Ведь если бы Юмеру придерживалась первоначального плана, то Джоэн стала бы вашей тёщей.

— Обескураживающая мысль. Благодаря чарам Юмеру этот момент меня нисколько не тревожил. Я никогда не встречался с Джоэн лицом к лицу. Она лет на десять-пятнадцать старше меня и практически исчезла в женских покоях к тому времени, когда я повзрослел настолько, чтобы интересоваться политикой княжеского двора. Я даже скажу, что из всех княгинь недавней истории Джоконы она бывала беременна чаще всех — добросовестно выполняла свой долг перед мужем. Но, несмотря на все старания, с детьми ей не везло. Из дюжины, произведённой ею на свет,

только трое оказались сыновьями, причём двое из них умерли в младенчестве. Было несколько выкидышей, и некоторые дети родились мёртвыми. Семь девочек дожили до брачного возраста, и теперь у Сордсо налажены брачные союзы со всеми Пятью Княжествами. Да, она является прямой наследницей Золотого Генерала. Это восполняет неудачи её мужа и сына, а может быть, наоборот, порождает их, уж не знаю.

Золотой Генерал, Рокнарский Лев, задумалась Иста. В те времена, во времена правления Фонсы, этот блестящий лидер кватернианцев мечтал в первый раз за многие века объединить Пять Княжеств и волной пройтись по слабым квинтарианским королевствам. Но он умер раньше срока в возрасте тридцати лет в результате смертельной магии, осуществлённой стареющим королём Фонсой, который ночью заперся в башне и принёс себя в жертву. Ритуал умертвил обоих правителей и избавил Шалион от рокнарской угрозы, но навлёк на наследников Фонсы проклятие, которое продержалось вплоть до дней Исты и дольше. Золотой Генерал оставил после себя только войны за наследство и нескольких маленьких детей, самой младшей из которых была Джоэн.

Неудивительно, что она выросла, глядя на него как на героя. Но если Джоэн не могла пойти по стопам своего великого отца, поскольку пол не позволял ей заниматься военным делом и политикой, возможно, она жаждала воссоздать его в сыне? Все эти беременности… Иста сама пережила две и не строила иллюзий насчёт истощения женского организма и энергии.

Иста нахмурилась:

— Я думала о том, что сказал демон Катти. Она идёт, прокричал он, как будто бы это было какое-то ужасное событие. Сначала я подумала, что это относится ко мне, потому что моё несколько божественное состояние наводит на демонов ужас, но… я не шла, я была уже здесь. Поэтому в таком толковании смысла нет. И вообще не многое из того, что он сказал, имело смысл.

Иллвин задумчиво заметил:

— Если кто при дворе Джоконы действительно занялся колдовством, чтобы напасть на Шалион, должен сказать, у него это не особенно получается. Оба его агента-демона — Юмеру и командующий колонной — пали при первом же испытании их могущества, если, конечно, ваши догадки верны.

— Возможно, — признала Иста. — Но не без

продвижения к цели. Святая из Раумы убита, и Порифорс… занят другим.

На это он резко вскинул голову:

— Но Эрис же до сих пор возглавляет нас, верно?

— В данный момент — да. Но уже ясно, что его резервы на исходе.

Иллвин, вспомнив о долге, засунул в рот кусок хлеба и принялся старательно его жевать. Он поморщился от пришедшей в голову мысли, проглотил и сказал:

— Мне кажется, здесь есть кое-кто, кто посвящён в тайный план, если таковой существует, кто бы из придворных Сордсо за ним ни стоял. Сам демон. Нам нужно расспросить его ещё раз. Более настойчиво. — Ещё немного подумав, он добавил: — И может быть, будет лучше, если на этот раз Эрис при этом присутствовать не будет.

— Я, кажется… понимаю, о чём вы. Может быть, завтра, здесь?

— Можно устроить. Не уверен, что Катти согласится, если её не будет убеждать Эрис.

— Нужно будет её заставить, — сказала Иста.

— Эту часть я предоставляю вам.

Это было сказано с некоторой долей облегчения, — если Иста правильно его поняла. Вслух же

она произнесла:

— Но все ли это джоконские маги или двое из многих? Если все те элементали, которых за последнее время нашли в Шалионе, сбежали или появились из одного источника, то сколько их было отловлено, согласно первоначальному плану? И как? Вполне возможно, что этими двумя пожертвовали, как командир, располагающий большим количеством людей, пошлёт некоторых из них закрывать брешь, понимая, что понесёт потери, но осознавая, что победа стоит этого. Но только не в том случае, если у него мало солдат. Разве что в полном отчаянии… — Она принялась постукивать пальцами по ручке кресла. — Нет, это не может быть Джоэн. Она не станет вселять демона в собственную дочь. — Иста взглянула на Горама. — Разве что только если она не осведомлена о его природе и последствиях, но в этом случае мне трудно представить, как она может контролировать одного мага, не говоря уже о многих.

Иллвин странно посмотрел на неё:

— Я вижу, вы сильно любите свою дочь.

— А как её не любить? — улыбка Исты стала нежной. — Она — яркая звёздочка Шалиона. Она выше всех моих надежд, я едва ли её заслуживаю,

ведь в свои тёмные времена я так мало смогла для неё сделать.

— Хм. — Он понимающе улыбнулся. — А вы говорите, что никого не любили настолько, чтобы надеяться на встречу на небесах.

Она сделала извиняющийся жест:

— Думаю, боги дают нам детей, чтобы мы поняли, что такое настоящая любовь и в конце концов могли присоединиться к Ним на равных. Это урок для тех из нас, чьи сердца слишком тупы и бездеятельны, чтобы узнать любовь иным способом.

— Бездеятельны? Или просто…

Нить белого огня начала утолщаться; его руки бессильно упали на покрывало. Горам печально воззрился на гору еды, ещё оставшейся на подносе. Иста смотрела, как Иллвин оседает, как его глаза закрываются, и скрежетала зубами от бессилия. Ей нужен этот ум, чтобы распутать загадку, но тело Эриса столь же необходимо. Она жаждала, чтобы на дворе стояла зима и она могла украсть ещё часок для Иллвина. Но стояла дикая жара, и марчу нельзя было позволить начать гнить.

— Приходите снова, сияющая Иста, — выдохнул он напоследок. — Приведите Катти…

Ушёл. Всё равно, что каждый день смотреть,

как он умирает. Иста не хотела, чтобы это вошло в привычку.

* * *

Иста повернулась в сторону ступеней, ведущих в каменный дворик:

— Просвящённый, пойдёмте со мной. Нам нужно поговорить.

— А я, госпожа? — с надеждой спросила Лисе.

— Ты… будь готова в любой момент явиться на мой зов. — Поняв намёк, Лисе направилась к скамейке в дальнем конце двора. После недолгого колебания, Фойкс, ничуть не раздосадованный тем, что его не пригласили на разговор, последовал за ней. Через секунду они уже сидели, склонив головы друг к другу.

Иста провела ди Кэйбона к скамейке, стоящей в тени галереи, и жестом приказала ему сесть. С усталым вздохом он исполнил её желание. Дни, проведённые верхом в крайнем нервном напряжении, сказались на нём; вечно грязные белые одежды теперь свободно висели на нём, а ремень ему пришлось затянуть потуже. Иста, помня широту и изобилие бога в теле приснившегося ей ди Кэйбона, не могла счесть это исхудание благом.

Она села рядом с ним и начала:

— Вы сказали, что присутствовали при изгнании элементаля, когда наездника хорька разлучали с этим миром. Опишите точно, как это происходило. Что вы видели?

Он пожал толстыми плечами:

— Ну, своими жалкими глазами я мог мало что увидеть. Главный служитель Тариуна привёл меня к служителю, кто взялся исполнить это задачу. Это оказалась очень старая женщина, хрупкая, как бумага; она лежала в кровати храмовой больницы. Казалось, что она уже на три четверти покинула этот мир. В нашем вещественном мире так много чудесного, что уйти из него мне будет очень сложно, но она сказала, что пережила столько боли, что теперь с радостью перейдёт в другое, лучшее царствие. Она искренне желала единения со своим богом, подобно тому как измученный путешественник жаждет оказаться в постели.

Иста заметила:

— Человек, перед которым, я знаю, в самых необычайных обстоятельствах однажды предстало тайное видение, сказал мне, что созерцал воочую, как умершие души цветут в саду богини. Но он был посвящённым Госпожи Весны. Думаю, у каждого бога есть своя метафора: красивые

животные у Сына Осени, сильные мужчины и прекрасные женщины у Отца и Матери. А что же у Бастарда?

— Надеюсь, он принимает нас такими, какие мы есть.

— Хм.

— Но, нет, — продолжил ди Кэйбон, — для этого не требовались какие-то специальные действия или молитвы. Служительница сказала, что они ей не нужны. И поскольку она умирала, я не стал спорить и спросил: каково это, умирать? Она взглянула на меня уголком глаза и довольно резко ответила, что когда узнает, то обязательно сообщит мне об этом. Старший служитель приказал мне перерезать хорьку горло над тазиком, что я и сделал. Старая дама вздохнула, фыркнула, как будто услышала ещё одно глупое замечание, вроде моего, которое было скрыто от нас. А потом замерла. Для того чтобы перейти от жизни к смерти, ей понадобилась лишь одна секунда, но ошибиться было невозможно. Это не сон. Это опустошение. Так оно и было. Если не считать того, что тело потом пришлось убрать.

— Это… не сильно может нам помочь, — вздохнула Иста.

— Вот, что видел я. Думаю, она видела больше.

Но я едва ли могу себе представить, что конкретно.

— Во сне, — в том сне, в котором были вы, — бог поцеловал меня дважды. Первый раз в бровь, — она коснулась отметины, — как однажды уже делала Его Мать, и я поняла, что это дар второго зрения, дар видения мира духа, так же как его видят сами боги, потому что уже получала его когда-то. А потом Он поцеловал меня во второй раз, в… губы. Глубже, возбуждающе. Просвящённый, скажите мне, что значит этот второй поцелуй? Вы должны знать, ведь вы тоже были там.

Он сглотнул и покраснел:

— Госпожа, у меня нет никаких догадок. Рот — это личный теологический знак Бастарда, след его присутствия в нашем теле, так же как и большой палец. Может быть, Он дал вам ещё ключи, помимо меня?

Иста покачала головой:

— На следующий день Горам, посчитав, что королева, пусть даже вдовствующая, способна снять заклятие, наложенное княжной, предложил мне поцеловать своего хозяина. И в какой-то момент я решила, что смогла распутать узел, что это будет поцелуй, дарующий жизнь, как в детской сказке. Но ничего не получилось, и с лордом Эрисом то-

же, потому что позже я испытала этот способ и на нём. К счастью, я не стала продолжать пробовать дальше, а то моей хорошей репутации в замке пришёл бы конец. Этот поцелуй точно что-то означает, только не знаю, что это — ещё один дар или бремя. — Иста глубоко вздохнула. — На мой взгляд у нашего узла три конца. Два из них можно развязать только вместе; если я изыщу какое-нибудь средство изгнать демона Каттилары, то Иллвин будет освобождён, а марчесса спасена. Но на что можно надеяться Эрису? Я видела его душу, просвящённый. Он уже отверженный, или мои внутренние глаза слепы. Плохо, если мы окончательно умертвим его, оставив душу скитаться без бога. Хуже, если мы навлечём на него проклятие и отправим в небытие.

— Я… хм… мне известно, что некоторые души, перенеся особо ужасную смерть, задерживаются в этом мире на несколько дней и погребальная церемония и молитвы помогают им найти свой путь. Покинув двери смерти до того, как они окончательно захлопнутся.

— Значит, храмовые обряды помогут ему найти путь к богу? Довольно странная картина: Эрис самолично приходит на свои похороны и ложится на смертный одр.

Он поморщился:

— Три месяца всё-таки многовато. Выбор — испытание для тех, кто запутался во времени. И этот выбор — последний из тех, что предлагает нам время. Может ли определить ваше внутренне зрение, осталось ли у него ещё время на решение?

— Могу, — тихо сказала Иста. — Оно может. Но я хочу другого ответа. Этот мне не нравится. Я возлагала надежду на поцелуй, но эта версия не прошла.

Он задумчиво поскрёб нос:

— Вы утверждаете, бог говорил с вами. Что Он сказал?

— Что я была послана сюда в ответ на молитвы, скорее всего, Иллвина. Бастард увещевал меня не сворачивать с пути во имя смерти моего сына, которой боги пренебрегли. — Иста гневно нахмурилась при воспоминании об этом, и ди Кэйбон немного отстранился от неё. — Я спросила Его, что такое могут дать мне боги, забравшие Тейдеса, за что мне не захотелось бы плюнуть им в лицо. Он ответил: занятие. Все его льстивые речи были сдобрены такими раздражающе ласковыми словами, за которые любой смертный был бы мгновенно отправлен моими слугами в ближайшую грязную лужу. Его поцелуй жёг мне

бровь, словно клеймо. Его поцелуй в губы… — она замялась, но потом упрямо продолжила, — возбудил меня как любовницу, которой я ни в коем случае не была.

Ди Кэйбон отпрянул ещё дальше, встревоженно стараясь успокоить её улыбкой и помахивая ладонями из стороны в сторону, словно рыба плавниками:

— Конечно нет, госпожа! Никто про вас так не подумает.

Иста воззрилась на него и сказала:

— Потом Он исчез, оставив вас расхлёбывать кашу. И пытаться что-то объяснить. Если это пророчество, то оно не предвещает вам ничего хорошего, просвящённый.

Он осенил себя кинтарианским знамением:

— Верно, верно. Хм. Если первый поцелуй — духовный подарок, значит и второй тоже, да, видимо, так.

— Да. Но Бастард ничего не пояснил. Судя по всему, это лишь очередная его шуточка.

Ди Кэйбон посмотрел на неё, пытаясь определить, что это означает: молитву или ругательство. Видимо, догадался правильно, вздохнул и попробовал привести в порядок мысли:

— Хорошо. Но Он же всё-таки кое-что сказал

вам. Он сказал: занятие. Хотя это и напоминает шутку, он, наверное, был серьёзен. — И осторожно добавил: — Волей-неволей, но теперь вы снова святая.

— Скорее, неволей. — Иста нахмурилась. — Мы все ничто. Жалкие гибриды духа и материи. Посредники богов в мире материи, куда им нет входа. Двери. Он стучит в мою дверь и просит войти. Он прощупывает меня языком, словно любовник, выявляя те желания, что таятся внутри. Он не так прост, как любовник, он хочет, чтобы я раскрылась перед ним, чтобы я сдалась. Но позвольте заметить вам, я презираю его метафоры!

Ди Кэйбон снова протестующе замахал на неё руками. Исте захотелось разбить ему нос.

— Но вы же действительно не женщина, а крепость!

Она сдержала рычание, постыдившись того, что обрушила гнев, вызванный богом, на несчастную голову служителя:

— Если вы не знаете, как разгадать вторую часть загадки, почему тогда вы оказались там, во сне?

— Госпожа моя, я не знаю! — Ди Кэйбон помолчал. — Но, может быть, утро вечера мудренее? — Он съёжился под её пронзительным

взглядом. — Я постараюсь осмыслить это.

— Уж постарайтесь!

В другом конце двора Фойкс и Лисе сидели уже ближе друг к другу. Фойкс держал руку девушки в своей, а она её не отнимала. Она слушала его, по мнению Исты, слишком доверчиво. Иста резко поднялась и позвала её. Чтобы привлечь внимание Лисе, пришлось звать дважды. Девушка поспешно вскочила на ноги, но след её улыбки, словно аромат, остался витать в воздухе.

* * *

Леди Каттилара в отчаянной попытке до конца выдержать роль хозяйки замка перед новыми гостями устроила ужин в той же зале, где она и её дамы развлекали Исту во второй вечер. Эрис снова куда-то уехал; присутствовали несколько его офицеров — и то, чтобы быстро и сытно поесть, а не разыгрывать из себя придворных. Каттилара усадила Фойкса как можно дальше от себя, но всё-таки за главным столом, так как этого требовал его статус офицера охраны при Исте. Несмотря на расстояние, Исте показалось, что эти двое весь вечер на протяжении долгого ужина присматривались друг к другу. Но вовсе не как влюблённые.

Просвящённый ди Кэйбон, хоть и нервничал, однако всё же вознёс вечернюю молитву с достойным удивления красноречием, осторожно обходя стороной мольбы о божественном благословении. Беседы, которые начались как только подали еду, хромали на обе ноги; служитель нашёл спасение от них в старательном пережёвывании пищи. Но, как Иста заметила с одобрением, он тем не менее не переставал слушать.

По правую руку от Исты, отделяя её от Фойкса и Лисе, сидел один из старших офицеров Эриса. Он оказался достаточно вежлив, совсем не стеснялся её ранга, но выглядел очень взволнованным. После обмена мнениями по поводу еды и вина, он вдруг спросил её:

— Милорд сказал, что очень болен. Вы слышали об этом?

— Да. Я знаю. Мы обсуждали с ним это.

— И действительно, я заметил, что он был бледен, не ел и не спал, как следует, но такого я не ожидал… если это действительно так серьёзно, может быть, лучше заставить его отдохнуть? — он взглянул на Каттилару, словно желая найти союзника против своего могущественного командира, для его же блага.

— Отдых не излечит то, чем он страдает, — от-

ветила Иста.

— Боюсь, что езда верхом в такую погоду может только усугубить его болезнь.

— Не понимаю, как.

Каттилара, расположившаяся слева, посмотрела на неё сердито.

— Не знал, что вы целительница, госпожа, — заметил он.

— Я вовсе не целительница. Увы.

— Скорее, наоборот, — обиженно пробормотала Каттилара. Офицер неуверенно моргнул, но, в конце концов, сообразил и перевёл разговор в русло, менее неприятное для марчессы:

— Бандиты из княжеств обычно не осмеливаются подходить так близко к Порифорсу, уверяю вас, госпожа. Но в то утро мы основательно покусали их, и, думаю, они воздержатся от дальнейших попыток.

— Мне кажется, что на сей раз это больше, чем просто бандиты, — возразила Иста. — Скорее солдаты, о чём свидетельствуют их плащи, ведь обычные бандиты не станут таким образом выдавать себя. Возможно, князь Сордсо Пьяница наконец занялся чем-то более… военным, чем раньше, или кто-то ещё при его дворе испытывает ваши защитные силы?

— Я бы никогда не подумал, что это Сордсо, но после несчастной смерти своей сестры Юмеру, я слышал, с ним произошла огромная перемена. Если так и будет продолжаться, нам придётся придумывать ему новое прозвище.

— О?

Воодушевившись, он начал рассказывать более безопасную сплетню, чем та, с которой он начал:

— Говорят, что он как следует занялся своей армией, что раньше ему было совсем несвойственно. И бросил пить. Помимо этого он распрощался со всеми своими дружками и собутыльниками. И, совсем уж внезапно, женился на наследнице Бораснена. Ещё он взял себе двух официальных любовниц, которых рокнарцы считают жёнами, чтобы избавить их потомство от клейма бастардов. Об этом он тоже раньше особенно не беспокоился, хотя советники постоянно настаивали на его женитьбе. Похоже, он полностью переродился. Не говоря уже о том, что теперь он пышет энергией, хотя, вполне вероятно, этому способствуют три новые жены. Мы надеемся, что эта чудесная добродетель не задержится в нём надолго. Он был неплохим поэтом; и не хотелось бы терять такой талант, — он ухмыльнулся.

Иста подняла брови:

— Не похоже на того человека, которого описал мне лорд Иллвин, но, боюсь, у лорда Иллвина в последние несколько месяцев не было возможности пристально следить за событиями в Джоконе, да и вообще где бы то ни было.

Офицер вскинул голову:

— Иллвин описал? Он уже говорит? Он разговаривал с вами, госпожа? О, какие обнадёживающие новости!

Иста оглянулась на Каттилару — та прислушивалась со злой миной на лице, крепко сжав зубы.

— У него случаются краткие периоды, когда он приходит в сознание. С тех пор как я приехала сюда, я разговариваю с ним практически каждый день. Нет сомнений, что его разум невредим, но сам он очень слаб. Думаю, что сейчас его здоровье вне опасности, — теперь настала её очередь мрачно посмотреть на Каттилару.

— А мы… а мы боялись, что его разум покинул нас, когда Иллвин не проснулся. Его ум для Порифорса такая же потеря, какой… станет и меч Эриса…

Он почувствовал на себе хмурый взгляд Каттилары и скрыл смущение, впившись зубами в очередной кусок мяса.

К великому облегчению Исты, мучительный

ужин был прерван только формальной музыкальной интерлюдией. Ди Кэйбон отправился в комнату, чтобы наконец-то как следует отдохнуть, Фойкс в сопровождении офицера Эриса пошёл выяснять, какую помощь его маленький отряд может оказать Порифорсу в обмен на предоставленные еду и ночлег. А заодно, если Иста верно оценивала сообразительность Фойкса, вытянуть из офицера побольше подробностей об оборонительных сооружениях замка и его обитателях. Скорее всего, очередное письмо Фойкса в Кардегосс будет насыщено разнообразными сведениями. Иста не знала, рассказал ли он уже канцлеру ди Кэсерилу о своём новом питомце, или продолжает скрывать эту дыру под ворохом новостей.

Глава восемнадцатая

Лисе как раз причёсывала волосы Исты перед сном; этот процесс девушке, видимо, нравился, — Иста подозревала, что он вызывает у горничной счастливые воспоминания о конюшне, — когда вдруг кто-то робко постучал в дверь внешней спальни. Лисе отправилась открывать и через секунду вернулась:

— Это один из пажей лорда Эриса. Он говорит, что лорд ждёт внизу и умоляет об аудиенции.

Брови Исты взлетели вверх:

— В такое время? Хорошо. Скажи ему, что я сейчас же спущусь.

Лисе пошла передавать сказанное, а Иста сбросила халат и снова надела льняную рубашку цвета лаванды и чёрное шёлковое платье. Её рука ненадолго задержалась над траурной брошью, лежащей на столе, а потом взяла её и, как и раньше, сколола под грудью мягкую ткань. Неожиданно подходящее украшение для состояния Эриса, решила она. В сопровождении Лисе, несущей свечу в стеклянном подсвечнике, чтобы освещать дорогу, она вышла на галерею.

Лорд Эрис стоял у подножия лестницы, высоко подняв факел и настойчиво глядя вверх. Он был в сапогах, меч висел на поясе, словно хозяин замка только что вернулся с очередного объезда. Иста обрадовалась, заметив, что под серо-золотым плащом поблёскивала кольчуга. После дневной жары ночной воздух казался мягким и ласковым, пламя давало неверный свет, обрисовывая бледные черты Эриса.

— Госпожа, я должен поговорить с вами. Наедине.

Иста жестом указала на скамейку в дальнем конце двора, и он кивнул.

— Подожди здесь, — тихо сказала Иста Лисе, девушка приняла это к сведению и уселась на ступени. Иста спустилась и пересекла двор бок о бок с лордом Эрисом. Он передал факел пажу, но мальчику было не дотянуться до скобы на резной колонне, и Эрис, коротко улыбнувшись, забрал факел обратно и закрепил его. Он отправил пажа составить компанию Лисе. Иста и Эрис сели на разные края каменной плиты, ещё не растратившей накопленного днём тепла. Звёздная бездна неба, заключённая крышами в квадрат, казалось, поглощала золотистый свет свечи Лисе и факела, не давая ничего взамен. Лицо Эриса тенью

проступало на ещё более глубокой тени, но его глаза блестели.

— Напряжённый выдался день, вы вновь обрели спутников, а они привели нам отряд джоконцев, — начал он. — Два моих патруля, с южной и с западной стороны, вернулись ни с чем. А от двух других нет никаких вестей, и это меня беспокоит. — Он помолчал. — Каттилара не обрадовалась моему возвращению. Должно быть, она злится на меня.

— За то, что вы выполняли свой долг? За это она вас обязательно простит.

— Но она не простит мне то, что я умираю. В этом я становлюсь ей врагом и одновременно наградой.

— Да? Она продолжает думать, что вас можно вернуть. Или хотя бы не дать вам уйти. Мне кажется, она не замечает того, что с вами делает эта задержка, её ослепляют внешние проявления. Если она вообще видит исчезающих призраков, то не думаю, что она до конца понимает природу их проклятия.

— Проклятие, — выдохнул он. — Верно сказано. Это многое объясняет.

— С теологической точки зрения, я полагаю, именно об этом и идёт речь, хотя возможно про-

священный ди Кэйбон может уточнить термин. Я не знакома с языком схоластики, но вижу явление само по себе. Вы отрезаны от материального мира, но при этом у вас нет пути к вашему богу. Но это случилось не по вашей воле, как обычно происходит с настоящими, заслужившими такую судьбу духами. Это произошло из-за чужого вмешательства. И это… неправильно.

Он вытянул, а затем сжал пальцы в кулаки.

— Так не может продолжаться. Теперь я даже не притворяюсь, что ем. И пью только маленькими глотками. Руки, лицо и ноги цепенеют. Я стал замечать это в последние десять дней, сначала едва-едва, а теперь становится всё хуже и хуже.

— Звучит не очень обнадёживающе, — согласилась Иста. Она помолчала с минуту. — Вы молились?

Он коснулся левого рукава, и Иста вспомнила чёрно-серую ленту, скрывавшуюся под ним.

— В человеческой жизни необходимость бога то приходит, то уходит. Каттилара хотела ребёнка, я выполнял обязанности мужа… но если Отец Зима и услышал меня, то не подал мне никакого знака. Я не получал никаких предзнаменований, не обманывал себя. Ответом на мои молитвы была тишина. Но в последнее время эта тишина стала…

более пустой. Госпожа, — его взгляд, сияющий в темноте, будто пронзал ей душу, — сколько мне ещё осталось?

Она чуть не ответила «не знаю». Но уход от ответа отдаёт трусостью. Ни один целитель Матери не сможет сказать ему больше, чем она. Откуда я знаю? Она изучила его обычным и внутренним зрением:

— Я видела достаточно много призраков, но больше старых, чем недавно ушедших из жизни. Их становится всё больше, как видите. Через два месяца после смерти большинство из них сохраняют очертания тела, в котором они были при жизни, но становятся более тусклыми, теряют цвет. Они медленно тают. Спустя год второе зрение уже не способно различить человеческие черты, хотя они всё ещё напоминают по форме тело. Через несколько лет они становятся белой дымкой, потом и дымка бледнеет, пока окончательно не исчезает. Но, как мне кажется, время может быть разным в зависимости от силы характера человека, с которого всё началось. — И от потрясений во время призрачного состояния? Эрис — уникальный случай в её опыте. Требования к его призрачной душе сразили бы любого живого. Как его измученный, унылый дух выдер-

живает их?

— Великодушные, владея многим, много и отдают. Но даже они когда-то иссякнут без поддержки… — Её разум не посмел закончить мысль. Но она заставила себя. — …их божества.

— И как я выгляжу сейчас?

— Цвета практически нет. — И против воли добавила: — Вы начинаете расплываться по краям.

Он осторожно пощупал лицо и пробормотал:

— Вот как. Тогда многое проясняется.

Некоторое время он сидел молча, а потом хлопнул себя по колену:

— Однажды вы сказали мне, что обещали Иасу, что не расскажете о настоящей судьбе моего отца ни одной живой душе. Хм. Что ж. Вот я перед вами. Госпожа, я должен знать.

Иста удивлённо фыркнула:

— Для мертвеца, вы тот ещё правовед! Хороший был бы выпад, точный, острый, если бы я не лгала вам с самого начала. Иас никогда не просил меня о таком обещании. Тогда он вообще едва ли разговаривал со мной. Та история, которую я вам поведала, была лишь щитом, чтобы скрыть малодушие.

— Малодушной я бы вас не назвал, миледи.

— Человек учится большему, чем приписывать

свои решения страху. С возрастом, с каждой раной, с каждым шрамом учится.

— Тогда я прошу у вас правду в качестве погребального дара. Она нужна мне больше, чем цветы.

— А. — Она выдохнула. — Да. — Её пальцы пробежали по гладкому, прохладному аметисту и серебряной филиграни броши, приколотой к платью. Ди Лютез носил её на шляпе. В тот последний день она тоже была на нём, я это отчётливо помню. — Я рассказываю это только в третий раз.

— Говорят, третий раз стоит всех остальных.

— Что те, кто говорит, могут знать? — Она снова фыркнула, но на этот раз не так резко. — Думаю, что ничего. Всё же моими слушателями оказались лучшие люди, как раз сообразно моему рангу и преступлению. Святой, честный служитель, мёртвый сын мёртвого… что ж. — В уме она рассказывала это достаточное количество раз; репетировать не придётся. Она выпрямила спину и начала:

— Всем известно, что отец Иаса, король Фонса, отчаявшись от того, что потерял сыновей и власть под натиском альянса Золотого Генерала, убил своего врага ритуалом смертельной магии, отдав взамен свою жизнь.

— Да, так гласит история.

— Но не все знают, что от этого ритуала кое-что осталось — коварное проклятие, обрушившееся на головы наследников Фонсы и на всё то, что они предпринимали. Сначала на Иаса, потом на его сына Орико. На Тейдеса. На Изелль. На бесплодную жену Орико Сару. И на меня, — она вздохнула. — На меня.

— Правление Иаса не принесло процветания Шалиону, — признал он осторожно. — И правление Орико тоже.

— Иас Неудачник. Орико Немощный. Прозвища, данные народом, не отражают даже малой толики действительности. Иас знал о проклятии, знал о его происхождении и о том, как оно действует, но он не рассказывал об этом Орико до тех пор, пока не оказался на смертном одре. Но он поделился этим знанием с Арволом ди Лютезом, с товарищем по детским играм, маршалом, канцлером, со своей правой рукой. Возможно, как делал и Орико позже со своими фаворитами, Иас пытался использовать Арвола как клещи, с помощью которых можно управлять делами Шалиона, не касаясь власти проклятыми руками. Уловка не сработала. Но она нашла отклик в амбициях Арвола ди Лютеза и в его неуёмной

энергии. В его самонадеянности. Поверьте мне, ваш отец любил Иаса по-своему. Иас поклонялся ему, он полностью зависел от его суждений. И именно Арвол выбрал для него меня.

Эрис дёрнул себя за коротко подстриженную бороду.

— А тот слух, который распускали злые языки о том, что… э-э-э… их связывает нечто большее, чем приятельские отношения, нужно считать политической клеветой?

— Нет, — просто ответила она. — Они были любовниками уже многие годы, об этом знал весь Кардегосс, но не выпускал это знание за пределы толстых стен. Об этом мне сказала моя собственная мать прямо перед свадьбой, чтобы я вступила в брак уже осведомлённой. Тогда я сочла её бессердечной. Теперь я понимаю, что она поступила мудро. Она очень беспокоилась. Сейчас, оглядываясь назад, мне кажется, что это было предложение сойти со скользкого пути, но в тот момент я истолковала смысл сказанного иначе. И несмотря на все эти прозрачные предупреждения, которые, как я выяснила позже, она передавала мне по настоянию лорда ди Лютеза для того, полагаю, чтобы я не стала препятствием главным образом для него и в меньшей степени

для Иаса, я не осознавала, что это значит. Да и как я могла осознать — романтичная девушка, гордая тем, что казалось величайшей победой на любовном фронте: быть избранной невестой самого короля? Я кивала и соглашалась, желая казаться опытной и разумной.

— Ох, — произнёс он очень тихо.

— Так что, если вы когда-либо осуждали свою мать за то, что она не осталась верной своим обетам, за то, что она пустила отца Иллвина к себе в постель, будьте уверены, нарушив их, она не опередила ди Лютеза. Видимо, её мать была не так проницательна и честна, как моя, готовя дочь к этому высокому браку. Или она была менее осведомлённой.

Он задумчиво поднял брови:

— Это объясняет… многое из того, чего я не понимал, будучи мальчиком. Я думал, отец в гневе отрёкся от неё, не вынеся унижения, и поэтому больше не вернулся сюда. Никогда не думал, что это она отреклась от него.

— О, я уверена, что лорда ди Лютеза сильно задела её измена, — заметила Иста. — Насколько она была оправдана — не имеет значения. Гордость не позволяла ему вернуться, но чувство справедливости, нужно отдать ему должное,

удерживало его от преследования и мести. Или, быть может, это был стыд. Надеюсь. — Она сухо добавила: — В любом случае, у него было её приданое, которое можно было добавить к его и без того обширным владениям в качестве компенсации за душевные раны.

Он посмотрел на неё:

— Вы считали его жадным.

— Больше никому не удалось накопить столько богатств. И всё же я не стала бы называть это жадностью, ведь он едва ли знал всё то, что имел, а жадный считает каждую монетку.

— И как бы вы тогда это назвали?

Иста нахмурилась.

— Утешение, — решилась она, наконец. — Его владения были своего рода волшебным зеркалом, отражавшим его таким, каким он хотел быть.

— Это, — ответил он через некоторое время, — безжалостное суждение, миледи.

Она склонила голову, признавая его правоту:

— Он был очень сложным человеком. — Она набрала в лёгкие побольше воздуха и продолжила: — Арвол и Иас не предали меня, скрывая свою любовь. Они предали меня, умалчивая о проклятии. Я вышла замуж за Иаса, не подозревая об опасности, в которой оказалась, в которой

оказались мои ещё не рождённые дети. Видения начались тогда, когда я забеременела Изелль. Боги, пытавшиеся ворваться в меня. Я думала, что схожу с ума. А Иас и Арвол позволили мне так думать. Целых два года.

Он отпрянул, различив яростные нотки в её голосе:

— Это… просто верх жестокости.

— Это трусость. И презрение к моему разуму и воле. Они наблюдали за мной, видели последствия своей скрытности, но не решались поведать мне причину бедствий. Я была всего лишь девочкой, неспособной вынести это тяжёлое бремя. Но способной принести в эту тьму детей Иаса. И лишь боги не считали, что я ни на что не годна. Ведь Они пришли именно ко мне. Не к Иасу. Не к ди Лютезу. А ко мне.

Её губы изогнулись в горькой улыбке:

— Теперь, думая о прошлом, я не понимаю, что произошло с Арволом. Он был бы единственным блестящим героем, который спас Иаса, если бы смог. Столь привычная для него роль. И действительно, некоторое время казалось, что боги предначертали ему такую судьбу. Наконец — неужели даже боги устали от нашей тупости? — сама Мать Лето явилась ко мне, даже не во

сне, а в бодрствовании. Я молилась — тогда я ещё не научилась относиться к богам с подозрением. Она рассказала мне о проклятии, которое может разрушить и унести из этого мира человек, который трижды отдаст жизнь за угасающий Дом Шалиона. Я была молода, я сходила с ума от беспокойства за своих малышей, и я восприняла Её слова слишком буквально, заключив, что Она хочет, чтобы я придумала опасный ритуал, чтобы обеспечить этот парадокс.

— Действительно, опасный. И, хм… — он поморщился, — парадоксальный.

— Я рассказала всё Иасу и Арволу, мы принимали решение вместе. Арвол, уступив нашим слезам, согласился попробовать себя в роли героя. В качестве способа мы выбрали утопление, потому что слышали, что некоторые утопленники возвращаются иногда к жизни. И мы не просчитались. Арвол изучил этот вопрос, собрал об этом множество свидетельств, осмотрел выживших и умерших жертв. И вот мы принесли в подземелья Зангры бочку, верёвку и лебёдку. Установили алтари всех богов. Арвол позволил себя раздеть, связать и, подвесив за ноги, опустить в воду, до тех пор пока не прекратились судороги, пока свет его души не возник у меня перед внутренним

зрением.

Он хотел что-то сказать, но она рукой сделала ему знак, чтобы предупредить неправильное истолкование:

— Нет. Ещё нет. Мы вытащили его, выкачали воду у него из горла, восстановили биение сердца и молились до тех пор, пока он не закашлялся и снова не начал дышать. И я видела, что проклятие дало трещину.

Мы запланировали исполнение ритуала на три следующие друг за другом ночи. На вторую ночь всё шло так же, но как только его волосы коснулись поверхности воды, он сдавленно потребовал остановиться и сказал, что не вынесет этого ещё раз. Он закричал, что я пытаюсь убить его из ревности. Иас засомневался. Я была потрясена, меня тошнило, но я заставила разум взять верх. Способ Арвол выбрал сам, и однажды это уже сработало… Я рыдала от страха за своих детей, от тщетности того, что мы подошли так близко, буквально на ширину ладони, к их спасению. От злости на его клевету. От того, что из-за его гордыни мои надежды воспарили так высоко, а потом рухнули так низко из-за его слабости. — Она просто добавила: — Я верила в его оценку самого себя, как видите.

В ночи в лощине за стенами замка тонко и громко жужжали какие-то насекомые — единственный отчётливый звук. Эрис перестал дышать. Забыл об этом. Его тело, наверное, стало отвыкать от естественных человеческих проявлений? Интересно, через какое время он это заметит?

— Когда мы вытащили его во второй раз, он уже умер, и ни наши слёзы и молитвы, ни сожаления и взаимные обвинения, а их и потом было немало, не вернули его к жизни. Иас почти что решил, что обвинение в ревности, озвученное Арволом, было правдой; и даже я иногда соглашалась с этим. Вина лежала… на Иасе — за слабость и на мне — за недостаток терпения и отсутствие мудрости. Ведь если бы Иас встал против меня, я бы сдалась, и если бы я прислушалась к своему сердцу, а не к разуму, и дала бы Арволу больше времени, кто знает, может быть, через неделю к нему вернулась бы решимость? Теперь я этого никогда не узнаю. Боги покинули меня. Проклятие осталось неразрушенным, и его последствия оказались страшнее, чем когда бы то ни было. Так было до тех пор, пока новое поколение не произвело на свет другого человека, гораздо более подходящего для того, чтобы освободить мир

от этого проклятия. — Она вздохнула. — Вот как получилось, что я убила вашего отца. Если вы действительно хотели это узнать.

Он долгое время молчал, забыв о дыхании, но, наконец, сказал:

— Леди, это не похоже на признание. Это обвинение.

Иста откинулась назад:

— Обвинение Арвола? Да, — медленно произнесла она, — и это тоже. Если бы он не вызвался, я бы не стала его упрекать. Если бы он умер при первой попытке, я бы решила, что это не по силам ни одному человеку или мой план просто провалился. Но то, что он показал, что такое возможно, а потом сдался… этого не выдержало моё сердце. Позже я узнала, что не такой смерти требовали боги. Никто не может заставить чью-то душу стать настолько широкой, чтобы впустить бога в мир, однако именно эта широта, а не просто смерть, и была нужна. Арвол ди Лютез был, вне всякого сомнения, великим человеком. Но… недостаточно великим.

Он смотрел в темноту. Факел почти догорел, но наверху лестницы всё ещё мерцала свечка Лисе. Девушка сидела положив подбородок на руки, веки её слипались; паж давно заснул, свернувшись

калачиком на её юбках.

— Если бы мой отец был жив, — сказал он, наконец, — как вы думаете, он призвал бы меня к себе?

— Если бы он заставил свою душу быть настолько широкой, чтобы наш замысел удался, то, думаю, позже, в ней нашлось бы достаточно места и для вас. Те души, что однажды вместили бога, никогда не схлопываются до прежних размеров, насколько я знаю. Если бы он даже не попытался… что ж, в то же время он никогда не был настолько малодушен, чтобы не рисковать. Поэтому не знаю.

— Мм-м, — даже этот короткий звук тем не менее таил в себе боль. Эрис взглянул на небо, определяя по звёздам время.

— Госпожа, я не даю вам отправиться в постель.

Не наоборот ли? О чём он думает этими долгими, одинокими бессонными ночами? Тем не менее она поняла намёк и поднялась. Эрис тоже встал, его боевое одеяние заскрипело.

Он взял её за руку и отвесил полупоклон, коснувшись прохладным лбом внешней стороны её ладони.

— Госпожа, благодарю вас за этот похоронный

венок из правды. Знаю, он стоил вам очень дорого.

— Он сплетён из засохшего и горького терновника. Хотела бы я вам преподнести последний дар получше.

Я жажду этого всем своим раскалывающимся сердцем.

— Мне не нужны живые цветы.

Лисе, увидев, что они пересекают двор, растолкала пажа и встала на вершине лестницы, чтобы принять Исту из рук Эриса.

Эрис торжественно попрощался с ними и зашагал прочь, засыпающий паж потащился за ним. Эхо отдаляющихся шагов, доносившееся из арки, отдавалось в ушах Исты, словно приглушённый барабанный бой.

* * *

Иста долго не могла заснуть. Когда серый предрассветный свет стал проникать в комнату, она услышала на некотором отдалении стук и голоса, но усталость приковала её к подушке. Она погрузилась в мрачный сон, где она сидела за столом рядом с леди Каттиларой. Марчесса, сиявшая фиолетовым светом, потчевала гостью до тех пор, пока Иста не почувствовала, что её живот вот-вот

лопнет, а потом стала топить её разум в вине, так что вскоре Иста не могла подняться со стула, потому что конечности оказались парализованы.

И только гораздо более громкий стук в дверь спальни вывел её из странного сонного заточения. Она с облегчением вздохнула, обнаружив, что находится в собственной кровати, а телу вернулись прежние пропорции и подвижность, если не считать того, что оно чувствует себя как угодно, но только не отдохнувшим. Судя по ярким полосам, просачивающимся сквозь ставни, на дворе уже день. Послышались шаги Лисе, а потом голоса: один глубокий и встревоженный, принадлежащий Фойксу, и другой — резкий, срывающийся от волнения, свойственного ди Кэйбону. Иста уже почти слезла с кровати и накинула чёрный халат, когда дверь, разделяющая спальни, открылась и Лисе просунула голову внутрь.

— Госпожа, произошло нечто очень странное…

Иста проскользнула мимо неё. Фойкс уже был одет в голубую тунику, штаны и сапоги, меч тоже оказался при нём, лицо раскраснелось от напряжения; белая нижняя рубашка сидела на ди Кэйбоне косо, пуговицы не соответствовали петлям, на ногах вообще ничего не было.

— Миледи. — Фойкс склонил голову. — Вы видели что-нибудь или слышали какие-нибудь звуки со стороны покоев лорда Иллвина или на галерее сегодня на рассвете? Ваша спальня расположена ближе, чем наши.

— Нет… Может быть. Но я заснула. — Она поморщилась, вспомнив неприятный сон. — Я очень устала. А там что-то происходило?

— Леди Каттилара пришла туда на рассвете в сопровождении нескольких слуг, которые вынесли лорда Иллвина на носилках. Чтобы доставить его вниз в храм для молитв и консультации с храмовыми целителями, как сказала она.

— Храмовым целителям следовало бы прийти к нему прямо в Порифорс, мне кажется, — забеспокоившись, заметила Иста. — Лорд Эрис отправился с ними?

— Марча сегодня нигде нет. Я узнал обо всём этом, когда один из его офицеров спросил меня, не видел ли я его.

— В последний раз я видела Эриса ночью. Около полуночи он пришёл во двор поговорить со мной. Лисе была с нами.

Девушка кивнула. Судя по всему, она проснулась раньше Исты — Лисе была одета и на столе стоял поднос с утренним чаем и свежим

хлебом, — но не намного раньше, потому что происходящее оказалось новостью и для неё.

— Что ж, — продолжил Фойкс. — Мне было как-то не по себе; возможно, это последствия кошмаров, которые мучили меня сегодня ночью и которые заставили меня усомниться в качестве местной пищи, но в любом случае, я придумал причину и отправился вниз к храму, посмотреть, что происходит. Леди Каттилара там не появлялась. Я порасспрашивал местных. И выяснилось, что она вызвала из гарнизона обозную повозку и упряжку лошадей. Никто не знает, что она туда погрузила, но повозку, которой правил Горам и один из слуг, час назад видели выезжающей из городских ворот в сторону южной дороги.

Иста задержала дыхание:

— И с тех пор ни её, ни Эриса не видели?

— Нет, миледи.

— Значит она их украла! Забрала Эриса и похитила Иллвина, чтобы поддерживать в нём жизнь.

Фойкс пристально посмотрел на неё:

— Значит, это дело рук марчессы, так? А не лорда Эриса?

— Лорд Эрис никогда не оставил бы Порифорс и свой пост. Даже ради слёз жены, — уверенно

сказала Иста. Он решительнее Иаса. Такой, каким всегда был ди Лютез.

— Но вы говорили, что её демон хотел сбежать, — напомнил ди Кэйбон. — Возможно, он взял над ней верх?

— Зачем тогда брать с собой такой груз? — резонно возразила Лисе. — Тела леди Каттилары, шкатулки с драгоценностями и одной быстрой лошади для этого достаточно.

Фойкс взглянул на неё с уважением.

— Не то чтобы взял верх, мне кажется, — медленно проговорила Иста. — Но, может быть, демон убедил её, что для целей их обоих необходим побег? В таком случае он согласился бы ей помогать во всём.

— Она жаждет, чтобы к её мужу вернулась жизнь или чтобы эта странная полусмерть длилась бы бесконечно, — сказал Фойкс. — Но как на это может повлиять увоз его и несчастного лорда Иллвина?

— Эмм-м, — протянул ди Кэйбон. Все лица обратились к нему.

— В чём дело? — резко спросила Иста.

— Ах… мм-м… Должно быть, я что-то такое сказал… леди Каттилара подошла ко мне вчера после ужина. Чтобы получить духовное наставление,

как решил я. Мы говорили обо всех этих ужасных событиях. Бедненькая девочка, слёзы, словно маленькие драгоценности, сверкали на её щёчках.

Иста закатила глаза:

— Не сомневаюсь. И что дальше?

— Я пытался дать ей совет и одновременно утешить, внушить ей понятие о той опасности, которой она подвергает мужа. Я рассказал о физической опасности, которая грозит его брату, а также о пагубном влиянии демона на её собственную душу. Я сказал, что большую часть демонской магии излечить невозможно. Только чудо может изменить неизбежный ход событий. Она спросила меня, где можно отыскать это чудо, как будто бы оно где-то лежит, как тележное колесо в амбаре. Я сказал, что только святые могут передавать его нам от своего бога. Она поинтересовалась, где можно найти святого. Я ответил, что в самых странных и неожиданных местах; святые могут быть как высокого, так и низкого происхождения. Я заметил, что считаю, что вы, госпожа, именно тот святой, которому вверено распутать этот клубок ужасов. Она сказала, хм, в общем, некоторые странные и необоснованные слова; она как будто считает, что вы её враг. Я заверил её, что это не так. Она возразила, что для

этого лучше подойдёт любой другой святой, и попросила меня послать за одним из них, будто бы святые, как целители, приходят из Храма по вызову. Ну, некоторые святые действительно являются целителями, но не… Я предположил, что она вряд ли получит от богов ещё какой-нибудь ответ; большинство людей вообще ничего не получают. Но, боюсь, она не очень интересуется тонкостями теологии.

— Она хочет совершить определённый обряд, — сказала Иста. Как однажды хотела и я. — Торговую сделку. Заплатить монету, получить товар. Только торговца она пока не нашла.

Он пожал плечам:

— Боюсь, что так.

— И теперь она забрала и живого, и мёртвого и отправилась в паломничество. Чтобы искать чудо. Чтобы заказать его.

— Дороги здесь совсем небезопасны, как мы вчера выяснили, — заметил Фойкс, в его голосе чувствовалось беспокойство. — Лорд Эрис не позволит своей жене разгуливать по ним, не важно во имя какой цели.

— А ты думаешь, у него был выбор? В повозке одни носилки или двое? Что, если оба брата лежат там бок о бок, словно вязанки дров? Демон

мог помочь ей это устроить, бездействие обоих для него облегчение.

Ди Кэйбон почесал голову:

— Она скорее будет искать способ вылечить лорда Эриса, чем кого-либо другого. Он же её муж.

— А Иллвин — нет, — коротко ответила Иста. — И Эрису нужно вовсе не лечение. Их необходимо вернуть. Фойкс, собирай своих людей и готовьте коней. Лисе, забинтуй мне ноги, чтобы я могла ехать верхом, не хочу раздирать ссадины.

Ди Кэйбон возмутился:

— Госпожа, вам тоже не следует разъезжать по местным дорогам!

— Согласна, но у Фойкса нет достаточной власти, чтобы заставить слуг Каттилары действовать вопреки её приказаниям. И кому-то же нужно совладать с её демоном.

— Думаю, это могу сделать я, госпожа, — откликнулся Фойкс. Он осторожно взглянул на ди Кэйбона.

— А ты одновременно сможешь выдержать крики, слёзы и отчаяние женщины?

— А, — произнёс он, представляя себе это малоприятное зрелище. — А вы сможете?

— Думаю, да.

На самом деле я этого жду не дождусь.

— Я, хм, буду признателен вам за это, госпожа.

— Отлично. Предупредите офицеров Эриса… — Глаза её сузились. — Подозреваю, что Эрис не хотел бы, чтобы эта история выплыла на поверхность. Ди Кэйбон. Если мы не вернёмся… через сколько, Фойкс? Через два часа?

— У них быстрые лошади и час форы — через два или три часа.

— Если мы не вернёмся через три часа, скажи старшему офицеру Эриса, куда мы отправились, и пусть он пошлёт за нами людей. — Иста повернулась к Фойксу: — Поторопись. Встретимся в парадном дворе, как только будут готовы лошади.

Он отсалютовал ей и ушёл. Лисе уже скидывала своё тонкое платье и туфли. Иста выставила протестующего ди Кэйбона за дверь на галерею.

— Но я поеду с вами, миледи! — кричал служитель. — Фойкса нельзя оставлять без присмотра!

— Нет. Ты нужен здесь. А если пляшущему мишке Фойкса понадобится ошейник, я лучше справлюсь с этим.

— И ты слишком толстый, и едешь медленно, — донёсся из окна голос Лисе, в котором не было и тени сочувствия, за ним последовал грохот

надеваемых сапог.

Ди Кэйбон покраснел.

Иста положила руку ему на плечо.

— Местность тут сухая, канава вряд ли найдётся. Моему сердцу будет спокойнее, если я буду знать, что вы здесь, в безопасности.

Он покраснел ещё гуще, но тем не менее печально кивнул и подчинился. Иста захлопнула дверь и поспешила переодеваться для верховой езды.

Глава девятнадцатая

Оказавшись перед выездом в парадном дворе, Иста с изумлением рассматривала коня, которого Лисе привела для неё. Высокий, белой — прямо-так сверкающей — масти, мягкий серый нос, грива и хвост, словно шёлковые знамёна, — Ферда просто изошёл бы на поэзию. Все пятна, которые обычно остаются после стойла, аккуратно смыты, и только едва заметные жёлтые разводы напомнили Исте пятна на белых одеяниях ди Кэйбона. Конь фыркнул и ткнулся в неё носом, большие влажные тёмные глаза глядели дружелюбно.

— Что это? — спросил Иста, пока Лисе вела коня к скамеечке, чтобы госпоже было легче оседлать его.

— Мне сказали, что его зовут Пух. Это сокращение от Лопух. В конюшне я попросила привести для вас самую вышколенную лошадь, они просто умоляли взять его, потому что с тех пор, как лорд Иллвин заболел, этот жеребец только и делает, что ленится, ест и толстеет.

— То есть это личный конь лорда Иллвина? — уточнила Иста, перекидывая ногу через широкую

спину животного. Конь стоял спокойно, пока она осторожно пристраивала перевязанные коленки и искала ступнями стремена. — Понятное дело, это не боевой конь.

— Да, у него есть другой жеребец для этого — злющий рыжий грубиян, весь в шрамах, к которому никто, кроме самого лорда Иллвина, и близко не подходит. — Лисе взлетела в седло курьерской пегой лошади, которая протестующе пошла боком и даже собралась взбрыкнуть, но успокоилась под строгой рукой девушки. — Он нападает на грумов. Они даже показывали мне следы общения с ним. Очень впечатляет.

Рука Фойкса взмыла вверх и опустилась, он и Пежар верхом на своих скакунах направились к воротам; Лисе, Иста и ещё полдюжины оставшихся гвардейцев Ордена Дочери последовали за ними. Они выстроились вереницей, чтобы спуститься по крутой дорожке, ведущей мимо деревни. За её стенами они свернули на дорогу из Толноксо, по которой Иста прибыла сюда так много дней назад. Фойкс взял резвый, но не убийственный шаг, и они принялись взбираться на холмы, спускаться по склонам и пересекать ровные участки. Кличка Лопух оказалась клеветой, потому что конь тотчас же отвечал на малейшее

движение Исты, стоило ей только тронуть повод или шевельнуть пяткой, так что даже казалось, что достаточно только подумать о своём желании. Его рысь напоминала, скорее, покачивание на волнах, лёгкий галоп заставлял вспомнить паланкин. Доброта животного успокоила Исту, потому что от седла до земли расстояние было впечатляющее. Конечно, у лорда Иллвина и должна быть высокая лошадь.

Проезжая по влажному, поросшему лесом берегу реки, их отряд подвергся нападению больших жужжащих лошадиных слепней. Иста морщилась и старалась прихлопнуть тех, до которых могла дотянуться, когда насекомые жадно опускались на шелковистые бока Пуха. Они противно хрустели и оставляли у Исты на ладони кровавый след. Пегая лошадь Лисе брыкалась и возмущённо ржала. Фойкс через плечо оглянулся назад; только Иста видела лёгкое фиолетовое мерцание, сорвавшееся с его пальцев, но мерзкие слепни от лошади Лисе отстали. В качестве компенсации они стали в больших количествах досаждать коню Исты, но прежде чем она успела пожаловаться, кавалькада выехала на солнце и слепни остались позади.

Они миновали крутой подъём с равнины и

остановились напоить лошадей в деревне, неподалёку от оливковой рощицы, в пяти милях от Порифорса. На сей раз в тени милосердно не оказалось кровососущих насекомых. Пежар отправился расспросить местных жителей о преследуемой повозке. Иста обнаружила, что стоит и потягивается рядом с Фойксом в тени огромного ствола оливы, пока взмокшие лошади шумно хлебают воду из ручья.

— Продолжаешь развлекаться с мухами? — мягко поинтересовалась Иста. — Я видела твой фокус. Только больше не надо, пожалуйста, или я расскажу обо всём служителю.

Парень покраснел:

— Но это же было благое дело. Кроме того, я хотел сделать Лисе приятное.

— Хм, — она помедлила. — Прислушайся к моему совету и не используй магию, чтобы ухаживать за ней. Главное — не поддавайся искушению вызвать её благосклонность напрямую.

Судя по смущённой улыбке, он отлично знал, что она имеет в виду; значит, мысль о каком-нибудь любовном заклинании уже не раз приходила ему в голову.

— Мм-м.

Иста продолжила свои наставления:

— Потому что, если ты так сделаешь, а она узнает, это разрушит её веру не только в тебя, но и в её собственный разум. Она больше никогда не будет уверена, что та или иная мысль или чувство действительно принадлежит ей. Она начнёт постоянно сдерживаться, подозревать, заниматься самокопанием. А эта дорога ведёт к безумию. Если ты возьмёшь боевой молот и сломаешь им ей обе ноги — это и то будет менее жестоко и более похоже на поступок любящего человека.

Его улыбка походила на гримасу:

— Как прикажете, госпожа.

— Я говорю с тобой не как твоя госпожа. И даже не как осенённая богом. Я говорю как женщина, которая прошла по этому пути до конца и вернулась, чтобы доложить о возможных трудностях. Если от той сообразительности, что была при тебе с самого начала, осталась хотя бы половина, если ты действительно ищешь любви, а не простого удовлетворения своих потребностей, то ты прислушаешься к моим словам как мужчина.

На этот раз поклон у него получился гораздо более задумчивым, а от ухмылки не осталось и следа.

Вернулся Пежар и принёс новости, что повозка и её сопровождающий действительно останав-

ливались в этой роще и провели здесь времени достаточно, чтобы распрячь и напоить четверых лошадей; повозка покинула это место не более получаса назад. Фойкс довольно поморщился и сделал их отдых как можно более коротким.

Ещё четыре мили езды после длительного подъёма привели их на вершину холма. Наконец, они увидели цель, подпрыгивающую на ухабах дороги: уменьшенный расстоянием крытый верх повозки, украшенный эмблемой гарнизона Порифорса, виднелся в ярком солнечном свете. Фойкс приказал отряду следовать за ним. Они уже успели сильно сократить расстояние, когда кто-то сидящий в повозке заметил преследователей. Невидимый возница подстегнул упряжку, но медлительные лошади-тяжеловозы, обременённые грузом, который они тащили за собой, не могли соревноваться с быстрыми скакунами преследователей.

Гвардейцы Фойкса с двух сторон окружили громыхающую повозку, чтобы перехватить ведущую пару поводьев. И заставляя своего коня обогнуть телегу, Иста слышала протестующий голос Каттилары. Повозка поехала медленнее, а потом и вовсе остановилась.

Каттилара, одетая в элегантное серо-золотое

платье для путешествий, расположилась на сидении кучера и на все лады бранила перепуганного Горама, который сидел скорчившись, закрыв глаза и крепко сжимал поводья трясущимися руками. Иста прищурилась от света материального мира и попыталась добиться максимальной чувствительности внутреннего зрения, чтобы не просто найти духов, прячущихся в мире материи, а разглядеть душу отдельно от плоти. Должно быть, так боги видят мир. К великому облегчению Исты, демон Каттилары не распространился по хозяйке, не владел ею, а снова плотно сжался внутри. Ещё один слуга, одна из молоденьких фрейлин Каттилары и паж Эриса сидели в повозке, прижавшись друг к другу.

Две едва различимые фигуры лежали внутри рядом со слугами. Несмотря на преграду из полотна и дерева, которая мешала обычному зрению Исты, она с лёгкостью нашла то, что искала. Тонкую нить белого огня, вяло текущую из одного тела в другое; на уровне ощущений Иста нащупала сеть фиолетовых лучей, расходящуюся в три стороны, — проводник заклинания.

Она сжала пальцы, и Пух без малейших возражений остановился. Иста дала поводьям упасть ему на холку и вытянула руки, позволив своему

духу следовать за телом. Позволив в первый раз выплыть за пределы тела. Бастард, помоги мне. Будь ты проклят. Она ещё не осмеливалась, не пыталась разбить сеть колдовства демона, но установила собственную связь и призвала вернуться почти иссякшее пламя души. Белая линяя между Иллвином и Эрисом вспыхнула, как загоревшаяся в ночи солома.

Изнутри послышался глубокий голос Эриса, в нём скрежетали раздражённые нотки, как будто бы марча только что разбудили:

— Что это такое? Иллвин?

Визгливая брань Каттилары вдруг прекратилась. Она сунула голову под тент повозки, а затем снова выпрямилась. Задыхаясь, она буравила Исту взглядом.

Внутри повозки слышалось движение: скрип, шаги сапог по деревянному полу. Эрис высунул голову и огляделся.

— Ад Бастарда! Где мы?

Знакомый пейзаж, похоже, ответил на его вопрос, потому что он нахмурился и посмотрел на всхлипывающую жену:

— Каттилара, что ты наделала?

С другой стороны телеги напряжённый Фойкс с облегчением вздохнул и благодарно отсалютовал

Исте. Лиловый огонёк в его ладони угас.

Каттилара развернулась у себя на сиденье и умоляюще обвила руками мужа. Горам отпрянул с её пути.

— Милорд, о милорд, нет! Прикажи этим людям уйти! Скажи Гораму ехать дальше! Мы должны бежать! Она злая, она хочет довершить твою смерть!

Он машинально стал гладить её волосы. Его непонимающий взгляд упал на Исту, которая, криво ухмыляясь, наблюдала за этой сценой:

— Миледи? В чём дело?

— Что вы помните, лорд Эрис?

Его брови сошлись на переносице:

— Каттилара срочно послала за мной, чтобы я помог ей в конюшнях гарнизона. Я пришёл туда и увидел эту повозку, стоящую наготове, а потом… потом ничего, — он нахмурился ещё сильнее.

— Вашей жене пришло в голову увезти вас прочь и искать для вас спасения за пределами Порифорса. В какой степени на неё повлиял демон, не знаю, но в любом случае, он помогал ей в этом. Иллвина принесли в повозку раньше, полагаю, как вашего уполномоченного представителя.

Эрис вздрогнул:

— Оставить пост? Оставить Порифорс? Сей-

час? — Каттилара дёрнулась, услышав в его голосе сталь. Слёзы на сей раз не помогли, они оказали лишь смягчающий эффект. Когда он повернулся и посмотрел в лицо жене, Иста видела, как напряглись сухожилия его рук, выступив, словно канаты, на его бледной коже.

— Каттилара! Подумай. Это бегство предаёт веру в меня, ломает все данные мною обеты. Провинкару Карибастоса, королеве Изелль и королю-консорту Бергону… моим людям. Это невозможно!

— Это не невозможно! Предположим, ты заболел, ох, какой-нибудь другой болезнью. С любым такое может случиться. Ты болен. Теперь твой пост должен занять другой офицер.

— Единственный, кому я могу доверить Порифорс при нынешнем положении вещей, это Иллвин. — Он помолчал. — Был бы Иллвин, — поправился он.

— Нет, нет, нет! — Она откровенно колотила его кулачками в приступе отчаяния и ярости.

Иста изучала пульсирующие нити пламени. Могу ли я сделать это? Она не была в этом уверена. Что ж, я уверена в том, что можно попробовать. Итак. Она тихо опустила свои настоящие руки из плоти и крови на подол и снова потянулась

призрачными руками. Всё так же не трогая сети демона, она уплотнила связывающий Иллвина и Эриса луч.

Эрис упал на колени; губы его удивлённо раскрылись.

— Если вы хотите, чтобы он ходил и двигался, — обратилась Иста к Каттиларе, — вам следует поддерживать его в таком состоянии самостоятельно. Не надо больше красть.

— Нет! — крикнула Каттилара, когда Эрис, наполовину потеряв сознание, упал на неё. Горам подхватил его, не давая тяжёлому телу упасть с повозки. Каттилара в ужасе смотрела на бледное смущённое лицо Эриса, не желая принимать суровую действительность. Пламя её души поднималось по её телу и собиралось около сердца.

Да! — подумала Иста. Ты сможешь. Давай, девочка!

Вдруг Каттилара, испустив стон и белую вспышку, потеряла сознание. Из её сердца вырвался необузданный белый поток, принявшийся беспорядочно метаться в границах заклинания. Иста снова вытянула прозрачную руку. Пламя унялось, успокоилось. Не очень быстро, иначе его запасы иссякнут сразу же, но и не очень медленно, чтобы всё же исполнить задуманное.

Вот… так. Её внутренний взгляд проверил линии. Тоненькая струйка жизни продолжала течь из Иллвина только для того, чтобы поддерживать связь. Иста не осмеливалась касаться искусной сети демона, она вообще не была уверена, что ей не удастся порвать её, даже если она попытается. Эрис моргнул, размял челюсть, нетвёрдо встал на ноги, одной рукой опираясь на плечо Горама.

— О, благодарю вас, — пробормотал Фойкс в благословенной тишине.

— Иногда, во время приступа скорби, я вела себя и не так, — сквозь зубы ответила ему Иста, поёжившись от неприятного воспоминания. — Почему, во имя пятерых богов, никто не успокоил меня, почему все отвернулись от моих страданий? Этого я не узнаю никогда.

Из повозки донёсся хриплый голос:

— Демоны Бастарда, теперь ещё что?

Вспышка радости озарила черты Эриса:

— Иллвин! Вылезай наружу!

Шлёпанье босых ног; Иллвин, одетый только в льняную рубашку и напоминающий человека, проснувшегося слишком рано после вчерашней попойки, споткнувшись, высунулся из повозки и застыл, моргая от яркого утреннего света, ухватившись за раму, на которую натягивался тент.

Взгляд Иллвина упал на Исту, и его лицо просияло.

— Пустомеля! — восторженно воскликнул он. Это странное приветствие, как запоздало сообразила Иста, относилось к коню, который принялся прясть ушами, пыхтеть, раздувать ноздри и чуть не — но всё же не окончательно — сдвинулся с точки, где наездник приказал ему стоять.

— Госпожа, — продолжил Иллвин, склонив перед ней голову. — Надеюсь Лопух подошёл вам? Пятеро богов, почему никому не пришло в голову урезать его рацион?

— Он почти настоящий рыцарь, — заверила его Иста. — На мой взгляд, он весьма фигурист.

Иллвин посмотрел вниз на Катти, теперь покоящуюся на трясущемся плече Горама.

— А это что такое? С ней всё в порядке?

— Это временно, — пояснила Иста и ему, и Эрису, который смотрел на свою жену всё более неуверенно. — Я, ээ-э… устроила так, что она на некоторое время поменялась с вами местами.

— Не знал, что вы это можете, — осторожно заметил Иллвин.

— Я тоже не знала, до тех пор как секунду назад не попробовала. Заклинание демона продолжает действовать, теперь оно просто… перераспре-

делено.

Эрис, с суровым от печали лицом, всё же опустился на колени и взял Каттилару на руки. Иллвин ощупал правое плечо и нахмурился; он нахмурился ещё сильнее, когда его взгляд коснулся красного пятна, расползавшегося по плечу Каттилары. Он отступил с дороги, пропуская брата и его ношу внутрь повозки. Иста вручила поводья Лисе и перебралась из седла на сиденье повозки; Иллвин протянул ей руку, помогая перебраться.

— Нам нужно поговорить, — сообщила она ему. Он кивнул, от души с этим соглашаясь.

— Горам, — добавил он. Грум с явным облегчением посмотрел на хозяина. — Разворачивай повозку и направляйся обратно в Порифорс.

— Да, милорд! — радостно ответил Горам.

Иста нырнула внутрь вслед за Эрисом и Иллвином, а Фойкс принялся отдавать команды своим людям, помогая развернуть упряжку с повозкой обратно. Эрис уложил Каттилару, чья голова безвольно свисала вниз, на тюфяк, который недавно покинул сам. Под полотняным тентом после яркого солнечного света снаружи стоял полумрак и пахло плесенью, но глаза Исты быстро привыкли. Слуга, фрейлина Каттилары и

паж испуганно забились в заднюю часть повозки и прятались среди трёх или четырёх небольших дорожных сундуков. Весьма скромные запасы, но среди багажа без сомнения где-то скрывается шкатулка с драгоценностями марчессы.

Эрис отослал слугу и фрейлину вперёд к Гораму. Паж, глаза которого были круглыми от беспокойства, опустился рядом с хозяином; марч ободряюще потрепал парнишку по волосам. Эрис сел, скрестив ноги, рядом с головой жены. Иллвин помог Исте устроиться на втором тюфяке. Согнув колени, она почувствовала, как под бинтами лопнула корка ссадин. Иллвин сел было рядом с ней, тоже скрестив ноги, но поняв, что узкая рубашка не даст ему этого сделать, примостился на коленях.

Эрис смотрел на жену:

— Никак не могу смириться с тем, что она решила, что я смогу покинуть Порифорс.

— Ничего такого она не решала, — возразила Иста. — Отбросьте эту мысль. — Она помолчала. — Очень тяжело, когда вся твоя жизнь зависит от решения других, а ты не можешь сделать ничего, чтобы хоть как-то повлиять на результат.

Повозка окончательно развернулась и медленно двинулась назад. К тому времени как они

преодолеют десять миль, отделявшие их от замка, упряжка лошадей просто выдохнется.

Эрис коснулся плеча Каттилары, на котором проступило красное пятно от раны, скрывавшейся под тканью:

— Так нельзя.

— Так будет, пока мы не доберёмся до Порифорса, — мрачно сообщил Иллвин. Он шевелил руками, разминал ладони и дёргал плечами, будто бы заново привыкая к телу, которое стало ему чужим.

— Остаётся только надеяться, что во время моего отсутствия гарнизон не поддался панике, — сказал Эрис.

— Как только мы приедем, — заметила Иста, — нам ещё раз нужно попытаться допросить демона Каттилары. Я должна знать, что происходит в Джоконе и, самое главное, кто всё это затеял.

Иста повторила Иллвину историю офицера о внезапных переменах, произошедших с Сордсо Пьяницей.

— Очень странно, — откликнулся Иллвин. — Раньше Сордсо не испытывал таких семейных чувств.

— Но… Сможем ли мы расспросить это существо? — спросил Эрис, не сводя глаз с Катти-

лары. — В прошлый раз нам это не очень-то удалось.

Иста, немного всё же сомневаясь, покачала головой:

— Тогда у меня не было советов ди Кэйбона. Не было помощи Фойкса ди Гура. Мы можем напустить одного демона на другого, и, может быть, это даст какой-нибудь положительный результат. Или… просто результат. Когда мы вернёмся, я посоветуюсь со служителем.

— Тогда я посоветуюсь с братом, пока это возможно, — сообщил Эрис.

— А я посоветуюсь с доброй порцией еды, — заявил Иллвин. — В этой повозке есть что-нибудь?

Эрис наказал пажу поискать; мальчик порылся в запасах и нашёл ломоть хлеба, мешочек сушёных кожистых абрикосов и мех с водой. Иллвин устроился поудобнее и принялся старательно жевать, пока Эрис излагал ему рапорты лазутчиков Порифорса.

— Нам не хватает вестей с северной дороги, — заметил Иллвин, когда Эрис закончил свой быстрый доклад. — Мне это не нравится.

— Да. Меня очень беспокоят два отряда, которые и сами не вернулись, и не прислали курьера. Я как раз подумывал послать за ними очеред-

ной патруль, когда мои утренние дела были так неожиданно прерваны. — Он недовольно посмотрел на лежащую без сознания жену. — Или отправиться за ними самому.

— Умоляю тебя, не стоит, — сказал Иллвин, потирая плечо.

— Ну… да. Возможно, при сложившейся обстановке это было бы не очень мудро. — Его взгляд на Каттилару, если это возможно, сделался ещё более тревожным. Она казалась пугающе беззащитной. Напряжение от беспрестанных хитростей и уловок сошло с её лица, снова уступив место природной красоте.

Он поднял глаза и вымученно улыбнулся Исте:

— Не беспокойтесь, госпожа. Даже если какая-то невидимая сила приближается к нам с той стороны, они ничего не смогут сделать против Порифорса. Стены крепкие, гарнизон верный, осадные машины подвести крайне сложно, тем более что замок стоит на цельной скале. Нельзя прорыть подкоп, поддержка из Оби прибудет раньше, чем нападающие успеют разбить лагерь.

— Если только одновременно не нападут и на Оби, — пробормотал Иллвин.

Эрис отвернулся:

— Последние несколько дней я часто разговаривал с храмовым нотариусом и под его присмотром изложил свою последнюю волю. У управляющего замком есть допуск к моим бумагам. Я назначил тебя душеприказчиком и опекуном маленькой Лавианы.

— Эрис, — сказал Иллвин, в его голосе слышалось сомнение. — Замечу, что нет никакой гарантии, что и я выберусь из этой переделки живым.

Его брат кивнул:

— В таком случае содержать Лавиану будет её дедушка, и он же сохранит для неё владения ди Лютезов. При любых обстоятельствах, ввиду того, что у нас с Катти нет детей, я собираюсь вернуть её под опеку лорда Оби.

— Каттилара вряд ли послушается, если это предложу сделать я, — согласился Иллвин. — Спасибо тебе от нас обоих.

Эрис понимающе кивнул:

— Если же… если же ты не сможешь взять это бремя во имя Лавианы на себя, то тогда Порифорс переходит во власть провинкара Карибастоса, который передаст его, кому сочтёт нужным. Я написал ему, чтобы предупредить… мм, пока только о том, что я болен и чтобы он на всякий

случай подыскал мне замену.

— Ты предусмотрел всё. Как бы неприятно это ни было. — Иллвин уныло улыбнулся. — Ты всегда заботился о нас, как отец. Разве не понятно, какому богу так не терпится забрать тебя к себе? Но пусть Он подождёт ещё немного. — Иллвин бросил взгляд на Исту.

Но его не ждёт никакой бог, подумала Иста. Именно это и означает «отверженный». Эрис пожал плечами:

— Дни грызут меня, как мыши грызут труп. Я это уже чувствую, всё отчётливее и отчётливее. Как это ни печально, но я тут слишком засиделся. Госпожа… — Его взгляд был неприятно пронзительным. — Вы можете отпустить меня? Вы приехали сюда поэтому?

Иста ответила не сразу:

— Я едва ли знаю, что в моей власти, а что нет. Но если я действительно могу творить чудеса, то это не будет моим первым деянием. Ведь природа чудес такова, что человек не имеет права выбирать, какое чудо свершить, он лишь может сказать «да» или «нет». Только магию демона можно подчинить своей воле. Подчинить бога невозможно.

— И всё же, — задумчиво протянул Иллвин, —

говорят, что Бастард наполовину демон. Мне кажется, он отличается от остальных членов святого семейства. Быть может, и его чудеса иные?

Иста нахмурилась в замешательстве:

— Не… не знаю. Во сне он был так же далёк от меня, как и его Мать, явившаяся ко мне в видении двадцать лет назад. Я просто попыталась несколько перераспределить силу, которая связывает вас троих. Я не пробовала разорвать сеть, удерживающую эту силу, не пробовала заставить демона поступить против воли своей хозяйки, хотя и так понятно, что тогда он бросит всё и постарается улететь как можно дальше.

— Попробуйте сейчас, — предложил Эрис.

Иста и Иллвин одновременно начали протестовать, а потом посмотрели друг на друга.

— Потому что, если вы не сможете сделать этого, я тоже должен об этом знать, — терпеливо настаивал Эрис.

— Но… есть только один способ попробовать — сделать это. А потом я не смогу вернуть всё на круги своя.

— Я не предлагаю вам возвращать.

— Но я боюсь оставить вас проклятым.

— Ещё более проклятым, чем теперь?

Иста посмотрела в сторону, признавая пора-

жение. Она видела следы глубокого душевного истощения на его лице; с каждым часом он всё больше стремился оборвать свои мучения, даже если за ними его ждёт ничто.

— Но… но что, если это не то, зачем я была послана сюда? Что, если я снова делаю ошибочные выводы? Я была бы счастлива, если бы мне было дано исцелить вас. Я не хочу убивать ещё одного ди Лютеза.

— Однажды вы это уже сделали.

— Да, но не магией. Утоплением. Этот способ не подействует на вас. За последние пятнадцать минут вы ни разу не вздохнули.

— Ах, да, — он смутился и попытался вдохнуть. Глаза Иллвина расширились:

— Что это за история?

Иста посмотрела на него, скрипнула зубами и сказала:

— Арвол ди Лютез умер не на допросе в подземелье Зангры. Иас и я утопили его, ошибочно пытаясь сотворить чудо во имя Шалиона. Обвинение в измене было чистейшей клеветой.

Что ж. С каждым разом рассказ становится всё более кратким. Ещё несколько секунд Иллвин сидел с разинутым ртом. Наконец, он выдавил:

— Ох. Мне всегда казалось, что расплата за из-

мену была странно жестокой.

— Ритуал не состоялся, потому что Арволу не хватило смелости. — Она замолчала. А потом выпалила: — Но я могла спасти его в последний момент, если бы призвала чудо исцеления. Даже тогда, когда он лежал мёртвый у наших ног. Мать, богиня целительства, стояла по правую руку от меня, на… грани восприятия. Если бы только мою душу тогда не наполнили ярость, страх, скорбь, что там не осталось места, куда мог бы войти бог. — В трёх первых признаниях отсутствовало это уточнение, отметила про себя она. Иста снова взглянула на Иллвина. — Или если бы я любила, а не ненавидела его. Или если бы… не знаю.

Иллвин откашлялся:

— Большинству людей не удаётся совершить чудо. За такое упущение расплачиваться не нужно.

— За моё — нужно. Я была призвана. — Она задумалась, а повозка, скрипя, ехала дальше. Теперь я снова призвана. Но зачем? Она подняла глаза на Эриса. — Как бы изменилась наша жизнь, если бы ваш отец всё-таки призвал вас ко двору? Быть может, мы опустили в бочку не того ди Лютеза. — Перед её глазами возникло видение. — Каким он был двадцать лет назад,

Иллвин?

— Ох, таким же, как сейчас, — отозвался Иллвин. — Не таким искусным и опытным, может быть. И плечи были пouже. — Воспоминания разбудили улыбку на его губах. — Не таким рассудительным.

— Не таким мёртвым, — проворчал Эрис, хмуро глядя на руки, которые он снова разминал. Проверяет, не оцепенели ли? Или теперь оцепенели ещё больше?

— Когда я была молодой красавицей при дворе Кардегосса… — Когда Эрис ещё не был женат даже в первый раз. Когда всё ещё было возможно. Смогла бы она сделать ди Лютеза своим любовником и превратить лживую клевету в правду? Ведь тогда мрачное проклятие Фонсы губило все побеги надежды, появлявшиеся при дворе… на какие ужасы была бы обречена эта сладкая мечта, в каких бедах утонул бы блеск юности Эриса? Правдиво или ложно утешительное для Эриса предположение, что Арвол держал сына на расстоянии для его же блага? Она едва не пожала плечами. — Было всё равно слишком поздно.

Эрис удивлённо моргнул, упустив нить рассуждений, но Иллвин горько усмехнулся:

— Представьте, что бы было, если бы вы встре-

тили его прежде, чем вышли замуж за Иаса; но до тех пор, пока вы взвешиваете все свои «если бы»… — сухо посоветовал он и как-то странно посмотрел на неё.

— До этих пор все мои «если бы» обречены на провал.

Повозка подпрыгнула и качнулась, ознаменовав таким образом поворот дороги. Иста высунулась наружу и выяснила, что они вернулись в укреплённую деревушку и снова остановились в оливковой роще, чтобы напоить лошадей. Солнце достигло зенита, становилось всё жарче и жарче.

Иста ненадолго вылезла из повозки, чтобы размять почти зажившие ноги и попить. Лисе продолжала держать белого коня лорда Иллвина за повод, давая ему напиться из ручья. Иллвин выглянул и с тоской посмотрел на него, а потом вдруг быстро исчез за тентом. Из-за полотна послышались голоса, какой-то спор между Иллвином, Горамом и слугой. Несколько минут спустя Иллвин появился снова, весь сияющий и довольный: теперь помимо рубахи на нём были кожаные штаны грума и сапоги слуги. Штаны были стянуты на талии и едва доходили ему до икр, но сапоги скрывали этот недостаток.

Иллвин потребовал своего коня и, улыбаясь,

уселся верхом. На лице мужчины светилась радость от того, что он снова владеет своим телом и может передвигаться в этом ярком мире, как пожелает, хотя теперь, возможно, он острее ощущал всю хрупкость момента. Он позволил Лисе увеличить длину стремян, поблагодарил её, устроился в седле поудобнее и весело отсалютовал Исте.

На Гораме, к великому облегчению Исты, теперь были льняные штаны, найденные, судя по всему, среди нехитрого скарба, а злополучный слуга так и остался босиком. Гвардейцы Ордена Дочери помогли кое-где скатать полотно тента, потому что полуденная жара делала духоту более грозным врагом, чем дорожная пыль. Не то чтобы, была вынуждена признать Иста, лорд Эрис вообще заметил это. Они двинулись дальше. Фойкс приказал четверым всадникам ехать впереди грохочущей повозки и двоим — позади, Лисе и Иллвин ехали по бокам телеги, так что можно было беспрепятственно говорить.

Выехав из деревни, они четыре мили тащились вверх, свернули направо вдоль склона и начали спускаться в широкую долину, на страже которой стоял Порифорс. Они объехали очередную купу деревьев, когда Фойкс вдруг вскинул руку. Маленький отряд остановился.

Иллвин приподнялся на стременах, глаза его расширились. Иста и Эрис пробрались к голове повозки и выглянули наружу. Эрис поджал губы и скрипнул зубами; из них двоих только Иста сдавленно вдохнула, пуская в лёгкие шершавый горячий воздух.

Прямо перед ними, не сбавляя шага, на дорогу сворачивала колонна кавалерии. Белые пеликаны Джоконы сияли на их плащах цвета зелёной морской волны. Блестело оружие. Наконечники копий длинной вереницей сверкали на солнце, словно драгоценности, украшающие платье придворного, складками разложенного по равнине.

Глава двадцатая

Низкий стон сорвался с губ Горама; грум, посерев от страха, сжался и вцепился в поводья упряжки.

— Назад, назад, — прошептал Эрис слуге и фрейлине Каттилары, оттаскивая их за собой в глубь повозки.

Он хлопнул Горама по плечу:

— Давай! Поезжай сквозь них, если получится.

Он встал и махнул Фойксу, мчащемуся рядом верхом на своём жеребце, поминутно поглядывая то вперёд, то назад. «Поехали!»

Фойкс отсалютовал ему, вынул меч и развернул коня на месте. Ехавшие впереди четыре гвардейца Ордена Дочери достали оружие и выстроились по обе стороны от него, готовясь расчищать путь для повозки. Сколько колонн джоконских солдат уже успело скрыться за поворотом дороги видно не было, однако их число продолжало увеличиваться: они вереницей текли вниз по наклонной части долины, и ни конца ни края им, судя по всему, не предвиделось. Горам подхлестнул упряжку. Повозка заскрипела и, громыхая,

поехала вперёд.

Джоконцы, оказавшиеся совсем рядом, огляну-лись, желая узнать, что это с грохотом несётся на них. Послышались крики, скрежет оружия, ржание взвившихся на дыбы и резко разворачи-ваемых лошадей.

Эрис схватил Исту за руку и оттащил её назад, на середину повозки, — весьма сомнительное укрытие. Корпус тряхнуло, Иста упала на колени, не успев сделать это заблаговременно. Когда лошади в упряжке понеслись быстрее, парадный конь Иллвина скакал теперь рядом с повозкой, перейдя на неровный галоп. Иллвин наклонился вперёд и крикнул:

— Эрис! Мне нужно оружие! — Он протянул свободную руку брату, чей взгляд суматошно метался по сторонам.

Иллвин посмотрел вперёд.

— Быстрее!

Выругавшись, Эрис схватил первое, что по-палось ему на глаза, — вилы, прикреплённые вдоль внутренней стены повозки. Он перебросил их Иллвину, тот уставился на него в крайнем отчаянии, но всё же ухватил их, проведя рукой по острым зубцам.

— Я-то подумал о мече.

— Прости, — сказал Эрис, доставая клинок. — Он занят. А мне нужна лошадь.

Он повернулся к Лисе, ехавшей по ту сторону повозки.

— Нет, Эрис! — крикнул Иллвин, пытаясь переорать грохот колёс, стук копыт и голоса, доносившиеся спереди. — Назад! Ты свихнулся?

Он указал на лежащую без сознания Каттилару.

Эрис резко обернулся и вдохнул сквозь зубы, чтобы сдержать досаду. Он осознал, кому теперь придётся принять на себя все его раны.

— Оставайся с королевой! А вот и мой меч! — Иллвин пришпорил позаимствованными сапогами белого коня; широкий круп животного вздрогнул, и жеребец поразительно резво понёсся вперёд. Рубашка Иллвина распахнулась под напором воздуха и обнажила торс. Его собранные на затылке волосы чёрным потоком струились за спиной.

Иста, ухватившись за боковые стенки повозки, застыла с открытым ртом. Не та лошадь, не то оружие, не те доспехи — это если полуобнажённого рассматривать как одетого не в те доспехи, — крича как безумный, Иллвин сжал вилы правой рукой и направил их словно копьё на джоконского солдата, летящего на него с ме-

чом наперевес. В последний момент Иллвин едва заметным движением колена заставил грузного белого коня увернуться и отскочить от лошади джоконца. Зубья вил скользнули по рукояти опускающегося вражеского клинка. Поворот, рывок, захват, и теперь уже Иллвин сжимает рукоять меча, а джоконец, выпав из седла, чуть было не падает под копыта лошадей двух гвардейцев Фойкса, скакавших следом. Иллвин издал победный клич и взмахнул мечом, однако, бросив задумчивый взгляд на жалкое орудие, которое он крепко держал в другой руке, он решил оставить его при себе.

Хотя их дикая облава и имела некоторый успех — джоконцы сошли с дороги и рассыпались по сторонам, — командир вражеской кавалерии быстро сориентировался, собрал рассеявшийся отряд и бросился в погоню. Судя по всему, в повозке не нашлось ничего более значимого, кроме четырёх мешков и нескольких зачерствевших хлебных корок, чтобы бросить в преследователей, хотя паж Эриса тщательно обыскал всё в поисках более подходящих снарядов. Фрейлина Каттилары держалась за хрупкую руку своей хозяйки и причитала.

Оказавшись по правую сторону от повозки,

Лисе обнажила свой новый кинжал, правда, он казался весьма жалким дополнением к мечам мужчин. Эрис метнулся к Исте и увлёк её за собой в глубь повозки, опустился на одно колено и выхватил меч, приготовившись броситься на любого врага, посмевшего проникнуть внутрь.

Белый конь пронёсся вдоль борта повозки; сверкнув на солнце, меч со звоном упал на доски. Эрис швырнул его к босым ногам слуги, который с благодарностью поймал клинок и занял пост в конце повозки. Несколько минут спустя белый конь промчался с другой стороны, а его хозяин наклонился, чтобы бросить в повозку ещё один меч. Иллвин потряс вилами и на его губах, словно луч света, мелькнула улыбка, после чего он развернул жеребца и исчез из поля зрения.

С места кучера послышался крик Горама. Эрис бросился вперёд. Иста увидела лишь мелькнувшие пятки, когда он, сгруппировавшись, прыгнул на невидимого врага. Марч рубил мощно, быстро, уверенно. Казалось, что белый луч огненной энергии, соединявший его с Каттиларой, стал толще, плотнее. Слишком быстро, подумала Иста в отчаянии. Она не сможет долго так держаться. Это оставит её без сил…

Повозка с грохотом миновала узкий поворот.

Иста ползала на коленях по днищу, собирая в ладони брызги белого пламени и направляя их в Каттилару, неподвижно лежащую на тюфяке. Заплаканное лицо фрейлины то краснело, то бледнело от жары и ужаса. Позади Лисе один из воинов Ордена Дочери вылетел из седла и упал на обочине дороги, истекая кровью, а его конь, прихрамывая, сделал ещё несколько шагов, рухнул и тоже замер. Иста попыталась повернуться и посмотреть, что с ними стало, но колесо угодило в выбоину, и повозка опять подпрыгнула, а когда Иста пришла в себя, гвардеец и конь уже исчезли из виду. Промчавшийся галопом джоконец как-то неловко воткнул меч между бортиком повозки и полусобранным брезентовым верхом и получил такой же неуклюжий удар от пажа Эриса, который, стоя на коленях, отбивался мечом, который добыл Иллвин.

Впереди, но на этот раз громче, послышались крики и проклятия на двух языках. Демоническая красно-фиолетовая вспышка промелькнула перед внутренним зрением Исты, когда она, скорчившись, посмотрела вниз. Из-под досок днища послышался скрежет металла. Повозка качнулась из стороны в сторону и потом вдруг подпрыгнула на левом заднем колесе.

Три женщины повалились в кучу; и даже Иста вскрикнула. Она слышала, как сломалась задняя ось, и повозка просела назад. Слуга от толчка выпал наружу. Эрис скользнул по доскам назад, едва успев отвести остриё своего клинка от рыдающей фрейлины.

Марч судорожно огляделся.

— Лисе! — позвал он.

— Я здесь! — пегий конь вместе со всадницей уже снова скакал рядом с повозкой, замедляя шаг.

Спереди снова донеслись крики, на этот раз сопровождающиеся треском и лошадиным ржанием. Накренившаяся повозка съехала с дороги и со скрипом остановилась. Эрис бросил меч, подхватил неподвижное тело жены и передал его в руки испуганной Лисе.

— Забери её, забери её! И скачи, если сможешь. Скачи в Порифорс.

— Да, да! — поддержала его Иста.

В поле зрения появился конь Фойкса; наездник круто осадил его.

Иста указала вниз:

— Фойкс, это дело рук твоего демона?

— Нет, госпожа! — он перегнулся через луку седла и взглянул на неё; его глаза были широко

раскрыты. Теперь тень медведя внутри его уже не сжималась в комок, а стояла на призрачных лапах и мотала косматой головой из стороны в сторону.

— Госпожа?.. — осипшим голосом неуверенно позвала Лисе, стараясь покрепче держать свою неподвижную ношу.

— Да, забирай Каттилару и скачи прочь, иначе мы потеряем их обоих! Фойкс, отправляйся с ней, проложи им дорогу!

— Миледи, я не могу…

— Давайте! — крик чуть не разорвал Исте лёгкие.

Оба коня унеслись прочь. На мече Фойкса, расчищающего путь, блестели тяжёлые алые разводы. Крики, скрежет металла, звон спущенной тетивы арбалета, мягкое хлюпанье клинка, пронзающего плоть — чью? — всё это эхом отдавалось в ушах Исты. А мерный стук копыт двух коней постепенно растворялся в этом шуме.

Иста проползла вперёд, ухватилась за край сидения кучера и выглянула наружу. Посреди дороги лежал паланкин, украшенный зелёной тканью с золотой отделкой. Одна из лошадей упряжки дёргалась и брыкалась: её передние ноги застряли в задней части паланкина. Острые

щепки расколовшегося дерева впились ей в шкуру. Другая лошадь упала, запутавшись в упряжи, и истекала кровью, испуская душераздирающие стоны. Около дюжины носильщиков в богато расшитых зелёных одеждах лежали вокруг, крича от боли, а те, кто ещё мог передвигаться, суетились вокруг раненых. Ещё трое пытались удержать рвущихся прочь лошадей и вытащить четвёртого из-под обломков.

Повозке удалось преодолеть где-то половину пути речного склона по направлению к тому месту, где дорога сворачивала к Порифорсу. Иста прикинула, что если бы не это досадное препятствие, то они бы наверняка смогли бы прорваться сквозь передние ряды колонны, но смогли ли бы они оторваться от врага, неясно.

Горам замер, подняв руки вверх; Иста проследила за его испуганным взглядом и увидела джоконского солдата, стоящего посреди дороги и нацелившего арбалет на несчастного грума. Появлялись всё новые и новые джоконцы, до тех пор, пока повозка не оказалась окружённой дюжиной воинов, держащих настороженные пальцы на спусковых крючках арбалетов.

Один из джоконцев осторожно приблизился и столкнул Горама с сиденья. Горам ударился о зем-

лю, поднялся, и, обхватив себя руками, принялся всхлипывать. Солдат вернулся, чтобы схватить Исту и стащить её вниз. Она не стала сопротивляться, чтобы поберечь ноги. Эрис появился из-за козел и замер, сжимая в руках меч, но не пуская его в ход. Было заметно, как у него напряглось лицо, когда его взгляд скользнул по фигуре стрелка. Его губы сложились в странную ухмылку при мысли о том, что если арбалетные стрелы так мало могут ему повредить, то не лучше ли прямо сейчас броситься в атаку, повергнув врагов в оцепенение — полное оцепенение. Улыбка увяла, зубы сомкнулись, когда он представил себе все возможные последствия этого безрассудного поступка… Медленно, очень медленно, он опустил клинок.

Арбалетчик жестом приказал ему бросить оружие. Эрис здраво оценил количество стрел, направленных на Исту, и подчинился. Клинок со звоном ударился о гравий. Джоконец подобрал его меч, а Эрис, не торопясь, спустился с сиденья кучера. Ещё секунду джоконцы медлили — или боялись — его схватить.

Ещё двое носильщиков, одетых в зелёное, помогали маленькой, на вид испуганной женщине, укутанной в тёмно-зелёные шелка, выбраться

из-под странным образом накренившегося балдахина. Иста задержала дыхание.

Внутренне зрение открывало перед ней такое зрелище, какое ей ещё не доводилось видеть. Душа этой женщины бурлила и кипела, источая яркое свечение по контуру её тела, но к центру оно становилось интенсивнее, до тех пор пока Исте не стало казаться, что она в полночь смотрит в тёмный колодец. Тёмный, но не пустой. Из чёрной бездны во все стороны расходились слабые цветные жгуты света, напоминающие огромную паутину, которая переплеталась, пульсировала и становилась всё более сложной. Исте пришлось отказаться от внутреннего взгляда, чтобы сосредоточится на внешности женщины.

Внешне женщина представляла собой странную смесь изящного стиля, почтенного возраста и непривлекательности. Она была чуть выше Исты. Тусклые, седые каштановые вьющиеся волосы, как принято при рокнарском дворе, были заплетены в косички и украшены нитями драгоценных камней в форме маленьких цветочков. На землистом лице, испещрённом морщинами, не было следа ни пудры, ни помады. Многослойное платье украшали узоры из переплетающихся птичек, вышитые золотистыми шёлковыми

нитями. Под ним скрывалось худое тело, обвисшие груди и вздутый живот. Поджатые губы выражали крайнее недовольство. Взгляд её бледно-голубых глаз обжёг Исту. Испепелил.

На идущем неровным шагом коне подъехал молодой офицер; он осадил жеребца, спрыгнул на землю рядом с женщиной и бросил поводья, которые тотчас же подхватил подоспевший солдат. При виде Исты офицер словно окаменел. О его высоком ранге свидетельствовали скорее украшения из золота и драгоценных камней на упряжи его лошади, чем покрой его собственной одежды, но его талию охватывал зелёный пояс с золотой отделкой, украшенный вышитой цепочкой белых летящих пеликанов. Высокие скулы подчёркивали его привлекательное и подвижное лицо, а волосы, заплетённые в тугие мелкие косички, прилегающие к голове, в ярком свете дня отливали золотом. Его душа… терялась в густой дымке фиолетового цвета, распространявшейся вдоль очертаний его тела.

У них есть маг! Происхождение вспышки неведомой силы, которая выбила крепления оси повозки и снесла задние колёса, теперь открылось перед внутренним зрением Исты, потому что свечение внутри его тела всё ещё пульсиро-

вало и дрожало, словно отзвук боли или эхо. Но, несмотря на это, под взглядом Исты демон словно бы сжался, замкнулся в самом себе.

Пажа и фрейлину, цепляющихся друг за друга, тоже извлекли из повозки и, подгоняя остриём меча, поставили рядом с Эрисом. Марч подмигнул им, как будто бы пытаясь подбодрить, и снова повернулся к старой даме и офицеру. Ни Иллвина, ни гвардейцев Ордена Дочери видно не было. Убежали? Захвачены в плен? Убиты?

Иста осознала, что её простая дорожная одежда лишена каких-либо украшений и знаков, свидетельствовавших о её высоком положении, а лицо покрыто потом и грязью. Ей в голову пришла вполне логичная мысль. Может ли она сойти за фрейлину или служанку? Скрыть от её захватчиков ценность добычи, организовать побег, воспользовавшись их невнимательностью? Или же они просто бросят её солдатам в качестве дешёвого лакомства, чтобы они замучили её и выбросили, как ту несчастную служанку богатой женщины из Раумы?

Взгляд офицера-мага остановился на Гораме; глаза молодого человека на секунду расширились, а потом сузились, сделавшись задумчивыми. Или он… узнал его? Задумчивыми, но не

смущёнными. Он видит разрушенную душу Горама. Но это его не удивляет. Офицер взглянул на Эриса, и его губы раскрылись от неподдельного удивления.

— Матушка, она сияет ужасным светом, а её страж — покойник! — сказал он на рокнари женщине, стоявшей рядом.

Он пристальнее посмотрел на Исту, и в его взгляде появился страх: словно он убедился в том, что это она сотворила чудо и оживила Эриса. Или представил себе, что она приберегла ещё одного телохранителя-зомби и тот вот-вот появится из-под земли у его ног.

Должно быть, это вдовствующая княгиня Джоэн собственной персоной, ошарашенно догадалась Иста. И князь Сордсо. Этот подтянутый, стройный молодой человек вовсе не был похож на пьяницу. И всё же — Сордсо ли был в этом подвижном теле? Свет демона, казалось, преобладал в нём. Офицер сделал шаг назад; женщина схватила его за руку, яростно впившись пальцами в кисть.

— Она обладает властью бога, мы погибли! — крикнул он с растущим ужасом.

— Она вовсе не то, что ты думаешь, — прошипела дама ему на ухо. — Она ничего из себя не представляет. Она едва ли способна видеть хоть

что-то. Её душа вся в шрамах и порезах. Она боится тебя.

Увы, старуха права. У Исты во рту всё пересохло, голова раскалывалась; казалось, что она оказалась в бушующем море паники.

Голубые глаза женщины сузились и победно сверкнули:

— Сордсо! Посмотри на неё! Это же сама Иста, такая, какой её нам описывали! Это половина добычи, за которой мы пришли сюда, и она уже у нас в руках! Это дар Самих богов!

— Но на неё больно смотреть!

— Нет, она — лишь пустое место. Она принадлежит тебе. Давай, я тебе покажу. Возьми её! — она тряхнула руку молодого человека. — Уничтожь её. — Одна из извивающихся нитей, идущих из её тёмного живота, как будто бы вспыхнула, засветилась. Другой конец этой нити, отметила Иста, связывал её с телом Сордсо на манер пуповины.

Молодой человек облизал губы; фиолетовый свет снова заполнил его тело до краёв, сделался ещё ярче. Он поднял руку, повторяя жесты, которые привык использовать для обращения с материальными предметами, чтобы направить силу, которая не имела ничего общего с материей. Пурпурное сияние сорвалось с его ладони и

обвилось вокруг Исты, словно змея.

Ноги поддались первыми, подогнувшись под ней и уронив её в грязь. Все ссадины разом треснули, и она почувствовала, как под изорванными, пропитанными потом бинтами начала струйками сочиться кровь. Её позвоночник самопроизвольно выпрямился, щёлкнув всеми позвонками, и заставил её беспомощно наклониться вперёд. Под каждой ключицей откуда ни возьмись возникли комки ужасающей боли. В животе тоже стало как-то нехорошо, хотя, может быть, это было следствием страха. Иста успела заметить, как оправленные бородой губы Эриса разомкнулись, глаза потемнели от смятения при виде того, как она на глазах у всех присутствующих рухнула вниз без видимой причины. Она вытянула руки, чтобы упасть на них, но и локти подогнулись под её весом. Голова становилась всё тяжелее и тяжелее, так что она едва успела подставить мягкую щёку, вместо того чтобы приземлиться носом прямо в острый гравий и грязь.

— Вот видишь? Точно так же перед нами падут ниц и Шалион, и Ибра, — голос Джоэн подрагивал от удовольствия. Иста видела носы её зелёных туфель, торчащих из-под платья, и начищенные до блеска сапоги Сордсо. Сапоги беспокойно топта-

лись на месте. На некотором расстоянии, словно в тумане, Иста слышала низкие, сбивчивые, глухие всхлипывания Горама. Благодарение богам, крики раненой лошади прекратились; должно быть, кто-нибудь милосердный перерезал ей горло. Пусть найдётся ещё один неравнодушный человек и перережет горло мне.

— Должна признать, — голос княгини Джоэн доносился теперь сверху, — я не понимаю природу этого покойника… — туфли прошуршали по гравию в сторону Эриса. Иста поняла, что не в состоянии даже стонать. Она могла только моргать; капелька скатилась с ресницы и упала в грязь рядом с носом.

С верхней части склона вдруг донеслись крики. Голова Исты была повёрнута в противоположную сторону, — она могла видеть только край дороги и долину внизу. За спиной послышался топот солдатских сапог. Она слышала звон тетивы арбалетов, у неё перехватило дыхание от страха за Эриса. Цоканье копыт. Цоканье множества копыт лошадей, летящих, несущихся, скользящих по склону. Безумный боевой клич в исполнении знакомого дорогого голоса.

Сордсо резко выдохнул. Его сапоги захрустели по гравию; что-то бормоча, он извлёк облада-

тельницу зелёных туфель из поля зрения. Сапоги снова пронеслись мимо лица Исты; рядом гальку скребло конское копыто. Иста умудрилась чуть-чуть повернуть голову. Княжеского коня, в седле которого расположилась Джоэн в окружении неудобных складок её шикарного платья, бегом уводил носильщик, поминутно с ужасом оглядывающийся на вершину холма.

Послышался удар. Невидимая тяжесть, словно ладонь придавившая Исту к земле, стала менее ощутимой. Звон меча, который Сордсо извлёк из ножен, так резанул Исте слух, что она дёрнулась и сумела повернуть голову в другую сторону. Кто-то из арбалетчиков оказался настолько безрассудным, что на секунду отвёл взгляд от Эриса, и теперь марч уже сцепился с ним. Несколько арбалетчиков, стоявших рядом, выпустили стрелы в воздух и теперь судорожно перезаряжали оружие. Эрис сдёрнул кинжал с пояса поверженного врага и взмахнул им как раз вовремя, чтобы принять удар Сордсо. Удар металла — да. В ладони у Сордсо начал собираться фиолетовый свет. Он метнул его вперёд.

Обжигающая фиолетовая молния прошла сквозь Эриса, но без видимого результата, и погасла, едва коснувшись земли. Сордсо удивлённо

вскрикнул и резко метнулся в сторону, словно бы для того, чтобы отразить удар кинжала, который чуть не выбил меч у него из рук. И этот манёвр закончился бегством.

Лавина всадников смяла их. Джоконские стрелки были отброшены назад и повержены. Звенели мечи, кололи копья, направляемые кричащими воинами в серо-золотых плащах. Прямо перед лицом Исты откуда ни возьмись появилась четвёрка копыт, размером с обеденную тарелку, которые, гарцуя, остановились рядом. Три ноги коня были покрыты шелковистыми и белыми волосками, а четвёртая залита алой кровью.

— Вот конь, которого вы хотели, — раздался голос Иллвина сверху; он, видимо, хотел произнести фразу быстро, но из-за того, что запыхался, желаемого не достиг. Рядом с обеденными тарелками, скрежеща о гравий, появились ещё четыре копыта. На этот раз в интонациях Иллвина появились резкие нотки:

— Пятеро богов! Она ранена?

— Думаю, она под воздействием магии, — выдохнул Эрис. Он опустился на колени рядом с Истой и принял её в прохладные, неживые, гостеприимные объятия. Марч поднялся на ноги и передал её выше в руки брату. Она с безвольным

стоном опустилась вниз животом поперёк коленей Иллвина.

Иллвин выругался и крепко сжал её бедро, скрытое юбкой, чтобы не дать ей упасть. Через плечо он крикнул кому-то, но явно не Эрису:

— Забери Горама!

— Они перестраиваются! — сообщил Эрис. — Поехали!

Звонкий хлопок по белому крупу коня едва ли был необходим для того, чтобы сдвинуть их; животное уже сорвалось с места. Они мчались вниз по склону, подальше от дороги.

Источник ужасающего алого потока тотчас был обнаружен: прямо под покачивающимся на скаку носом Исты на правом плече Пуха зиял багровый порез, из которого без перерыва сочилась кровь. Внизу головокружительно проносилась земля. Жеребец сбавил скорость, мышцы под шкурой набухли; Иллвин откинулся в седле, его ладонь теперь сжимала её бедро, словно тисками. Внезапно они заскользили вниз по крутому склону, поднимая брызги грязи и разбрасывая камни, передние ноги коня напряглись; он чуть было не сел на широкий круп. Иллвин снова крикнул. Кусты хлестали Исту по лицу и царапали щёки. Стоит только хоть ненадолго потерять равно-

весие, и они все трое покатятся кувырком вниз, кости превратятся в труху, а кишки в кашу…

Бесконечное скольжение завершилось не так страшно, как могло бы: они на всей скорости въехали в речку, протекавшую рядом с Порифорсом. Вокруг стали появляться другие всадники. Иллвин разжал железную хватку, который сжимал бедро Исты, а потом рассеянно и ободряюще погладил её по ягодице.

Иста обнаружила, что власть над собственным телом к ней возвращается, и выплюнула кляп из крови, воды и грязи, забивший её рот. Что произошло с князем-магом? Очевидно, что его отвлекли от её персоны. На какую-то секунду. Но вместе с осознанием того, что тело снова принадлежит ей, появились и новые ощущения.

— Меня сейчас стошнит, — пробормотала она в красный бок коня.

На блаженную секунду они практически остановились. Иллвин наклонился и обнял её длинными руками, чтобы перевернуть и посадить вертикально перед собой. Она бессильно обхватила его скользкое от пота худое тело; грудь его постоянно вздымалась и опускалась. Рубаха вместе с вилами потерялась где-то по пути. На губах запеклась кровь. Его настоящее, живое тело

было горячим от напряжения. Но серьёзных ран у него не было — это Иста проверила на ощупь.

Его трясущаяся рука дотронулась до её лица, нежно стирая безбожно налипшие на её щёки лошадиную кровь, пот и грязь.

— Милая Ис… госпожа, вы ранены?

— Нет, это кровь вашего несчастного коня, — успокоила она его, предположив, что его испугала кровь. — Меня всего лишь немного потрясло.

— Немного. Ну да. — Его брови выгнулись, губы расслабились, сложившись в улыбку.

— От этой поездки у меня на животе наверняка останутся синяки.

— Ох. — Его рука, лежащая поперёк её живота, неуклюже потёрла её ушибы. — Честное слово, мне очень жаль.

— Не нужно просить прощения. Что случилось с вашими губами? — Она пальцем коснулась израненного края.

— Удар древком копья.

— Ничего себе.

— Всё же лучше, чем острым концом, уж поверьте. — Они снова двинулись в путь. Иллвин оглянулся через плечо. Они находились на дороге поуже прежней, практически на тропинке, которая бежала вдоль реки в сторону, противо-

положную той, куда вела главная дорога. Теперь они ехали в окружении солдат в серо-золотых плащах. — Не стоит задерживаться снаружи. Джоконская колонна, которую мы встретили, как говорят разведчики, уже подходит к стенам замка. Но до этих пор в обозах осадных орудий замечено не было. Вы сможете держаться за меня, если мы поскачем лёгким галопом?

— Конечно. — Иста села поровнее, отвела волосы ото рта; чьи это были волосы, она сказать точно не могла. Она почувствовала, как под ней напряглись его ноги, и белый конь безо всяких переходов понёсся длинными, убаюкивающими шагами.

— А где вы нашли этот отряд? — выдохнула она, крепче цепляясь за его скользкую кожу, чтобы качало как можно меньше.

— Это вы послали его ко мне, за что вам большое спасибо. Вы ещё и провидица? Я встретил этих воинов по дороге как раз тогда, когда ехал за ними в Порифорс.

Вот как! Значит, ди Кэйбон выполнил приказ. Немножко рановато, но Иста вовсе не собиралась ругать его за это.

— Просто на сей раз благоразумие было вознаграждено. Для разнообразия. Вы видели Лисе

с Каттиларой и Фойкса? Мы отправили их на прорыв.

— Да, они промчались мимо нас, когда мы поднимались на вершину холма, чтобы обрушиться на джоконцев. Теперь они должны быть за стенами в безопасности. — Он посмотрел через плечо, но не стал понукать коня, из чего Иста заключила, что на данный момент им удалось оторваться от погони. Длинные скачки коня стали укорачиваться, дыхание участилось, появился лёгкий присвист; Иллвин расслабился и позволил жеребцу пойти шагом.

— А что случилось там на дороге? — спросил он. — Почему вы оказались на земле? Это в самом деле была магия?

— Да. Судя по всему, Сордсо Пьяница превратился в Сордсо Мага. Но откуда у него демон, я не знаю. Но я согласна с вами: это должен знать демон его покойной сестры. Если нам придётся встретиться с Сордсо в бою… не знаете, имеется ли у демонской магии зона действия? Не важно, я спрошу у ди Кэйбона. Или, может быть, Фойкс знает из собственного опыта. Не буду его за это винить.

— Три мага, сообщил Фойкс. По меньшей мере, — сказал Иллвин. — Столько он, как ему

кажется, сумел различить среди джоконских офицеров.

— Что? — глаза Исты расширились. Она подумала о странных жгутах, напоминающих гнездо змей и расходящихся из живота вдовствующей княгини Джоэн. Одна из этих змей впивалась в Сордсо, в этом сомнений быть не могло. — Тогда их должно быть больше трёх.

Дюжина? Двадцать?

— Вы видели ещё магов?

— Я видел нечто. Нечто сверхъестественное. — Он снова бросил взгляд через плечо.

— Что там? — поинтересовалась Иста.

— Эриса нет. Чтоб ему пусто было! Он всегда уходит последним. Я ему тысячу раз говорил, что такая бравада не пристала ответственному военачальнику. Но на мальчишек-новобранцев, приходится признать, это производит впечатление. Ад Бастарда, это производит впечатление и на меня, хотя я знаю лучше… эх.

Иллвин снова оглянулся, мрачная улыбка приподняла уголок его окровавленных губ. Он позволил коню продолжать идти медленно и нахмурился. Теперь стало отчётливо заметно, что жеребец прихрамывает. Но замок Порифорс возвышался уже практически прямо над головой.

Последние жители текли в городские ворота. Голоса беглецов казались напряжёнными, но паники не было.

Эрис подъехал к ним верхом на джоконском коне, видимо, раздобытым Иллвином так же, как и до этого мечи. Сидящий позади марча бледный как полотно паж храбрился, изо всех своих силёнок сдерживая слёзы. Внутренний взор Исты проверил бледную нить пламени, тянущуюся к сердцу марча; где бы Катти ни была, она всё ещё жива. Поток уже не тёк с той бешеной скоростью, как раньше, но продолжал оставаться достаточно плотным.

Горам, что Исту очень обрадовало, тоже сидел позади другого солдата, а перепуганная фрейлина Каттилары хваталась за третьего. Босоногого слуги видно не было. Эрис махнул рукой брату, тот помахал в ответ. Марч мрачно и обеспокоенно посмотрел на Исту.

— Пора внутрь, — предложил Иллвин.

— Я не возражаю, — откликнулся Эрис.

— Отлично.

Усталые кони из последних сил преодолели извилистый подъём и въехали в парадный двор.

Лисе приняла Исту из рук Иллвина, когда он опустил её вниз; подбежал Фойкс и предложил

руку. Иста благодарно опёрлась на неё, потому что иначе она бы бесполезной грудой рухнула на камни.

— Госпожа моя, позвольте проводить вас в ваши комнаты… — начал было он.

— Куда вы поместили леди Каттилару?

— Мы уложили её в спальне, женщины заботятся о ней.

— Хорошо. Фойкс, найди ди Кэйбона и приведи его ко мне. Сейчас же.

— Я должен осмотреть наши укрепления, — сказал Эрис. — Я приду к вам, как только смогу. Если смогу. Иллвин?..

Иллвин прервал объяснения, которые давал груму насчёт раненого коня.

Эрис взглядом указал на внутренний двор, где располагались его покои и покои его жены:

— Делай то, что должен.

— О да, — Иллвин поморщился и последовал за Истой. Дикий восторг, который поддерживал его на протяжении всей стычки на дороге, начал сходить на нет. Когда они проходили под аркой, ведущей в дворик с фонтаном, он начал прихрамывать, как и его конь, еле переставляя ноги от усталости и истощения.

Глава двадцать первая

Комната Каттилары сохранила вид женского уголка, который Иста отметила в первый день своего пребывания в Порифорсе. Но только теперь фрейлины марчессы были скорее встревожены, чем гостеприимно настроены: тревога, гнев, испуг и вина сменялись в них зависимости от того, насколько та или иная была посвящена в подробности плана бегства. Они смотрели на взлохмаченную, еле дышащую, залитую кровью женщину в немом ужасе. Иста безжалостно выгнала их всех, приказав принести воду для умывания, питьё и еду для Иллвина и для всех участников утренней погони, которые, казалось, уже давным-давно, а не этим утром выехали, едва ли успев проглотить чай с хлебом.

Иллвин подошёл к тазику, стоящему рядом с кроватью Каттилары, и отжал мокрое полотенце; он взглянул на Исту и вежливо вручил его ей. Красный грим, который она стёрла с лица, выглядел устрашающе. Как выяснилось, не вся кровь принадлежала коню; она осторожно промокнула царапины. Иллвин прополоскал полотенце

и, отжав его снова, вытер запачканное потом и кровью лицо и покрытый грязью торс; после чего принял кружку питьевой воды из рук Лисе и осушил её одним глотком. Покончив с этим, он подошёл к Исте и тоже стал осматривать Каттилару, которая лежала на кровати, всё так же одетая в платье для путешествий. Правый рукав был отрезан, и на уже знакомую рану на плече был наложен компресс.

Она была мила, как спящий ребёнок; одно лишь грязное пятнышко марало её белоснежные щёчки. Но на её кукольном личике оно казалось скорее изящным украшением. Однако палец Иллвина указал на появившиеся совсем недавно синяки под её глазами:

— Её тело слишком хрупко, чтобы поддерживать Эриса так же успешно, как само себя.

И он знает, о чём говорит. Иста взглянула на его впавшие щёки и выпиравшие рёбра:

— На недели или месяцы её не хватит, верно. Но на несколько часов или дней… Думаю, настала её очередь. И я знаю, кто меньше всего нужен Порифорсу в данный момент.

Иллвин поморщился и посмотрел через плечо на открывающуюся дверь. Фойкс пропустил вперёд себя встревоженного ди Кэйбона.

— Благодарение пятерым богам, вы спасены, госпожа! — искренне обрадовался служитель. — И леди Каттилара тоже!

— Спасибо вам, просвящённый, — ответила Иста, — за то, что вы послушались моих приказов.

Он с беспокойством посмотрел на неподвижную фигуру марчессы:

— Она ведь не ранена, нет?

— Нет, не ранена, — успокоила его Иста. — Пока. Но я вынудила её на время отдать жизненные силы её души Эрису, так же как это делал лорд Иллвин. Теперь нам нужно каким-то образом заставить её демона говорить. Не знаю, был он хозяином или слугой княжны Юмеру, но в любом случае он был свидетелем, а то и результатом махинаций вдовствующей княгини Джоэн. Иллвин вчера заметил верно: демон должен знать, что она делала, потому что сам является частью её действий. Тем более что он сбежал… с её поводка. — Если задуматься, весьма ободряющий факт. — Это значит, что контроль Джоэн над демонами не абсолютен.

Ди Кэйбон взирал на неё с тревогой в глазах, и Иста поняла, что для него это, наверное, звучит, как бред сумасшедшей. Бровь Иллвина тоже

приподнялась в некотором изумлении, и он уточнил:

— Вы сказали, что Джоэн выглядела ещё более странно, чем Сордсо. Как?

Сбивчиво Иста попыталась описать то, что позволило ей увидеть внутреннее зрение при встрече у сломанного паланкина с вдовствующей княгиней, которую она видела так недолго, но зато хорошо запомнила, и с одержимым демоном князем Сордсо. И то, как демонический огонь Сордсо словно сковал все её кости.

— До этих пор все демоны передо мной сжимались, отступали, хотя я так и не знаю почему. Я и не представляла, что я так уязвима для них. — Она мрачно взглянула на Фойкса.

— То, что вы описали, мне кажется странным, — задумчиво произнёс ди Кэйбон, потирая подбородок. — Один демон, паразитирующий на одной душе, — явление нормальное. Но для других больше места нет! Демоны не терпят, когда их сородичи находятся от них в непосредственной близости, а уж тем более в одном и том же теле. Я не представляю, какая сила может связать их вместе, если не считать, конечно, самого Бога.

Иста, размышляя, кусала губу:

— То, что было внутри Джоэн, никак не напо-

минало то, что виднелось внутри Сордсо. Сордсо одержим обычным демоном, таким же как у Каттилары или Фойкса, только у князя он преобладает, а не подчиняется. Так же как у Катти, тогда, когда мы выпустили его, чтобы расспросить, а потом едва загнали обратно. И Джоэн отвечал не сын, а демон.

Услышав это, ди Кэйбон поморщился.

Иста взглянула на Фойкса, стоящего позади него; на лице молодого человека отразилось едва ли не большее отвращение. Он был так же пропитан потом и заляпан грязью, как любой из них после утренних приключений, но кровавых ран на нём заметно не было.

— Фойкс.

Он вскинул голову:

— Госпожа?

— Можешь помочь мне? Я хочу вернуть Каттиларе немного жизненных сил и перегнать демона ей в голову, чтобы он был в состоянии говорить, но не мог подавить её волю. Не мог сломать ту сеть, что поддерживает Эриса. Сейчас не самый подходящий момент, чтобы отдать военачальника Порифорса в лапы смерти… окончательно.

— И вы, госпожа, ждёте, когда лорд Эрис будет готов, и тогда отпустите его душу? — полюбопыт-

ствовал Фойкс.

Иста покачала головой:

— Не уверена, что это является частью моей миссии, даже если я попытаюсь. Я боюсь оставить его среди призраков, отрезанных от богов. А он уже висит на волоске.

— И ждёт, когда будем готовы мы, что гораздо более вероятно, — пробормотал Иллвин.

Фойкс нахмурился и посмотрел на Каттилару:

— Госпожа моя, я готов выполнить то, что вы прикажете, если это в моих силах, но я не понимаю, чего вы хотите. Я не вижу ни огня, ни света. А вы?

— Я тоже сначала не видела. Моя восприимчивость выражалась лишь только в смеси ощущений, страхов, догадок и снов. — Иста размяла пальцы и сжала кулак. — А потом Бог открыл мне глаза на его царство. Какой бы ни была реальность, моё внутреннее зрение видит её как переплетение пятен света и тени, цветов и линий. Какая-то часть их напоминает сеть, какая-то — мощный поток.

Фойкс смущённо потряс головой.

— Так как же ты обращался с мухами? И с лошадью, которая споткнулась? — терпеливо спросила Иста. — Ты что-нибудь ощутил? Это

можно выразить какой-то другой метафорой? Может быть, вместо этого, ты слышишь что-то? Или перемещаешь в пространстве?

— Я… — он пожал плечами, — я просто хочу этого. Я мысленно представляю то, что должно случиться, и так и случается. Я чувствую себя… странно.

Иста покусала палец, не сводя с Фойкса глаз. А потом, повинуясь какому-то порыву, встала напротив него.

— Наклони голову, — приказала она.

Он удивился, но подчинился. Она схватила его за тунику и склонила ещё ниже.

— Господин Бастард, раздели свой дар между нами. Нет, не так. Пропади пропадом Твои Глаза. — Она коснулась губами его потного лба. Вот. Теперь всё верно.

Медведь взметнулся от боли. На какую-то секунду показалось, что в расширенных зрачках Фойкса мелькнул фиолетовый огонь. Она отпустила юношу и отступила назад; он, шатаясь, выпрямился. У него на лбу потух едва заметный белый огонёк.

— Ох. — Он коснулся того места, куда пришёлся поцелуй и изумлённо оглядел помещение и всех присутствующих. Закрыть рот ему всё никак не

удавалось. — И вы *это* видите? Постоянно?

— Да.

— И как же вы не падаете, когда ходите?

— К этому привыкаешь. Внутренний взгляд, как и обычный, впрочем, учит выделять то, что нужно, а на остальное не обращать внимания. Можно смотреть, но не видеть, а можно пристально рассматривать. И ты сейчас поможешь мне с Каттиларой.

Губы ди Кэйбона сжались от удивления и тревоги; он неуверенно потирал руки:

— Госпожа, возможно, это может причинить ему вред…

— Такой же, как и несколько сотен джоконцев, которые вот-вот нападут на Порифорс, просвящённый. Надеюсь, ваше благоразумие подскажет вам, что в таком случае важнее. Фойкс, ты видишь… — Она повернулась и обнаружила, что юноша с любопытством и ужасом в глазах рассматривает собственный живот. — Фойкс, иди сюда!

Он сглотнул и оторвался от того, что рассматривал:

— Мм-м. Да, госпожа, — он искоса посмотрел на неё. — А вы можете видеть себя?

— Нет.

— Должно быть, это к лучшему. Вдоль всего вашего тела мерцают языки пламени, острые языки пламени. Теперь понятно, почему демоны вас боятся…

Она взяла его за руку и решительно подвела к ложу Каттилары.

— Теперь посмотри. Видишь свет демона, который сжался в комок у неё в груди? И белый поток, который течёт из её сердца к сердцу её мужа?

Рука Фойкса медленно провела вдоль белой линии, что вполне доказало его восприимчивость.

— А теперь загляни под линию белого огня и увидишь, что её поддерживает демон.

Он посмотрел вдоль линии белого огня, а потом на тоненькую струйку, которая всё ещё тянулась от Иллвина, а потом снова перевёл взгляд на Каттилару:

— Госпожа, а не слишком ли быстро?

— Да. Поэтому у нас немного времени. Иди сюда, посмотрим, что можно сделать. — Сначала она, как и раньше, взмахнула руками над телом Каттилары; но потом, просто из любопытства, опустила руки и … пожелала. Гораздо проще подчинить себе белый огонь, обращаясь с ним, как с чем-то материальным, но, как выяснилось, на самом деле материальные руки вовсе ни к чему

для выполнения задуманного. Огонь души Каттилары собрался вокруг сердца, струясь прочь, как и раньше. Иста не стала пытаться вмешиваться настолько, чтобы перекрыть дыхание Эрису. По крайней мере, она знала, что до тех пор, пока существует это пламя, марч, где бы он ни был, остаётся… на ногах.

— А теперь, Фойкс, попробуй переправить демона ей в голову.

Фойкс неуверенно приблизился к кровати и взялся за босые ступни Каттилары. Внутри него вспыхнул свет; Исте показалось, что его медведь угрожающе зарычал. Фиолетовый демон Каттилары метнулся вверх. Внутренним зрением Иста проверила сеть, поддерживающую жизнь Эриса, и попробовала сжать защитное кольцо вокруг шеи Каттилары. Для белого пламени он сработает, а вот для демона?

Судя по всему, сработало, потому что глаза Каттилары внезапно распахнулись; теперь в них появился чуждый марчессе жёсткий блеск. Казалось, что даже черты её лица изменились, мышцы под кожей задвигались по-другому.

— Глупцы! — выдохнула она. — Мы же сказали вам, что нужно бежать, а теперь слишком поздно! Она настигла вас! Нас снова заберут в плен, все

слёзы пошли даром!

Голос её был хриплым и прерывающимся, потому что движения лёгких не согласовывались с тем, что произносили губы.

— Она? — переспросила Иста. — Княгиня Джоэн?

Демон попытался кивнуть, но понял, что не в состоянии сделать это, и опустил ресницы Каттилары в знак согласия. Иллвин неслышно поставил стул с другой стороны кровати, сел и опёрся локтём на колено, пристально наблюдая за происходящим. Лисе отошла назад и устроилась на одном из сундуков, расставленных вдоль стены.

— Я видела на дороге Джоэн, — сказала Иста. — Из чёрной дыры в её животе будто бы тянулось множество светящихся змей. И что находится на другом конце каждой змеи? Маг?

— Да, — прошептал демон. — Так она подчинила нас всех своей воле. Всех нас — воле одной мерзавки. Как же это *больно*!

— Одна из этих линий вела к князю Сордсо. Ты хочешь сказать, что эта женщина способна отдать демону собственного сына?

Демон неожиданно горько рассмеялся. Выражение лица Каттилары снова изменилось.

— Наконец! — прокричал демон на рокнари. — Он был последним. Она всегда больше любила сыновей. Мы, дочери, были ненужным хламом, сплошным разочарованием. Золотой Генерал не мог возродиться в нас, это уж точно. В лучшем случае мы были предметом для совершения выгодных брачных союзов, а в худшем — тягловыми лошадьми для тяжёлых работ или кормом…

— Это голос Юмеру, — в мрачном смятении прошептал Иллвин. — Не той Юмеру, что явилась к нам в Порифорс, а той, что я видел однажды мельком в Хамавике.

— Но откуда Джоэн взяла всех этих элементалей? — спросила Иста.

Голос демона поменялся; снова зазвучал ибранский:

— Выкрала из ада, конечно.

— Но как? — удивился ди Кэйбон. Он стоял в ногах кровати позади Фойкса, глаза его были широко раскрыты.

Демон попытался изобразить пожатие плечами, приподняв брови Каттилары:

— Это сделал для неё древний демон. Нас похитили из ада ещё несмышлёнышами, посадили на её поводок, кормили и обучали…

— Кормили? — в тоне Иллвина слышалась

тревога.

— Кормили душами. Именно так ей удалось получить такое большое количество; она выращивает демонов на всех подвернувшихся душах, кроме своей собственной. Сначала на животных, на слугах, рабах, военнопленных. А потом, когда Джоэн постигла все тонкости этого искусства, в ход пошли только те, чьи таланты и способности были необходимы для получения конечного результата. Она помещала нас в тела этих людей, до тех пор пока мы не пожирали ту часть их души, которая была ей нужна, а потом извлекала нас оттуда. И так продолжалось, пока мы не стали пригодны для того, чтобы превратиться в наездников для её лучших рабов-магов. И даже для княжон! Тем более если это была весьма посредственная княжна.

— Горам, — обеспокоенно сказал Иллвин. — Мой грум Горам тоже был одним из них? Он стал пищей для демона?

— Он? О да. Как нам кажется, он был шалионским начальником кавалерии. Хотя нашей пищей он никогда не был. Сначала она скормила нам зяблика, потом маленькую служанку. Потом шалионского учёного, наставника. Она позволила нам сожрать его целиком, ведь в любом

случае его бы подвергли пыткам за то, что он был приверженцем Бастарда. Ещё джоконскую куртизанку. Как ни странно, они совсем неплохо ужились с учёным, потому что оба интересовались мужчинами. Джоэн презирала её за те самые умения, которые и хотела забрать, поэтому она оставила её в живых, но без разума, и отправила погибать на улицы.

Судя по всему, Иллвину и ди Кэйбону стало нехорошо; лицо Фойкса не выражало вообще ничего. Вступил ди Кэйбон:

— То есть ты хочешь сказать, что княгиня Джоэн вытаскивает демонов из жертв так, что последние остаются в живых? Отделяет их от душ, как это делала святая из Раумы?

Губы демона сложились в неприятную усмешку:

— Как раз наоборот. Для Джоэн целью было связать, а не разделить. Когда мы поглощали то, что было нужно, она вытаскивала нас, разрывая душу на части. Забирая то, что хотела, и выбрасывая остальное, словно мусор. Процесс, весьма неприятный для обеих сторон, уверяю вас, но это помогало ей удерживать нас в спокойном и покорном состоянии.

Иста не понимала, почему демон вдруг стал

сговорчивым, но решила воспользоваться таким настроением и надавить.

— Древний демон, — напомнила она. — Что это?

— А, наследство Джоэн, — ответил демон. Теперь, поняла Иста, он говорил голосом учёного, чётким и сухим; в его ибранском слышался акцент, свойственный центральной части Шалиона, не такой мягкий, как северный говор Катти. И марчесса никогда не говорила такими округлыми фразами. — Вы хотите, чтобы мы поведали эту историю? Враги наших врагов вовсе нам не друзья. И всё же, почему бы и нет? Мы знаем, что нас ждёт, так почему бы не узнать вам? Глупцы.

Последнее было сказано неожиданно спокойным тоном. Демон выдержал паузу, пока тело обеспечивало ему дыхание, и продолжил:

— В дни славы Золотого Генерала, люди с Архипелага толпами стекались к нему в поисках постов при его дворе и добычи в его кампаниях. И среди них был очень старый маг, который долгое время скрывал демонскую магию от жителей Архипелага, которые были кватернианцами, каждый раз хитро ускользая от преследователей. Его демон был ещё старше него, на многие десятки жизней. Хаос и смятение, которые несла в себе

война, привлекали их, словно сладкий аромат. И это оказалось страшной ошибкой, потому что Рокнарский Лев был возлюбленным детищем Самого Отца и поэтому обладал множеством даров, среди которых было и внутреннее зрение.

Старого мага поймали, обвинили, осудили и сожгли. Однако, воспользовавшись хитростью, накопленной за многие десятки лет, древний демон покинул умирающего мага и миновал все препятствия, расставленные служителем-кватернианцем. Но поскольку он не мог прыгнуть настолько далеко, чтобы оказаться вне опасности, он избрал человека, которого Золотой Генерал ни за что не сожжёт, — его трёхлетнюю дочь Джоэн.

— Княгиня Джоэн была магом все эти годы? — изумлённо воскликнул ди Кэйбон.

— Не совсем. — Демон коротко и горько улыбнулся губами Каттилары. — Золотой Генерал чуть не сошёл с ума от ярости и горя. Он обратился к своему богу с молитвой и получил новый дар. Отец дал ему способность поместить демона в своеобразную капсулу, погрузить его в сон внутри девочки. Дальнейший план Льва заключался в следующем: когда Шалион будет захвачен, он тайно схватит и увезёт святого Бастарда, если,

конечно, таковой существует, который сможет безопасно извлечь демона из его дочери с помощью запрещённого кватернианцами ритуала. И с этими мыслями он уехал на войну.

Но из-за совершённого Фонсой самопожертвования Лев умер раньше, чем успел осуществить свои планы и вернуться. Разъединённые княжества погрузились в очередную эпоху пограничных стычек с квинтарианскими королевствами. А демон всё ждал смерти своей владелицы, чтобы снова получить свободу действий в мире людей. И выжидал он пятьдесят лет.

А потом, спустя три года, произошло нечто. Капсула раскрылась, выпустив демона в душу Джоэн. Но это был уже не тот податливый ребёнок, которого демон когда-то избрал своей жертвой, а жестокая, решительная, озлобленная и стойкая женщина.

— Но как? — недоумевал ди Кэйбон.

— Да, — поддержал его Иллвин. — Почему капсула держалась на протяжении пятидесяти лет, а потом вдруг раскололась? Если только не…

— Я знаю как, — сказала Иста, её охватило холодное удовлетворение. — Думаю, я даже могу точно назвать день и час, когда это случилось. Это я расскажу вам позже. Но тише, пусть он

продолжает. Что случилось потом?

Демон прищурил глаза, в них сквозило что-то вроде уважения:

— В тот момент Джоэн была в отчаянном положении. Вместе со своими главными врагами — генералом Джоконы и братом её последнего мужа — она была регентшей при князе Сордсо. А Сордсо был юным пьяницей, который ненавидел их всех. Генерал и его дядя тайно сговорились схватить Сордсо и вместо него возвести на трон Джоконы его дядю.

— А, — грустно протянул Иллвин. — Как раз тогда я и предлагал напасть на Джокону. Момент был лучше не придумаешь, как раз затевалась эта дворцовая распря… но, ладно.

— Джоэн была вне себя, — продолжил демон. — Она верила — или убедила себя в этом, — что древний демон — это тайное наследство, оставленное ей великим отцом, которое нужно использовать в этот несчастный час, чтобы спасти его внука от предателей. Поэтому она ничего никому не сказала и начала учиться у него. Древний демон был весьма польщён вниманием такой прилежной ученицы и научил её всему, полагая, что скоро они поменяются ролями и он завладеет ею. Но он недооценил её железную волю, закалённую

четырьмя десятками лет хорошо сдерживаемой ярости. И он стал больше, чем её рабом.

— Да, — прошептала Иста. — Это я понимаю.

— Со-регенты Джоэн стали первыми врагами, которые привлекли её внимание. Вполне понятно, потому что их связывала личная давняя ненависть. Что ж, дядя умер тихо. Генерала же ждала более сложная судьба — в скором времени он превратился в одного из ближайших соратников Джоэн.

— Джоан, кватернианка, по их меркам совершила святотатство, — заметил ди Кэйбон; его лицо непрерывно двигалось от напряжения. — Но плохой кватернианец — это не то же самое, что хороший квинтарианец. У неё нет достаточных навыков, чтобы справиться с одним элементалем, не говоря уже о множестве.

— Верно, — выдохнула Иста, — нет.

Демон Катти продолжил:

— Вскоре пленённые демоны перестали быть для неё только спасением для Сордсо; они стали её счастьем. Наконец-то, в кои-то веки она может повелевать, и все будут, мило улыбаясь, подчиняться ей! Все, кроме Сордсо.

Голос демона и язык, на котором он говорил, снова изменились:

— И она взяла меня, когда я отказалась выходить замуж за квинтарианского незаконнорождённого лорда; когда она это делала, её глаза светились триумфом. Я всегда, всегда и всё делала так, как велела она, всё, до последнего. Но только не Сордсо, её золотого мальчика. Ох, как радуется моё сердце даже в этой смерти при жизни, когда я думаю о том, что она наконец взяла и моего братишку! — Губы Катти — Юмеру — растянулись в жестокую улыбку. — Я говорила ему, что не нужно с ней спорить. И он послушал? Конечно же нет. Ха!

— Каттилара сказала, что тебя прислали, чтобы заставить Порифорс изменить Шалиону, — обратилась Иста к демону. — И, как мне кажется, не без помощи куртизанки…

Лицо Иллвина, сидящего напротив, выражало смесь воспоминаний, сожалений и ужаса. Иста не могла понять, как эти полупереваренные души могут сосуществовать в одном разуме одновременно — или они всё же существуют отдельно друг от друга?

— И мать наказала тебе привязать к себе Иллвина или Эриса? — спросила Иста. — Или обоих?

Улыбка Юмеру стала мягче:

— Лорда Иллвина. Сначала он нам показался

очень даже ничего. Но потом мы увидели Эриса… Зачем довольствоваться вторым сортом, вторым человеком в гарнизоне, а потом усложнять себе жизнь бунтом и захватом власти, если можно просто-напросто взяться сразу за главу Порифорса? — после чего демон добавил на ибранском: — Лорд Эрис, да, — и, затем: — Эрис. Да. Мм-м. — А потом протяжно вздохнул, из-за чего язык определить было невозможно, — Аххххх…

— Видимо, по этому поводу разногласий у него не возникло, — сухо отметил Иллвин. — Служанка, княжна, куртизанка и, несомненно, учёный оказались единодушны. Весь план превратился в дым при взгляде на него. Не удивлюсь, если та несчастная птица тоже была самкой. Если это так, то она наверняка с удовольствием села бы ему на палец. Значит, план Джоэн был разрушен магией ещё более старой, чем магия древнего демона. — Он нахмурился от удивления и боли. — К счастью для меня. — Теперь осталась одна боль.

На секунду показалось, что тщательно скрываемое утомление чуть не всплыло на поверхность, словно вся тяжесть мира навалилась ему на плечи. Потом его тёмные глаза вспыхнули, и он выпрямился.

— Так как же этот древний демон высвободился

из плена? Госпожа, вы сказали, что знаете.

— Это только моя догадка. Время совпадает, понимаете? Именно три года назад в День Дочери проклятие, оставшееся после смерти Золотого Генерала, было снято со всего Шалиона и моего Дома: всё, что осталось после него, извращённые дары богов, — всё было собрано и передано богам через избранного Ими святого. И если в тот день было возвращено всё, то и способность удерживать демона в капсуле тоже.

Иллвин встретился взглядом с ди Кэйбоном; служитель задумчиво кивнул.

Иста заметила:

— Интересно, если бы Арволу, Иасу и мне удалось бы снять проклятие двадцать лет назад, то и Джоэн получила бы своего демона на два десятка лет раньше? И кто тогда стал бы хозяином?

Ди Кэйбон уставился на Каттилару с крайним любопытством, судя по всему охваченный теологическим интересом.

— А мне хотелось бы знать, уж не действия ли этого самого рокнарского старого мага повлекли за собой выброс демонов, который обрушился на Шалион в день Фонсы? — Историческую теорию пришлось оставить в стороне, потому что тот выброс демонов, с которым они столкнулись теперь,

был гораздо более животрепещущим вопросом.

Почему это существо нам всё рассказывает? — недоумевала Иста. Чтобы посеять в их малочисленных рядах страх и смятение? Поделиться собственными душевными страданиями? Она оглядела невозмутимого Фойкса, задумчивого ди Кэйбона и сосредоточенного и проницательного Иллвина. Если в этом заключался план демона, то он с треском провалился. Быть может, в нём теперь столько человеческих черт, что ему просто нравится внимательная аудитория. Или в момент отчаяния, когда вся надежда на побег потеряна, это склонное к одиночеству существо наперекор своей природе ищет союзников?

Открылась дверь; Иста испуганно оглянулась. Вошёл лорд Эрис и почтительно кивнул ей. Исту порадовало, что на нём снова была кольчуга. В конце концов, перегрев от ношения доспехов на жаре ему не грозит. Вместе с ним появились горничные с подносами и заметно оправившийся Горам с ворохом одежды и амуниции для Иллвина.

Все без всяких церемоний накинулись на еду, расставленную на подносах. Эрис подошёл к постели и печально посмотрел на жену. Демон ответил ему тем же, но ничего не сказал. Иста

понадеялась, что в его взгляде не было слёзной тоски, свойственной Каттиларе. Неужели и в её — Исты — глазах стоит то же самое выражение, когда она смотрит на него?

— Она пришла в себя? — Эрис удивлённо помял руку. — Как же тогда я…

— Каттилара спит, — сообщила ему Иста. — Мы открыли демону доступ к её губам, чтобы он мог говорить. Что он и сделал.

— Эрис, как дела снаружи? — поинтересовался Иллвин. Он попеременно то жевал кусок мяса, завёрнутый в ломоть хлеба, то прикладывался к чашке с холодным чаем и одновременно позволял груму себя одевать.

— По подсчётам моих разведчиков, около пятнадцати сотен джоконских солдат. По пять сотен в каждой колонне. Только что вернулись двое из разведывательной группы. Поскольку кольцо блокады вокруг Порифорса уже сомкнулось, боюсь, ещё десятка ребят мы уже не дождёмся. Я никогда не терял так много разведчиков сразу.

— Осадные орудия? — спросил Иллвин с набитым хлебом ртом, засовывая ногу в сапог, который поддерживал стоящий на коленях Горам. Сапоги пропавшего слуги были отброшены в сторону. Сапоги мертвеца? Сейчас не время об

этом думать.

— Об этом никто не докладывал. Обычные обозы, не более.

— Уф.

Эрис взглянул на Исту. Она не представляла, что отразилось у неё на лице, но он попытался заверить её:

— Порифорс уже не раз выдерживал осады, госпожа. Стены города тоже надёжны. Внизу у меня сотня людей и половина горожан — бывшие солдаты гарнизона. Для обеспечения подкрепления из города существуют туннели. Помнишь, Иллвин, что было пятнадцать лет назад, когда Лис Ибры прислал сюда три тысячи солдат? Мы сдерживали их полмесяца, до тех пор пока ди Карибастос и ди Толноксо — отец нынешнего провинкара — не освободили нас.

— Не думаю, что Джокона собирается выставить против нас осадные орудия, — усомнился Иллвин. — Мне кажется, на сей раз нам придётся встретиться с магами.

И он вкратце пересказал брату то, что поведал демон. Пока он говорил, Горам, бледный, но полный решимости, тщательно зачесал волосы хозяина назад и туго стянул на затылке, а потом встряхнул кольчугу, чтобы её было легче надеть.

— Если эта сумасшедшая Джоэн притащила с собой на поводке дюжину или больше магов, — заключил Иллвин, натягивая кольчугу, — то не сомневайся, она собирается спустить эту свору на нас. Если это не месть за смерть её дочери, то она просто нападает на Шалион, чтобы полностью сорвать запланированную маршалом ди Паллиаром кампанию против Бораснена. Ранний удар, но тяжёлый; и если этот удар удастся, она ворвётся в северную часть Шалиона раньше, чем Изелль и Бергон успеют должным образом собрать войска… По крайней мере, я бы так поступил на месте джоконцев. Если бы я был сумасшедшим, но не дураком.

Эрис коротко ухмыльнулся:

— Я едва ли могу себе представить, кто теперь старшие офицеры Сордсо.

— Они действуют сообща, — мрачно сообщила Иста, — если не сказать единодушно.

Иллвин поморщился и по молчаливому требованию Горама вытянул руку, чтобы позволить груму затянуть наручи.

— Эрис, — обеспокоено продолжила Иста, — несмотря на ваше странное состояние, вы не обладаете внутренним зрением, верно?

— Ничего подобного тому, что вы описываете,

госпожа. Моё зрение, скорее, даже ухудшилось. Всё вокруг вовсе не кажется мутным или туманным, но куда-то исчез цвет. Но зато я теперь лучше вижу ночью, почти так же, как днём.

— Значит, вы не видели, не ощутили удары, которые на вас обрушил Сордсо, когда вы столкнулись на дороге?

— Нет… а что видели вы?

— Тот яркий свет, который отмечает перед моим внутренним взором магию демонов. Иссушающую молнию или нечто вроде того. Или, скорее, Сордсо предполагал, что это будет иссушающая молния. Но она прошла сквозь вас, не причинив никакого вреда, как будто бы вас там вообще не было.

Они оба посмотрели на ди Кэйбона, который неуверенно развёл пухлыми ладонями:

— Если уж так, то его действительно там не было. Ни как живой души, ни как демона. Настоящие отверженные призраки отлучены как от реальностей материального, так и духовного миров.

— То есть, получается, он невосприимчив к магии? — начала Иста. — И всё же магия поддерживает его… Просвящённый, я не совсем понимаю.

— Я подумаю об этом…

Внезапно в комнате появился клубок фиолетовых линий, которые вспыхнули и исчезли. Фойкс отпрянул. Секунду спустя остальные последовали его примеру, потому что все сосуды, было ли в них вино или вода, треснули, разбились, разлетелись на осколки. Глиняная кружка Эриса развалилась прямо у него в руках на полпути ко рту, так что ему пришлось отскочить, чтобы не забрызгать серо-золотой плащ.

— Маги Джоэн, судя по всему, не дремлют, — лишённым эмоций голосом произнесла Иста.

Фойкс, широко раскрыв глаза, в смятении огляделся. Внутри него тень медведя поднялась на задние лапы и рычала.

— Но с какой целью они это сделали? Это предупреждение? Если они могут сделать вот так, то почему бы не разорвать нам желудки, не расколоть черепа и покончить с этим сразу же?

Ди Кэйбон поднял трясущуюся руку:

— Свободные демоны не могут убивать напрямую…

— Это может делать только демон смерти Бастарда, — сказала Иста. — Я видела, как это происходит.

— Однако это особый случай. Свободные же де-

моны, те, что проникли в мир материи… в общем, они могут попробовать убивать напрямую, но смерть открывает душе путь к богам. И решит ли душа последовать по этому пути, или нет, — вопрос только её воли, в этот момент путь ведёт в обе стороны. И демона легко отловить.

— И именно поэтому они оставляют людей, когда те умирают… — завершил мысль Фойкс.

— Да, но при использовании магии для того, чтобы убить живое существо, между магом и жертвой возникает связь. Сама попытка и отдача будет стоить магу очень многого. — Он замолчал и задумался. — Однако если маг использует магию, чтобы заставить споткнуться вашу лошадь, такого риска нет.

Запыхавшийся солдат в серо-золотом плаще ворвался в комнату:

— Лорд Эрис! Джоконский герольд стоит у ворот и просит о переговорах.

Эрис втянул воздух сквозь сжатые зубы:

— Видимо, это действительно предупреждение. Уведомление. Что ж, теперь я весь — внимание. Иллвин, Фойкс, просвящённый ди Кэйбон, госпожа, вы пойдёте со мной? Мне нужны ваши мнения и советы. Но только стойте за зубцами стены, чтобы вас по возможности не было видно.

— Хорошо. — Иста задержалась, чтобы снять защитное кольцо с шеи Каттилары и убедиться, что демон ведёт себя тихо. Фойкс молча наблюдал за этим, встав за её плечом, словно телохранитель. Имя Лисе не значилось в списке Эриса, но тем не менее девушка встала, скрестив руки на груди и ссутулив плечи, чтобы казаться как можно меньше и незаметнее.

Иллвин, направившийся было к двери вслед за Эрисом, вдруг замер и выругался:

— Баки!

Эрис резко обернулся; братья внимательно посмотрели друг на друга. Иллвин хлопнул марча по плечу:

— Я проверю, встретимся у ворот.

— Быстрее, Иллвин, — Эрис жестом призвал всех следовать за ним, а Иллвин повернул на галерею и побежал.

Глава двадцать вторая

Они пересекли двор с цветами и вслед за Эрисом поднялись по ступеням. Над воротами замка располагалась небольшая площадка, огороженная перилами. Эрис миновал стрелков, расставленных вдоль стены, взобрался на площадку, встал, широко расставив ноги, и посмотрел вниз. Иста выглянула в створ между каменных зубцов.

Справа, там, где дорога поворачивала на Оби, она видела, как джоконцы ставят лагерь в ореховой роще, как раз вне зоны поражения стрел и катапульт. Появлялись палатки, лошадей сгоняли в ровные линии. В дальней части рощи слуги, некоторые из которых были одеты в форму носильщиков паланкина, ставили большие зелёные шатры. Слева, в долине, идущей вдоль реки, появилась новая колонна воинов, направляющаяся к стенам замка. В её обозе несколько солдат уже притащили за собой украденных овец и другой скот и передали кашеварам этот обед с копытами.

Вдалеке местность казалась удивительно мирной — пустой, — понадеялась Иста. Горели

только два амбара, которые, видимо, стали местами последнего отчаянного сопротивления. Враг не сжигал — или пока не сжигал — поля и посевы. Быть может, он предполагал заполучить их урожай? Третья колонна, судя по всему, заняла позицию с другой стороны замка, вдоль хребта.

Мост замка был поднят, ворота закрыты. По ту сторону глубокой расщелины, которая проходила вдоль стены, обнажив голову, стоял джоконский офицер-парламентёр. В этот жаркий день голубой флаг, говоривший о цели его прихода, безвольно свисал с древка копья, которое он сжимал в руке. По обе стороны от него расположились два стража, одетые в кольчуги, поверх которых были накинуты плащи цвета морской волны.

Офицер-парламентёр поднял голову, и у Исты перехватило дыхание. Там внизу стоял тот же переводчик, что был среди тех солдат, что бежали из Раумы. И эта его новая должность парламентёра — награда или наказание? Исту он не заметил, потому что она наблюдала за происходящим через амбразуру; но, судя по тому, как тревожно расширились его глаза, он узнал в Эрисе того безумца с мечом, который чуть не отхватил ему голову. Каменное выражение, застывшее на лице Эриса, не позволяло понять, было ли это узнава-

ние взаимным.

Джоконец облизал губы и откашлялся.

— От имени князя Сордсо я пришёл к замку Порифорс под флагом переговоров, — громко начал офицер на чистом ибранском. Он вцепился в голубой флаг, словно в щит, и сапогом вбил тупой конец древка поглубже в иссушенную землю. Считалось, что застрелить вестника — плохой тон, это не одобрят ни командование, ни товарищи. Однако с точки зрения парламентёра — весьма слабое утешение. — Вот требования князя Джоконы…

— Тебя не беспокоит, кватернианец, — Эрис перебил его заученную речь, — что твой князь превратился в одержимого демоном мага? Будучи благочестивым человеком, разве ты не должен его сжечь, вместо того чтобы подчиняться ему?

Стражники никак не отреагировали на это замечание, и у Исты появилась мысль, что их избрали на эту роль за незнание ибранского. По лицу офицера мелькнула тень; он, наверное, в общем готов был признать, что в словах врага есть доля правды, но вместо этого резко ответил:

— А вы, говорят, умерли уже несколько месяцев назад. И ваши войска не беспокоит, что ими командует ходячий покойник?

— Видимо, нет, — отрезал Эрис. Он не обратил внимание на то, что среди стрелков, сгрудившихся у него за спиной, послышался шёпот. Во взглядах, которыми они обменялись, можно было прочесть целую гамму эмоций, — неверие, тревога, удивление; один из арбалетчиков даже тихонько охнул. — Но зато я знаю, что для вас я представляю некоторую сложность. Как, в конце концов, вы убьёте меня? Даже для мага это станет весьма сложной задачей.

Сделав над собой усилие, офицер-парламентёр вернулся к заученной речи:

— Вот условия князя Джоконы. В качестве залога вашего сотрудничества вы обязуетесь выдать нам вдовствующую королеву Исту. Все офицеры и солдаты гарнизона должны сложить оружие, выйти из ворот и сдаться на нашу милость. Выполните эти условия, и вам сохранят жизнь.

— Уж не для того ли, случайно, чтобы отдать в пищу демонам? — пробормотал ди Кэйбон, скорчившись у амбразуры, расположенной чуть поодаль. Гораздо более милосердная судьба, не могла не подумать Иста, чем та, что обычно ожидает служителя Бастарда при встрече с разгорячёнными солдатами-кватернианцами.

— Ступай прочь, джоконец, не вынуждай меня

плюнуть в тебя, — заявил Эрис.

— Молю вас, лорд Эрис, поберегите слюну. Я слышал, что в скором времени такую жидкость найти будет крайне сложно.

Как раз в этот момент на парапет поднялся Иллвин и, услышав эту перепалку, кисло усмехнулся. Он мимоходом взглянул через плечо Исты на растущий вражеский лагерь. Эрис посмотрел на брата сверху вниз; Иллвин опёрся на стену у ног марча и окинул взглядом парадный двор. Тихим голосом, чтобы джоконцы ничего не слышали, он доложил:

— Они добрались до обоих баков. Из них течёт, словно из решета. Я отправил людей искать хоть какие-нибудь уцелевшие ёмкости и попытался заделать бреши парусиной, чтобы замедлить поток. Но ничего не вышло.

— Ясно, — так же тихо откликнулся Эрис. Повысив голос, он обратился к парламентёру: — Мы, конечно же, отказываемся выполнить ваши требования.

Парламентёр мрачно и удовлетворённо склонил голову, словно именно это и ожидал услышать:

— Милосердие князя Сордсо и вдовствующей княгини Джоэн больше, чем вы того заслужива-

ете. Они дают вам день на размышления. Завтра я снова приду сюда, чтобы услышать ваш новый ответ. Если, конечно, вы сами раньше не пришлёте за мной.

Поклонившись, он начал пятиться, стражи прикрывали его; он отошёл на приличное расстояние, прежде чем осмелился повернуться к Порифорсу спиной.

Это не просто ожидаемый ответ: скорее, желаемый результат.

— Что будет дальше? — обеспокоенно спросил ди Кэйбон. — Штурм? Они действительно выждут день?

— Я не стал бы им доверять, — заметил Эрис, спрыгивая с переговорной площадки.

— Штурм будет, — кивнула Иста. — Но, как мне кажется, солдаты участвовать в нём не станут. Я готова поставить что угодно на то, что Джоэн хочет поиграть со своими новыми игрушками. Порифорс — это первый шанс испробовать отряд магов в действии. И если результаты порадуют её…

Фиолетовая линия, но на сей раз только одна, вспыхнула перед внутренним взором Исты.

Все тетивы арбалетов, находившихся в руках солдат, расставленных на стене, одновременно

лопнули. Послышались вскрики, потому что многие стрелки получили по пальцам. Один из взведённых арбалетов выстрелил. Стрела вонзилась в бедро солдата, стоящего рядом. Мужчина застонал, оступился и рухнул с парапета вниз на мощёный двор, где и замер. Его товарищ некоторое время с ужасом смотрел на свой арбалет, а потом отбросил его в сторону, словно оружие жгло ему руки, и поспешил на помощь раненому.

Над замком взметнулась ещё одна тёмная вспышка.

— Что на этот раз? — мрачно пробормотал Фойкс, глядя на ряд поражённых стрелков. Некоторые, уже отвязавшие от пояса запасную тетиву, поняли, что она рассыпается прямо в руках.

Несколько секунд спустя над крышами замка взвился клуб дыма.

— Горят конюшни, — сообщил Иллвин; он резко подался вперёд, что никак не согласовывалось с его лаконичной репликой. — Фойкс, ты мне нужен.

Он побежал вниз по лестнице; длинные ноги за шаг преодолевали по три ступеньки.

Теперь дело приняло серьёзный оборот, подумала Иста; в животе стало как-то нехорошо.

Глаза Лисе казались огромными.

— Миледи, можно я пойду с ними? — выдохнула она.

— Да, иди, — отпустила её Иста. Девушка умчалась прочь. Умелые руки никогда не бывают лишними… Ну, что ж… Она наконец спустилась со стены.

Эрис, пробежавший мимо, окликнул её:

— Госпожа, вы присмотрите за Каттиларой?

— Конечно.

Удачное занятие. Или, может быть, Эрис, как благоразумный командующий, предпочитает весь бесполезный балласт собрать вместе.

Иста застала фрейлин Каттилары в жутком раздрае чувств; в конце концов их вопли и всхлипы были сведены к старательно скрываемому истерическому состоянию. Каттилара продолжала лежать без движения, только мягкие щёчки марчессы заметно впали, черты лица заострились. Свет демона плотно сжался внутри неё, не предпринимая — пока — попыток занять господствующее положение. Иста только печально вздохнула и проверила, чтобы пламя жизни продолжало беспрепятственно течь в Эриса.

* * *

На протяжении бесконечного вечера Иста несколько раз предпринимала вылазки из комнаты Каттилары, чтобы осмотреть последствия очередной вспышки демонской магии, промелькнувшей у неё перед внутренним зрением. Только самое первое покушение на запасы воды было заранее организовано. После этого атаки стали хаотическими, повторяющими друг друга. Люди падали и ломали кости. Лошади, которых после спасения из пылающих конюшен, поместили во двор с фонтаном в форме звезды, мотая гривами и неистово брыкаясь, обрушили галерею. Вместе с ней упало осиное гнездо. Трое людей умерло, вопя и задыхаясь от яда; ещё нескольких человек затоптали обезумевшие от укусов кони.

В других дворах начались пожары поменьше. И без того малое количество воды быстро шло на убыль. Большая часть мяса, вне зависимости от способа хранения, начала тухнуть и издавать смрад; хлеб и фрукты покрылись зелёной плесенью и стали взрываться, казалось бы, от одного лишь взгляда. В муке завелись личинки. Верёвки и кожаные ремни гнили и рассыпались прямо в руках. Горшки трескались. Доски ломались. На

доспехах и мечах ржавчина появлялась быстрее, чем румянец на девичьих щеках.

Все, кто хоть когда-нибудь страдал лихорадкой, лежали теперь со страшными приступами; красивый обеденный зал Каттилары быстро заполнялся тюфяками со стонущими, мучающимися жаром, бьющимися в ознобе и бреде людьми. Ди Кэйбона приставили заботиться о больных, которые невероятно быстро превращались в умирающих. К вечеру лица солдат и слуг, попадавшихся Исте навстречу, перестали быть испуганными; теперь их отличала мёртвенная бледность и отстранённое, потрясённое выражение.

На закате Иста поднялась на северную башню, самую высокую из всех, чтобы оценить обстановку. Лисе, пропахшая дымом и прихрамывающая, потому что копыта обезумевших лошадей оттоптали ей ноги, медленно тащилась вслед за своей госпожой. Солдат в серо-золотом плаще шёл за ними, чтобы сгрузить груду камней в кучу таких же импровизированных снарядов, сваленную на смотровой площадке, обменяться парой мрачных замечаний с товарищами, чьи лишённые тетивы луки и арбалеты были отброшены в дальний угол, а потом развернуться и вновь направиться

вниз по винтовым ступенькам.

В ровном свете садящегося солнца долина являла собой странно красивое и мирное зрелище. В ореховой роще в зелёных шатрах, судя по всему, наслаждались ужином; единственным запахом были тонкие ароматы еды, поднимавшиеся от костров, на которых готовили джоконские повара. Небольшие группки всадников сновали туда-сюда, неся вахту или доставляя срочные сообщения, совершая вечерний объезд. Все были одеты в зелёные плащи.

От города, окружённого стенами, тоже поднимались клубы дыма, но здесь они были чёрными и страшными. В отличие от замка, находившегося высоко на скале, город располагал выходом к воде, и поэтому большинство пожаров до этих пор удавалось потушить. Но те немногие маленькие фигурки, движущиеся по улицами, выглядели одеревеневшими от усталости. Люди внутри периметра стен сидели скорчившись, или едва-едва передвигали ноги, или лежали и спали, поверженные утомлением. Или были мертвы.

Из лестничного пролёта донёсся стук тяжёлых сапог, Иста оглянулась и увидела, как на площадке появился Иллвин, сжимавший в руках засаленный узел. Даже в мягком закатном свете

его лицо было грязным и бледным. Копоть и пот смешались, на лице остались полосы, растёртые руками в попытке стереть весь этот грим с глаз. Иллвин несколько часов назад снял доспехи и плащ в подпалинах, и теперь простая льняная рубаха с дырками от искр облепила его торс.

— А, — произнёс он голосом, словно исходившим из недр шахты, — вот вы где.

Она приветливо кивнула; он встал рядом с ней, и они вместе принялись созерцать бедствие, постигшее Порифорс, скрывавшийся за своими обманчиво чистыми и крепкими стенами.

Конюшни выгорели полностью. Поверх углей лежали почерневшие брёвна и месиво из осколков черепицы, разбросанной там и сям, словно капли крови. Сейчас дыма больше видно не было, но один из углов кухни тоже почернел и покосился. Дворик с фонтаном в форме звезды представлял собой руины: одна из галерей обрушилась, вместо воды в фонтане плескалась грязь. Вдоль одной из стен были привязаны лошади; с высоты башни было видно, что их спины образовывали ромбовидную фигуру. Кое-где мелькавшие люди передвигались бегом и пригнувшись.

— Вы видели ди Кэйбона? — спросила Иста.

Иллвин кивнул:

— Он так и остаётся в комнатах больных. Теперь тюфяками заполнено два зала. Ещё десяток ребят слегло с дизентерией. А учитывая то количество воды для мытья, которое у нас осталось, для того, чтобы разнести эту дрянь по всей крепости, никакие демоны не понадобятся. Ад Бастарда! Если так будет продолжаться, Сордсо завтра же может взять замок, прихватив с собой только шесть пони, верёвочную лестницу и детский хор из кватернианского храма. — Он скрипнул зубами, которые белели на его закопчённом лице. — Ох. — Он протянул ей узел. — Не хотите жареной конины? Она ещё не прогнила. Пока что. — Иста с сомнением посмотрела на него:

— Не знаю. Это Пух?

— Нет, по счастью.

— Нет… сейчас нет, спасибо.

— Вам нужно поддерживать силы. Лишь боги знают, когда мы сможем поесть в следующий раз. — Он выудил кусок и, исполненный сознания долга, пожевал его. — Лисе?

Он протянул ей узел.

— Нет, спасибо, — тихо вслед за Истой повторила девушка. Отказавшись следовать собственному совету, он передал узел бывшим арбалетчи-

кам, а теперь камнеметателям, которые приняли его с благодарностью и безо всякого отвращения. Послышался треск: ещё одно бревно конюшен не выдержало и рухнуло, подняв облако пепла. Иллвин подошёл к стороне башни, выходившей во внутреннюю часть замка, и оглядел разруху.

— И всё это всего лишь за один день. Даже меньше. Слёзы Бастарда, во что же это превратится через неделю?!

Иста трясущимися руками оперлась на нагретый солнцем камень рядом с ним.

— Это я принесла вам столько несчастий, — сказала она тихим голосом. — Мне очень жаль.

Иллвин вскинул брови; он пристроил локоть на камень рядом и внимательно посмотрел на неё.

— Не уверен, что вы можете присвоить эту честь только себе одной, леди. Всё началось гораздо раньше, чем вы прибыли сюда. И если бы ваше присутствие не сподвигло джоконцев напасть именно сейчас, то они бы всё равно напали через месяц или около того — на цитадель, оба опытных командующих которой умерли и сгнили, или и того хуже. И тогда никто не смог бы объяснить, откуда столько ужасов обрушилось на наши несчастные головы.

Иста с сомнением потёрла бровь.

— Но мы же не знаем, играет какую-то важную роль моё присутствие или нет, если не считать того, что я являюсь заложницей для Джоэн.

Быть может… Она посмотрела вниз на камни двора, лежащего далеко внизу. Есть и другие способы избежать превращения в заложника.

Он проследил за её взглядом, его глаза проницательно прищурились. Он протянул два пальца и аккуратно развернул её лицо за подбородок к себе.

— Ваше присутствие в цитадели очень важно для меня, — сказал он. — Любая женщина, способная пробудить мужчину от смерти поцелуем, заслуживает особого внимания, как мне кажется.

Иста горько усмехнулась:

— Я не пробуждала вас поцелуем. Я только раздробила и перенаправила поток пламени вашей души, как потом я сделала и с Каттиларой. А поцелуй был… просто слабостью.

Лёгкая улыбка коснулась его губ:

— А мне казалось, вы сказали, что это мне приснилось.

— Ээ… — Ох. Так она и сказала! Его улыбка стала немного безумной. Наконец она пробормотала: — И всё же это был глупый порыв.

— Что вы, по-моему, это был просто замечательный порыв! Вы себя недооцениваете, леди.

Иста покраснела.

— Боюсь, я не умею вести такие… — она сглотнула, — такие игривые разговоры. Когда-то я была беспечной молодой дурочкой. Теперь я стара и скучна. — Сначала слишком глупа, потом слишком безумна, потом слишком скучна, а теперь уже слишком поздно. — Это не моё.

— В самом деле? — Он повернулся, опёрся на стену и с видом крайнего любопытства взял её руку. Испачканный сажей палец принялся чертить тёмные линии у неё на ладони. — А почему бы и нет? Говорят, что я неглуп. Я и сам бы мог догадаться, после некоторых разведывательных операций. Набросать план Замка Исты, обозначить точки его обороны…

— Найти слабые места? — она решительно отняла руку.

— Согласен, мне нужно было проводить разведывательные операции с особой осторожностью.

— Лорд Иллвин, сейчас неподходящее время и место для этого!

— Действительно. Я так устал, что едва могу встать. А удержаться на ногах вообще вряд ли получится.

Ненадолго повисло молчание. Затем его губы расплылись в улыбке:

— Ха. Я видел, у вас дёрнулся уголок рта!

— Нет. — Теперь он и правда дёрнулся, потому что Иста вспомнила про птицу, свившую гнездо в роще.

— Нет, ещё лучше, она ухмыляется!

— Я не ухмыляюсь.

— Поэты молят своих дам об улыбке, а я прошу вас всего лишь ухмыльнуться. Разочек.

Каким-то непостижимым образом его палец снова массировал её ладонь, следуя вдоль каждой мышцы. Ощущения были просто потрясающие. Ей захотелось, чтобы он размял ей плечи, ноги, шею, в общем, всё, что болит. А болело действительно всё тело.

— По-моему, вы говорили, что в вашей семье главный соблазнитель — Эрис. — Она попыталась собраться с духом и снова отнять руку, но не смогла.

— Вовсе нет. За всю жизнь он не соблазнил ни одной женщины. Они все сами подстерегают его и вешаются на шею. Впрочем, не без причины, уверяю вас. — Он коротко улыбнулся. — Это то же самое, что быть спарринг-партнёром лучшего фехтовальщика Карибастоса. Я всегда проиг-

рывал. Но если я встречался с третьим по счёту фехтовальщиком Карибастоса, то этот бедняга оказывался в очень и очень затруднительном положении. Эрис всегда оказывался лучше во всём, за что бы мы ни брались. Но есть кое-что, на что он вряд ли способен, — и я в этом вполне уверен, — а я — да.

Во всём виноват массаж ладони, он усыпляет бдительность. Она, не задумываясь, спросила:

— И что же?

— Любить вас, сладкая Иста.

Она отшатнулась. Она уже слышала это обращение, но в устах Другого.

— Не называйте меня так.

— Горькая Иста? — он поднял брови. — Своенравная Иста? Сердитая, злобная, вздорная Иста?

Она фыркнула; он расслабился, губы снова сложились в улыбку.

— Что ж, без сомнения, мне придётся пополнить словарный запас.

— Лорд Иллвин, будьте серьёзны.

— Конечно, — тотчас же согласился он. — Как прикажете, госпожа моя. — Он отвесил ей лёгкий поклон. — Я не так молод и у меня есть о чём сожалеть. Я совершил ряд ошибок, — он поморщился, — достаточно отвратительных, как вы

уже знаете. Но были и ошибки полегче: поцелуи, которых не случилось, признания, которых я не сделал, потому что сначала было неподходящим время, потом место, а потом не было шанса… И, как это ни удивительно, эти маленькие печали терзают сердце больнее всего. Мне кажется, сегодняшней ночью все наши шансы сведены на нет. И поэтому я хотя бы на одно уменьшу количество своих сожалений…

Иллвин придвинулся ближе. Сама себе поражаясь, она не отшатнулась. Каким-то образом его длинная рука обняла её ноющие плечи. Он притянул её к себе. А он всё же высокий, — подумала Иста; если она не запрокинет голову, то носом врежется ему в грудь. И она посмотрела вверх.

На его губах замер вкус гари, солёного пота и самого длинного дня в её жизни. Ну, и вкус конины тоже, но не надо забывать, что конина была свежая. Его тёмные глаза мерцали под опущенными ресницами, а её руки обхватили его жёсткий торс и ласково сжали. И это она говорила про ди Кэйбона: внешне скрывать то, что желаешь внутри?..

Несколько минут спустя — много ли? Мало ли? — он поднял голову и немного отодвинул её от себя, чтобы пристально посмотреть на неё.

Ирония в его улыбке сменилась удовлетворением. Иста моргнула и отступила.

Лисе, сидящая на другом конце площадки, скрестив ноги и опираясь на парапет, смотрела на них с раскрытым ртом. Двое солдат даже не притворялись, что наблюдают за джоконцами. На их лицах застыло выражение, свойственное людям, которые смотрят за тем, как кто-то исполняет хитрый трюк, который они сами ни за что не осмелились бы повторить, например, проглотить огонь или влезть по лестнице в пылающий дом.

— Временем, — прошептал Иллвин, — ты должна воспользоваться сама. Оно не будет тебя ждать.

— Это верно, — откликнулась Иста.

То, что случилось, значило очень много; мощёный двор внизу вдруг перестал казаться привлекательным решением всех проблем. И именно это было его целью, она в этом не сомневалась.

Тёмно-фиолетовая вспышка искрами рассыпалась у неё перед внутренним зрением, и Иста повернула голову вслед за ней. Откуда-то снизу донёсся яростный крик. Она вздохнула, слишком утомлённая, чтобы искать ему объяснение:

— Не хочу смотреть.

Голова Иллвина повернулась на крик. Но поскольку он тоже ничего не увидел, то согласился с тем, что и без того ужасов хватило с лихвой. Однако потом он вдруг взглянул на неё, прищурив вопросительно глаза.

— Ты оглянулась раньше, чем мы услышали крик, — заметил он.

— Да. Я вижу магические атаки как вспышки света перед моим внутренним взглядом. Это словно маленькие молнии, летящие от источника к цели, или горящие стрелы. Я не могу определить, каков будет эффект, потому что на вид они все одинаковые.

— А ты можешь отличить мага от обычного человека, просто посмотрев на него? Я, например, не могу.

— Ох, да, могу. Демоны Каттилары и Фойкса представляются мне субстанцией из света и тени, заключённой в их душах, которые, в свою очередь, заключены в тела. Демон Фойкса до сих пор сохраняет очертания медведя. Душа Эриса тряпкой волочится за ним, изо всех сил стараясь удержаться.

— А с какого расстояния ты можешь понять, что человек — маг?

Она пожала плечами:

— Думаю, что с такого же, с какого могу разглядеть человека обычными глазами. Не дальше: моё внутреннее зрение даёт возможность видеть души сквозь материальную оболочку, если приглядеться, сосредоточиться и, может быть, даже закрыть глаза, чтобы уменьшить помехи. Палатки, стены, тела, — всё прозрачно перед богами и перед божественным зрением.

— И как обстоят дела со зрением у мага?

— Я не уверена, но Фойкс мало что мог, до тех пор, пока я не поделилась с ним своим даром. Но его элементаль ещё совсем неопытный.

— Уф. — Он постоял некоторое время с более и более отсутствующим видом. — Иди сюда. — Он взял её за руку и перевёл на западную сторону башни, которая выходила как раз на ореховую рощу. — Как ты думаешь, сможешь ли ты назвать точное количество магов Джоэн? Сколько их в лагере, если смотреть отсюда?

Иста моргнула:

— Не знаю. Сейчас попытаюсь.

Нижние части деревьев уже погрузились во тьму, но вершины продолжали сиять золотисто-зелёным в последних лучах солнца. Сквозь листву виднелось пламя костров и белые квадраты палаток. Ветер доносил звук людских голосов,

но на таком расстоянии уже невозможно было различить смысл сказанного на рокнари. В дальнем конце рощи зелёные шатры и палатки, украшенные знамёнами, начали светиться, словно фонарики, внутри которых зажгли свечу.

Иста набрала в лёгкие воздуха и постаралась собраться с мыслями. Закрыв глаза, она дала волю ощущениям. Если ей удастся почувствовать отсюда Джоэн и Сордсо, то почувствуют ли они её? И если Джоэн может чувствовать её присутствие… Иста ещё раз вдохнула, отогнала эту пугающую мысль и снова позволила душе полностью развернуться.

Более пяти сотен огоньков душ, словно светлячки, мерцали среди деревьев: джоконские солдаты и обслуга армии двигались по роще, выполняя привычные обязанности. Некоторое количество душ светились более ярким, жёстким и насыщенным светом. Да, были видны нити-змеи, ведущие от этих разбросанных по лагерю фиолетовых пятен к одной тёмной пульсирующей точке. Во время того как Иста смотрела, в зависимости от передвижений владельца, одна линия пересекала другую, проходя сквозь друг друга, словно нити нематериальной пряжи, которые не путались и не связывались.

— Да, я их вижу, — сообщила она Иллвину. — Часть держится рядом с Джоэн, другие же распределены по лагерю. — Она зашевелила губами, считая: — Шестеро находятся в командных палатках, ещё двенадцать устроились в начале рощи, ближе к Порифорсу. Всего восемнадцать.

Она присмотрелась, полуобернулась по направлению к реке и второму лагерю джоконцев, расположенному рядом с городом, и снова закрыла глаза. Потом решительно развернулась к бивуаку третьей колонны, разбитому на вершине холма к востоку от замка и перекрывающему дорогу на Оби и долину вверх по течению реки.

— Судя по всему, все маги находятся в главном лагере Джоан. Я не вижу связующих щупалец, ведущих к другим лагерям. Ну да, конечно! Она хочет держать магов как можно ближе, чтобы ни на минуту не упускать их из виду.

Она закончила осмотр и открыла глаза.

— Большинство магов укрыто в палатках. А один стоит под деревом и смотрит в нашу сторону.

Иста не видела его физического тела, скрытого от глаз листвой, но могла точно указать дерево.

— Хм, — протянул Иллвин, глядя у неё из-за плеча. — А Фойкс может отличить, кто есть кто?

Кто из джоконцев — маг, а кто — нет?

— О да. То есть он должен знать. Он видел вспышки магии, те самые, что разбили чашки, вместе со мной, и потом, там, на крыше, где всё началось, тоже. — Иста оглянулась и посмотрела на напряжённое, замкнутое выражение лица Иллвина. В его глазах светилась мысль, какое-то знание, которое, судя по всему, не доставляло ему никакого удовольствия. — О чём ты думаешь?

— Я думаю… что согласно вашим словам, Эрис невосприимчив к магии, но вот маги вовсе не неуязвимы для стали. Это Каттилара доказала на бедняжке Юмеру. Если бы Эрис смог добраться только до них и каким-то образом избежать полутора тысяч остальных джоконцев… — Он вздохнул и повернулся: — Лисе!

Девушка вскинула голову:

— Лорд Иллвин?

— Пойди найди моего брата и скажи ему подняться сюда ко мне. Если сможешь, приведи заодно и Фойкса.

Лисе, широко раскрыв глаза, кивнула, с заметным усилием встала на ноги и побрела к спуску с башни. Иллвин продолжал смотреть на лагерь князя Сордсо и княгини Джоэн, словно стараясь запомнить каждую деталь. Иста тяжело

облокотилась на парапет рядом с ним, изучая этот так внезапно ставший далёким и холодным профиль.

Он посмотрел на неё и виновато улыбнулся:

— Мне не даёт покоя одна идея. Боюсь, ты сочтёшь, что я очень рассеянный.

Иста бы никогда не стала применять этот эпитет к нему, однако ободряюще улыбнулась.

Вскоре на лестнице послышались звуки шагов. В светящихся сумерках появился Эрис в сопровождении Лисе и Фойкса. Эрис походил на труп едва ли больше остальных обитателей Порифорса, только у него на лице не было уже привычных пятен пота. Невозмутимость Фойкса только прикрывала истощение. Он провёл весь вечер в попытках убрать последствия магии по всему замку. Но проку от этого оказалось мало. Ди Кэйбон окрестил его старания абсолютно бесполезными по тем или иным теологическим причинам, которые никто выслушивать не стал, и лишь попросил Фойкса помочь ему с больными.

— Эрис, иди сюда, — позвал Иллвин. — Посмотри. — Брат подошёл к западному парапету. — Пятеро богов — свидетели, мы знаем эту землю, как свои пять пальцев. Госпожа Иста утверждает, что

у Джоэн в подчинении восемнадцать магов. И двенадцать из них находятся в ближайшей к нам части лагеря, вон там… — он указал рукой. — Ещё шестеро скрываются в командных палатках, которые, как мне кажется, охраняются более тщательно. Если быть достаточно быстрым, до них вполне реально добраться. Как думаешь, сколько магов тебе удастся сразить мечом?

Эрис поднял брови:

— Думаю, до скольких удастся добраться, столько и сражу. Но сомневаюсь, что они будут стоять на месте, пока мы будем нападать на них. Как только они услышат стук копыт, тотчас же повскакивают и возьмутся за клинки.

— А если мы нападём под прикрытием темноты? Ты говорил, что теперь видишь в темноте лучше, чем любой другой.

— Хм, — Эрис посмотрел на рощу пристальнее.

— Леди Иста, — Иллвин резко повернулся к ней. И где теперь *сладкая Иста*? — Что происходит, когда привязанный поводком маг погибает?

Иста нахмурилась. Само собой, вопрос был скорее риторическим.

— Ты же сам видел. Демон, вместе с той частью души, которую успел впитать в себя, перепрыгивает в того, до кого успел дотянуться. А тело мага

умирает. Какова же дальнейшая судьба оставшихся обрывков его души, сказать затрудняюсь.

— И ещё один момент, — сказал Иллвин, в его голосе слышалось воодушевление. — Поводок, значит, рвётся. Или это только демону Каттилары удалось сбежать из-под контроля вместе со смертью Юмеру? Более того, в тот момент мятежный демон превратился во врага Джоэн, с навязчивой идеей сбежать от своей бывшей госпожи как можно быстрее. Сколько демонов нужно отсечь от её связки, вынудить перепрыгнуть в неподготовленных людей или даже заставить восстать против госпожи, чтобы Джоэн была вынуждена отступить?

— Если только у неё нет в запасе ещё магов, ещё одной готовой упряжки этаких свежих лошадок, — заметил Эрис.

— Нет, — медленно проговорила Иста. — Не думаю, что она на такое способна. Все должны быть здесь, должны быть прикованы к её сети, ведь иначе они улетят, если не от неё, то друг от друга. По словам Юмеру, на создание этого отряда, на выращивание в них тщательно отобранных, выкраденных качеств и умений у Джоэн ушло три года. И без нового визита к той задней двери Бастардова ада, которую наловчился отворять

её древний демон, я сомневаюсь, что ей удастся восстановить потери. И в любом случае, сначала она получит только неразумных, бесформенных, бестолковых элементалей. Мы, конечно, знаем, что она их разводит заранее, но когда имеешь дело с хаосом, нельзя быть уверенным ни в чём. И всё же… демон Каттилары боится повторного пленения; и если это не заблуждение Юмеру, то можно сделать вывод, что таковое возможно. И я понятия не имею, насколько быстро Джоэн сможет это осуществить.

— Но если не один, а несколько освобождённых демонов разлетятся в различных направлениях, ей будет наверняка сложнее, — заметил Иллвин.

Эрис облокотился на каменную стену и посмотрел на брата:

— Ты подумываешь о вылазке. Об охоте на магов.

— Ну да.

— Это невозможно. Меня наверняка ранят, а Катти придётся принять всё это на себя.

Иллвин отвёл глаза:

— Я подумал, что леди Иста могла бы снова переключить тебя на меня. Специально для такого случая.

Иста протестующее выдохнула:

— Ты понимаешь, что это значит? Раны Эриса станут твоими.

— Да, что ж… — Иллвин сглотнул. — Но тогда Эрис продержится немного дольше, чем думают враги. Рядом со мной можно посадить целителей и женщин, которые будут своевременно перевязывать открывающиеся раны. Отвоёвывать драгоценные минуты.

Эрис нахмурился:

— А потом… что? С твоим последним вздохом связь оборвётся? И все раны в одно мгновение вернутся ко мне?

Иста изо всех сил старалась, чтобы её голос не сорвался на крик:

— И оставят вашу душу прикованной к изрубленному телу, которое не может ни умереть, ни быть исцелённым?

Эрис задумчиво произнёс:

— У меня и так уже нет ощущения, что я нахожусь в собственном теле… Быть может, я к нему больше не прикован. Быть может… — Его изумительные серые глаза встретились с глазами Исты, и неожиданный блеск, мелькнувший в них, испугал её до глубины души… — Меня можно отпустить.

— Навстречу смерти, за которой лишь кромеш-

ная пустота? Ну уж нет! — отрезала Иста.

— Конечно нет! — поддержал её Иллвин. — Я предлагал вылазку с возвращением в Порифорс. Остальные поедут с тобой, чтобы охранять тебя и расчищать путь к магам. И чтобы доставить тебя обратно.

— Мм-м, — Эрис пристально посмотрел в темноту. — Как ты думаешь, сколько людей для этого потребуется?

— Идеальный вариант — сотня, но сотни у нас нет. Пятьдесят тоже могут справиться.

— У нас нет и пятидесяти. Иллвин, у нас нет даже двадцати пеших.

Иллвин оттолкнулся от парапета. Воодушевление исчезло с его лица:

— Двадцать — это слишком мало.

— Слишком мало, чтобы выехать? Или чтобы вернуться?

— Если слишком мало, чтобы вернуться, значит, и слишком мало, чтобы выехать. Я не могу требовать этого от кого бы то ни было, тем более что сам не еду, так как вынужден буду остаться здесь.

— С другой стороны, — возразил Эрис; в нём просыпалась какая-то решимость, которая не могла не тревожить, — с каждым часом нас ста-

новится всё меньше и меньше. Хуже другое, лорд ди Оби скоро отправится к нам на выручку. Он и так никогда не был особо медлительным, а ради своей дочери вообще пойдёт на всё. Не зная о засаде Джоэн, он заведёт свои войска прямо в ловушку.

— Он будет здесь не раньше чем послезавтра, — сказал Иллвин.

— Я не был бы так уверен. Если сегодняшний курьер был захвачен джоконским заслоном и не добрался до Оби, то он сразу же всё поймёт, ведь, как мы знаем, до него дошли вести о нападении на Фойкса и служителя. Крепость Оби и так уже стоит наготове. — Эрис нахмурился сильнее. — И чем дольше мы ждём, тем в худшем состоянии оказываемся.

— Это верно, — признал Иллвин.

— И, — его голос стал тише, — тем в худшем состоянии оказываюсь я. Люди продолжают умирать без всяких взмахов мечей и стычек. Если так будет продолжаться, то к завтрашнему наступлению темноты силы Сордсо смогут беспрепятственно войти в замок, усеянный трупами, лишь один из которых будет в состоянии передвигаться. И я останусь с врагом один на один, лишённый поддержки.

— Ох, — потрясённо выдохнул Иллвин.

— Неужели ты об этом не подумал? Я удивлён. Госпожа, — он повернулся к Исте, — я и так уже отверженный призрак. Освобождение от тела ничего не изменит. Так пусть это произойдёт тогда… когда в этом остаётся ещё хоть капелька чести. Хоть капелька пользы.

— Эрис, вы не можете просить этого у меня.

— Нет, могу. — Его голос стал ещё тише. — И вы не сможете отказать мне.

Исту трясло от того, что он предлагал, и от того, что, как представила она, произойдёт в дальнейшем. Приходилось признать, что одинокая судьба будет вполне логичным завершением событий.

— Эрис, нет, это слишком отчаянный шаг, — запротестовал Иллвин.

— Отчаянный — это тот, кто ищет смерти. А я её уже нашёл. Так что, братец, я вне этой категории. Если уж рисковать, так это стоит сделать как можно быстрее, до наступления рассвета.

— Этой ночью? — переспросил Иллвин. Даже он, самолично предложивший план, был потрясён таким внезапным приближением часа его воплощения в жизнь.

— Именно этой ночью. Нас вынудили занять исключительно оборонительную позицию, и

поэтому джоконцы даже и подумать не могут, что при нынешнем нашем состоянии, мы предпримем атаку. И если боги когда-то одарили меня умением находить подходящий момент на поле битвы, то клянусь вам, это как раз такой момент.

Иллвин раскрыл было рот, но слов не последовало.

Эрис слегка улыбнулся и снова повернулся к ореховой роще, утопающей в сгущающихся сумерках. Но Иста напомнила себе, что для него большой разницы в свете уже не существовало.

— Итак, как же я смогу найти этих магов, чтобы не тратить время на кромсание обычных людей?

Фойкс откашлялся:

— Я могу отличить их.

За их спинами у Лисе, снова сидевшей у стены скрестив ноги и сжавшейся в комочек, перехватило дыхание. Эрис взглянул на Фойкса:

— Ты поедешь со мной, ди Гура? Это достойное сопровождение. Мне кажется, ты менее уязвим для магических атак, чем любой другой.

— Я… дайте мне посмотреть вниз.

Фойкс тоже подошёл к парапету и, опёршись на него, стал смотреть на лагерь. Иста видела, как он открывал и закрывал глаза, пуская в ход внутреннее зрение, чтобы оценить обстановку.

Эрис обратился к Исте:

— Госпожа, вы устроите это? Ни я, ни Иллвин не сможем говорить с вами; нам придётся положиться на ваше мнение, когда настанет момент оборвать связь.

О Боги, мне страшно во всех смыслах этого слова! Физически. Магически. Морально. Особенно последнее.

— Думаю, я смогу отсечь Иллвина от вас. А как быть с Каттиларой?

— Избавим её от этого, — сказал Эрис. — Пускай спит.

— Чтобы проснуться вдовой? Не думаю, что она когда-нибудь сможет простить вам это предательство. Пусть она молода и сумасбродна, но она уже не ребёнок и никогда им больше не станет. В любом случае её придётся разбудить и покормить, чтобы у неё были силы, которые она могла бы отдать вам, а не потерпеть неудачу, не будучи в ней виноватой.

Иллвин заметил:

— Боюсь, что как только Катти услышит это, она придёт в бешенство. И очень сомневаюсь, что её демон будет на нашей стороне.

Над головой начали зажигаться звёзды. Розовые облака, застывшие вдоль горизонта на

западе, стали сереть. Как равнодушна красота в этом мире…

— Я должна подумать о Каттиларе, — сказала Иста. Потому что, судя по всему, никто больше здесь не озаботился этим.

Из темноты донёсся голос Фойкса:

— Лорд Эрис, если вы решитесь на эту вылазку, я поеду с вами. Если госпожа отдаст меня в ваше распоряжение.

Иста молчала на протяжении трёх исполненных боли ударов сердца, а потом сказала:

— Я отпускаю тебя.

— Благодарю вас, госпожа моя, за дарованную мне честь, — формальной репликой ответил Фойкс.

— Пойдём, — позвал Эрис Иллвина. — Нужно посмотреть, осталось ли в замке Порифорс хоть какое-то уцелевшее снаряжение, подходящее для такой необычной охоты. За мной, Фойкс.

Он зашагал по направлению к ступеням. Иллвин сделал шаг назад, схватил руку Исты и поднёс её к губам:

— Скоро увидимся.

— Да, — прошептала Иста. Он сжал её кисть, а потом отпустил.

Глава двадцать третья

Уже почти наступила полночь, когда лорд Эрис наконец отправился отдыхать в свои покои, так что по другую сторону двери можно было разбудить и накормить Каттилару. Паж снял с марча только сапоги и уселся у изножья кровати, намереваясь охранять покой господина. Иста отметила про себя, что измотанный парнишка заснёт раньше, чем пройдёт пять минут. Эрис лёг на спину, в свете единственной в комнате свечи его глаза были тёмными и огромными.

— Будьте ласковы с ней, — попросил он умоляющим голосом. — Она и так вынесла слишком много.

— Я буду справедлива, — ответила Иста. Эрис принял её слова кивком головы. Когда они отвернулись, Иллвин, оценивавший положение дел, прежде чем вернуться к чересчур насыщенному событиями бдению, взглянул на Исту и удивлённо поднял бровь.

— Будь осторожна не только с ней, но и с её демоном, я имею в виду не так, как того хочет Эрис, — прошептал он Исте. — После всей этой

катавасии с повозкой, уверен, она пойдёт на всё ради своих целей.

— Я буду, — ровным голосом сказала Иста, — справедливой. — Она впустила Фойкса и Лисе в спальню леди Каттилары и аккуратно, но твёрдо закрыла дверь у него перед носом.

Самая сообразительная из фрейлин Каттилары принесла поднос с едой. По измождённому взгляду и осторожности, с которой девушка поставила поднос, Иста поняла, каких усилий ей всё это стоит. Она приказала фрейлине отойти и сесть на сундук. Иста приблизилась к кровати Каттилары, Лисе пристроилась рядом.

— Фойкс, встань у неё в ногах. Следи за демоном, — распорядилась Иста. Фойкс кивнул и сделал так, как было велено. Исте было грустно ещё раз просить его о помощи, потому что юноша буквально валился с ног от усталости. Перед выездом ему жизненно необходимо поспать хотя бы пару часов. Но Джоэн научила её относиться к демонам с особой осторожностью.

Иста призвала на помощь внутреннее зрение и сомкнула ладонь вокруг льющегося из сердца Катти потока пламени души, уменьшая тончайшие струйки, связывающие Каттилару с Эрисом. Иста представила себе, как в соседней комнате

жизнь схлынула с его лица, и в груди защемило. Тень демона оживлённо задвигалась, но он не попытался противиться контролю. Глаза Каттилары распахнулись, воздух ворвался в лёгкие. Она резко села, потом покачнулась, словно у неё закружилась голова. Лисе сунула в руку марчессе оловянную кружку воды. Наблюдая, как она судорожно глотает влагу, прижимая кружку к пересохшим губам, Иста подумала, что и воды у них скоро не будет. Лисе перенесла поднос на маленький столик около кровати и сняла льняную салфетку. Их взору предстала безвкусная чёрствая пища, разложенная по разномастным старым битым тарелкам.

Катти, не опуская кружку, воззрилась на поднос:

— Что это? Еда для слуг? Или для заключённых? Неужели хозяйку Порифорса свергла с трона узурпаторша?

— Это последнее и лучшее из того, что осталось неиспорченным, мы сохранили это специально для вас. Мы окружены джоконской армией, нас держит в осаде отряд магов. Магия их демонов пожирает всё, что находится в этих стенах, и выплёвывает пережёванное на нас. Воды больше нет. Мясо кишит личинками. Половина дворов

сгорела, треть лошадей лежит мёртвыми. Внизу люди умирают от болезней и ран, несмотря на то что они даже не приближались к армии Джоэн и Сордсо на расстояние полёта стрелы. Джоэн ведёт войну изобретательно, жестоко и эффективно. Чрезвычайно эффективно. Поэтому ешьте, ведь это всё, что получит Эрис сегодня ночью.

Каттилара сжала зубы, но предварительно засунула в рот кусок чёрствого хлеба:

— Мы могли сбежать. Нам надо было сбежать! Мы бы с Эрисом были уже в сорока милях отсюда, вдали от всего этого. Пропади ты пропадом, безмозглая стерва!

Фойкс и Лисе вздрогнули, услышав это оскорбление, но Иста остановила их взмахом руки.

— Эрис не был бы вам благодарен. И кто это — мы? Вы можете точно сказать, чей голос говорит в вас сейчас? Ешьте.

Катти весьма грубо вгрызлась в ломоть хлеба, яростный голод не давал ей с презрением отказаться от предложенной пищи. Лисе держала кружку наготове, потому что заострившиеся черты Каттилары давали понять, насколько сильно она нуждается в воде. Иста позволила ей несколько минут жевать и глотать, до тех пор пока марчесса не стала это делать заметно

медленнее.

— Сегодня ночью, — снова начала Иста, — Эрис отправляется на рискованную вылазку, авантюру, которая может спасти нас всех. Или он умрёт при попытке.

— Вы хотите, чтобы он умер, — пробормотала Катти. — Вы ненавидите его. Вы ненавидите меня.

— Вы ошибаетесь в обоих случаях, хотя, должна признать, иногда у меня возникает сильное желание отшлёпать вас. Сейчас, например. Леди Каттилара, вы жена воина и командира, вы дочь воина и командира. Вы не могли превратиться в суровых условиях приграничных земель в столь отъявленную рабу собственных прихотей.

Каттилара отвернулась, видимо, чтобы скрыть краску стыда, залившую её лицо:

— Этой глупой войне нет ни конца, ни края! Всегда, постоянно опасность… Но если Эриса не станет, его не станет навсегда. И все блага мира исчезнут вместе с ним. Боги заберут его и оставят меня ни с чем, и за это я их проклинаю!

— Я проклинала их много лет, — сухо ответила Иста. — Резкая перемена взглядов, если честно.

Каттилара в ярости, вне себя, она корчится от невыносимой боли. Но ведь рассудок остался

при ней?

Что происходит сейчас здесь, в этом кошмаре наяву? Где голос разума? Какой абсурд, ведь мне, единственной из женщин, приходится призывать не забывать о благоразумии.

— Продолжайте есть. — Иста выпрямила усталую спину, скрестила руки на груди. — У меня есть для вас предложение.

Каттилара посмотрела на неё с подозрением.

— Вы можете принять его или отказаться, но учтите, другого выбора у вас не будет. В этом отношении моё предложение напоминает чудо. Сегодня ночью Эрис предпринимает вылазку против магов Джоэн. Иллвин вызвался взять на себя все его раны, в том числе и смертельные. Но мне кажется, что два тела, подпитывающие разящую руку Эриса и принимающие его раны, смогут провести его дальше, чем одно. Возможно, это и есть та грань, та маленькая разница, которая отделяет почти удачу от почти неудачи. Вы можете стать частью этого предприятия или отвернуться от него.

Фойкс в крайнем изумлении заметил:

— Но, госпожа, лорд Эрис ни за что этого не пожелает!

— Верно, — холодно ответила Иста. — Никто

другой не предложит вам этого выбора, Каттилара.

— Вы не можете делать это у него за спиной! — возмутился Фойкс.

— Я уполномоченный исполнитель этой авантюры. Теперь это женское дело, Фойкс. Помолчи. Каттилара… — Иста набрала в грудь воздуха, — вы уже вдова и вскоре будете ею официально, но та скорбь, которую вам предстоит нести в себе всю оставшуюся жизнь, будет разной в зависимости от выбора, что вы сделаете сегодня ночью.

— А как лучше? — откликнулась Каттилара. Теперь из глаз у неё текли слёзы. — Без Эриса всё — прах.

— Я не сказала «лучше». Я сказала «разной». Вы можете согласиться исполнить роль, предписанную вам, а можете лечь, уткнуться носом в стену и остаться не у дел. Если вы не примете предложенную роль, а он потерпит поражение, вы так никогда и не узнаете, смогли бы вы что-нибудь изменить. Если же вы согласитесь, а он всё равно потерпит поражение, то вы будете знать это. Эрис уберёг бы вас от этого выбора так же, как отец оберегает любимого ребёнка. В этом Эрис не прав. Я предлагаю вам выбор — выбор для женщины, сделайте его здесь, на едином дыхании. Он хочет

избавить вас от боли этой ночью. Я же забочусь о ваших ночах в последующие двадцать лет. В этом нет ничего ни дурного, ни хорошего. Но время на изменение решения утекает так же быстро, как вода из Порифорса.

— Вы думаете, он умрёт в этой битве, — рассердилась Каттилара.

— Он умер три месяца назад. Я боролась не против его смерти, а против его проклятия. Я проиграла. За свою жизнь я дважды видела богов в лицо, и это обожгло меня так, как, боюсь, не может обжечь ничто в материальном мире. Но я боюсь этого для него. Этой ночью он балансирует на грани настоящей смерти, смерти, которая длится вечно, и некому вытащить его из этой пропасти. И даже боги не смогут спасти его, если он в неё упадёт.

— Ваш выбор — отсутствие выбора. Смерть в любом случае.

— Нет: смерть может быть разной. Вы получили от него больше, чем любая женщина. Теперь колесо повернулось. Будьте уверены, однажды оно повернётся в вашу сторону. В этом все равны. Он уйдёт первым, но не единственным. Он будет не один, ведь он, как мне кажется, поведёт за собой длинную вереницу джоконцев.

— Поведёт, или я ничего в этом не понимаю, — прорычал Фойкс.

— Да. Неужели вы думаете, что никто из этих джоконцев не любим так же, как Эрис? У вас есть шанс позволить Эрису уйти в покое, с ясным разумом, без помех, сосредоточившись на мече, который является его символом. Я не позволю вам отпустить его взволнованным, лишённым решимости, рассеянным и печальным.

Каттилара прорыдала:

— Но почему, почему я должна отдавать его смерти… или богам, или вам, или всем? Он мой! Моя жизнь принадлежит ему! Ему одному!

— Значит, когда он уйдёт, в вас останется пустота, в которой будет слышаться эхо его голоса.

— Все эти бедствия — не моих рук дело! Если бы люди делали так, как сказала я, этого бы не было. Все против меня…

Еда на подносе иссякла. Вздохнув, Иста коснулась белого пламени и снова расширила канал. Каттилара осела назад, проклиная всё вокруг. Поток белого огня из сердца Катти был медленным и сердитым, но ещё на несколько часов этого хватит.

— Я бы дала ей возможность попрощаться, — грустно сказала Иста. — Замечание лорда

Иллвина об удержанных поцелуях и несказанных словах не дают мне покоя.

На лице Фойкса отразился ужас:

— Но её замечания, мне кажется, всё же не стоит передавать лорду Эрису.

— Я рассудила так же. Пятеро богов, зачем меня прислали сюда? Ступай, Фойкс, отдохни, сколько сможешь. Сейчас это твой первейший долг.

— Слушаюсь, госпожа. — Он взглянул на Лисе. — Ты придёшь проводить нас? Позже?

— Да, — прошептала Лисе.

Фойкс хотел было что-то сказать, но голосовые связки отказались ему повиноваться; он благодарно кивнул и откланялся.

* * *

Иста тоже отправилась к себе прилечь на несколько часов. Она жаждала сна без сновидений, боялась видений, но ей удалось только подремать, звуки агонии, просачивающиеся сквозь решётку из медленно разлагающегося замка, казалось, заполняли всё вокруг. Наконец Лисе, чьё лицо освещал огарок свечи, стоящий в медном основании подсвечника, стеклянная часть которого лежала где-то грудой осколков, пришла разбудить её. Иста к этому времени уже

проснулась и оделась. Унылое траурное одеяние стало грязным и кое-где износилось, но чёрное платье отвечало её настроению и к тому же сливалось с темнотой.

Лисе последовала за ней, подняв повыше бледный огонёк, когда Иста открывала дверь, ведущую на галерею. Иста миновала несколько ступенек и застыла. Дыхание перехватило.

Высокий угрюмый мужчина стоял на несколько ступенек ниже неё, так что его лицо как раз находилось напротив её, в той же самой позе, в какой стоял мёртвый Эрис, когда она поцеловала его. Лицо мужчины и его очертания были немного размыты; Иста решила, что он слегка похож на Эриса, и на Арвола, совсем чуть-чуть на её умершего отца, хотя ди Баосия был ниже и толще. На Иаса, сочла она, он похож был меньше всего.

Одет он был так же, как офицер Порифорса, — в кольчугу и серо-золотой плащ; но кольчуга сверкала, плащ отглажен и безупречен, вышивка горела, словно огонь. Его волосы и борода были ровного серого цвета, острижены так же коротко, как у Эриса, чистые и гладкие. Колеблющийся свет свечи не оставлял отблесков ни у него на лице, ни в бесконечных глубинах его глаз; напротив, они светились своим собственным

лучезарным светом.

Иста сглотнула и вздёрнула подбородок. Колени стали ватными:

— Я не ожидала увидеть Тебя здесь.

Отец Зима одарил её мрачным кивком:

– **На полях сражений присутствуют все боги. Какие родители не будут с беспокойством ждать, стоя у ворот, снова и снова поглядывая на дорогу, когда же их дети вернутся домой из долгого и опасного путешествия? Ты сама ждала у этих ворот, и тщетно, и не зря. Помножь эту муку на тысячи и пожалей меня, сладкая Иста. Потому что мой великой души сын задерживается, он заблудился в дороге.**

Его глубокий голос отдавался у неё в груди до звона костей. Она едва могла дышать. Вода застилала глаза и падала вниз с неморгающих век.

— Я знаю, Сэр, — прошептала она.

– **Он не слышит моего зова. Он не видит света в моём окне, потому что отделён от меня, он слеп, он глух, он спотыкается, и некому взять его за руку и привести ко мне. Но ты можешь коснуться его в окружающей его тьме. А я могу коснуться тебя в той тьме, что окружает тебя. Возьми эту нить и проведи его по лабиринту, куда мне хода нет.**

Он подался вперёд и поцеловал её в лоб. Его губы жгли, как ледяной металл. В священном трепете она протянула руку, тронула его бороду, как тронула бороду Эриса в тот день, и ощутила мягкое покалывание. Он склонил голову, и слеза, словно снежинка, упала ей на ладонь, растаяла и испарилась.

— Теперь я проводник от Твоего имени? — оцепенев, спросила она.

– **Нет, мои врата.**

Он загадочно улыбнулся ей — белая вспышка среди ночи молнией прошлась по всем чувствам, и оцепенение превратилось в слепоту.

– **Ещё немного я буду ждать его.**

Он отступил назад, и лестница снова была пуста. Потрясённая, Иста не двигалась. Точка на левой ладони, где его слеза коснулась кожи, была холодной, словно лёд.

— Госпожа? — очень осторожно сказала Лисе, стоявшая у неё за спиной. — С кем вы разговариваете?

— Ты видела мужчину?

— Мм-м… нет.

— Жаль.

Лисе приподняла подсвечник:

— Вы плачете.

— Да. Знаю. Пойдём. Думаю, тебе лучше подержать меня за руку, пока мы спускаемся.

Каменный двор, арка, двор в форме звезды, знакомый своими резкими очертаниями, и большие ворота, ведущие в парадный двор, остались позади в тёмной дымке. На протяжении всего пути Лисе не отпускала её руки и хмурилась, чувствуя, как она дрожит.

Освещённый факелами двор был полон людей и лошадей. Большая часть цветочных горшков разбилась, упав со стен, или накренилась, сыпля вниз сухую землю. Суккуленты были сплющены, более нежные цветы завяли и покосились, напоминая сушёную зелень. У дальней стены два спиралевидных дерева роняли сухие листья, которые падали на кучу гниющих лепестков.

Фойкс первый заметил её появление; он повернулся и застыл с раскрытым ртом. Нет сомнений, что вокруг неё облако божественного света, как будто бы бог рядом, ведь он коснулся её так недавно. Я несу ношу, которую я обязана доставить по назначению. Иста оглядела двор, нашла Эриса и Иллвина, но её внимание отвлёк конь, которого они рассматривали. С некоторого расстояния.

Это был высокий каштановый жеребец с длинной мордой. Уздечка, к которой крепились шоры,

скрывавшие глаза, заканчивалась крепкими удилами. Один из грумов держал его за кольцо рядом с верхней губой. Прижав уши к голове, конь сердито ржал, показывая длинные жёлтые зубы, и брыкался. Иллвин стоял на приличном отдалении от животного и казался печальным.

Иста подошла к нему и сказала:

— Лорд Иллвин, вы знаете, что этот жеребец одержим элементалем?

— Об этом мне только что сказал Фойкс, миледи. Это объясняет очень многое в поведении этой зверюги.

Иста взглянула сквозь полуопущенные ресницы на извивающуюся лиловую тень внутри животного.

— Но он ещё мал, неопытен и глуп.

— Это объясняет ещё больше. Ад Бастарда! Я хотел дать Эрису проклятого коня. Его серый в яблоках хромает, так же как и остальные оставшиеся лошади — гниение стрелки, которое развивается неестественно быстро; надеюсь, что Эрис вскоре доставит наши благодарности тому джоконскому магу, которому пришла в голову эта замечательная мысль.

— Это действительно очень хороший боевой конь?

— Нет, но никто не расстроится, если Эрис загонит его до смерти. На самом деле, думаю, грумы будут просто счастливы, если так случится. Да будут свидетелями пятеро богов, я пытался, но безуспешно.

— Хм, — протянула Иста. Она сделала шаг вперёд; двое грумов, сдерживающих морду животного, предупредительно крикнули. Она прищурила глаза, приблизилась и положила осенённую богом руку жеребцу на лоб. Маленькая шестиконечная отметина жгла ей кожу, белоснежная для обычного зрения, невыразимо сияющая для внутреннего.

— Уберите шоры.

Грум в отчаянии посмотрел на Иллвина, но тот кивнул, хотя не преминул вытащить меч и держать его наготове, напряжённо наблюдая за происходящим.

Глаза коня оказались фиолетовыми с коричневым ободком. У большинства лошадей пурпурный зрачок, напомнила себе Иста, но обычно в них нет такого глубокого блеска. Глаза застыли при виде неё. Она ответила им взглядом. Животное вдруг успокоилось. Иста встала на цыпочки, взялась за одно ухо и прошептала в него:

— Веди себя хорошо с лордом Эрисом. Иначе я

заставлю тебя мечтать о том, чтобы я выпустила тебе кишки, связала ими и скормила богам.

— Собакам? — поправил её грум, держащий кольцо.

— И им тоже, — согласилась Иста. — Отстёгивайте кольцо и отходите.

— Леди?..

— Всё в порядке.

Грум отступил. Конь, дрожа, растопырил уши, демонстрируя внимание, и согнул шею, чтобы покорно ткнуться мордой Исте в грудь. Он оставил на чёрном платье несколько рыжих волос и удивительно спокойно выпрямился.

— И часто ты так делаешь? — поинтересовался Иллвин, подходя к ней. Крайне осторожно он вытянул руку и попробовал погладить животное по шее.

— Нет, — вздохнула Иста. — Сегодня день откровений. — Иллвин был одет в лёгкие льняные штаны и всё ту же рубаху с искристой нитью, видимо, уже подготовился к предстоящей роли. Эрис выглядел почти так же, как в тот день, когда Иста увидела его впервые, от чего у неё перехватило дыхание. Только сейчас на кольчуге и плаще не было пятен крови. Ещё не было. Подойдя к ней, он мягко улыбнулся:

— На одно слово, госпожа, прежде чем я уеду. На два слова.

— На сколько хотите.

Он понизил голос:

— Для начала, я хочу поблагодарить вас за то, что подарили мне возможность умереть лучшей смертью. Менее постыдной, низкой, глупой, чем моя первая.

— Даже в таком количестве наши люди могут удивить, — мрачно заметил Иллвин.

В дальнем конце двора коней готовил едва ли десяток солдат. Среди них был Пежар; лицо у него лихорадочно горело, заметила Иста. Ему следовало бы лежать на соломенном тюфяке, а не отправляться на вылазку. Сколько людей в Порифорсе ещё могут передвигаться пешком?

Эрис коротко улыбнулся брату и не стал спорить, пытаться поправить его, не стал вырывать у него из рук последнюю надежду. Он повернулся к Исте:

— И у меня есть просьба.

— Я сделаю всё, что в моих силах.

Его ясные глаза пронзительно взглянули на неё; она почувствовала себя мишенью.

— Если этой ночью ди Лютезу удастся умереть достойно, позвольте ему завершить то, что он

оставил незаконченным много лет назад. Пусть та победа, которую мне удастся завоевать, навсегда поглотит ту старую жестокую ошибку. Пусть заживёт та рана, что нанёс вам другой ди Лютез.

— Ох, — выдавила Иста. Ох. Она не могла позволить голосу дрогнуть; всё-таки она при исполнении обязанностей. — Мне передали для вас послание.

Он поднял брови; это заявление застало его врасплох:

— Ни один курьер не проникал сегодня сквозь джоконскую блокаду. Кто отправил послание?

— Я только что встретилась с Ним на лестнице. Вот оно. — Иста сглотнула, чтобы голос не изменил ей:

— Ваш Отец призывает вас к Себе, к Своему Двору. Вам не следует собирать вещи; вы отправитесь туда, облечённый той славой, что окружает вас. Он с нетерпением ждёт у ворот Своего замка, чтобы поприветствовать вас, Он уже приготовил для вас место рядом с Собой за Его высоким столом, среди великих душой, благородных и возлюбленных детей. Я говорю правду. Склоните голову.

Широко распахнув глаза, поражённый до глубины души, он подчинился. Она коснулась губами его лба, его бледной нетеплой и нехолод-

ной кожи, нетронутой потом. Её губы как будто оставили ледяной след, который испарился в тяжёлом ночном воздухе. Перед её внутренним зрением появилась новая линия, тонкая нить серого света протянулась от неё к нему. Это линия жизни. Она может, откуда-то Иста знала это, неразрывно растянуться от одного края земли до другого. Ох.

— Нет сомнений, — прошептал он в благоговейном трепете, — мы благословлены.

— Да. Потому что мы благословили друг друга. Да пребудет покой в вашем сердце. Так будет хорошо.

Она отступила в сторону, позволив Иллвину обнять брата. Иллвин отнял Эриса от груди и, держа за плечи, с изумлённой улыбкой заглянул в эти странные ликующие глаза, которые как будто созерцали происходящее из великой, ускользающей дали. И всё же прохладные губы ласково улыбнулись ему. Иллвин помог ему сесть на болезненно покорного рыжего жеребца, в последний раз проверил подпругу, стремена и сбрую и привычным жестом хлопнул брата по затянутой в кожу ноге. Потом отступил.

Иста огляделась — в глазах щипало, зрение застилала влажная пелена — и увидела Лисе,

стоящую у коня Фойкса. Юноша уже был в седле. Он отсалютовал Лисе, как принято в Ордене Дочери, — коснувшись лба. Она ответила ему курьерским салютом, сначала дотронувшись до сердца. Встретившись взглядом с Истой, Фойкс отсалютовал и ей; она осенила его пятикратным знаком благословения.

По тихому приказу командира жалкая дюжина людей Эриса оседлала коней. Никто ничего больше не сказал.

— Лисе, — Иста запнулась и откашлялась. — Лисе, — начала она снова, — пойдём со мной. Пора отправляться в башню.

И Лисе, и Иллвин последовали за ней, и они направились обратно к арке. За спиной Иста слышала скрип открывающихся ворот Порифорса, металлический скрежет цепей подъёмного моста разнёсся среди умирающих цветов. Иллвин на секунду обернулся, глядя в испещрённую огнями тьму, но Иста запретила себе смотреть назад.

Глава двадцать четвёртая

Ноющие ноги Исты несли её вверх по узким ступеням башни, камень стен под ладонями был шершавым на ощупь, — вперёд, выше, к квадрату неожиданно яркого света. Вдоль парапета с северной и южной сторон стояли ряды свечей, воткнутых в капельку собственного воска; в неподвижном ночном воздухе их пламя горело ровно и ясно. Жар будто бы поднимался к чёрному звёздному небу, но всё же здесь, на вершине башни, воздух не был таким спёртым и затхлым, как внизу во дворе.

После их прихода площадка, казалось, была переполнена людьми. Иста обозрела приготовления, которые были произведены по её приказу, и облегчённо вздохнула. С одной стороны на тюфяке, накрытом простынёй, безмолвно лежала одетая в платье леди Каттилара. Другой тюфяк рядом с ней, тоже застеленный старой простынёй, был пуст. Женщина-швея, держащая наготове иголку и нитки, Горам и просвящённый ди Кэйбон, одеяния которого снова были безжалостно запятнаны, с нетерпением ждали их прихода.

Этой небольшой компании вполне достаточно; те немногие целители и служители Ордена Матери, что остались в живых в осаждённом городе, лежали, сражённые лихорадкой, или не могли пробраться по разрушенным туннелям в замок для оказания помощи.

Иллвин, появившись из тёмного проёма лестницы, заслонил рукой глаза от света свечей:

— И как же ты собираешься смотреть вниз и наблюдать за продвижением моего брата?

— Следить за ним я буду иными глазами. Слугам нужно видеть вас.

Она коснулась материальной рукой серой нити, словно желая ещё раз увериться в её существовании; нить спиралью выходила из её сердца и исчезала внизу во тьме.

— Теперь я его не потеряю.

Он пробормотал что-то вроде мрачного согласия, набрал в грудь побольше воздуха и сел на пустующую подстилку. Отложив меч в сторону, он стянул с себя пёструю, влажную от пота рубаху и закатал штанины. Горам помог ему снять сапоги. Иллвин вытянул длинные ноги и лёг на спину; лицо его было не столько спокойным, сколько суровым, тёмные расширенные глаза смотрели на звёзды. Влажные клочки облаков пересекали

сияющий небосвод, словно серые перья.

— Я готов.

Его голос был хриплым, но не от недостатка воды, подумала Иста.

Она слышала, как внизу в замке скрежетали цепи, медленно поднимавшие мост, бряцала сбруя и эхом отдавался от стен замирающий вдали стук копыт. Серая нить дрожала в озере лежащей внизу тьмы, словно леска, на которую попалась крупная рыба.

— У нас немного времени. Нужно начинать.

Она опустилась на колени между двумя подстилками.

Иллвин взял её ладонь и прижал к губам. Отнимая руку, Иста ласково коснулась его гладкой брови. Сосредоточилась. И отрешившись от грустной картины, представшей перед её обычными глазами, потянулась к комку света и тени, каким сейчас являлся для неё мир духов. Она догадывалась, что боги наверняка упростили его для неё, что на самом деле он сложнее, недоступнее. Но это дано ей, и это нужно сделать.

Она укрепила соединение с тонкой белой струйкой, тянущейся из сердца Иллвина, и раскрыла канал. Огонь души хлынул из него и, присоединившись к вялому, сердитому потоку, идущему

из Каттилары, понёсся в ночь, следуя серой нити, но не касаясь её. Жизнь сошла с лица Иллвина, сделав черты неподвижными, восковыми. Иста вздрогнула.

Она отвернулась и перевела взгляд на спящую Каттилару. Демон у неё в груди зашевелился. Слишком сильно напряжено всё вокруг, это может привести к фатальным последствиям. То, что предстояло сделать Исте, было действительно опасно, опасно для всех, но она не могла поступить иначе. Слишком много душ пошло на риск этой ночью…

Она обратилась к Каттиларе, перемещая пламя её души по направлению к голове. Демон попытался последовать за ним. Она положила отмеченную снежинкой руку на горло Каттиларе, удивлённо отметив, что пальцы начали источать серый свет. Демон отпрянул, издав вопль ужаса. Глаза Каттилары раскрылись.

Она попыталась приподняться, но обнаружила, что тело парализовано.

— Вы! — прорычала она Исте. — Будьте вы прокляты, отпустите меня!

Иста позволила себе тяжело вздохнуть:

— Эрис уехал. Пожалейте его врагов, потому что смерть спускается к ним из темноты верхом

на коне-демоне, неся с собой меч и огонь. Многие разделят его путь в объятия Отца этой ночью, их души, словно изорванные знамёна, предвестят его приход. Пришло время сделать выбор. Вы поможете ему в этом последнем пути или будете препятствовать?

Голова Каттилары заметалась из стороны в сторону:

— Нет! Нет! Нет!

— Сам бог ожидает его, Он Сам, затаив дыхание, ждёт вашего решения. Сердце Эриса рвётся к руке его Отца, словно птица-вестник. И даже если заставить его вернуться, он проведёт остаток жизни, который, думаю, будет весьма краток, у окна, тоскуя о последнем приюте. Он не станет благодарить вас. Он не сможет любить вас, потому что сердце его будет принадлежать иному миру. Он может даже начать ненавидеть вас, зная, какой славы вы лишили его. В последний момент, в последний миг перед выбором задумайтесь не о том, чего желаете вы, а чего жаждет он; подумайте не о своём благополучии, а о его более великом благе.

— Нет! — воскликнула Каттилара.

— Что ж, хорошо. — Иста потянулась, чтобы разорвать соединение, уголком глаза наблюдая

за мятущимся и бунтующим демоном.

Каттилара отвернулась и прошептала:

— Да.

Иста замерла и выдохнула.

— Я молю, — тихо произнесла она, — чтобы боги услышали меня и донесли тихое «да» до своего пятикратного царствия раньше, чем громкое «нет». Да будут мои слова услышаны, чтобы я услышала вас. — Она судорожно сглотнула. — Крепко держите демона. С ним будет нелегко справиться.

— Мне будет больно? — спросила Каттилара. Её глаза наконец встретились с глазами Исты. Голос было бы не слышно, если бы не звенящая тишина, царившая на площадке. На наблюдавших за происходящим людях даже не шелестела одежда.

Да, нет, понятия не имею.

— Думаю, да. Все роды болезненны.

— Ох. Хорошо. — Она снова отвернулась, но уже ничего не отвергала. Глаза её были влажными, но лицо всё так же напоминало резную слоновую кость.

Иста подняла руку, но её вмешательства не потребовалось. Лицо Каттилары расслабилось, белый огонь с удвоенной силой хлынул у неё из сердца и присоединился к пламени Иллвина,

образовав мощный поток, с рёвом низвергшийся через парапет. Ты не один, Эрис. Сердца тех, кто любят тебя больше всех, теперь рядом с тобой. Она надеялась, что на том конце белой линии их дар принёс его телу вдохновение.

Иста поднялась и подбежала к парапету, приказав остальным готовить перевязки, ткань и жгуты. Она смотрела в темноту, которую, словно ленты, пересекали дороги, в темноту, где равнины напоминали туманные одеяла, скомканные на разорённой постели, а деревья в чёрной роще стояли неподвижно, как часовые. Во вражеском лагере горело несколько дозорных костров, джоконские всадники медленно перемещались из стороны в сторону вне зоны досягаемости арбалетного выстрела. Сгусток движущихся теней приблизился к деревьям, проскользнув между патрульными.

Она обратилась к иному зрению и проследила направление белого потока и тонкой серой нити, туда, где двигались двенадцать искорок, верхом на огоньках послабее. Можно было различить сероватое мерцание Эриса; отмеченная фиолетовым тень Фойкса светилась ещё ярче. Она отчётливо видела всё, что происходило внизу, когда Эрис пустил подсвеченный демониче-

ским огнём контур коня галопом. Марч быстро приближался к неподвижному, яркому пятну магического света, словно ястреб, несущийся на ничего не подозревающую добычу.

— Вы видите Фойкса? — прошептал прерывающийся голос Лисе ей в ухо.

— Да. Он рядом с Эрисом.

Никаких криков тревоги не было слышно до тех пор, пока не рухнула первая палатка. Когда же наконец тишину ночи разрезали вопли и звон стали, конный патруль ринулся обратно в лагерь. Внезапно, над лагерем, искрясь, взвилась змея колдовского огня. Голубоватая вспышка огня души взметнулась вверх, отделяясь на глазах у Исты от комка неистового фиолетового свечения, который метнулся прочь, увлекая с собой вырванные клочья души. Голубоватая вспышка зашлась в агонии и потухла, исчезнув где-то. Фиолетовый комок приземлился на движущуюся среди деревьев искорку души; оба — и демон, и новый его носитель — рухнули на землю, переживая это соединение. Но змея больше не появлялась.

— Один есть, — сообщила Иста.

Атакующие не перекрикивались, не звали друг друга, они двигались в мрачной, полной решимости тишине. Бледные очертания другой палатки,

скрывающей в себе ещё одну лиловую змею, закачались из стороны в сторону, затряслись и обрушились вниз. Джоконский маг собирал силы, чтобы сразить нападающего. Иста видела, как вспышка магической энергии пронзила Эриса, и слышала, как оборвался удивлённый вопль мага. Она даже решила, что еле слышный из дали, текучий звук ознаменовал отрубленную голову. Ещё один фиолетовый комок отделился от белого вихря. Потрясённое и кувыркающееся лиловое создание, не разбирая дороги, ворвалось в коня, нёсшего на себе джоконского всадника. Животное споткнулось, заметалось из стороны в сторону, сбросило седока и, встав на дыбы, устремилось прочь по дороге в Оби. Выпущенная змеиная голова потянулась вслед, словно ища, куда бы ударить, а потом потухла, рассыпавшись искрами.

— Двое, — сказала Иста.

Из-за деревьев взметнулось неровное пламя, жёлтое и яркое, поглотив в себе палатку. За рощей в больших зелёных палатках стали зажигаться огни. Иста не сомневалась, что в тот момент, когда был нанесён первый удар, маги спали, но теперь, разбуженные Джоэн, если до этого сами не проснулись от шума, они уже были на ногах.

Как быстро смогут сбитые с толку джоконцы организовать защиту? Нанести ответный удар? Ещё одна белая вспышка, но на сей раз без фиолетового спутника, взметнулась вверх. Погиб кто-то из простых вражеских солдат или один из товарищей Эриса? Иста поняла, что с точки зрения бога, в этом нет никакой разницы. Все рождения и смерти равны в том царстве.

— Трое, — доложила она, когда прорыв продолжился.

— Мы побеждаем? — выдохнула Лисе.

— Зависит от того, что ты считаешь победой.

Только на четвёртой палатке нападающие встретили сопротивление. Три магические змеи объединили свои усилия. Судя по всему, Эрис оказался невидим для них, потому что они сосредоточили внимание на Фойксе. Очевидно, они решили, что другой маг представляет более серьёзную опасность для них, и посчитали Фойкса главой или ядром вражеской атаки. Свет душ закачался, заметался, завертелся перед мало что различающими чувствами Исты. Медведь, рыча, попал под огненную сеть. Однако четвёртая и пятая змеи лишились голов, и клочья душ, мечась в предсмертной агонии, взмыли вверх навстречу лучащейся заре. Из дальней мерцающей зелё-

ной палатки до Исты донёсся женский крик, но расстояние и яростная интонация говорящей мешали разобрать смысл рокнарских слов.

— Мне кажется, они взяли Фойкса, — сказала Иста. За спиной она услышала сдавленный вдох.

— Помогите! — крикнула швея. Побледневшая Лисе развернулась и бросилась на своё место подле Каттилары.

На правом бедре и Каттилары, и Иллвина появились длинные тёмные порезы. Красно-коричневые пульсирующие мышцы, белесые полосы сухожилий — потом обе раны-близнецы наполнились алой жидкостью. Швея и Лисе, Горам и ди Кэйбон поспешили втереть мази и перевязать порезы, остановить кровь.

Да, подумала Иста. Её стратегия сработала. Если бы принимающий был один, то рана бы дошла до кости. Половина раны вполовину менее опасна. Она чуть не разразилась громким, мрачным смехом, представляя смятение противника Эриса, который чувствовал удар, резким движением вытаскивал клинок из кости, рукой ощущал звон и знал, насколько сильно он ударил, — и вот, рана заживает прямо у него на глазах… И действительно, дикий вой, который эхом разнёсся над рощей, вполне мог принадлежать этому сол-

дату. А вы думали, что обрушили все возможные кошмары на Порифорс, и сидели себе спокойно. Теперь смотрите, чем Порифорс отплатит вам. Мы выстоим, мы выстоим.

Ещё совсем недолго.

Иста снова попыталась рассмотреть то, что происходило под сенью деревьев. Она могла проследить за движением Эриса среди палаток по крикам ужаса, которые испускали враги при виде его бледного лица и смертоносного клинка. И по вихрям белого огня, рвущимся вверх там, где он прошёл. Он уже лишился коня; Иста не могла точно сказать, когда это произошло. Оставалось надеяться, что он не один, что есть ещё кто-то, кто прикроет его со спины.

Думаю, теперь он всё же один.

Сзади донёсся странный вязкий звук. Она оглянулась и увидела, что её помощники изо всех сил прижимают тряпки и повязки к животам Иллвина и Каттилары. Это арбалетный выстрел. Интересно, Эрис вынул стрелу и бросил её в изумлённых противников или оставил её на месте, словно эмблему. Для любого другого, в любое другое время, удар был бы смертельным. Скоро этих ударов станет больше. Клянусь богами, ди Лютез знает, как умереть трижды, и даже трижды

три, если нужно.

Она упала на колени рядом с парапетом, цепляясь пальцами за камень.

Ей казалось, будто огромный тёмный ледник, ледяная плотина в её душе начала таять, словно на неё обрушился жар тысячи летних солнц. Лёд раскалывался, рассыпался на части. И неизмеримо глубокое и столь же широкое озеро льдисто-зелёной воды поднималось выше, выжидательно волновалось от края до края, тревожа воду от самой кромки до необозримых глубин. В парадном дворе я передала благословение тебе. Но теперь ты вернул это благословение мне. Мы обменялись спасением. Пятеро богов следят за нашими деяниями в этот предрассветный час.

Вы, Пятеро, должны внушать нам благоговейный страх! Но, мне кажется, и мы должны внушать благоговейный страх Вам.

— Семь, — прошептала она вслух.

Но потом что-то пошло не так. Задержка, а затем отступление. Много, слишком много искорок душ металось вокруг него. Теперь он окружён, путь к бегству отрезан. Десятки врагов, что бежали прочь, возвращаются; воодушевлённые собственным количеством, они набрались смелости сразить его.

В кругу врагов твой Отец приготовил для тебя пир, за тем столом, который Он накрыл для тебя так давно. Всё перед тобой…

Ещё один вязкий звук и ещё. Сзади раздался резкий голос Лисе:

— Леди, слишком много ран! Вы должны остановить это!

Ди Кэйбон напряжённо прогрохотал:

— Госпожа, помните, вы обещали лорду Эрису, что Каттилара будет жить!

А некий толстый бог обещал жизнь Иллвина мне, если я не подведу Его. Если мы оба останемся в живых. Данный богом любовник, упрямый и наглый, как облезлый бродяга-кот, сумевший втереться мне в доверие. Только если я буду продолжать его кормить.

Она посмотрела через плечо. Тело Иллвина подпрыгнуло вверх, подброшенное мощным ударом, пришедшимся Эрису в спину, и Горам, с безумным выражением лица, перевернул хозяина на живот, чтобы осмотреть алую дыру. Белая кисть Каттилары отделилась от руки, и Лисе бросилась останавливать фонтан крови.

Время пришло. О да, время пришло. Иста схватила поток белого пламени, несущийся у неё мимо плеча. Струя оборвалась. Белые брызги

посыпались в разные стороны из её сжатого кулака. Фиолетовый канал распался. Белый огонь, постоянный спутник её внутреннего зрения в последние дни, иссяк.

Неуверенная тишина, а затем в тени рощи раздался нелепый, истеричный вопль триумфа, несущийся из полусотни джоконских глоток.

Ледяная плотина взорвалась. Стена воды ринулась вверх, достигла верхней точки и рухнула вниз, размывая берега, разнося границы души всё шире и шире, вымывая накопившиеся за всю жизнь камни, булыжники, комки сгнившего мусора. Всё это, кипя и рыча, изливалось вовне. Иста широко раскинула руки, открыла рот, отправляя прошлое в небытие.

Серая нить, практически исчезнувшая из виду в ярких вспышках, уплотнилась и достигла размеров туго натянутого каната. Этот канат стал двигаться сквозь её новую, расширенную душу всё быстрее и быстрее, до тех пор, пока не начал словно бы дымиться от трения, как перегруженная плетёная верёвка, которая вот-вот загорится. В какую-то секунду удивлённая, бьющаяся в агонии и пребывающая в экстазе душа Эриса прошла сквозь неё.

О да! Все мы, каждое живое существо — врата

между двумя царствами: царством материи, которое дарует нам рождение, и царством духа, где мы рождаемся в смерти. Эрис упустил свои врата, навеки потерял дорогу к ним. И мне было дано ненадолго уступить ему свои. Но такой великой душе врата нужны просторные: так вбей мои створки, сломай мои стены, проложи широкий путь и беспрепятственно войди, я позволяю тебе. И прощай.

— Да, — прошептала Иста. — Да.

Он не оглянулся. Представляя, что он увидел, переступив порог, Иста совсем не удивилась.

Всё окончено, сэр Герой. Надеюсь, вы сочтёте, что я выполнила своё задание хорошо.

Она не слышала голоса, не видела светящегося силуэта. Но ей показалось, будто бы кто-то ласково коснулся её лба там, где болело и ныло уже столько часов подряд, будто бы голову стягивал плотный железный обруч, — и боль ушла. Окончание болевого спазма было подобно утреннему пению птицы.

Это действительно утреннее птичье пение, смутно сообразила она, здесь, в милом сердцу царстве материи, из кустов у подножья замка доносилась весёлая, беззаботная трель. Серые перья облаков на фоне меркнущих звёзд только

начали окрашиваться огненно-розовым цветом, разливающимся от востока к западу. Тонкая нить лимонно-жёлтого цвета очертила горизонт на востоке.

Иллвин застонал. Иста обернулась и увидела, что он сидит, опираясь на ди Кэйбона, и срывает пропитанные кровью повязки со своего нетронутого ранами тела. Его губы в смятении раскрылись, когда он увидел следы произошедшего, которые становились краснее по мере того, как краски дня возвращались в мир.

— Пятеро богов! — Он сглотнул поднимающийся ком. — В конце явно было плохо. Не так ли.

Это был не вопрос.

— Да, — ответила Иста. — Но теперь он ушёл. Он вне опасности.

Внизу, в роще, охваченные ужасом джоконцы, она знала это, каким-то непостижимым образом, разрубали тело Эриса на куски, разрывали его на части, боясь, что он ещё может вновь собраться и напасть на них. Но нет необходимости сообщать сейчас об этом Иллвину.

Рядом, сжавшись в комочек, лежала Каттилара. Она тихо-тихо всхлипывала, едва дыша, и так крепко прижимала к себе губку, которой ей затыкали рану на животе, что между её пальцев

струилась кровь. Швея неуклюже и бесполезно гладила её по плечу.

Мир вокруг Исты потемнел, как будто заря, испуганная представшей перед ней картиной, снова спряталась за линией горизонта. Проникший к ней в голову, словно обычный путник, Голос, уже такой знакомый, ироничный и безграничный, произнёс:

Моё Слово. Как тут просторно стало, а?

— А Ты что здесь делаешь? Я думала, это поле боя теперь принадлежит твоему Отчиму.

Ты пригласила Меня. Давай, давай, не отпирайся: Я слышал, как ты шептала там, в углу.

Иста не была уверена, что у неё остались на это эмоции. Ярости, по крайней мере, точно не осталось. Эта свободная тишина может быть как результатом покоя, так и следствием потрясения. Но Бастард — бог, к которому следует относиться с особой осторожностью.

— А почему Ты не появишься передо мной?

Потому что Я стою позади тебя. — В Голосе появились тёплые, весёлые нотки. Давление огромного живота будто обожгло ей спину, одновременно она почувствовала, как его бёдра непристойно прижались к её ягодицам и огромные руки опустились ей на плечи.

— У Тебя отвратительное чувство юмора, — слабо сказала она.

Да, а ты сразу же понимаешь все Мои сальные шуточки. Я люблю женщин с острым слухом. Он выдохнул ей в ухо. **Клянусь, в пару к ним у тебя должен быть острый язычок.**

Её рот наполнился огнём.

— Зачем я здесь?

Чтобы завершить победу Эриса. Если сможешь.

Голос исчез. Темнота превратилась в бледный свет полосатой зари. Она обнаружила, что стоит на коленях на смотровой площадке башни в объятиях обеспокоенного Иллвина.

— Иста? Иста! — говорил он ей в ухо. — Милая, дорогая, не пугай, пожалуйста, несчастного голого рыцаря. Скажи что-нибудь, ладно?

Она моргнула затуманенными глазами. Он лишь частично голый рыцарь, разочарованно отметила она. Заляпанные кровью лохмотья, оставшиеся от льняных штанов, всё ещё прикрывали его бёдра. И всё же он являл собой потрясающее зрелище — тёмные склеивающиеся волосы спутанной массой спускались ему на лицо и плечи, потные, со следами копоти, все в красных разводах. Но все шрамы на его теле были

старыми, залеченными, бледными. Он облегчённо выдохнул, когда увидел, что она смотрит на него, и наклонился, чтобы поцеловать. Она ладонью преградила дорогу его губам:

— Подожди, не сейчас.

— Это что ещё такое? — удивился он.

— Ты что-нибудь слышал? Или видел?

— Нет, но готов поклясться, что ты и видела, и слышала.

— Но ты не станешь клясться и утверждать, что я безумна?

— Нет.

— Однако ты не видел божественного света, не слышал голосов. Так откуда ты знаешь?

— Я видел лицо брата, когда ты благословила его. И твоё, когда он благословил тебя. Если это безумие, я побегу по дороге в той одежде, что сейчас на мне, босиком.

— А я медленно побреду.

— …Хорошо.

Он помог ей подняться на ноги. Лисе встревожено спросила:

— Госпожа, а что с Фойксом?

Иста вздохнула:

— Фойкс упал в гуще солдат и магов. Но я не видела, как возносится его душа, не видела, как

бежит демон. Боюсь, он в плену, возможно, ранен.

— Это… нехорошо, — сказал ди Кэйбон, продолжая стоять на коленях у подстилки Иллвина. Зубы у него немного постукивали, выбивая нервную дробь. — А вы не думаете… не думаете, что Джоэн может привязать его к своему отряду магов?

— Думаю, может, дайте только время. Единственное, чего я не знаю, так это то, сколько он сможет противиться ей.

Пятеро богов, я не хочу потерять ещё одного мальчика.

— Совсем нехорошо, — согласился Иллвин.

Он едва успел вздохнуть, стараясь удержаться на ногах, когда воздух прорезал крик Горама:

— Леди Катти! Нет!

Иста резко развернулась. Каттилара уже стояла на ногах, окровавленное платье складками ниспадало вниз. Глаза её были расширены, рот приоткрыт. Свет демона внутри достиг краёв её тела и яростно пульсировал.

— Демон поднимается! — крикнула Иста. — Он забирает её. Хватайте, не дайте ей сбежать!

Горам, оказавшись ближе всех, попытался схватить Катти за руку. В её ладони возник фиолетовый огонёк, и она швырнула его в грума. Он

упал, корчась от боли. Иста сделала шаг марчессе навстречу, преграждая путь к спуску с башни. Каттилара было подалась вперёд, но потом вдруг отшатнулась, подняв руки, чтобы прикрыть глаза. Она затравленно огляделась. Колени напряглись, и она прыгнула к стене.

Лисе рванулась за ней и ухватила Катти за лодыжку. Та принялась извиваться, ругаться и хватать Лисе за волосы. Иллвин метнулся вперёд, на секунду замер, примериваясь, и точно ударил её по боковой части головы. Полупарализованная, она осела на пол.

Иста подбежала и опустилась рядом с ней на колени. Она как будто видела демона, словно опухоль, распустившего щупальцы в теле Каттилары. Он обвился лозой-паразитом вокруг дерева её души, высасывая силы, жизнь и свет. Крадя составляющие личности — язык, знания и воспоминания, которые, ввиду полной хаотичности собственной природы, не мог создать сам.

Ох. Теперь я знаю, как сделать это.

Она потянулась призрачными руками и взяла демона, отдирая упирающиеся щупальцы от души Каттилары. Он неохотно поддавался, дёргаясь, словно морское существо, которое вытаскивают из воды. Иста подняла материальную руку и,

растопырив пальцы, принялась, словно комки вычесанной шерсти, отводить обратно тянущиеся вслед за демоном обрывки Каттиной души. Так до тех пор, пока у неё в руке не остался только демон. Она с сомнением поднесла его к лицу.

Да, подсказал Голос. **Всё правильно. Продолжай**.

Она пожала плечами, засунула демона в рот и проглотила.

— А теперь что? Собираешься доводить эту метафору до логического завершения? Очень на Тебя похоже.

Я избавлю тебя от этого, сладкая Иста, — произнёс изрядно повеселевший голос. — **Но мне нравится твоё отвратительное чувство юмора. Думаю, мы поладим, правда?**

В её закованной в броню душе не было трещины, куда бы демон мог вклиниться, зацепиться и удержаться; и не только потому, что сейчас её душу наполнял бог. Она чувствовала, как демон, сжавшийся от ужаса, вышел с другой стороны её души. Прямо в руки своего Владыки. Ушёл.

— А что происходит с частичками душ, которые остались в нём? — обеспокоено спросила она. Но Голос снова исчез или по какой-то причине не счёл нужным ответить.

Каттилара сжалась на площадке башни, тяжело дыша и коротко всхлипывая.

Иллвин с виноватым видом откашлялся и потряс рукой.

— Демон пытался заставить тебя разбиться насмерть и таким образом освободиться, — сказал он ей.

Она повернула к нему опустошённое лицо. Прерывающимся голосом она выговорила:

— Я знаю. Хотела бы, чтобы ему это удалось.

Иста жестом подозвала швею, Горама и Лисе:

— Отведите её в постель, позовите её фрейлин. Обеспечьте ей все удобства, которые ещё можно найти в замке. Не позволяйте ей оставаться одной. Я зайду к ней, когда смогу.

Она смотрела, как вниз по спиральной лестнице уводят уставшую всхлипывать Каттилару, которая бессильно опиралась на швею и упорно сторонилась Лисе.

Иста повернулась и обнаружила, что Иллвин и ди Кэйбон тревожно перегнулись через парапет с восточной стороны, разглядывая джоконский лагерь в лучах восходящего солнца. Наполовину скрытый деревьями, он весь находился в движении. Клубы дыма всё ещё поднимались от тех палаток, которые нападающие успели сжечь.

Отбившаяся от стада осёдланная лошадь убегала от солдата, пытающегося её поймать; влажный утренний воздух доносил до них ругательства на рокнари. Иста в надежде склонила голову, но конь не оказался рыжим жеребцом Иллвина.

— Так что случилось, леди? — спросил ди Кэйбон, растерянно глядя вниз. — Мы выиграли или проиграли?

— Это была великая охота. Эрису удалось убить семерых магов, прежде чем они сразили его. Он запнулся на восьмом. Думаю, это была колдунья. Интересно, была ли она молода и прекрасна, так что он не смог заставить руку двигаться достаточно быстро?

— Ах, — грустно протянул Иллвин. — Это было бы для Эриса настоящей погибелью.

— Быть может. В любом случае, джоконцы поняли, как малы его силы, и стали объединяться против него. Но освобождённые демоны разбегались в разных направлениях, и Джоэн ни одного не смогла поймать.

— Увы, у нас нет ещё двух Эрисов, чтобы довершить начатое, — возразил Иллвин. — Настал черёд обыкновенного мужчины попробовать свои силы.

Он расправил плечи и нахмурился. Иста пока-

чала головой:

— Джоэн сделала нам больно, теперь мы ответили ей тем же. Но ещё не нанесли ей поражение. У неё на поводке осталось ещё одиннадцать магов и едва тронутая армия. Она в ярости; её атаки усилятся, пощады не будет.

Ди Кэйбон осел на парапет, могучие плечи ссутулились:

— Тогда Эрис ездил зря. Мы пропали.

— Нет. Эрис выиграл для нас всё. Нам нужно только протянуть руки и забрать приз. Вы же, просвящённый, не спросили меня, что я сделала с демоном Каттилары.

Его брови поползли вверх, и он повернулся к ней:

— Вы снова связали его внутри неё, как и раньше?

— Нет. — Губы Исты сложились в улыбку, которая заставила его отшатнуться. — Я съела его.

— Что?

— Не смотрите на меня так; это метафора вашего бога. Я наконец поняла тайну второго поцелуя Бастарда. Теперь я знаю, как святая из Раумы извлекала демонов из этого мира и возвращала их законному Владыке. Потому что теперь, судя по всему, эта честь выпала мне. Прощальный

подарок Эриса, или лучше, нечто, что он сделал возможным. — Она вздрогнула от скорби, которой она ещё не разрешала вырваться наружу. — Иллвин.

Её голос был резким, требовательным; он вырвал его из печальной вялости, которая, казалось, охватила его, потому что он всем весом опирался на стену и смотрел в никуда. За последний час он потерял, напомнила она себе, пугающее количество крови, тем более для и без того истощённого человека. Его кровь, смешанная с Каттиной, лужицами собиралась по всей смотровой площадке. Все его раны закрылись, словно б их и не было, если не считать шва, пересекающего плечо. Он оглянулся и по-совиному моргнул.

— Какой самый быстрый и надёжный способ мне оказаться лицом к лицу с Джоэн?

Ни на минуту не задумавшись, он ответил блестяще и просто:

— Сдаться.

Потом с ужасом в глазах посмотрел на неё и зажал рот руками, будто бы у него с губ сорвалась жаба.

Глава двадцать пятая

Иста как раз закончила мыться или, скорее, обтирать себя тряпкой, смоченной в кружке воды, когда Лисе вернулась в её спальню. В руках она сжимала ворох белых одеяний, так что внутреннюю дверь ей пришлось открывать бедром.

— Это лучшее, что женщинам Каттилары в спешке удалось найти, — сообщила она.

— Хорошо. Положи всё на кровать. — Иста снова запахнула перепачканный чёрный халат и подошла осмотреть принесённое. Конечно, это не назовёшь купанием в полном смысле слова, но то, что чистой одежды будет касаться менее липкая кожа, не казалось чем-то неправильным. — Как марчесса?

— Сейчас она спит. Или лежит без сознания. Глядя на неё, точно не скажешь. Она вся бледная, даже посерела как-то.

— В любом случае, хорошо. Кровь, пролитая на башне, даёт ей право на покой.

Иста перебирала ворох платьев. Льняная рубаха цвета свежих сливок, украшенная тончайшим шитьём, на вид была достаточно короткой, чтобы

не путаться в ней ногами. Изящное платье, вышитое сверкающими белыми нитями, от которых подол делался тяжелее, совершенно очевидно, было нарядом для празднования Дня Бастарда. Неизвестная вышивальщица пустила по его краю очаровательную вереницу крошечных переплетающихся мышей и воронов.

— Замечательно, — пробормотала Иста, беря платье в руки. Она заметила, что снежинка с левой ладони исчезла, хотя холодное ощущение на коже осталось.

— Миледи… а вам не кажется это некоторой провокацией — отправиться в руки кватерниан-цев, одетой в цвет Бастарда?

Иста мрачно улыбнулась:

— Пусть они так считают. Думаю, настоящее значение этого им не разгадать. Нужно поторопиться. Завяжи, пожалуйста, ленты на спине потуже.

Лисе подчинилась, стянув ей изящную талию. Иста надела платье, встряхнула широкими рукавами и сколола ткань под грудью серебряной аметистовой траурной брошью. Значение этой фамильной ценности, с тех пор как она вступила во владение ею, изменилось раз десять. Все старые беды, которые она символизировала до этого,

полностью исчезли прошлой ночью. Теперь Иста носила её, предаваясь горькой скорби о Эрисе и о тех, кто отправился с ним. В этот час всё в ней должно быть по-новому.

— Теперь волосы, — сказала она, усаживаясь на скамеечку. — Главное — быстро и аккуратно. Не хочу быть похожей на безумную, ночевавшую под забором, или на стог сена после удара молнией. — Она улыбнулась, вспомнив. — Заплети их в косу.

Лисе напряжённо сглотнула и начала расчёсывать пряди. И произнесла в четвёртый, а то и в пятый раз после того, как они спустились в башни:

— Мне очень хочется, чтобы вы взяли меня с собой.

— Нет, — с сожалением ответила Иста. — В обычной ситуации безопаснее быть служанкой ценного заложника, чем оставаться в рассыпающейся на глазах крепости, вот-вот готовой сдаться. Но если мне не удастся сделать то, что я намереваюсь сделать, Джоэн скормит тебя демонам, заберёт себе твой разум, воспоминания и отвагу. Или заменит тобой магов-рабов, которых Эрис убил прошлой ночью, и приставит ко мне не как служанку, а как стражника. А то устроит

ещё что похуже.

Если Исте удастся… она понятия не имела, что случится потом. Святые не менее восприимчивы к оружию, чем маги, как доказала её предшественница из Раумы.

— А что может быть хуже? — длинные движения расчёской прекратились. — Думаете, она уже поработила Фойкса и его медвежонка?

— Через час я это узнаю.

Что может быть хуже, если Лисе попадёт в руки Джоэн, — вдруг пришло в голову Исте. Это будет совершенный, жуткий союз двух сердец: скормить Лисе медведю Фойкса и позволить чувствам Фойкса свести его с ума от ужаса и печали, когда их души воссоединятся… Потом она задумалась, чей ум чернее и изощрённее: Джоэн, чтобы сделать такое, или её собственный, чтобы подумать так о Джоэн. Похоже, я всё же не очень-то приятный человек.

Это хорошо.

— Тут есть несколько белых лент. Вплести их?

— Да, пожалуйста. — Сзади послышался знакомый приятный шорох заплетаемой косы. — Если у тебя появится шанс, я хочу, чтобы ты сбежала. Это теперь твой первостепенный долг передо мной, мой курьер. Донести всё то, что произо-

шло здесь, несмотря на то что тебя могут счесть сумасшедшей. Лорд ди Кэсерил поверит тебе. Доберись до него любой ценой.

Из-за спины не доносилось ни звука.

— Скажи «обещаю, госпожа», — твёрдо приказала Иста. Непродолжительное упрямое молчание, а потом шёпот:

— Обещаю, госпожа.

— Хорошо.

Лисе туго затянула последний узел, Иста поднялась. Белые шёлковые туфельки леди Каттилары Исте не подошли, но Лисе опустилась на колени и завязала у неё на щиколотках ленты прелестных белых сандалий, которые оказались впору.

Лисе провела её через внешнюю спальню и открыла ведущую на галерею дверь, через порог которой Иста перешагнула.

Снаружи лорд Иллвин опирался на стену, скрестив руки на груди. Судя по всему, он тоже отыскал чашку воды, чтобы умыться, и несмотря на то, что это ничуть не уменьшило вонь, на ладонях и на свежевыбритом лице не было пятен грязи и крови. Одет он был в цвета придворного траура, в лёгкие ткани, подходящие для северного лета: чёрные сапоги, чёрные льняные штаны, чёрная туника без рукавов, отделанная тонкими

лавандовыми полосами, фиолетовый парчовый пояс с чёрными кистями, перехватывающий талию. День стоял жаркий, и он отказался от лавандового плаща, который Горам, беспокойно топчущийся рядом, держал, перекинув через руку. Грум собрал волосы хозяина в элегантную причёску из кос, как в первый раз, когда она увидела его; морозно-чёрная коса, спускавшаяся на спину, была перетянута лавандовым шнурком. При виде Исты Иллвин выпрямился и отвесил ей принятый при дворе поклон, только усечённую его версию, потому что, как догадывалась она, полную ему мешала исполнить слабость, вызванная потерей крови.

— Что это? — с подозрением спросила она.

— Вот уж не думал, что ты так медленно соображаешь, моя милая леди. А на что это похоже?

— Ты со мной не пойдёшь.

Он улыбнулся ей:

— То, что Порифорс, отдавая в плен вдовствующую королеву Шалиона-Ибры, не предоставляет ей сопровождающего, весьма превратно отразится на чести Порифорса.

— А я что говорила, — проворчала Лисе.

— Но теперь крепостью командуешь ты, — запротестовала Иста. — Тебе ни в коем случае

нельзя покидать её.

— От Порифорса остались одни руины. Уже практически нечего защищать, да и некому, но это я пока хочу скрыть от Сордсо. Утренние переговоры о твоей сдаче подарили нам то время, которое мы не смогли бы купить кровью. Так что если это последняя вылазка Порифорса, я по праву требую участия в ней. По несчастной логике этой ситуации, благодаря моей недавней бредовой идее, я не мог поехать со всеми и в полпрыжка исправить мою стратегию. Такая логика не имеет здесь права на существование.

— Если бы ты поехал со всеми, это бы ничего не изменило.

— Знаю.

Она в замешательстве изучала его:

— А ты случаем, впав в это отчаянное настроение, не пытаешься превзойти своего брата?

— Я никогда не мог превзойти его; и не вижу необходимости пытаться сделать это сейчас. — Он взял её за руку и большим пальцем принялся выводить успокаивающие круги у неё на ладони. — В юности я был отдан в учение Ордену моего бога, но я упустил его тихий зов. Я не упущу зов дважды. Тем более что я не вижу, как мне это сделать, потому что он стучит у меня в голове и

орёт мне в ухо «Услышь!» так, что скоро обрушатся потолочные балки замка. Я провёл зрелость бесцельно, хотя и славно послужил моему брату, но у меня не было лучшего направления. А теперь есть.

— Возможно, лишь на час.

— Часа будет достаточно. Если это правильный час. — Осиротевший паж Эриса влетел в каменный дворик и ещё у основания лестницы крикнул:

— Госпожа? Они ждут вас у бокового входа.

— Иду, — ласково откликнулась Иста. Она хмуро посмотрела на Иллвина. — А джоконцы позволят тебе пойти со мной?

— Они будут счастливы заполучить ещё одного знатного пленника, причём без всяких усилий. И ещё это отличное прикрытие, под которым я смогу осмотреть их лагерь и подсчитать силы.

— И много ты насчитаешь, будучи пленником? — она недоверчиво покосилась на него. — Чем же ты будешь прикрываться?

Он поджал губы:

— Трусостью, милая Иста. Они думают, что мы предаём тебя в страхе за своё имущество, и поэтому решат, что я пошёл с тобой, чтобы спасти собственную шкуру.

— Не думаю, что им в голову придёт такая мысль.

— Тем лучше для моей бедной репутации.

Она моргнула, почувствовав странную лёгкость в голове:

— Если я потерплю фиаско, из тебя сделают пищу для демонов. Настоящий пир для джоконского мага-офицера. Может быть, для самого Сордсо.

— Да, но если тебе всё удастся, моя леди! Ты подумала о том, что произойдёт потом?

Под его неуютным, тёмным, настойчивым взглядом она отвела глаза:

— То, что будет после, меня не касается.

— Так я и подумал, — торжествующим тоном произнёс он. — И ты обвиняешь меня в том, что я отчаялся! У меня больше нет аргументов. Пойдём?

Она поняла, что опирается на его руку, всё ещё пытаясь решить, удалось ли ему её убедить, или только смутить. Он повёл её вниз по ступеням, как будто бы они вдвоём возглавляли какую-то процессию, то ли свадебную, то ли коронационную, то ли просто праздничную, или вообще прохаживались в танце на паркете королевского дворца.

Иллюзия пропала, когда они прошли мимо

печальных руин двора в форме звезды, — здесь лежали распухшие трупы ещё двух лошадей, умерших сегодня утром, — миновали тень арки и попали в суматоху, царившую в парадном дворе. Дюжина человек — почти все в замке, кто мог стоять, — толпилась на стенах и глазела на джоконское посольство, замершее в ожидании по ту сторону укреплений. Две короткие круглые башни выдавались наружу из передней стены парадного двора, позволяя обстреливать с двух сторон внешние ворота. Ещё несколько солдат и широкая знакомая фигура в незнакомой одежде стояли у левой башни, в которой скрывалась боковая дверь. Иста и Иллвин, сопровождаемые Горамом и Лисе, остановились рядом с ними.

— Просвящённый. — Иста благосклонно кивнула ди Кэйбону. Он избавился от отличительных одежд своего Ордена не только потому, что его замызганные тряпки можно было, не задумываясь, бросить в огонь. Теперь на нём была дикая смесь разномастных вещей, которые в большинстве своём едва сходились на его плотной фигуре. Любой цвет, только не белый, — отметила про себя Иста.

— Госпожа, — он сглотнул. — Прежде, чем вы пойдёте… Я хотел попросить у вас благослове-

ния.

— Тогда хорошо, что мы встретились; потому что, прежде чем идти, я хотела попросить благословения у вас.

Она встала на цыпочки, опёрлась на его грустно уменьшившийся живот и поцеловала служителя в лоб. Если бог и передал послание ему, то оно было столь неуловимым, что даже её внутренний взор не различил его. Ди Кэйбон ещё раз сглотнул и положил руку ей на лоб. Какое бы церемониальное благословение он ни задумал, ничего не вышло, потому что он разрыдался; ему только удалось выдавить:

— Да поможет нам Бастард.

— Шш-ш, — попыталась утешить его Иста. — Всё хорошо.

Или, учитывая обстоятельства, всё хорошо, насколько это возможно. Она пристально посмотрела на него. Часы, проведённые без сна, болезнь, насланная магами, требование от него того, чем он не обладал, заметно сказались на бедняге. Кровавый ритуал на северной башне измучил его окончательно. Его бог, подумала она, поставил его душу слишком близко к прорыву, доводя его практически до срыва, хотя сам служитель едва ли понимал это. Богам несказанно повезло, что

они направили на исполнение Своего задания в Порифорс двух таких мулов… Неужели ди Кэйбон — их вторая палочка-выручалочка?

Пятеро богов, а можно ли помолиться о том, чтобы её бремя перешло к нему? Осознание этого потрясло Исту, и она моргнула, чтобы очистить помутневшее зрение. У неё было отвратительное ощущение, что ответ — да. Да. Да! Пусть ответственность за все беды перейдёт к другому, не к ней, не снова к ней…

Если только не считать того, что шансы ди Кэйбона выжить, не говоря уже об успехе, ещё меньше, чем у неё. Она подавила отчаянное желание броситься на служителя, умоляя занять её место. Нет.

Я заплатила за это место. Его цена не оставила от меня ничего. Я не отдам его никому.

— Выше нос, ди Кэйбон, или иди прочь, — сердито пробормотал Иллвин. — Твои слёзы ей только мешают.

Ди Кэйбон снова сглотнул, беря себя в руки.

— Простите! Простите. Мне так жаль, что мои ошибки привели вас сюда, госпожа. Мне не нужно было присваивать себе руководство вашим паломничеством. Это было слишком самонадеянно.

— Ну всё же, если бы не вы, богам пришлось бы заставлять совершать ошибки кого-то ещё. — Ещё кого-то, кто свернул бы с дороги. — Если вы хотите помочь мне, то останьтесь в живых и будьте очевидцем. Так или иначе, вашему Ордену необходимо знать всю правду об этом.

Он энергично закивал, а потом вдруг застыл, как будто бы факт освобождения от обязанностей оказалось осознать сложнее, чем он думал. Он поклонился и отступил назад, нахмурив брови.

Иллвин снял меч и передал его Гораму.

— Сохрани это до моего возвращения. Не вижу смысла вручать отцовский клинок Сордсо как подарок, если только этот меч сам не станет смыслом.

Горам склонил голову и попытался изобразить решимость, но вместо этого его черты отразили муку.

Иста обняла Лисе, которая, покосившись на ди Кэйбона, умудрилась не расплакаться. А потом Иллвин повёл её в темноту, к проходу под башней. Дверь распахнулась к свету, солдат крякнул и бросил сверху нечто, что упало с глухим стуком, а потом посторонился, позволяя им двоим пройти.

Загадочным предметом оказалась узкая доска,

которую он перебросил через глубокую расщелину под стенами замка. Иллвин замер, и Иста решила, что он, скорее всего, вспомнив, какие беды обрушились на Порифорс вчера, задумался, а не догадался ли какой-нибудь подлец заколдовать этот самодельный мостик. Он быстро взглянул на неё, ободряюще улыбнулся через плечо и решительно ступил на доску. Та опасно прогнулась в середине, но всё-таки выдержала.

Иста посмотрела на джоконское посольство, расположившееся напротив ворот в ожидании сдающихся. Десяток всадников — в основном солдаты — и три офицера. Князя Сордсо Иста узнала сразу же. Офицер-переводчик беспокойно стоял рядом. Другой офицер, тяжеловооружённый, затянутый в кожаные доспехи, с бронзовой кожей и серо-бронзовыми волосами, тоже оказался магом-рабом, Иста видела, как фиолетовое пламя демона заполняло его тело. Так же, как и от Сордсо, от его живота в сторону стоящих в отдалении зелёных палаток тянулась кручёная лента света.

Прикованным полосой света оказался и другой всадник, а точнее, всадница: женщина в дамском седле, по рокнарскому обычаю, боком сидела позади слуги на обитом мягким материалом сидении, располагавшемся на крупе коня; её ноги

изящно упирались в специальную подставку. На колдунье было платье со шлейфом, какие принято носить при дворе, голову украшала широкополая шляпа, завязанная тёмно-зелёными лентами под подбородком. Женщина была младше Джоэн, но не отличалась ни молодостью, ни красотой. Она пристально наблюдала за Истой.

Иста последовала за Иллвином, не сводя глаз с его лица, чтобы не смотреть на дно расселины, словно специально подчёркнутое скалами и блеском битого стекла. Сандалии Каттилары скользили под влажными ступнями. Иллвин потянулся, крепко схватил её за руку и вытащил на твёрдую, пыльную землю. Доску тотчас же убрали, втащили в боковую дверь, которую немедленно захлопнули.

Женщина подъехала ближе. Но как только Иста подняла глаза, чтобы встретить её взгляд, демонский свет внутри колдуньи стал меркнуть, и скоро Иста видела только кожу и одежду. Осталось только выражение лица, а цвета души исчезли. У Исты перехватило дыхание, и она снова посмотрела на Сордсо. Теперь он был обычным золотоволосым молодым человеком верхом на гарцующем чёрном коне. Никто из магов больше не вскидывал руки, прикрываясь от божествен-

ного сияния Исты, демоны внутри них больше не сжимались при виде неё — она сама не видела демонов внутри них.

У меня украли внутренне зрение. Я слепа.

Не хватало чего-то ещё. Давление бога, которое сзади подталкивало её вперёд, словно во сне, с самого кровавого рассвета на северной башне, тоже пропало. Теперь за спиной висела лишь тишина. Бесконечно пустая, лишь мгновение назад бывшая бесконечно полной. Иста судорожно пыталась сообразить, когда в последний момент она ощущала руки бога у себя на плечах. Она была уверена, что Он был с ней в парадном дворе, где она разговаривала с ди Кэйбоном. Она думала, что Он с ней, ступая на доску, переброшенную через расщелину.

Но когда я оступилась, Его со мной уже не было.

Бесполезное обычное зрение затуманилось от ужаса и утраты. Она едва могла дышать, как будто бы её грудь туго стянули крепкими верёвками. Что я сделала не так?

— Кто это? — спросил Сордсо, указывая на Иллвина. Маг с бронзовой кожей направил коня к князю и удивлённо посмотрел на Иллвина, который холодно взглянул на него в ответ.

— Думаю, это сэр Иллвин ди Арбанос собственной персоной, ваша светлость. Незаконный брат лорда Эриса, бич наших пограничных земель.

Светлые брови Сордсо поползли вверх:

— Новый командир Порифорса! Спроси его, где другая женщина, — он сделал знак переводчику.

Офицер подъехал к Иллвину:

— Эй, ди Арбанос! По соглашению вы должны были привести вдовствующую королеву и дочь марча Оби, — сказал он на ибранском. — Где леди Каттилара ди Лютез?

Иллвин отвесил ему лёгкий, ироничный поклон. Глаза его были льдисто-чёрными.

— Она вместе с мужем. Когда прошлой ночью, глядя с башни, она почувствовала, что он погиб, то бросилась с парапета и передала свою скорбь скалам. Теперь она лежит и ждёт, пока её похоронят, если вы уйдёте, как обещали, а мы сможем добраться до кладбища. Вместо неё пришёл я, заодно я буду слугой и хранителем госпожи Исты. Увидев однажды вашу армию и весьма сомнительную дисциплину, госпожа не захотела приводить с собой горничных.

Брови переводчика сошлись на переносице не только от услышанного завуалированного оскорбления. Он повторил новость для Сордсо и

всех остальных. Колдунья подтолкнула своего всадника, заставляя подъехать ближе.

— Это правда? — спросила она.

— Тогда ищите сами то, что вам нужно, — сказал Иллвин. — Думаю, отсюда Сордсо смог бы распознать то, что осталось от его сестры Юмеру, если бы она всё ещё была… ну, «жива» не вполне подходящее слово, не так ли? Если бы она всё ещё была внутри леди Каттилары, скрывающейся за этими стенами.

Переводчик подпрыгнул в седле, удивившись то ли тому, что Иллвин сказал, то ли тому, на каком языке это было сказано, — Иста не была уверена. Сордсо, офицер с бронзовой кожей и колдунья синхронно повернули голову к Порифорсу, выражение на их лицах было напряжённое и одновременно отсутствующее.

— Ничего, — выдохнул Сордсо через секунду. — Он пропал.

Колдунья покосилась на Иллвина:

— Этот тип слишком много знает.

— Моя бедная невестка умерла, а до существа, которое вы потеряли, вам не добраться, — сказал Иллвин. — Может, покончим на этом?

По кивку князя двое солдат спешились. Сначала они обыскали пояс и сапоги Иллвина на предмет

спрятанных ножей; он стерпел прикосновения их рук с видом скучающего недовольства. Его длинное тело напряглось, когда один из солдат подошёл к Исте, и расслабилось немного только тогда, когда мужчина опустился на колени перед её белоснежной юбкой.

— Вам нужно снять обувь, — обратился к ней переводчик. — Вы отправитесь к августейшей Матери босиком и без головного убора, как подобает женщине низкого звания и еретичке-квинтарианке.

Иллвин вздёрнул подбородок и сжал челюсти. Что бы ему не хотелось сейчас сказать, сжатые зубы не позволили словам вырваться. Забавный ход, — подумала Иста, — они не стали требовать у Иллвина снять сапоги. Это неравенство лишь подчеркнуло его неспособность защитить её.

Горячие руки мужчины схватили ленты, столь недавно завязанные Лисе вокруг щиколоток Исты. Она стояла не шевелясь, не сопротивляясь. Он снял с неё сандалии и отбросил их в сторону. Затем поднялся на ноги, отступил и снова влез на коня.

Сордсо подъехал к ней и оглядел с головы до ног. То, что он увидел, заставило его мрачно ухмыльнуться. Или, скорее, то, что он не увидел. В

любом случае, теперь он не боялся повернуться к ней спиной, потому что он жестом приказал ей следовать за его конём. Иллвин попытался предложить ей руку, но офицер с бронзовой кожей вытащил меч и сделал ему знак клинком идти позади неё. Сордсо небрежно взмахнул рукой, и процессия тронулась в путь по выжженной, испещрённой трещинами земле.

Иста едва обращала внимание на медный жаркий полдень, через который шагала. Она судорожно продумывала сложившуюся ситуацию, мысли проносились вихрем — но всё было тщетно. Молча осыпала Бастарда проклятиями. Потом тихими молитвами. Ничего не происходило.

Как джоконские маги делают это? Отрицая бога в мире материи? Конечно, эти противники не могут подавить этого бога?..

Это не провал Бога, это её провал; врата её души почему-то снова захлопнулись, сломались, покосились под натиском камней страха, злости или унижения, перекрыв путь…

Она совершила ошибку, какую-то ужасную ошибку, в течение этих последних убежавших в никуда минут. Может быть, ей следовало всё же передать задание, передать *бога* ди Кэйбону. Может быть, то, что она оставила всё себе, было

ужасной самонадеянностью, фатальной самонадеянностью. Какая наглость считать, что такое задание доверено ей. Кто достаточно глуп, чтобы доверить такое задание ей?

Боги. Дважды. Загадка, как столь безграничные существа могут так безгранично ошибаться? Знала, что им нельзя доверять. И вот я здесь… снова.

Острые камешки резали ступни. Процессия свернула в сторону рощи и двинулась по низине, заполненной грязью, которая поглощала стук копыт и воняла прелой водой и лошадиной мочой. Они преодолели небольшой подъём. Иста слышала чавканье жижи под ногами Иллвина, его частое и неровное дыхание, которое выдавало, как бы он ни пытался это скрыть, его истощение. Роща нависала над ними, её тень на фоне немилосердно жарящего солнца была настоящим благословением.

Ох. Вовсе не благословением. Они шли по дороге мёртвых. С левой стороны, словно свидетели процессии, специально были разложены трупы солдат Порифорса, которые погибли прошлой ночью во время вылазки Эриса. На них не было одежды, вокруг выставленных на всеобщее обозрение ран жужжали радужные зелёные мухи.

Она посмотрела на ряд бледных тел и сосчи-

тала. Восемь. Восемь из четырнадцати, которые выехали против полуторатысячной армии. Значит, остальные шестеро ещё живы и находятся в плену в джоконском лагере, возможно раненные. Среди неподвижных силуэтов не было мускулистого тела Фойкса. Но зато был Пежар.

Иста взглянула ещё раз и пересчитала: пятеро ещё живы.

Здесь же был и девятый, но трупом это было назвать сложно. Скорее… куча. Рядом с ней в землю было воткнуто копьё, на которое была насажена обезображенная голова Эриса, смотрящая невидящим взглядом на джоконский лагерь. Когда-то потрясающие глаза были вырезаны обезумевшим от страха солдатом, который пытался отомстить павшему врагу.

Слишком поздно. Он ушёл раньше, чем ты добрался до него, джоконец. Её босая нога наткнулась на какой-то сук, и Иста зашипела от боли.

Иллвин шагнул вперёд и подхватил её под локоть, прежде чем она успела споткнуться и упасть.

— Они издеваются над нами. Смотри в сторону, — пробормотал он сквозь стиснутые зубы. — Не упади в обморок. Постарайся, чтобы тебя не стошнило.

С ним самим вот-вот случится и то и другое, — подумала она. Лицо его было серее, чем у любого из трупов, однако глаза горели ярче, чем у любого из виденных Истой мужчин.

— Не в этом дело, — прошептала она в ответ, — я потеряла бога.

Его брови дрогнули от ужаса и смятения. Бронзовокожий офицер с мечом наголо жестом скомандовал им двигаться туда, где заканчивалась роща, но не стал заставлять Иллвина отойти от Исты. Должно быть, внешне она тоже была на грани обморока.

Она решила, что замечание Иллвина насчёт издевательства верно. Если бы они оба скрывали в себе какие-то ещё нерастраченные возможности, или хотя бы силы, то это зрелище окончательно лишило бы их и этого, — этакая яростная пощёчина самодовольным врагам. Если бы она была колдуньей или хотя бы имела при себе меч, то Сордсо жизнью поплатился бы за ту ухмылку, которую он позволил себе, когда Иста споткнулась у останков Эриса. Но, судя по всему, неудавшаяся святая для джоконцев особой опасности не представляла.

— Они хотели, чтобы Катти прошла мимо этого, — едва дыша прошептал Иллвин. — При-

бавьте и это к их счёту, и я, клянусь богами, приду забрать его…

Он переводил взгляд от палатки к палатке, прикидывая путь ночного нападения, подмечая состояние людей и лошадей. Тоненькие серебристые полоски скользили по его щекам, но он не считал ниже своего достоинства вытирать их на глазах у толпы подшучивающих рокнарцев, собравшихся посмотреть на их своеобразный парад. Иста недостаточно хорошо знала солдатский рокнари, чтобы перевести оскорбления, однако Иллвин, сомневаться не приходилось, понимал всё отлично. Он продолжал настойчиво шептать:

— Они не собираются сворачивать лагерь. Они готовят нападение. Мы удивлены? Ха. Но сразу видно: они не знают, насколько мы на самом деле слабы. Иначе готовились бы к прогулке…

Он пытается отвлечься от надругательства над телом брата? Иста молила, чтобы эта уловка помогла. Она изо всех сил пыталась расширить собственные ослеплённые чувства, пыталась найти бога хоть где-нибудь. Ничего. Джоэн и Сордсо поместили голову Эриса на её пути, чтобы ознаменовать её провал, это удар по её отчаянию. Ди Лютез чувствовал себя таким же опустошён-

ным, когда его волосы коснулись воды во второй раз?

И всё же символ, выставленный врагами, одновременно напоминал о триумфе. Присутствие в отсутствии. Странно.

Бог может отсутствовать, но я всё ещё здесь. Быть может, это задание предназначено для материи, а что материя делает лучше всего: продолжает существовать. Итак. Она глубоко вздохнула и продолжила идти.

Они подошли к самой большой из зелёных палаток. Одна её сторона была закатана наверх, открывая помещение, оказавшееся переносным тронным залом. На земле были расстелены толстые ковры. В дальней части располагался помост, на котором стояли два резных кресла, украшенных золотыми листьями, вокруг были разбросаны подушки. Благочестивый тёмно-зелёный цвет, выражавший степенное вдовство и материнство, был повсюду, он даже перебивал цвет зелёной морской воды, характерный для джоконского вооружения, и никогда этот цвет не казался Исте столь отвратительным.

Вдовствующая княгиня Джоэн, одетая в другое, но так же искусно отделанное многослойное платье, — пятеро богов, неужели они встретились на

дороге только вчера? — сидела в том кресле, что было пониже и поменьше. Её фрейлина стояла на коленях на подушках, а несимпатичная, круглолицая молодая женщина, судя по всему её дочь, скорчилась у ног матери. Иста не могла сказать, кто из них маг. Дюжина офицеров выстроились в линию по обе стороны от тронов. Интересно, — подумала Иста, — неужели все выжившие демоны Джоэн присутствуют на этом… на этой демонстрации?

Двенадцать. Фойкс неподвижно стоял среди джоконских офицеров. Лицо его было в синяках и царапинах, но чистым; одет он был в джоконскую форму и плащ с летящими белыми пеликанами. Выражение лица несколько ошеломлённое, странная улыбка, словно бы вымученная и неестественная. Исте даже не нужно было второе зрение, чтобы сказать, что новая светящаяся змея соединяет его с женщиной на помосте и что клыки этой змеи глубоко врезались ему в живот. Глаза Иллвина тоже нашли Фойкса: он, если это возможно, стиснул челюсти ещё сильнее.

Возможностей для новых издевательств было предостаточно. По счастью, времени было мало. Бронзовокожий офицер вытолкнул Исту вперёд, на ковры, в центр, ближе к Джоэн. Иллвина

остриём меча остановили в двух шагах позади Исты, и она больше сожалела о том, что не видит его, чем о том, что он видит её. Какое же последнее унижение готовят для неё?

Ох. Вовсе не унижение. А контроль. Унижение потешило бы только потрёпанных вылазкой офицеров Сордсо. Женщины здесь более практичны.

Иста моргнула, увидев Джоэн в первый раз без внутреннего зрения, без тёмной угрозы демона, сидящего у неё в животе, словно смолянисточёрная дыра, в которую можно свалиться и исчезнуть навсегда. Без демона она была просто… маленькой, угрюмой пожилой женщиной. Совершенно не способной вызывать уважение и верность; казалось, от неё легко сбежать. *Маленькая*. Пятеро богов, но она ведь и была крохой; все её способности сжались в ней: единственный её оплот и сила. Железная воля без ума.

Мать Исты однажды заполнила дом властью от края до края. Муж провинкары правил Баосией, но внутри собственного замка даже он жил с её разрешения. Старший брат Исты, унаследовав владения отца, счёл, что проще перенести столицу в другой город, чтобы сбежать от вечного детства, которое ожидало его в доме матери, чем пытаться заявить о своих правах там. Но даже в

самых тяжёлых случаях старая провинкара знала границы, и занимала пространства не больше, чем могла заполнить.

Джоэн же, как показалось Исте, старалась заполнить Джокону своей властью, как женщины заполняют хозяйство, причём теми же самыми способами; но никто другой не мог распространить её так далеко. В безграничном мире бесконечного пространства можно двигаться согласно своей воле, но нельзя забывать оставлять место для воли других. Ведь даже боги контролируют не всё. Люди порабощают тела друг друга, но молчаливая воля души священна и нерушима больше, чем что-либо другое. Джоэн же берёт своих рабов целиком. То, что Джоэн делает с врагами, можно назвать войной, но то, что она делает со своими людьми, носит имя кощунство.

Князь Сордсо занял положенное по рангу место, запрыгнув в кресло, повинуясь привычному движению тела, которое не удалось искоренить демонской дисциплине. Он поморщился, осматривая комнату. Взгляд матери упал на сына, и он сел ровно, изобразил внимание.

Исту снова привлекла круглолицая княжна, сидевшая у ног Джоэн. Девушке на вид было около четырнадцати, но она была хилой для

своего возраста, пальцы были корявыми, глаза странно неподвижными — поздний ребёнок, который родился недоумком, обычно такие долго не живут. Она была из тех княжон, которые не смогут сбежать из дома с помощью замужества в дальней стране. Рука Джоэн опустилась на голову девочки, только совсем не ласково, и тогда Иста поняла: она использует дочь в качестве временного хранилища для демона. Презренная душа её собственной дочери — стойло для него.

Для демона, которого она хочет поселить во мне.

Джоэн поднялась навстречу Исте. С отчётливым акцентом она произнесла на ибранском:

— Добро пожаловать к моим вратам, Иста ди Шалион. Я Мать Джоконы.

Её рука отпустила голову девочки, словно вытащив оттуда что-то, и разжала пальцы.

Внутри Исты расцвёл Бог.

Внутреннее зрение снова ворвалось в мозг Исты, словно ослепительный луч света, луч, о котором едва ли можно мечтать, осветил странный пейзаж. Она снова увидела всё, хватило одного взгляда: двенадцать демонов, извивающиеся, искрящиеся ленты силы, бьющиеся в агонии души, плотный, тёмный волнующийся демон Джоэн.

Тринадцатый демон, безумно нёсся по воздуху к Исте, таща за собой зловещую пуповину.

Иста разжала зубы в жестокой улыбке и одним махом проглотила его.

— Добро пожаловать к моим, Джоэн из Джоконы, — сказала она. — Я — Уста Ада.

Глава двадцать шестая

Волна света прошла вдоль тёмно-фиолетовой нити, протянувшейся между Джоэн и Истой, её цвет и сияние как будто бы усиливались. Может быть, первой реакцией поражённой Джоэн было усилить связь? На какую-то головокружительную секунду Иста задумалась, кто же всё-таки здесь рыбак, а кто рыба. Потом она почувствовала, как упирающийся, перепуганный демон перешёл в руки Бастарда внутри неё.

Ты подцепила бога на крючок, Джоэн. И что ты будешь делать теперь? Словно галера забросила крюк на материк, полагая, что может потащить его за собой.

— В ней бог-демон! — закричала Джоэн. — Убейте её! Да. Это выход…

Но когда Джоэн закричала, время в восприятии Исты растянулось, словно холодный мёд, капающий с ложки в зимнее утро. Но она понимала, что так бесконечно быть не может.

С чего начать? — спросила Иста у Того, что присутствовало внутри неё.

Начни с центра, — было ей ответом. — **А потом**

станет понятно.

Она вытянула вперёд материальные руки и заставила призрачные руки двинуться вдоль нити. Войти по этому каналу в тело Джоэн. Обхватить тёмную массу и вытащить её. Масса сопротивлялась, волновалась, плевалась и расплёскивала, словно воду, едкие фиолетовые тени. Она жгла её призрачные руки, словно купорос, так, что Иста сжала зубы от неожиданной боли, которая будто бы ударила сначала в центр её существа, а потом растеклась во все части тела, как шок от раны, отдающийся во всём теле. Существо было очень плотным и уродливым. И огромным.

Он отвратителен.

Согласен, — поддержал её бог. — **Но в любом случае продолжай. Закончи начатое Эрисом.**

Её материальные ладони были слишком слабы, чтобы поддерживать дымящуюся волю. Действуя только призрачными руками, она отводила назад лоскуты души Джоэн, спутавшиеся с демоном. Пока она делала это, Джоэн посылала вперёд щупальца холодного пламени, которые обвивали демона и тянули его обратно. Демон кричал.

Отпусти, — потребовала Иста, — отпусти его, найди себе занятие получше. Даже теперь у тебя есть выбор.

Нет! — откликнулся разум Джоэн. — Это дар мне, это мой шанс! Никто не отнимет его у меня, даже вы все, вместе взятые! Ты так беспомощна, что не смогла сохранить жизнь собственному сыну! А мой займёт подобающее ему место, я пообещала!

Иста отступила, но Присутствие поддержало её. **Если она не останется, она должна прийти**, — сказало Оно. — **Продолжай**.

— Твои попытки добиться порядка порождают лишь большее разрушение, — сказала Иста Джоэн. — Ты мучаешь и губишь те души, которые, как ты считаешь, должны любить тебя. У тебя есть истинные дары, в каком бы зачаточном состоянии они сейчас ни были. Отпусти его, отыщи их в себе и живи.

Бьющийся белый огонь был отрицательным ответом. В нём Иста не могла разглядеть ни малейшего шёпота сомнения.

Что ж, ладно.

Иста поднесла огромного фиолетово-чёрного демона к губам и втолкнула его внутрь. Проникая глубже, он растягивался, менял форму, от его крика делалось больно во рту, огнём прокатывался по пищеводу. Внутри него есть души, — догадалась она. — Много кусочков старых душ, переварен-

ных, склеенных вместе. Души умерших, умерших давно. Что делать с ними?

Умершие принадлежат Нам; ты призвана не для того, чтобы определять их судьбу. Души ещё живые, разорванные на части, потому что их приковали к миру материи — вот о ком ты должна заботиться от Нашего имени.

А что с этой? Белый огонь живой души Джоэн, вцепившийся в демона, как раз входил в неё. Душа царапалась и кусалась.

Передай её Мне из рук в руки.

Ей предстоит отнюдь не тихая судьба отверженной! И в самом деле, белое пламя будто бы выло у Исты в ушах, раздирая барабанные перепонки. Ей не поможет исцеление небесами.

Нет, — с сожалением согласился Голос. — **Не поможет. Она перейдёт вместе с демоном в небытие.**

Перед Истой предстало странное видение, лишённая размеров пустота, изображение перетекло, судя по всему, от Него к ней: мутный омут демонской энергии, бесформенной, безликой, в ней не было ни разума, ни воли, ни песни, ни речи, ни воспоминаний, ни даров Высшего Порядка — ад Бастарда. Вместилище чистого разрушения. Из этого омута в мир материи тянулась

тоненькая контролируемая струя. Обратно вливался неровный поток, удерживая жизнь мира в равновесии на грани горячей смерти, которая есть хаос, и холодной смерти, которая есть покой. Она наконец поняла, почему связка демонов Джоэн так раздражала её, если не считать прямую угрозу Порифорсу с их стороны. Возможно ли, чтобы такой водоворот хаоса породил свою собственную течь между двумя мирами, такую, чтобы даже богам было бы тяжело её залатать? Так много божественного внимания к одной крошечной точке…

Немного человеческого внимания Меня очень порадует, — прошептал Голос. Но, отметила про себя Иста, он не подтвердил и не опроверг её догадку. — **Приведи ко мне остатки моего маленького братства, сладкая Иста, как можно быстрее. Но прежде чем у тебя это начнёт получаться быстро, тебе придётся попрактиковаться.**

То есть моё первое испытание подразумевает целую дюжину демонов за раз. — В животе жгло так, будто бы её заставили проглотить кусок расплавленного свинца. — Вместе с этой тошнотворной, испорченной дрянью?

Ну, — приветливо произнёс Голос, — **получает-**

ся, что так; если ты останешься в живых после этого, ни один другой заблудившийся в мире материи демон не представит для тебя особой сложности в дальнейшем…

Иста хотела начать возмущаться и спросить: Что ты имеешь в виду под этим «если», но потом решила сдержаться. Спор с этим Присутствием приведёт только к тому, что от бесконечных витков мысли у неё закружится голова и Он снова посмеётся над ней.

Ты больше не оставишь меня? — спросила она с подозрением.

Я не оставлял тебя и раньше… как и ты Меня, должен отметить. Настойчивая Иста.

Она ещё раз направила внутренний взор вовне. Пытаться увидеть бога с помощью него так же бесполезно, как стараться разглядеть собственный затылок. Рот Джоэн был открыт, глаза закатились, тело оседало. Где-то внизу груди Исты первый приступ боли начинал сходить на нет, словно бог забрал древнего демона и его царапающуюся госпожу в Своё царство. Следуя за ними, но не спеша ни к ней, ни к Джоэн, дюжина спутанных, звенящих нитей света дрожала и дёргалась от безумных корчей демонов, стремящихся сбежать из пугающего присутствия их

бога. Человеческие тела, в которых они жили, только-только начинали двигаться, повинуясь судорожным движениям своих седоков.

По одному или всех сразу? Иста простёрла призрачные руки, схватила первую попавшуюся нить, протянула её сквозь прозрачные пальцы и дотянулась до демона в фрейлине Джоэн. Экземпляр оказался весьма развитым, в нём кружились части четырёх душ. Белое пламя жизни было гораздо более различимо, чем у Джоэн, и Иста отвела назад, может быть не до конца, обрывки души. И проглотила демона! Спина фрейлины выгнулась, и женщина начала терять сознание. На этот раз демон перешёл в объятия бога без каких бы то ни было сложностей, практически сразу.

Эти нити. Узнаю их. С помощью одной из них мне удалось прошлой ночью привести Эриса к последнему приюту невредимым.

Их украли у нас, очень давно. Пойми, демон не мог создать их. — В Голосе послышалась ярость, и, если бы лишь бледное отражение её обрушилось на Исту, её бы раздавило насмерть. Иста коснулась новой нити, повторяя то, что делала ранее — тянула и отводила обрывки души назад. На этот раз душа принадлежала одному из офицеров; его рот открылся, выпуская крик.

В моих действиях нет никакого порядка, — забеспокоилась Иста. — Что-то я делаю неправильно.

Ты блистательна, — заверил её Голос.

Это несовершенно!

Так же, как и всё, что было остановлено в определённый момент. И тем не менее ты — блистательна. Как замечательно, что Мы жаждем душ, овеянных славой, а не непогрешимых, иначе Мы давно бы иссохли и сидели в одиночестве со Своей совершённой правотой. Поэтому продолжай действовать несовершенно, сияющая Иста.

Ещё один, затем ещё один. Демоны стекались к ней, текли сквозь неё; быстрая, но неприятная процедура. Следующий демон принадлежал Сордсо, и он представлял собой самый сложный набор из тех, что Исте доводилось видеть. Один слой душ над другим, и всё это пронизано замученным, скованным пламенем души молодого человека. Эта композиция была составлена на удивление любовно. Исте казалось, что она различает кусочки солдат, учёных, судей, рыцарей и отшельников. Все известные доблести Золотого Генерала, тщательно отобранные и отсортированные: очищенный набор совершенной

мужественности. Ужасно. Как может быть нечто, созданное из душ, быть таким бездушным?

Никакой поэзии. Никакой.

Один тёмный кусок души отличается от других, — заметила она, когда очередной фрагмент протёк сквозь её пальцы.

Да, — сказал бог. — **Этот человек ещё живёт в царстве материи.**

Где? Это?.. Мне следует попытаться?..

Да, если сможешь это выдержать. Это не очень приятно.

Иста свернула кусочек тьмы и спрятала его в глубине разума. Он продолжал пульсировать там, горячий и плотный. Где-то на границе её материального поля зрения бронзовокожий джоконский офицер стал медленно поднимать меч и поворачиваться. Чёрной тенью оказался Иллвин, который тоже начал двигаться вместе… нет, вслед за ним. Иста не обращала на это внимания и продолжала освобождать душу. Рот Сордсо раскрылся в бессловесном крике, подумала она, но не как тот, кого лишили чего-то. Это больше похоже на ярость. Может быть, это вопль торжества. Или безумия.

И следующая нить… последняя.

Она посмотрела и материальным, и внутрен-

ним зрением на мёртвенно бледного Фойкса, одетого в зелёный плащ и стоящего среди ошеломлённых джоконских офицеров. Внутри него фиолетовая тень больше не напоминала медведя, а неровно распространилась по всему телу юноши. Исте даже показалось, что оба склонились перед ней, глядя на неё с восхищением.

Она сосредоточилась на нити, которую сжимала в призрачной руке. Поднесла к губам. И перекусила её.

Хорошо, — сказал Голос.

Ох. Мне нужно было спросить разрешения?

Ты хранитель моих Врат в мир материи. А привратнику лорда не пристало каждый раз бегать к нему с вопросом, пускать или отправить подобру-поздорову того или иного посетителя, будь он в шелках или в отрепьях; в ином случае лорд сам мог бы стоять на воротах. Привратник должен уметь судить сам.

Судить? — она отпустила конец нити. Она скользнула в Фойкса; теперь он свободен. Или… кем бы Фойкс теперь ни был, он свободен.

Лицо Фойкса дёрнулось; губы приоткрылись, приобрели решительное выражение. Потом, через секунду, они растянулись в жуткой, деланной улыбке абсолютного согласия. Лживая

лживость; вероломство. Он не такой простец, каким кажется.

Иста едва слышала крики и суматоху, разносящиеся по палатке. Голоса стали затихать, отдаляться, очертания тел становились всё менее чёткими. Она последовала за чарующим Голосом.

* * *

Иста словно подошла к вратам самой себя и выглянула наружу. Головокружительное ощущение цвета и красоты, сложности и пестроты, музыки и песни, — и всё продумано до мелочей, — наполнили её чувства. Неужели мир выглядит таким же умопомрачительным для новорождённого младенца, который, так же, как и она, не знает названий того, что видит, и не знает самих понятий? Но у ребёнка, напомнила она себе, есть лицо матери, её грудь, и уже от этого он начинает дальнейшее знакомство с миром, на познание которого не хватит и жизни.

Этот мир больше и сложнее, чем мир материи, который дал рождение моей душе и который так и остался за пределами моего понимания. Так с чего мне начать?

Что ж, Иста, — ответил Голос. — **Ты остаёшься**

или уходишь? Ты не можешь вечно торчать у меня на пороге, словно кошка, знаешь ли.

У меня не хватает слов. Я хочу видеть Твоё лицо.

Внезапно она оказалась в воздушном помещении, похожем на залу Порифорса. Она быстро взглянула вниз и с облегчением обнаружила, что ей даровано не только излеченное от ран, лёгкое, свободное от боли тело, но и одежда — очень похожая на ту, что была на ней, но без пятен и дыр. Иста подняла голову и отшатнулась.

На этот раз на Нём было тело и лицо Иллвина. Перед ней стояла здоровая, полнокровная его версия, не переставшая, однако, быть высокой и худощавой. Его парадное одеяние блистало серебряной вышивкой по белому полотну, перевязь была шёлковой, рукоять меча и кольцо-печать сияли на свету. Волосы, заплетённые в рокнарские косички и собранные на затылке в толстый пучок, были непогрешимо белы. Бездонные глубины Его глаз уничтожали любую иллюзию сходства с человеком, несмотря на то, что их чернота всё же напоминала цвет глаз одного знакомого ей мужчины.

— Я бы с удовольствием взглянула, — призналa она едва слышно, — на Иллвина с белыми

волосами.

– **Тогда тебе придётся вернуться и немного подождать**, — заметил Бастард. Его голос мало отличался по глубине и низким нотам от оригинала; он даже копировал его характерные для севера интонации. — **Тебе следует воспользоваться этим шансом, а то вдруг к тому времени, как его волосы побелеют, их уже вовсе не останется?**

Его тело и лицо стали примерять облик всех возможных Иллвинов во множестве различных возрастов: он был прямым и горбатым, стройным и толстым, лысым или нет. Только улыбка на его губах оставалась прежней.

— Я желаю… это. — Даже самой Исте было не до конца ясно, на кого указывала её рука: на бога или на мужчину. — Можно войти?

Его улыбка стала мягче:

– **Выбор твой, моя Иста. И раз ты не отвергаешь меня, я не стану отвергать тебя. И всё же, если ты выберешь долгий путь домой, я буду ждать тебя.**

— Я могу сбиться с пути. — Она отвела глаза. Безграничный покой наполнял её. Ни боли, ни страха, ни сожалений. Их бесконечные отсутствия уступили место… чему-то ещё. Чему-то

новому, чему-то, о чём она даже не мечтала. Если это то, что испытал Эрис, тогда вовсе неудивительно, что он не оглянулся назад. — Так, значит, это моя смерть. И почему я её боялась?

– **Будучи экспертом в этой области, я не сказал бы, что ты вообще боялась её**, — сухо ответил Он.

Она оглянулась:

— Раем может быть не только прекращение боли, хотя и это уже кажется раем. А в следующий раз… будет больно?

Он пожал плечами:

– **Раз ты возвращаешься в мир материи, защита, которую я могу предложить тебе, весьма ограничена и, увы, не исключает боли. Эту смерть выбирать тебе. Другой может не быть.**

Уголки её губ против воли поползли вверх:

— Хочешь сказать, что я могу снова оказаться у этих врат уже через четверть часа?

Он вздохнул:

– **Надеюсь, что нет. Тогда Мне придётся обучать нового привратника. А я питаю слабость к милой леди.** — Глаза Его сверкнули. — **Так же, как и мой великий душой Иллвин. Это он молил Меня о тебе, в конце концов. Учти мою репутацию.**

Иста учла Его репутацию.

— Она ужасна, — отозвалась она.

Он только ухмыльнулся — такой знакомой, украденной, останавливающей биение сердца белозубой ухмылкой.

— Как обучить? — прибавила она, решив немного позанудствовать. — Ты никогда ничего не объясняешь.

– **Выучка тебя, сладкая Иста, напоминает натравливание сокола на добычу. Сделать это крайне сложно, и в конце концов можно получить больную птицу со стёртыми лапами и скучное ожидание ужина. Но с таким размахом крыльев, как у тебя, мне гораздо легче просто стряхнуть тебя с запястья и позволить лететь.**

— И камнем упасть вниз, — проворчала Иста.

– **О нет, только не ты! Уверен, что полпути к бездне ты будешь падать и жаловаться, а потом расправишь крылья и воспаришь.**

— Не всегда. — Её голос сделался тише. — Не в первый раз.

Он слегка склонил голову, соглашаясь.

– **Но тогда не я был твоим сокольничим. Мы подходим друг другу, ты же знаешь.**

Она отвернулась и оглядела эту странную, совершенную нереальную комнату. Преддверие,

подумала она, граница между тем, что внутри, и тем, что снаружи.

— А моё задание? Оно выполнено?

– **Выполнено, и выполнено очень хорошо, моё истинное, выросшее, медлительное дитя.**

— Да, я долго иду к чему бы то ни было. К прощению, например. К любви. К моему богу. Даже к моей собственной жизни. — Она радостно склонила голову. Выполнено — это хорошо. Значит, можно остановиться. — А джоконцы убили меня, как приказала Джоэн?

– **Нет. Ещё нет.**

Улыбаясь, Он подошёл к ней и поднял за подбородок её лицо. Он приблизил губы к её губам, так же нахально, как Иллвин в тот вечер — вчера? — на вершине башни. Только вкус Его рта не отдавал кониной, а был полон аромата, и в Его глазах не было неуверенности.

Его глаза, мир, её ощущения начали меркнуть.

Бездонные глубины превратились в тёмные глаза, покрасневшие от безумных слёз. Аромат стал запахом сухой, солёной плоти, потом снова благоуханием бога, и опять плотью. Благодатная тишина наполнилась шумом и криками, потом всё стихло, а затем загрохотало в полную силу. Лишённое боли парение сменилось непомерной

тяжестью, заныла голова, захотелось пить, а потом всё это растаяло в блаженстве.

Думаю, Он поднял ногу и подталкивает кошку к решению. И она не сомневалась, что может уклониться от этого удара, метнувшись в ту или в другую сторону. Но в какую сторону Ему хочется, чтобы она метнулась, — совершенно очевидно. Тревожное «ещё нет» позволяет допустить, что Он не возвращает её в тело, пронзённое мечами. Бастард подталкивает меня к этому, будь Он проклят! Проклинать собственного бога оказалось неимоверно приятно. Этого бога она может проклинать всегда, и чем более изобретательно, изощрённо, тем шире будет он ухмыляться. Он действительно подходит настоящей Исте.

Изменения замедлились, прекратились, остались сухие губы, вес и тяжесть, шум и боль. Остались дорогие, потемневшие от горя, прищуренные, очень человеческие глаза. Да.

И более того, мой бог лукавит. Он поставил здесь это блюдце со сливками ещё до того, как придержать перед ней дверь. Он всё отлично знал. Она улыбнулась и попыталась вдохнуть.

Иллвин отнял что-то безумно ищущий язык от её рта и выдохнул:

— Она жива, ох, пятеро богов, она снова ды-

шит!

Тяжестью оказались, как выяснила Иста, руки Иллвина, сжимающие её тело. Она посмотрела вверх, на ветви деревьев, на голубое небо и на его лицо, склонившееся над ней. Это лицо раскраснелось от жары, искажено ужасом, маленькие капельки крови тонкими линиями пересекали его от одной щеки к другой. Она подняла слабую руку, дотронулась до алых бусинок и с облегчением выяснила, что кровь не его.

Пересохшими, потрескавшимися губами она прошептала:

— Что случилось?

— Именно это, я надеялся, вы нам и расскажете, — послышался хриплый голос Фойкса. Она заметила его фигуру, нависавшую над ними. На нём всё так же были джоконские кольчуга и плащ, и он стоял в весьма убедительной, угрожающей позе, свойственной стражу в присутствии пленников. Она и Иллвин сидели на земле неподалёку от зелёных командных палаток. У зрачков Фойкса был белый ободок, но его, судя по всему, тревожили отнюдь не смыкающиеся ряды джоконцев.

— Вас провели в палатку, — продолжил Фойкс уже тише. — Вы были… обычной. Беспомощной.

А потом вдруг из вас забил свет бога, причём так ярко, что на какое-то мгновение я ослеп. Я слышал, как Джоэн приказала вас убить.

Хватка Иллвина на её руке стала ещё крепче.

— А когда я снова обрёл способность видеть, — продолжил Фойкс, оглядываясь вокруг и стараясь вести себя подобающе стражу, — все демоны ринулись в вас, будто бы расплавленный металл течёт в форму. Я видел, как вы проглотили их всех, и душу Джоэн тоже. Всё это случилось в одно мгновение.

— Всех, кроме одного, — пробормотала Иста.

— Эх. Уррр. Да, верно. Я почувствовал, когда вы меня освободили от щупалец Джоэн. В ту секунду я чуть не вылетел из палатки, но разум вовремя вернулся ко мне. Князь Сордсо и некоторые офицеры стали обнажать мечи… пятеро богов, этот скрежет, казалось, продолжался вечно! Костяшки Сордсо на рукояти были белыми, как мука.

— Я пытался встать между ними и тобой, — сипло сообщил Иллвин Исте. Он потёр нос и моргнул.

— Да, — подтвердил Фойкс. — Без оружия. Я видел, как вы бросились туда, и неизвестно, чем бы всё это закончилось. Но Сордсо вдруг развернулся и пронзил Джоэн.

— К тому моменту она уже была мертва, — прошептала Иста.

— Я видел. Она начала падать, и его клинок проткнул её как раз… вовремя. Так. Он ударил очень сильно, повернулся и свалился с помоста. Полуосвобождённые маги ринулись бежать, но некоторым пришло в голову, клянусь, то же самое, что и Сордсо. У одной из женщин Джоэн оказался кинжал, и она собиралась наброситься на тело госпожи, несмотря на то, что оно уже лежало на земле. Не думаю, чтобы её волновал вопрос, есть ли в нём жизнь, или нет, — ей только нужно было ударить. Все толкались, кричали, бежали в разные стороны. Поэтому я прыгнул перед Иллвином и перед вами, заорал: «Назад, пленники!» и обнажил меч.

— Причём жутко убедительно, — пробормотал Иллвин. — Я даже хотел кинуться на тебя, но руки были заняты.

— Вы упали, госпожа. Вы… посерели, перестали дышать и упали замертво. Я думал, вы умерли, потому что я не видел в вас души, её задуло, словно факел порывом ветра. Иллвин пытался поднять вас, упал сам, пополз, — я не решался помочь и позволил ему оттащить вас сюда, притворяясь, что охраняю вас. Мне кажется, большая

часть джоконцев тоже посчитала, что вы умерли. Погибли от собственных чар, словно Фонса и Золотой Генерал от смертельной магии. Поэтому… вы тут лежали, а мы думали, что делать дальше.

То, что последовало за этим, угадать было несложно. Предположить что-нибудь другое было как раз труднее. Иллвин смотрел ей в лицо, словно мужчина, чьи поцелуи вырвали возлюбленную из лап смерти, и теперь он боится пошевелиться, будто бы от этого вокруг начнут твориться нежданные чудеса. Иста сонно улыбнулась этому забавному смущению.

— Все демоны ушли, — сообщила она отрешённым, мечтательным голосом, на случай если у них остались сомнения. — За этим меня послали сюда, и я сделала то, что требовалось. Но Бастард позволил мне вернуться. — Сюда, где она сидит на земле посреди вражеского лагеря в окружении сотен очень даже живых и взволнованных джоконцев. Отвратительное чувство юмора. Для неё этот промежуток времени казался бесконечным, а для других после кровавой смерти Джоэн прошло всего лишь несколько минут. Каким бы обезглавленным ни было сейчас войско джоконцев, некоторые офицеры недолго будут оставаться в замешательстве. В том блаженном

состоянии, в котором она пребывала, трудно было чего-нибудь испугаться, но добиться от себя крупицы благоразумия ей удалось. — Думаю, нам нужно убираться отсюда. Прямо сейчас.

— Ты можешь идти? — неуверенно спросил Иллвин.

— А ты? — не осталась в долгу она. Это ему придётся скорее ползти, учитывая его нынешнее ослабленное состояние. Ему следовало бы лежать в постели, решила она. Желательно, в её.

— Нет, — пробормотал Фойкс. — Продолжайте тащить её. Или несите. Вы сможете ещё некоторое время притворяться трупом, леди?

— О да, — заверила она его и благодарно осела в объятия Иллвина.

Иллвин напрочь отказался тащить её, упирая на то, что так он может ещё больше разодрать и расцарапать её и без того практически кровоточащие ноги, но и нести её на руках он был не в силах. Короткий спор, в котором Иста, будучи трупом, решила не участвовать, закончился тем, что Фойкс помог Иллвину подняться на прогибающиеся ноги и перекинуть её кверху задом через плечо так, чтобы руки и ноги безжизненно болтались. Это напомнило Исте поездку на Пухе. Она постаралась сдержать улыбку при этом

воспоминании, боясь выпасть из предписанной ей роли. Белое платье было забрызгано кровью, продолжением той струи, предположила Иста, что пересекла лицо Иллвина. Представив её источник, она вздрогнула.

Они зашагали прочь.

— Поворачиваем налево, — приказал Фойкс. — Продолжаем идти.

Ещё несколько джоконских солдат подбежали к ним; Фойкс указал мечом назад, на командные палатки и крикнул:

— Быстрее! Вы нужны там! — Солдаты поспешили туда, куда приказал их мнимый офицер.

Иллвин выдавил сквозь зубы:

— Фойкс, можешь говорить на лёгком лагерном рокнари, но молю, более сложные предложения предоставь мне. Этот плащ всё не скроет.

— С радостью, — выдохнул Фойкс. — Вон туда. Мы уже почти у самой коновязи.

— Думаешь, они нам позволят вот так просто подойти и украсть лошадей? — спросил Иллвин. В вопросе звучало скорее любопытство, чем возражение. Иста посмотрела снизу вверх сквозь ресницы на солдат, бездельничающих в тени. Некоторые из них стояли и смотрели в сторону зелёных палаток.

— Да. — Фойкс хлопнул по своему зелёному плащу. — Я же джоконский офицер.

— Ты полагаешься не только на это, — заметила Иста, её замечание прозвучало не менее невозмутимо, чем у Иллвина.

— Да, почему ты так уверен, что они не остановят нас и не станут расспрашивать? — поинтересовался Иллвин, в его голосе появились нервные нотки, когда несколько голов повернулись в их сторону и стали следить за их продвижением.

— А вы остановили и расспросили Юмеру?

— Нет, сначала нет. Какое это имеет к этому отношение?

Иста прошептала:

— Я не очень точно выразилась ранее. В лагере остался один маг. Но он на нашей стороне. Мне показалось, что это хорошая идея. И бог не стал возражать.

Иллвин напрягся и, судя по всему, внимательно посмотрел на Фойкса.

— Осталось двое, — сказал Фойкс. — Или маг и колдунья. Если это точно вас классифицирует, госпожа. Я не уверен.

— Я тоже. Спросим у ди Кэйбона, — согласилась она.

— Хорошо, — подтвердил Фойкс. — И всё же не

делайте ничего, что может показаться странным. Не хочу предпринимать ничего особенного, и у любого отвлекающего манёвра есть свои пределы.

— Верно, — пробормотал Иллвин. Они сделали ещё несколько шагов.

— Что ж, — произнёс Фойкс, останавливаясь перед шеренгой лошадей, — каковы будут ваши предпочтения, знаток лошадей?

— Всё равно, главное, чтобы были седло и уздечка.

Но выбор уже был сделан за них. В конце ряда высокий и страшный каштановый жеребец поднял голову и радостно заржал. Он начал водить крупом из стороны в сторону, задевая лошадей, привязанных к нему. Он принялся прясть ушами и чуть ли не заплясал, когда они подошли поближе, он поднимал и опускал голову, счастливо фыркая.

— Глаза Бастарда, леди, вы можете унять это глупое чудище? — спросил Фойкс. — А то люди уже начинают поглядывать.

— Я?!

— Ему нужны вы.

— Тогда поставьте меня.

Иллвин подчинился и позволил ей скользнуть

через его руки на землю; он заботливо заглянул ей в глаза, от чего стало почти так же хорошо, как от поцелуя, и помог ей удержаться на ногах. За эту помощь она была особенно благодарна.

Иста приблизилась к одержимому демоном животному, которое снова опустило морду и положило её на окровавленный лиф её платья, что могло быть признаком повиновения, любви или безумия. Иста с восхищением осмотрела его. На нём до сих пор была сбруя с толстым подгубным ремнём. Множество порезов пересекали его тело, но они уже начали заживать с неестественной быстротой.

— Да, да, — прошептала она успокаивающе. — Всё хорошо.

Ты не мог последовать за ним туда, куда он отправился. Ты сделал всё, что мог. Теперь всё хорошо. — Она попыталась стряхнуть сонную вялость, сказав Иллвину: — Мне кажется, я лучше поеду на этом. Если ты не хочешь, чтобы он последовал за нами, наполняя округу душераздирающим ржанием. — Она встала на цыпочки и посмотрела вдоль зазубренного края его позвоночника. — А седло нужно всё-таки найти, — прибавила она.

Фойкс стащил седло из кучи сбруи, наваленной

рядом с шеренгой, и Иллвин затянул ремни, пока Фойкс отвязывал ещё двух коней.

— Как его зовут? — спросила Иста Иллвина, когда он подставил руки, чтобы подсадить её. Путь от земли до холки оказался весьма длинным, что было очень характерно для его коней. Она кое-как разложила юбки на воинском седле и позволила тёплым рукам Иллвина вставить её ступни в стремена. Его пальцы грустно задержались над ссадинами и порезами на её ногах. Иллвин откашлялся:

— Лучше я не буду говорить. Это… бранное слово. Он никогда не был конём для дам. На самом деле, и для умственно здорового мужчины тоже.

— Да? А ты на нём ездил, — Она погладила выгнутую шею. Конь повернул голову и ткнулся носом ей в босую ногу. — Что ж, если отныне ему суждено быть дамским конём, лучше ему обзавестись новым именем. Думаю, Демон — подойдёт.

Брови Иллвина поползли вверх и на напряжённых губах вспыхнула усмешка:

— Мило.

Он развернулся и взял своего коня под уздцы; прежде чем залезть в седло, ему пришлось немного помедлить, собирая силы. Он с предательским стоном уселся верхом, что выдало, насколько он

истощён. По взаимному безмолвному сговору они спокойным шагом поехали по прилегающей равнине. Позади в роще что-то загорелось; Иста слышала приглушённый треск пламени и крики с требованием воды. Сколько хаоса, обычного и сверхъестественного, обрушилось на джоконский лагерь вместе со смертью Джоэн? Она не оглядывалась.

— Поворачиваем налево, — сообщил Иллвин Фойксу.

— А не стоит ли нам скрыться за тем холмом на севере?

— Так и получится. Тут неподалёку есть овраг, который скроет нас быстрее. Но будем ехать медленно, овраг могут патрулировать. По крайней мере, я поставил бы там людей.

Положенное по сценарию молчание продолжалось. Шум лагеря остался позади, и пустынные окрестности принялись навевать ощущение иного, тихого, сонного жаркого вечера, не имеющего никакого отношения к войне, магии, богам и безумию.

— При первой же возможности, — обратилась Иста к Иллвину, — приведи ко мне Горама.

— Как пожелаете, моя госпожа, — повернувшись в седле, Иллвин окинул взглядом местность,

которую они уже пересекли.

— Нам нужно попытаться каким-то образом повернуть к Порифорсу? — спросил Фойкс, проследив поверх деревьев за его взглядом в сторону груды камней. Грязный дым всё ещё продолжал подниматься от неё. — Думаю, я смогу провести вас туда, но только под покровом темноты.

— Нет. Если нам удастся расчистить овраг, я предполагаю пробиться к марчу Оби.

— Не знаю, сможет ли леди ехать так далеко, — возразил Фойкс, откровенно указывая не только на Исту, а на них обоих, едва не валящихся из седла. — Или вы собираетесь встретиться с ним по дороге?

— По дороге мы не поедем. Если он там, где я подозреваю, нам осталось преодолеть не больше десяти миль. А если он ещё не там, то туда скоро доберутся его разведчики.

Они спустились в овраг, где тут же обнаружили обещанный Иллвином джоконский отряд. Все вместе — неожиданное направление, офицерская форма Фойкса, отвлекающая магия, джоконская сбруя их лошадей и изысканный, высокомерный придворный рокнари, — дало нужный результат: все последующие пикеты начинали кланяться и расшаркиваться уже при их появлении. Иллвин

отвечал несчастным солдатам, осеняя себя кватернианским знамением, но когда их компания исчезала за очередным поворотом, он незаметно касался языком большого пальца, прося прощения у пятого бога. Они пустили лошадей рысцой.

Иллвин вёл их вперёд, всё больше забирая на северо-восток, используя все укрытия, все низины, которые попадались по пути — ручейки, рощи и рощицы. Прежде чем остановиться, напиться самим и напоить лошадей, они проехали четыре или пять миль. И хотя столбы дыма всё ещё портили голубое небо позади, Порифорс уже исчез из виду за грядой низких, пологих холмов.

— Ты всё ещё чувствуешь своего медведя? — спросила Иста Фойкса, когда он закончил макать голову в ручей.

Он сел на колени и нахмурился:

— Не так, как раньше. Джоэн сделала что-то с нами. Надеюсь, ничего плохого.

— У меня такое впечатление, — осторожно произнесла Иста, — что из-за всех этих событий вы срослись быстрее, чем если бы всё шло, как обычно. У вас нет ни раба, ни господина, вы слились воедино. Видимо, демон не крал твою душу, а ты не присваивал его силу. Вы делились этим друг с другом без принуждения.

Фойкс казался смущённым:

— Я всегда любил кормить животных…

— Разделить вас… это лежит за пределами моих нынешних возможностей, да и тебе это не нужно. Вы достигли того самого любопытного с теологической точки зрения состояния, но отнюдь, как мне кажется, не уникального. Мне всегда было интересно, откуда в храме появляются маги. Теперь я знаю. Подозреваю, что в обязанности святой из Раумы, помимо всего прочего, входило оценить, кто сможет нести эту силу, не поддавшись ей. Скорее всего, тебе придётся пройти обучение в Ордене Бастарда. Уверена, твой Орден отпустит тебя, если я потребую этого.

Лицо Фойкса сморщилось:

— Я — служитель Бастарда? Не думаю, что отец очень обрадуется. И мать тоже. Я уже представляю, как она рассказывает об этом своим подругам-леди. Ой! — Его ухмылка резко контрастировала с печальным тоном, которым были сказаны эти слова. — Не могу дождаться, когда увижу выражение лица Ферды, хотя… — Он пронизывающим взглядом взглянул на неё. — А вам тоже нужно будет пройти обучение, госпожа?

Она улыбнулась:

— Мне нужен наставник, Фойкс. Женщины

моего ранга приглашают наставников, которые будут поступать так, как мне удобно. И мне будет удобно уже очень скоро, а вот им — не уверена.

Упоминание о Ферде и надежда услышать новости о нём пересилили в Фойксе его изначальное желание пощадить Исту, и он первым направился к лошадям и заставил спутников продолжить путь.

— Сверни плащ и засунь в седельную сумку, — посоветовал Иллвин, усаживаясь в седло. — Будь на то воля Бастарда, следующие разведчики, которые встретятся нам, окажутся людьми ди Оби. Храмовый маг ты в зародыше или нет, но шальная стрела не прибавит тебе здоровья.

— Ах да, — согласился Фойкс и поспешил последовать рекомендации.

Иллвин покосился на рыжего жеребца, везущего Исту так осторожно, что она запросто могла бы держать в руках чашу с водой, и ни одна капля не упала бы на землю, и удивлённо покачал головой, словно из всех чудес, свидетелем которых он был в последнее время, это чудо было самым необъяснимым.

— Ты выдержишь? — спросил он её. — Осталось уже немного.

— После того, как я пешком прошла ту ми-

лю, поездка верхом не представляет никакого труда, — заверила она его. — Я боялась, что бог покинул меня, а Он всего лишь прятался внутри. — И заставил меня нести Его в себе. Очередная шуточка Бастарда, решила она про себя, если учесть, что перед этим Он явился перед ней в виде столь объёмного мужчины. Он знал? Даже она, кто видела воочию троих из них, не могла представить себе, как далеко простираются границы божественного предвидения.

— Вы были вся сплошь тёмная, — подтвердил Фойкс. — Это было благоразумно. Вряд ли джоконские маги позволили бы вам подойти к Джоэн, если бы вы пылали, словно корабль, объятый священным огнём. Они не настолько глупы. Но когда вы вспыхнули… — он замолчал. Фойкс не страдал отсутствием красноречия; но теперь Иста начинала понимать, почему лорд ди Кэсерил утверждал, что только лишь поэзия может состязаться с богами. Наконец, Фойкс выдавил: — Никогда не видел ничего подобного. Однако рад, что мне довелось. Но если на мою долю больше не выпадет увидеть такое, я не сильно расстроюсь.

— Я ничего не видел, — сказал Иллвин, в его голосе слышалось глубокое сожаление. — Но я понял, когда что-то начало происходить.

— Я очень рада, что ты был там, — заверила его Иста.

— Но проку от меня было мало, — вздохнул он.

— Ты стал свидетелем. А для меня это значит очень многое. И тот поцелуй. Не думаю, что это так уж мало.

Он покраснел:

— Прошу прощения, леди. Я потерял рассудок. Я думал, что смогу таким образом вырвать тебя из лап смерти, как однажды сделала для меня ты.

— Иллвин?

— Да, госпожа моя?

— Ты вырвал меня из объятий смерти.

— Ох. — Некоторое время он ехал молча. Но однажды зажёгшаяся на его лице улыбка уже не угасала.

Наконец, он поднял голову и привстал на стременах, призвав на помощь остатки сил.

— Ха, — прошептал он. Иста проследила его взгляд. Через секунду она различила прозрачный, тоненький дымок разожжённых с крайней осторожностью костров, выдававший присутствие скрытого в низине ручья лагеря. Костров было множество. Иста, Иллвин и Фойкс свернули за холм и перед ними распростёрлось море палаток. Сотни людей и лошадей, больше, чем сотни, —

Иста не могла точно сосчитать, потому что часть их даже не была видна.

— Оби, — удовлетворённо произнёс Иллвин. — Быстро же он. Хотя хорошо, что они не пришли раньше.

— Хорошо, — облегчённо выдохнула Иста. — Я сделала то, что должна была.

— Верно, и мы благодарны тебе за это, ведь в противном случае мы бы уже умерли каким-нибудь жутким, сверхъестественным образом. Хотя, с другой стороны, мне ещё предстоит выгнать пять сотен обычных джоконцев из окрестностей Порифорса. Не знаю, собирался ли Оби ждать до заката, но если ударить прямо сейчас… — Его глаза уже так знакомо затуманились, когда он смотрел вниз и прикидывал количество людей. Иста не решилась ему мешать.

К ним подъехал патруль:

— Сэр ди Арбанос! — удивлённо воскликнул офицер, ожесточённо размахивая руками в сторону Иллвина. — Пятеро богов, вы живы!

Всадники сгрудились вокруг них, создав нечто наподобие эскорта, и повели их в часть лагеря, отмеченную палатками побольше, где, без сомнения, расположилось командование.

Из-за деревьев послышался голос, и знакомая

фигура вынырнула из зелёной листвы:

— Фойкс! Фойкс! Благодарение Дочери! — к ним бежал Ферда; Фойкс спрыгнул на землю и крепко обнял радостного брата.

— А это что за люди? — поинтересовался Иллвин у офицера марча Оби, кивнув на незнакомый отряд всадников в чёрно-зелёных одеяниях. Всадники расступились, давая дорогу толпе пеших, часть которых бежала, часть тяжело переваливалась, а часть медленно и благопристойно шествовала, но все, как один, звали Исту.

Иста разрывалась между радостью и смятением.

— Избави меня Бастард, это мой брат ди Баосия, — произнесла она глухим голосом. — И ди Феррей, и леди Хьюлтер, и служительница Товия, в общем, вся честная компания.

Глава двадцать седьмая

Лорд ди Баосия и сэр ди Феррей поспешили к Исте. Рыжий жеребец прижал уши к голове, заржал, щёлкнул зубами, и оба мужчины отступили на несколько шагов.

— Пятеро богов, Иста, — крикнул ди Баосия, отвлёкшись на время от главного, — что это за лошадь? Кто настолько сошёл с ума, чтобы посадить тебя на такое животное?

Иста погладила шею Демона:

— Он очень мне подходит. Вообще-то он принадлежит лорду Иллвину, но, думаю, я позаимствую у него этого красавца навсегда.

— У обоих его хозяев, судя по всему, — пробормотал Иллвин. Он окинул взглядом лагерь. — Иста, любовь моя, сначала мне придётся доложить обстановку марчу Оби. — Его лицо стало жёстким. — Его дочь всё ещё находится в осаждённом замке, если стены продолжают держаться, о чём я изо всех сил молю богов.

А с ней вместе ди Кэйбон и Лисе, подумала Иста, и присоединила свою безмолвную молитву к его. Она чувствовала, что стены ещё стоят, хотя на

самом деле, она лишь могла сказать, что Горам жив; но она уже не раз ошибалась.

— Благодаря вестям, что мы привезли, — продолжил Иллвин, — полагаю, войско двинется вперёд уже через час. Боюсь предположить, какие слухи здесь ходят о судьбе моего брата. Сделать нужно многое.

— Да пребудут с тобой пятеро богов! Из всех забот, что обрушились на тебя в последнее время, я теперь самая малая. Тут и так забалуют меня до отчаяния, я их знаю. — Она сурово прибавила: — И позаботься о себе, пожалуйста. Не заставляй меня бегать за тобой.

На его губах мелькнула улыбка:

— А ты побежишь за мной в ад Бастарда, милая колдунья?

— Не задумываясь, тем более что теперь я знаю дорогу.

Он перегнулся через луку седла, поймал её руку и поднёс к губам. Она ответила ему пожатием, тоже притянула его кисть к своим губам и тихонько укусила сустав пальца, отчего глаза его вспыхнули. Нехотя, они отпустили друг друга.

— Фойкс, — окликнул офицера Иллвин. — Ты мне нужен. Мне без твоего свидетельства не обойтись.

Ди Баосия решительно повернулся к Фойксу:

— Вас мне нужно благодарить, молодой человек, за спасение моей сестры?

— Нет, провинкар, — возразил Фойкс, вежливо отсалютовав ему. — Это она спасла меня.

Ди Баосия и ди Феррей недоумённо воззрились на него. И тут Иста осознала, что за странное зрелище они собой представляют: Фойкс, серый от переутомления, одетый в джоконскую форму; Иллвин со впавшими глазами, смердящий словно бездомный бродяга, но при всём при том одетый в элегантный траурный наряд; и она сама в разодранном белом праздничном платье, заляпанном запёкшейся кровью, босая, вся в синяках и царапинах, а растрёпанные волосы придают ей окончательно безумный вид.

— Присмотри за госпожой, — обратился Фойкс к Ферде, — а потом возвращайся в палатку Оби. Мы поведаем вам длинную и странную историю.

Он хлопнул брата по плечу и последовал за Иллвином.

Временно оказавшись вне угрозы нападения норовистого жеребца Исты, Ферда подошёл к плечу Демона и вынул Исту из седла. От усталости у неё кружилась голова, но она решительно удержалась на ногах.

— Последи, чтобы об этом жутком коне позаботились как следует. Прошлой ночью он верно служил лорду Эрису. Твой брат тоже участвовал в этой знаменательной вылазке, перенёс плен и суровое обращение. Ему нужен отдых, может быть, тебе удастся убедить его прилечь среди всей этой суеты. Мы на ногах с самого утра вчерашнего дня, пережили бегство, осаду и… кое-что похуже. Прошлой ночью лорд Иллвин потерял много крови. Убедись, чтобы ему сразу принесли поесть и попить. — Задумавшись на некоторое время, она добавила: — А если ему взбредёт в голову в нынешнем состоянии принять участие в битве, положи его на лопатки и сядь сверху. Хотя, я всё же думаю, у него достаточно рассудительности.

Как только солдат Оби отвёл Демона подальше, ди Феррей схватил Исту, практически оттащив её от Ферды:

— Госпожа! Мы так беспокоились о вашей безопасности! Вовсе не без оснований, если говорить честно.

— Ну, теперь я действительно в безопасности. — Она успокаивающе погладила руку, вцепившуюся ей в локоть.

Подплыла леди Хьюлтер под руку со служительницей Товией:

— Иста, Иста, детка!

Ди Баосия пристально смотрел вслед Иллвину:

— Ну раз уж вы теперь все вместе, мне, пожалуй, тоже стоит отправиться к ди Оби. — Он улыбнулся Исте вымученной улыбкой. — Да, да, хорошо.

— А ты привёл и свои войска, брат? — спросила Иста.

— Да, пять сотен всадников — это всё, что мне удалось собрать впопыхах, когда эти люди ворвались ко мне, размахивая твоим тревожным письмом.

— Тогда тебе просто необходимо отправиться к Оби. У твоего отряда будет шанс заслужить ту монету, которую ты им платишь. Шалион должен гарнизону Порифорса… очень много, но, конечно, прежде всего освобождение.

— Ах. — Он забрал с собой Ферду и ди Феррея и поспешил вслед за остальными мужчинами, отчасти из любопытства, а отчасти, как подозревала Иста, желая сбежать от назойливой свиты.

Вопрос о пересказе пережитых приключений, который может показаться бредом сумасшедшей, очень легко удалось отложить на потом, спросив об их собственном путешествии. Одно только «Как вы успели так вовремя?» породило ответ,

который растянулся настолько, что они успели дойти до палаток ди Баосии и дальше. За пятью сотнями всадников, как выяснила Иста, следовала ещё сотня слуг, грумов и горничных, чтобы обеспечивать должный комфорт двенадцати леди из Валенды и Тариуна, которые сопровождали леди Хьюлтер в возложенной на себя ею же самой миссии вернуть Исту домой. Ди Феррей, ответственный за них всех, был заслуженно наказан, решила Иста. Но то, что он заставил весь этот караван пройти такое расстояние всего лишь за неделю, а не за месяц, само по себе было чудом, и её уважение к нему, всегда пребывавшее на должной высоте, поднялось на очередную ступень.

Иста прервала поток болтовни, попросив умыться, принести поесть и приготовить ей постель, именно в таком порядке; служительница Товия, самая деловитая из всех фрейлин Исты, посмотрев на пятна крови на её платье, поддержала её. Старшая целительница умудрилась выставить из палатки, куда Исту привели для мытья и медицинского осмотра, всех, кроме двух горничных, своей помощницы и леди Хьюлтер. Исте пришлось признать, что приятно и уютно чувствовать прикосновения этих знакомых рук, наносящих целебную мазь и накладывающих

повязки на раны. Изогнутая швейная иголка Товии была тонкой и острой, а руки быстрыми и умелыми, когда служительница сшивала кожу там, где было необходимо.

— Боги, откуда эти синяки? — ужаснулась служительница Товия.

Иста нагнулась, чтобы рассмотреть заднюю часть собственного бедра, куда указывала целительница. На нём виднелось пять тёмных фиолетовых пятен. На губах Исты мелькнула улыбка, когда она расправила ладонь и приложила к синякам пять пальцев.

— Пятеро богов, Иста, — воскликнула леди Хьюлтер, — кто посмел с вами так обращаться?

— Они остались с… со вчерашнего дня. С тех пор, как лорд Иллвин спас меня от джоконской армии. Какие у него красивые, длинные пальцы! Интересно, он играет на каком-нибудь музыкальном инструменте? Нужно будет это выяснить.

— Лорд Иллвин — это тот странный долговязый субъект, который приехал с вами? — с подозрением спросила леди Хьюлтер. — Должна сказать, мне совсем не понравилось, как он поцеловал вам руку.

— Не понравилось? Просто он очень торопился. Позже я велю ему как следует потренироваться,

чтобы улучшить технику поцелуев.

Леди Хьюлтер казалась обиженной, а служительница Товия только усмехнулась.

Исту уложили в палатке под тщательным надзором дам, но, услышав стук копыт большого количества лошадей, несущихся по лагерю, она вскочила и, не обращая внимания на ночную рубашку, высунулась наружу. Был ещё только ранний вечер; когда конница ди Оби обрушится на Порифорс, благодаря летнему солнечному дню в запасе останется ещё несколько светлых часов. Время, подумала Иста, выбрано как нельзя верно. Крайнее смятение, беспорядок и испуг царят в джоконском стане после жутких событий полудня, и шансы, что возник новый, достойный лидер, — если учесть бездумное мрачное подчинение, установленное Джоэн, — крайне малы.

Иста поддалась уговорам любящих людей и улеглась в постель. Но, судя по всему, та Иста, которую они любят, воображаема; это женщина, которая живёт только лишь у них в голове, полуикона, полупривычка.

Но эти размышления ничуть её не опечалили, потому что теперь она знала, что есть тот, кто любит настоящую Исту. И она заснула, думая о нём.

* * *

Иста проснулась от кошмаров, но, судя по всему, принадлежащих не ей, а кому-то другому, и услышала, как за брезентовой стеной спорят два женских голоса.

— Леди Иста хочет выспаться после всего, что ей пришлось пережить, — твёрдо говорила леди Хьюлтер. — Я бы не стала её беспокоить.

— Нет, — смущённо отвечала Лисе, — госпожа наверняка захочет услышать новости из Порифорса. Мы выехали до рассвета, чтобы передать их ей как можно быстрее.

Иста выпуталась из простыней.

— Лисе! — крикнула она. — Заходи!

Выяснилось, что она проспала всю летнюю ночь напролёт; и этого оказалось достаточно.

— Ну посмотри, что ты наделала! — окончательно расстроилась леди Хьюлтер.

— Что такое? — изумление Лисе было искренним. У неё не было многолетнего опыта расшифровки витиеватых изречений старшей фрейлины Исты. Перевод должен был звучать как-то так: сегодня я больше не желаю никуда ехать, а теперь из-за тебя, наглая девчонка, мне придётся.

Изящно выпорхнуть из палатки — это Иста уже поняла — ей сегодня не суждено. Ей даже не удалось толком подняться на немеющие от боли ноги до того, как полотно откинулось в сторону, впуская яркие лучи солнца и улыбающуюся Лисе. Иста обняла её; девушка ответила тем же. Улыбка и присутствие Лисе говорили сами за себя. Порифорс освобождён! И этой ночью никаких ужасных смертей не случилось. А всё остальное можно узнать по порядку.

— Садись, — сказала Иста, отпуская руки девушки. — Расскажи мне всё.

— Леди Исте нужно сначала одеться и только потом принимать посетителей, — твёрдо сообщила леди Хьюлтер.

— Отличная мысль, — поддержала её Иста. — Идите и найдите мне что-нибудь из одежды. Какое-нибудь платье для верховой езды.

— О, Иста, сегодня вы никуда больше не поедете, после всего, что вам пришлось пережить! Вам нужен отдых.

— На самом деле, — вступила Лисе, — марч Оби прислал нескольких офицеров проследить, чтобы лагерь был свёрнут и как можно быстрее доставлен в Порифорс. Вас ждёт Ферда и несколько людей вашего брата. Госпожа, они готовы

сопровождать вас, как только вы будете готовы. Если, конечно, вы не предпочтёте ехать в карете вместе с обозом.

— Она, конечно же, поедет с нами в карете, — сказала леди Хьюлтер.

— Соблазнительно, — соврала Иста, — но нет. Я поеду на своём коне.

Леди Хьюлтер обиженно фыркнула и ретировалась. Иста продолжила, обращаясь к Лисе:

— Кстати, ты посмеёшься, когда увидишь моего нового коня. Он достался мне как военный трофей, но, думаю, удастся уговорить Иллвина отдать мне его в качестве придворного подарка. Это должно его позабавить. Между прочим, этот конь — дикий рыжий жеребец Иллвина.

— Одержимый блудным элементалем?

— Да, он проникся ко мне внезапным обожанием и преклоняется передо мной совсем не так, как свойственно животным. Увидишь, как он изменился, а если нет, только шепни мне, и я тотчас же напомню ему, что его бога следует бояться. Но продолжай, милая Лисе.

— Ну, замок и город спасены, джоконцы разбежались или попали в плен — большинство из них бросилось на север, но вполне возможно, что ещё какое-то количество продолжает рыскать

по округе.

— Они, скорее всего, просто заблудились, — сухо сказала Иста. — Им это не впервой.

Лисе усмехнулась:

— Мы взяли в плен князя Сордсо и его свиту, что бесконечно обрадовало лорда Иллвина и марча ди Оби. Говорят, князь сошёл с ума. Правда, что вы магией заставили его зарезать вдовствующую княгиню?

— Нет, — ответила Иста. — Я только рассеяла ту магию, которая не позволяла ему так поступить. Мне кажется, что это, скорее, был дикий порыв, о котором он вскоре пожалел. К тому времени, как меч пронзил её, Джоэн уже была мертва; Бастард забрал её душу. Интересно, что почувствовал бы Сордсо — облегчение или сожаление, — если бы узнал об этом? В любом случае, я должна сказать ему. Продолжай. Что с Каттиларой и нашим храбрым служителем?

— Мы наблюдали со стен за тем, как джоконцы уводят вас. Потом некоторое время стояла тишина, а потом со стороны больших зелёных палаток донёсся шум, мы никак не могли понять, что происходит. Леди Каттилара удивила нас всех. Как только вы и лорд Иллвин стали заложниками, или это мы так думали, она поднялась с постели.

Она отправила своих фрейлин защищать стены, потому что все мужчины уже были слишком слабы для этого. Судя по всему, дамы устроили там перестрелку, потому что заклинания джоконских магов не подействовали на их спортивные луки. Некоторым леди удалось произвести ряд весьма удачных выстрелов. Конечно, эти стрелы не могли пробить кольчугу, но я видела, как сама леди Катти попала одному джоконскому офицеру прямо в глаз. Просвящённый ди Кэйбон стоял рядом с ней: она поклялась, что Порифорс не падёт до тех пор, пока она остаётся его хозяйкой. А я, я бросала камни, — если запустить им как следует с высокой башни, то к тому времени, как он достигнет цели, ударит он очень здорово, даже если рука у тебя не особо сильная.

Мы понимали, что джоконцы только прощупывают почву, но всё равно дрались до крови. Думаю, если бы они предприняли организованную атаку, мы не смогли бы долго продержаться, но в любом случае нам удалось отбить у них охоту напасть на замок сразу же. А потом было уже поздно, потому что появились силы марча ди Оби и смели их под корень. Леди Катти была великолепна, когда открывала ворота перед отцом. Я думала, что она, как раньше, бросится к нему и

разревётся, но она держалась стойко.

— А что с Горамом?

— Он защищал стены вместе с нами. Утром он был слишком утомлён, у него был жар, и поэтому лорд Иллвин не отправил его к вам, но наказал мне рассказать вам об этом. Тем более что если вы сегодня же возвращаетесь в Порифорс, то не стоило заставлять его дважды проезжать по десять миль.

— Верная мысль. Да. Я выезжаю прямо сейчас. — Она оглянулась: леди Хьюлтер ворвалась в палатку в сопровождении горничной, несущей охапку одежды. — О, замечательно!

Радость Исты испарилась, когда она поняла, что за платья принесла ей горничная: многослойные шелка, годящиеся только для придворных мероприятий, и все тёмно-зелёных вдовьих оттенков.

— Но это вовсе не платья для верховой езды!

— Конечно нет, дорогая Иста, — отозвалась леди Хьюлтер. — Это вы наденете, чтобы позавтракать с нами.

— Я только выпью чашку чая и съем кусок хлеба, если это можно найти в лагере, и отправлюсь сейчас же.

— О нет, — возразила леди Хьюлтер, будто бы поправляя ошибающегося ребёнка. — Еду уже

готовят. Вам обязательно нужно поесть, прежде чем вы покинете лагерь. И нам очень хочется отметить ваше присутствие здесь, с нами, как и должно быть.

Это празднество займёт часа два, прикинула Иста, а то и все три.

— Одним ртом больше, одним ртом меньше — погоды не сделает. Вам всем просто необходимо поесть, прежде чем начнут сворачивать лагерь. Нельзя пропускать приём пищи.

— Леди Иста, мыслите разумно!

Голос Исты стал жёстче:

— Я поеду. Если вы не принесёте мне одежду, о которой я просила, я отправлю Лисе поискать мне что-нибудь в лагере. А если ничего не найдётся, я отправлюсь прямо в ночной рубашке. Даже нагишом, если придётся.

— Я отдам вам свою одежду, госпожа моя, — тотчас же предложила Лисе, которую очень позабавила последняя перспектива.

— Знаю, что отдашь, Лисе, — Иста погладила девушку по плечу.

Леди Хьюлтер обиженно выпрямилась, а может быть, это была, скорее, защитная реакция:

— Леди Иста, вам не стоит быть такой дикаркой! — Её голос стал тише. — Нельзя, в конце

концов, чтобы люди подумали, что вас мучают старые недуги.

На какой-то опасный момент у Исты появилось искушение испробовать, насколько широко распространяются магические возможности, дарованные ей Бастардом. Но цель была слишком мелка и недостойна, даже немного жалка. Будучи прирождённым льстецом, леди Хьюлтер проложила себе путь в свет, став компаньонкой старой провинкары; последние два десятка лет она наслаждалась величием и положением в обществе, обеспеченными ей августейшей покровительницей. И совершенно ясно, что ей очень хочется продлить такое приятное существование; и так и могло бы случиться, если бы Иста заняла место матери и стала вести такой же образ жизни. Как и было до последних событий.

Иста повернулась к горничной:

— Милая, принеси мне одежду для верховой езды. Если можно — белую, если нет, то любого цвета, но только не зелёную.

Губы девушки в панике приоткрылись; она смотрела то на Исту, то на леди Хьюлтер, разрываясь между двумя представительницами власти. Глаза Исты сузились.

— Ну почему вам вообще нужно ехать в Пори-

форс? — спросила леди Хьюлтер. Её сморщенное лицо тщательно старалось скрыть расстройство и чуть ли не слёзы. — В сопровождении армии вашего брата мы могли бы вернуться в Валенду прямо отсюда!

Нужно будет серьёзно подумать о леди Хьюлтер, решила Иста, ведь за многие годы службы она всё же заслужила долю уважения. Но сейчас Иста собирается уехать. Она разжала зубы и мягко сказала:

— Похороны, леди Хьюлтер. Сегодня в Порифорсе хоронят мёртвых. Присутствовать — моя священная обязанность. И я хотела бы, чтобы вы привезли мне подобающий наряд, когда доберётесь до замка.

— А, похороны, — произнесла леди Хьюлтер, в её голосе слышалось облегчение. — Похороны, ну конечно.

Она сопровождала старую провинкару на множестве таких церемоний. В последние годы, сухо подумала Иста, это было их первейшим развлечением, и скорее всего самым частым. И леди Хьюлтер понимала, что такое похороны.

Этого она не поймёт. Но это неважно. На какой-то миг старая леди вновь утвердилась в привычной роли. Она даже вдруг словно бы рас-

прямилась, став выше ростом.

И снизошла до того, что отправилась искать Исте платье для верховой езды, пока Лисе пошла седлать Демона, а Иста заглотнула кружку чая и кусок хлеба. Усевшись в седло, она с удивлением отметила, что бледно-бежевый цвет платья хорошо сочетается с ореховой мастью жеребца. Поездка хоть как-то растрясёт её задеревеневшее тело. Голова раскалывалась от ноющей боли, но Иста знала её причину; и избавление ждёт в Порифорсе. Ферда сделал знак баосийскому отряду, Лисе поехала рядом со своей госпожой. Они отправились вперёд сквозь светлый утренний воздух.

* * *

Когда отряд Исты въехал в Порифорс, взвод солдат как раз вытаскивал очередную груду обломков из ворот замка. Иста с одобрением понаблюдала за их работой. Здания отстроят ещё не скоро, но при таком количестве рабочих рук очистка будет завершена в самое ближайшее время.

Парадный двор уже успели подмести. Кособокие цветы в двух или трёх сохранившихся горшках, оставленные на стенах, как будто на-

чали выпрямляться. Иста тихо поблагодарила того, кто во всей этой суматохе всё же вспомнил о несчастных растениях и полил их. Интересно, кто же это был? Абрикосовое и миндальное деревья, практически полностью обнажённые, всё же перестали ронять листья. Иста понадеялась, что они в конце концов восстановятся.

Но мы можем сделать больше, чем просто надеяться, вдруг сообразила Иста и потребовала: Живите! Именем Бастарда приказываю вам! Если это и придало деревьям особую силу, то внешне ничего не изменилось. Оставалось верить, что конечный результат не окажется весьма странным.

Сердце Исты метнулось навстречу лорду Иллвину, появившемуся в проёме арки. Он был вымыт, волосы аккуратно заплетены, на нём красовалась форма офицера Порифорса; вполне возможно, ему удалось поспать пару часов. Лорд ди Баосия, ниже ростом и более внушительный по габаритам, семенил рядом, пыхтя и стараясь не отставать. У другого плеча ди Баосии шествовал ди Кэйбон и энергично размахивал руками, словно что-то пытаясь ей сообщить. К радости Исты, вслед за ними тащился крайне усталый Горам.

Очень осторожно Горам обхватил морду коня

Исты, принимая с подозрением новоявленную покладистость животного. Иста выскользнула из седла прямо в распростёртые объятия Иллвина, успев на пути к земле тайно обнять его в ответ.

— Приветствую тебя, Иста, — произнёс лорд ди Баосия. — Теперь, хм, с тобой всё в порядке?

На его лице застыло немного изумлённое выражение, что, впрочем, случилось бы с любым командующим, оказавшимся в замке Порифорс в это утро. Но теперь он улыбался ей не так рассеянно, как привыкла Иста; теперь — появилось у неё подозрение — его внимание полностью принадлежало ей. И ощущения от этого были какими-то странными.

— Спасибо, брат, со мной всё в порядке; я немного устала, но, без сомнения, не так, как многие здесь. — Она взглянула на ди Кэйбона. — Как кормят больных?

— С полудня сегодняшнего дня, благодарение богам, смертей больше не было, — он от всего сердца осенил себя божественным знамением. — Некоторые уже даже встали на ноги, хотя, как мне кажется, остальным придётся ещё долго приходить в себя после менее сверхъестественных недугов. Большинство уже доставлено в город и вверено заботам храма или родственников.

— Рада это слышать.

— Фойкс и лорд Иллвин поведали нам о великих деяниях и чудесах, что вы свершили вчера по воле Бастарда среди джоконских палаток. Это правда, что вы умерли?

— Я… не уверена.

— А я уверен, — пробормотал Иллвин. Его руки каким-то непостижимым образом забыли отпустить её; в этот момент их пожатие стало крепче.

— У меня было очень странное видение, которое, обещаю вам, просвящённый, я перескажу, когда не будет никакой спешки.

Или хотя бы часть этого видения.

— Несмотря на весь мой страх, мне бы тоже хотелось бы оказаться там и стать свидетелем, госпожа! Я бы считал тогда, что на мою долю выпало истинное благословение.

— О? Тогда подождите минутку. У меня есть ещё одно задание, которое не даёт мне покоя. Лисе, забери, пожалуйста, моего коня. Горам, подойди.

Удивление и насторожённость отразились на лице Горама, но он подчинился, через силу приблизившись к ней и покорно склонив голову.

— Госпожа, — его руки судорожно сжимали одна другую, он умоляюще взглянул на своего

хозяина. Глаза Иллвина беспокойно сузились, и он пристальнее посмотрел на Исту.

Иста в последний раз оглядела глубокие провалы в душе Горама, положила ладони груму на лоб и направила поток белого огня жизни, льющийся из её рук, в тёмные, зияющие пустоты. Огонь заплескался внутри них, но потом медленно успокоился, как будто бы найдя своё место. Она облегчённо вздохнула, почувствовав, что неприятное давление в голове исчезло.

У Горама подкосились ноги, и он упал на плиты двора; рот его остался раскрытым. Грум спрятал лицо в ладони. Секунду спустя его плечи начали вздрагивать.

— Ох, — произнёс он отсутствующим голосом. И начал всхлипывать, — это от шока, предположила Иста, и от более сложных чувств, которые теперь обуревают его. В последних ночных снах были намёки на это.

— Лорд Иллвин, брат, позвольте мне представить вам бывшего капитана кавалерии короля Орико Горама ди Хиксара, служившего под командованием лорда Дондо ди Джиронала. В последнее время он, против воли, был оруженосцем и грумом у Сордсо Джоконского. В известном смысле.

Горам, продолжая всхлипывать, поднял лицо, застывшее, словно маска. Только теперь на этом лице не было вялости; с восполнением провалов в памяти его черты заострились.

— Ты вернула ему разум и все воспоминания? Но, Иста, это же чудесно! — воскликнул Иллвин. — Теперь он может отыскать свою семью и наконец-то вернуться домой!

— Может отыскать то, что от неё осталось, — пробормотала Иста. — Но теперь его душа принадлежит только ему, теперь она цела.

Серые, словно сталь, глаза Горама встретились с её взглядом, и он не отвёл их. Эти глаза были наполнены изумлением и смесью других эмоций. И одна из этих эмоций очень напоминала боль. Иста мрачно кивнула ему, понимая в чём дело. Он нервно дёрнул головой в ответ.

— Просвящённый, — продолжила она, — вы просили у меня дара быть свидетелем, и вы получили его. Проводите, пожалуйста, капитана ди Хиксара в его комнату. Ему нужно отдохнуть, до тех пор пока он не придёт в себя, пока его разум и воспоминания не займут должное им место. А потом, когда он будет готов, ему не помешает ряд духовных наставлений.

— Верно, госпожа, — отозвался ди Кэйбон, ра-

достно осеняя себя знамением. — Я почту это за честь.

Он помог Гораму — ди Хиксару — подняться на ноги и повёл его прочь через арку. Иллвин смотрел им вслед, а потом перевёл задумчивые тёмные глаза на Исту.

Ди Баосия тихо подал голос:

— Иста, что произошло?

— Княгиня Джоэн имела обыкновение с помощью своего демона красть понравившиеся части душ других людей, чтобы потом передать эти части своим магам. И среди таких людей часто оказывались военнопленные. Князь Сордсо представлял собой самое сложное из её творений, состоящее из огромного количества таких кусочков. И когда вчера демон Сордсо прошёл сквозь меня, бог позволил мне узнать и удержать часть души капитана ди Хиксара, сплетённую со всеми остальными, и теперь вернуть её законному владельцу. Это часть миссии, возложенной на меня Бастардом, — выслеживать демонов в этом мире, разлучать их с носителями и переправлять их в Его ад.

— И эта миссия… уже завершена, да? — уточнил он с надеждой в голосе. Или, скорее даже, с тревогой. Он оглядел то, что осталось от Порифор-

са. — Вчера, правильно?

— Нет, боюсь, это только начало. За последние годы Джоэн устроила целое нашествие элементалей. И они проникли во все уголки Пяти Княжеств и в королевства, хотя больше всего их, конечно же, в Джоконе. Женщина, которая до этого исполняла мою миссию, была убита в Рауме. Это нелёгкое, нелёгкая… должность. Если я верно поняла бога — а Он просто обожает всякие неясности и загадки, — думаю, Ему нужен преемник, которого будут лучше охранять, хотя всё это, ээ-э, весьма сложно объяснить с теологической точки зрения.

При этих словах глаза Иллвина сверкнули. Он пробормотал:

— Теперь кое-что проясняется.

— Он сказал, что не хочет растить нового носителя для этого бремени, — добавила Иста. — А сейчас Он испытывает слабость ко мне. Это Его точные слова. — Она сделала небольшую паузу, чтобы подчеркнуть последнюю фразу. Я слышу голос призвания. И иду на него. А ты, братец, можешь либо помочь мне, либо убраться с дороги. — Я собираюсь создать нечто вроде передвижного двора, маленького и лёгкого на подъём; миссии, данные богами, могут оказаться весьма

утомительными. Мой секретарь, которого я назначу в ближайшее время, должен встретиться с вашим и выписать мой вдовий доход, потому что я очень сомневаюсь, что мои новые обязанности позволят вернуться в Валенду.

Ди Баосия несколько секунд переваривал всё это, потом откашлялся и осторожно сказал:

— Мои люди ставят лагерь у источника к востоку от замка; ты расположишься там, Иста, или вернёшься в те комнаты, в которых жила здесь?

Иста посмотрела на Иллвина:

— Это решать хозяину Порифорса. Но пока крепости нужно некоторое время на восстановление, я не буду обременять её людей заботой о моём весьма обширном дворе. Некоторое время я поживу в лагере.

Иллвин коротко кивнул ей, благодаря за деликатность, но в этом движении читалось безмолвное «но только до тех пор, пока не будут похоронены погибшие».

Брат предложил проводить её к своим палаткам, тем более что он сам шёл в этом направлении, а Иллвин формально поклонился, прощаясь с ней только на некоторое время.

— Сегодня у меня много неотложных дел, — прошептал он, — но позже мне нужно обсудить

с тобой вопрос об отряде охраны, который будет сопровождать твой передвижной двор.

— Совершенно с тобой согласна, — ответила она. — И некоторые другие вопросы тоже обсудить не мешает.

— И призвания.

— Это тоже.

* * *

Пежар и двое его убитых товарища из отряда Ордена Дочери были преданы земле за стенами замка Порифорс тем же вечером. На похоронах присутствовала Иста и все её подданные. Несколько раньше к Исте пришёл чрезвычайно расстроенный ди Кэйбон, сообщив, что не сможет совершить должный обряд, потому что у него нет священных животных, показывающих выбор богов; те, что принадлежали храму Порифорса, были заняты и чуть ли не сходили с ума от усталости ввиду количества похоронных обрядов.

— Просвящённый, — с ласковым укором обратилась Иста к нему, — нам не нужны животные. У нас есть я.

— А! — произнёс он, отшатнувшись назад. — Ох. Раз уж вы снова стали святой, то тогда конечно.

Теперь она в свете заходящего солнца по оче-

реди опускалась на колени рядом с каждой завёрнутой в саван фигурой, клала руку на лоб усопшему и молила богов ниспослать ей знак. Ритуал больших храмов, таких как, например, Храм Кардегосса, предполагал, что каждый Орден предоставляет священное животное, соответствующее по цветам и полу богу, которого представляет, и служителя-грума, который умеет с ним обращаться. Животных по очереди подводят к одру и по их поведению служители определяют, какой бог принял к себе душу умершего и к кому следует направлять молитвы, а также, что немаловажно, на чей алтарь нужно возлагать более материальные подношения. Такой обряд приносит утешение живым, поддерживает Храм и редко преподносит сюрпризы.

Иста всегда недоумевала, как животные, специально выдрессированные для этой цели, чувствуют присутствие того или иного бога. Она обрадовалась, когда обнаружила, что не возникает никаких священных видений, а просто приходит какая-то твёрдая уверенность. Пежара и первого из его товарищей приняла к себе Госпожа Весна, которой они так верно служили, — это Иста почувствовала сразу, о чём и не преминула сообщить. Но последний солдат, как выяснилось,

отличался от своих друзей.

— Странно, — сказала она Ферде и Фойксу. — Лаонина забрал Отец Зима. Может быть, это дань уважения его смелости в вылазке Эриса? Или у него где-то есть ребёнок? Он же не был женат, да?

— Хм, нет, — ответил Ферда. Он взглянул на белые одеяния ди Кэйбона и сглотнул, словно почувствовав приступ стыда за поведение погибшего.

Иста отошла от могил:

— Тогда я даю тебе задание выяснить это и убедиться, что о ребёнке, если он жив, заботятся должным образом. Я напишу генералу ди Джаррину. Я выделю этому ребёнку некоторую сумму на воспитание, а потом, когда он вырастет, предоставлю ему место рядом с собой, которое он сможет занять, если захочет.

— Хорошо, госпожа, — откликнулся Ферда и незаметно утёр слезу тыльной стороной ладони.

Иста удовлетворённо кивнула. Будучи ответственным офицером, Ферда не замедлит исполнить её волю, в этом она была уверена.

Тенистая роща, выделенная для захоронения убитых защитников замка, выходила к живописной реке; многие могилы ещё только копали,

и скорбящие друзья и родственники убитых наблюдали за исполнением ритуала Истой и её спутниками. Иста едва могла себе представить, какие слухи ходили о ней в Порифорсе, но уже через час к ди Кэйбону потянулась нескончаемая вереница просителей, молящих царственную святую благословить умерших.

В результате Иста вплоть до заката в сопровождении ди Кэйбона и Лисе ходила от могилы к могиле и оглашала судьбы ушедших душ. Погибших было много, но не столько, сколько могло бы быть, если бы жертвы Порифорса не остановили триумфальное шествие магов Джоэн по Шалиону. Иста не отказывала никому, кто просил её о помощи, ведь она могла оказать её. Каждый скорбящий хотел поведать ей историю своего умершего; но при этом, как она выяснила позже, вовсе не ожидая от неё ничего, кроме того, что она его выслушает. Уделит ему внимание. Госпожа, посмотри на этого человека; оживи его у себя в голове, у нас в головах; ведь в царстве материи он живёт теперь только в наших воспоминаниях. И она слушала до боли в ушах и в сердце.

Уже после заката вернувшись в лагерь брата, Иста, сама словно труп, рухнула на койку. Наступила ночь, а у неё в мозгу всё носились имена,

лица, обрывки жизни людей. Как могут боги вмещать в себя эти истории целиком? Ведь они помнят нас до мельчайших подробностей.

Наконец, окончательно утомившись, она повернулась набок и заснула.

Глава двадцать восьмая

Похороны Эриса состоялись на следующее утро в маленьком храме города Порифорс; словно бы присутствующие прощались с каким-то самым что ни на есть обычным лордом, павшим в самой что ни на есть обычной битве. Провинкар Карибастоса с войском прибыл слишком поздно, чтобы, как и все, встать под оружие, но как раз вовремя, чтобы вместе с марчем ди Оби, ди Баосией, Фойксом и одним из старших офицеров Эриса нести опечатанный гроб. Более почётный эскорт представить себе было сложно.

В качестве священного животного Отца Зимы привели старого пса — борзую, чья шерсть для такого случая была так тщательно расчёсана, что отливала серебром. Когда грум-служитель подвёл его к одру, пёс тотчас же уселся рядом и уже больше не покидал своего поста. В обычное время весьма красноречивый, Иллвин сегодня был крайне бледен и немногословен. Он только произнёс: «Он был человеком великой души…», а потом голос отказал ему, он отступил назад и занял место рядом с Истой. Любая дальнейшая по-

пытка продолжить окончательно сломила бы его. Чтобы избавить его от необходимости говорить, ди Оби и ди Карибастос взяли на себя вознесение соответствующих молитв и перечисление всех заслуг их недавнего родственника и вассала.

Леди Каттилара тоже была бледна и молчалива. Она едва ли сказала пару слов Иллвину или он ей; они обменялись только формальными репликами. Между ними никогда не будет дружбы, это было совершенно очевидно; но кровь, которую они пролили на вершине башни, пробудила в них, как показалось Исте, взаимное уважение. Каттилара, плотно сжав зубы, даже вежливо кивнула Исте. Для них троих этот утренний обряд был скорее излишним прощанием, общественным долгом, который нужно выполнить, а не часом ухода близкого человека.

После предания тела земле и прощального обеда военные увели Иллвина на совет. Леди Каттилара собрала вещи и, оставив одну из своих фрейлин распоряжаться вместо себя, отправилась в Оби в сопровождении отряда одного из своих братьев. Она не успеет добраться до места до наступления темноты; но Иста, помня об ужасе, который она пережила в Зангре после смерти Иаса, хорошо понимала нежелание Каттилары

спать лишнюю ночь в опустевшей супружеской кровати. Каттилара увезла вниз по восточной дороге глубокую печаль в сердце, но, подумала Иста, в этой печали нет едкой примеси ненависти, гнева или вины. Что потом придёт на смену этой пустоте, Иста не знала, но чувствовала, что исцеление наступит быстро.

* * *

На следующий день почти сразу же после полудня лорд Иллвин пришёл к Исте в лагерь ди Баосии. Они карабкались по извилистой тропинке, ведущей вдоль источника, отчасти ради открывающегося вида на долину и замок Порифорс, а отчасти для того, чтобы избавиться от сопровождения фрейлин, менее атлетически сложенных, чем Лисе. Иллвин галантно расстелил на камне плащ, чтобы Иста смогла сесть. Лисе бродила рядом, с тоской глядя на раскидистый дуб, залезть на который ей не позволяло платье.

Иста кивком указала на пояс Иллвина, где теперь висели ключи, ранее принадлежавшие Эрису и Каттиларе:

— Вижу, провинкар Карибастоса утвердил власть над Порифорсом за тобой.

— По крайней мере, на некоторое время, — от-

ветил Иллвин.

— На некоторое время?

Он задумчиво посмотрел в ту сторону, где из камней поднимались мощные стены цитадели:

— Это сложно объяснить. Я родился в Порифорсе… прожил здесь практически всю жизнь… но всегда был здесь чужим и не надеялся, что что-нибудь изменится. Теперь он принадлежит моей племяннице Лавиане — девятилетней девочке, которая живёт в половине провинции отсюда. Но это мой дом в большей степени, чем любое другое место. Мне принадлежат десяток маленьких имений в Карибастосе — то, что осталось мне от матери, — но это просто имущество, там я едва ли бывал. И всё же нельзя оставлять Порифорс без защиты.

— И защищать обязательно должен ты?

Он пожал плечами:

— Это стратегически важная пограничная крепость.

— Мне кажется, что вот-вот этой границы не станет.

Он коротко усмехнулся:

— Верно. Всё меняется у нас на глазах. Я и сам участвую в этом изменении. Мне даже не нужен талант Эриса, чтобы сказать, что сейчас как раз

благоприятный момент, это шанс, который нельзя упустить.

— Надеюсь, что это так. Мне кажется, что маршал ди Паллиар и канцлер ди Кэсерил въедут в ворота Порифорса уже через неделю. И если письма моего брата, ди Карибастоса и Фойкса — и моё письмо — не заставят их приехать сюда, то тогда они не те люди, за которых я их принимала.

— А они увидят это, как ты думаешь? Здесь, сейчас как раз настал момент развернуть стратегию Джоэн в обратную сторону: неожиданно ворваться в Джокону, пока она в раздроблённом состоянии, смести всё на своём пути, развернуть фланг Виспинга — и кампания будет завершена, ещё не успев начаться.

— Для того чтобы увидеть такой исход, внутреннего зрения не требуется, — заметила Иста. — Если всё удастся, ди Паллиар просто захлебнётся в потоке восторженных похвал его великолепной стратегии.

Иллвин мрачно ухмыльнулся:

— Бедняжка Джоэн, она лишена даже этой чести. Ей следовало бы быть генералом.

— Кем угодно, но только не кукловодом-неудачником, — согласилась Иста. — А что будет с Сордсо? Он мне не кажется таким уж безумным,

несмотря на то что вчера, когда я прошла по двору мимо него, он начал всхлипывать и целовать мне подол. Его душа принадлежит теперь только ему, хотя, прежде чем изодранные в клочья нервы соберутся в одно целое, пройдёт достаточно долгое время.

— Да, трудно сказать, что лучше: оставить его в заложниках или отпустить, чтобы он стал плохим командиром для врага.

— Он поговаривает о религиозном призвании и даже собирается обратиться в квинтарианство. Но я понятия не имею, как долго эта блажь у него продлится.

Иллвин улыбнулся:

— Может быть, после всего, что случилось, его стихи станут лучше.

— Не удивлюсь. — Зубчатые стены замка неподвижно бледнели в ярком свете дня, скрывая работы, ведущиеся внутри; Иста даже слышала слабое эхо молотков. — К тому времени, как будущий муж Лавианы вступит во владение Порифорсом, замок превратится в тихую заводь, такую как Валенда. Это место заслужило покой, мне кажется. — Она взглянула на Иллвина, который с улыбкой глядел на неё. — Сейчас меня занимают две мысли.

— Только две?

— Две тысячи, но это самые важные. Первая из них заключается в том, что моему передвижному двору требуется королевский сенешаль: опытный, знающий офицер, желательно хорошо знакомый с этой провинцией, чтобы направлять мой путь и защищать меня.

Он ободряюще поднял брови.

— А вторая состоит в том, что маршалу ди Паллиару будет нужен грамотный осведомитель, офицер, который знает Джокону и джоконцев лучше, чем все остальные, кто говорит на придворном и на разговорном рокнари и располагает множеством карт, схем и планов, чтобы помочь выстроить верную стратегию относительно этого района. И боюсь, это два взаимоисключающих поста.

Он задумчиво коснулся пальцем губ:

— Хочу только напомнить, и это пришло в голову не мне одному, что армии, собирающейся в поход на север, было бы очень и очень кстати иметь под рукой средство борьбы против магов. На случай, если в предстоящей кампании они ещё встретятся. Ресурсы, ушедшие на обеспечение безопасности такой святой, сложно назвать бесцельно потраченными. Так что сенешаль

святой и осведомитель маршала, как выясняется, будут работать не так уж и далеко друг от друга.

Иста подняла брови:

— Хм? Возможно… Только нужно учитывать, что святые служат не Шалиону, не даже Храму, а богу, и следуют туда, куда укажет он. Можно провести некоторое время среди палаток маршала, но не внутри них. Что ж, ди Кэсерил поймёт это; и, думаю, ему удастся вбить это в голову ди Паллиару лучше, чем любому другому.

Он с отсутствующим видом посмотрел на дорогу:

— Думаешь, они приедут через неделю?

— В худшем случае через десять дней.

— Уф. — Его длинные пальцы теребили ключи, висящие на поясе. — Между тем… Я пришёл сюда, чтобы пригласить тебя снова занять комнаты в замке Порифорс; теперь у нас дела обстоят лучше. Если захочешь, конечно. Судя по ветру, погода должна измениться; завтра ночью пойдёт дождь.

— Только, надеюсь, ты меня приглашаешь не в бывшие комнаты Юмеру.

— Нет, там мы поселили князя Сордсо и его стражников.

— И не в покои Каттилары.

— Ди Карибастос и его свита заняли всю гале-

рею. — Он откашлялся. — Я подумал, что те, в которых ты жила раньше, вполне подойдут. Как раз напротив моих. Хотя… я не уверен, что там хватит места, чтобы разместить всех твоих дам.

Исте удалось сдержать улыбку или хотя бы улыбнуться не так широко, как хотелось:

— Благодарю вас, лорд Иллвин. С радостью.

Его тёмные глаза вспыхнули. И техника поцелуев руки сильно улучшилась, подумала она.

* * *

Иста отослала привезённый из Валенды гардероб вперёд; даже за вычетом всех степенных нарядов во вдовьих зелёных цветах, которые она оставила в лагере брата, впредь ей больше не придётся ходить в вещах с чужого плеча. Немного спустя ди Баосия проводил её из лагеря. Фойкс отправился с ней, легко и быстро превратившись из воина в придворного.

Превращение ди Баосии происходило не так быстро и легко, но в общем и целом он достойно воспринял разумность новой Исты, решила она. Он избегал тревожных разговоров о поедании демонов, редко упоминал бога, но в остальном относился к практической стороне её нового призвания с должным вниманием, за что она была

ему чрезвычайно благодарна.

— Нужно определить число твоей личной стражи, — заметил он, когда она въезжали в ворота Порифорса. — Содержание слишком большого количества людей истощит твои средства, а слишком малого — может оказаться ложной экономией.

— Совершенно верно. Мои потребности, как мне кажется, будут зависеть от местности. Прибавь это к списку пунктов, которые вам предстоит обсудить с моим сенешалем; он лучше знает, что требует этот регион.

— Ваш сенешаль одновременно будет распоряжаться и лошадьми, как и при брате? Или мне стоит подыскать тебе для этой цели человека?

— У сэра ди Арбаноса и так будет много обязанностей. У меня на примете есть ещё один кандидат, хотя не уверена, что он примет моё предложение. Я обращусь к тебе, если что.

— Что? Уж не ди Гура ли это? — спросил ди Баосия. Фойкс согласно кивнул головой. — Или его доблестный братец?

— Ферду призывает к участию в предстоящей кампании его кузен маршал ди Паллиар, поэтому ему придётся уехать почти сразу же. И даже в качестве офицера моего двора Фойксу придётся

много ездить по стране, исполняя указания Храма. А работа с лошадьми требует ежедневного исполнения. Я ещё не придумала, как назвать пост, который будет занимать Фойкс. Может быть, королевский маг? Повелитель демонов?

— Я буду вполне доволен, если вы оставите за мной прежнее звание офицера, госпожа моя, — поспешно вставил Фойкс с некоторым беспокойством в голосе, поглядывая на её недовольно поджатые губы.

— Тогда сначала я найду тебе работу, а потом звание, — согласилась она. — Нужно, чтобы тебе было чем прихвастнуть, когда мы будем наносить визиты, дабы от моего имени поддерживать легенду о королевском высокомерии.

У него на губах мелькнула улыбка:

— Как прикажете, госпожа.

Они пересекли каменный дворик и поднялись на галерею; Иста едва справилась с дрожью, проходя мимо места, где однажды встретила бога. Из-за открытой двери её двойных покоев донёсся знакомый, но неожиданный голос.

— Ты ей не нужна, — сурово говорила леди Хьюлтер. — Не нужна! Теперь здесь есть я, и, уверяю тебя, я лучше подхожу под все её требования, чем ты когда-либо будешь. Так что беги

обратно в конюшню, или откуда ты там взялась. Прочь, прочь!

— Нет, этого не может быть, — удивлённо возразила Лисе.

Брови Фойкса взметнулись вверх, а потом мрачно опустились. Иста жестом приказала ему потерпеть и вошла в комнату, мужчины последовали за ней.

— В чём дело? — поинтересовалась Иста.

Красные пятна полыхали на щеках леди Хьюлтер; она помолчала, а потом набрала в грудь воздуха:

— Я только что объясняла этой грубой девице, что теперь, когда закончилось это безрассудное паломничество, дорогая Иста, вам будет нужна более подходящая фрейлина. А не девица-конюх.

— Напротив, Лисе очень нужна мне.

— Но она не подходит на роль фрейлины вдовствующей королевы! Лисе даже не леди!

Лисе почесала голову:

— Ну, это правда. Фрейлина из меня никудышная. У меня лучше получается быстро ездить верхом.

Иста улыбнулась:

— Действительно. — Её улыбка стала напряжённой, когда она поняла, что за спор они

прервали своим появлением. Неужели леди Хьюлтер решила, что ей удастся одурачить Лисе и отослать прочь в полной уверенности, что она здесь лишняя?

Леди Хьюлтер нервно дёрнулась под холодным взглядом Исты:

— Теперь, когда вы находитесь в более спокойном состоянии, леди Иста, пришло время подумать о безопасном возвращении в Валенду. Уверена, ваш добрый брат обеспечит вам на обратный путь более достойный эскорт.

— Я не собираюсь обратно в Валенду. Я последую за армией в Джокону, чтобы продолжить охоту на демонов во имя Бастарда, — отчеканила Иста. — Миссии, данные богами, не имеют ничего общего с безопасностью. — Уголки её губ поползли вверх, но результат мало походил на улыбку. — Разве вам ещё ничего не объяснили, дорогая леди Хьюлтер?

— Я объяснила, — отозвалась Лисе. — Причём несколько раз. — Она шёпотом обратилась к Исте: — Всё в порядке. У меня тоже есть тётушка, которая в этом возрасте пребывает… несколько не в себе, бедняжка.

— Нет, — леди Хьюлтер было повысила тон, но потом спохватилась и начала заново: — Это

слишком опасно! Умоляю вас передумать, дражайшая Иста. Милорд ди Баосия, вы теперь глава семьи, вы и должны настоять на том, чтобы она вела себя разумно!

— По правде говоря, — заметила Иста, — он уже десять с половиной лет глава семьи.

Ди Баосия усмехнулся и пробормотал:

— Да уж, во всей Баосии, но не в Валенде…

Иста взяла руку леди Хьюлтер и твёрдо положила её на ладонь брата:

— Вы наверняка очень устали, дорогая леди, вы приехали так далеко, так быстро, и всё это зря. Мой брат позаботится о вашей безопасности на пути домой уже завтра, а может быть, и сегодня.

— Но я уже перенесла свои вещи сюда…

Иста окинула взглядом гору багажа:

— Слуги отнесут всё это обратно. Ди Баосия, с тобой я поговорю позже.

Несколькими не очень вежливыми движениями Исте удалось выставить их за дверь. Остаётся надеяться, что ди Баосии всё же удастся выстоять, потому что леди Хьюлтер покинула комнату в полном отчаянии, с видом потерпевшей полное поражение.

— Откуда взялась эта женщина? — изумился, тряхнув головой, Фойкс.

— Она досталась мне в наследство.

— Мои соболезнования.

— Она оправится. Брат подыщет ещё какой-нибудь уголок в нашем семействе, чтобы её туда пристроить. Это, конечно, не будет ей льстить так, как должность при бывшей королеве, но зато у неё будет возможность блеснуть прежними заслугами. Она не бездельничает, умеет быть в своём роде полезной. Печально, что она собственноручно разрушает благодарность, которую ей нужно было бы воздать.

Фойкс взглянул на Лисе, на лице которой застыло немного грустное выражение.

— Боюсь, особой благодарности я к ней не испытываю. — Лисе потянула себя за косу: — Ну, неважно.

— Она пыталась внушить тебе, что я тебя уволила? — спросила Иста.

— О да. Но ей это не очень-то удалось, когда я прикинулась дурочкой и притворялась, что не понимаю её уловок. — Лисе было улыбнулась, но потом вдруг снова помрачнела. — Но это правда. Я действительно не благородная леди.

Иста улыбнулась:

— Думаю, мы встретимся с Изелль и Бергоном в Виспинге до конца этого года, если не раньше. По

моей просьбе и за твои заслуги ты станешь леди — леди Анна Лисе ди… ещё раз, как называется та деревушка, населённая овечками?

— Тенерет, госпожа, — выдохнула Лисе.

— Леди Анна Лисе ди Тенерет, фрейлина вдовствующей королевы Исты. Звучит неплохо, как думаешь, Фойкс?

Он ухмыльнулся:

— Да… Думаю, моей матери это тоже понравится. Ну что ж, Бастард знает, но я хотел ей кое-что предложить…

— А, ты, значит, тоже надеешься продвинуться по социальной лестнице? Ну что ж, это вовсе не невозможно; в этом году перед молодыми офицерами открывается масса возможностей для продвижения, как мне кажется.

Фойкс изящно поклонился Лисе:

— Я могу надеяться, леди?

Лисе посмотрела на него с задумчивой улыбкой, медленно пересекла комнату и принялась раскладывать вещи Исты:

— Спросите у меня ещё раз, в Виспинге, сэр.

— Непременно спрошу.

* * *

Иста приказала ди Кэйбону привести Горама к ней в каменный дворик. Она села на скамейку в тени колоннады, где они разговаривали в первый раз, чтобы иметь возможность сравнить.

Горам ди Хиксар, как и раньше, был одет в форму грума, тело осталось таким же коротким, колченогим, борода — седой. Но он перестал горбиться, как черепаха; теперь он двигался со статью, положенной мужчине, владеющему мечом. Походка была упругой. Вежливый поклон вполне соответствовал обстановке.

— Просвящённый ди Кэйбон наверняка рассказал тебе о том, что мне нужен старший грум? — начала Иста.

— Да, леди. — Ди Хиксар неловко откашлялся и сглотнул слюну, отдавая должное её присутствию. Прежний Горам, подумала она, не задумываясь, сплюнул бы.

— Ты можешь взять на себя его обязанности?

Он поморщился:

— Работа, да. Но, госпожа… Я не уверен, что вы понимаете, кем я был. Ээ-э. Почему меня не выкупили.

Она пожала плечами:

— Капитан, отвечающий за лошадей, воин, бывший убийца, разрушитель жизней — причём не только вражеских, но и дружеских — мне продолжать? В общем, парень, на чьих похоронах, вместо хвалебных речей, будут говорить: «что ж, какое облегчение».

Он вздрогнул:

— Вижу, что исповедоваться вам мне вовсе не нужно.

— Нет. Я всё видела.

Он отвёл глаза:

— Все мои грехи вернулись… странно, очень странно, госпожа. Избавление от грехов обычно считается чудом, сотворённым богами. Но ваш бог вернул мне все мои грехи. Грум Горам… был в сотни раз лучше, чем Горам ди Хиксар когда-либо будет. Я был серостью, но меня спасли, и в этом вовсе не было моей заслуги — три года рядом с двумя лучшими людьми Карибастоса. Не лучшими воинами, а именно лучшими людьми, понимаете?

Она кивнула.

— Я едва ли знал, что такие люди существуют. Да и не хотел знать. Я, скорее, посмеялся бы над их добродетелями. Лорд Иллвин подумал, что тогда, в парадном дворе, я упал перед вами на

колени от радости. Но вовсе не радость сразила меня. А стыд.

— Знаю.

— Я не хочу быть… тем, что я есть. Раньше я был счастливее, госпожа. Но все считают, что я должен ползать на коленях от благодарности.

Иста иронически улыбнулась ему:

— Поверь мне, я к этим «всем» не отношусь. Но теперь твоя душа принадлежит только тебе. Сделай из неё то, что ты хочешь. Все мы, каждый, создаём себя сами. И в конце жизненного пути мы преподносим наши души нашим Покровителям, словно ремесленник — творение своих рук.

— Если это так, то я — какой-то неказистый горшок, госпожа.

— Ты ещё не завершён. Наши Покровители разборчивы, но это, на мой взгляд, вовсе не значит, что им невозможно угодить. Бастард сказал мне, я слышала это из Его собственных уст…

Ди Кэйбон затаил дыхание.

— …что богам не нужны безупречные души, им нужны великие. И, мне кажется, именно из такой тьмы вырастает величие, так же как цветы вырастают из земли. Я вовсе не уверена, что величие может существовать без этой тьмы. Ты был осенён богом в той же степени, что и любой

присутствующий здесь. Не отчаивайся, потому что боги, думаю, ещё не отчаялись.

Тусклые серые глаза покраснели, подёрнулись дымкой слёз:

— Но я слишком стар, чтобы начинать сначала.

— У тебя больше времени, чем у Пежара, который в два раза младше и которого похоронили за стенами замка два дня назад. Встань над его могилой и, пользуясь даром дыхания, жалуйся на то, что у тебя мало времени. Если посмеешь.

Стальные нотки в её голосе заставили его отпрянуть.

— Я предлагаю тебе честное начало. Но не отвечаю за то, чем это кончится. Попытка может завершиться провалом, но это лучше, чем заведомо обречь себя на провал, отказавшись от шанса.

Он долго набирал в грудь воздух:

— Тогда, если так, сознавая всё, что вы знаете обо мне, — а это больше, чем я когда-нибудь смогу рассказать кому-то, живому или мёртвому, — то отныне я принадлежу вам, госпожа моя, если вы захотите принять меня.

— Спасибо, капитан: я принимаю. Как мой старший грум вы получите указания от моего сенешаля. Мне кажется, вы сочтёте его весьма

сносным командиром.

Горам улыбнулся при этих словах и отсалютовал на прощание.

Ди Кэйбон некоторое время стоял рядом с ней и смотрел, как Горам покидает двор. На лице у него читалось беспокойство.

— Что ж, просвящённый? Как вам теперь быть свидетелем?

Он вздохнул:

— Знаете, быть осенённым богом не такое уж… хм… удовольствие, как я думал ещё в Валенде, когда мы только двинулись в путь. Я был просто в восторге от того, что бог выбрал меня для выполнения такой миссии.

— Я пыталась донести до вас это ещё в Касилшасе.

— Да. Но теперь, думаю, я понимаю лучше.

— Знаете, моему двору понадобится и служитель тоже. И раз я теперь своеобразный представитель Бастарда в этом мире, то, думаю, вы подойдёте мне как нельзя лучше. Скорее всего, мы отправимся в Пять Княжеств. И если вы продолжаете мечтать о судьбе мученика, как утверждали раньше в своих проповедях, у вас есть неплохой шанс.

Он покраснел:

— Пятеро богов, но это были очень глупые проповеди. — За этим последовал глубокий вдох. — Очень бы хотелось, чтобы часть про мученика миновала меня, а что касается остального, — я отвечу да, леди, с огромной радостью. Даже несмотря на то, что мне не снились пророческие сны, указывающие мне дорогу. Или, скорее, именно потому, что мне не снились эти вещие сны. Не думаю, что мне захочется ещё когда-нибудь их увидеть. — Он помолчал и добавил с неосознанной тоской в голосе: — Вы сказали, что встречались с Ним лицом к лицу во сне? Или в видениях?

— Да, — улыбнулась Иста. — И однажды он говорил вашими устами. А это значит, что Кто-то вовсе не считает, что вы недостойны носить цвета Его Ордена, просвящённый, раз Он так использует ваше тело.

— Ох. — Ди Кэйбон моргнул, пытаясь принять сказанное. — Это так? В самом деле? Боги!

Он моргнул ещё несколько раз. Когда он начал откланиваться, то всё продолжал бормотать и бормотать благодарности.

* * *

Вечером после ужина, когда солнце уже село и белые звёзды начали зажигаться на кобальтовом небе, куполом раскинувшемся над каменным двориком, лорд Иллвин поднялся по ступеням и постучал в дверь Исты. Лисе, сделав дружеский реверанс, впустила его во внешнюю комнату. С крайним удивлением на лице он протянул руки Исте:

— Смотри! Это выросло на абрикосовом дереве в парадном дворе. Я как раз только что там проходил.

Лисе взглянула:

— Это абрикосы. Вполне логично, что они выросли на абрикосовом дереве… не правда ли? — она замолчала.

Фрукты были крупными и яркими, с красным румянцем на тёмно-золотистой кожице. Иста, склонившаяся над ними, почувствовала сладкий аромат.

— Приятно пахнут.

— Да, но… сейчас не сезон. Моя мать посадила это дерево, когда родился я, а миндаль предназначался Эрису. Я знаю, когда эти деревья начинают плодоносить, я наблюдаю за ними всю жизнь. А

не несколько месяцев. Осталось немного цветков, которые не успели опасть, но большая часть листьев уже на земле. Эти два абрикоса висели среди остатков листвы, и заметил я их совершенно случайно.

— А каковы они на вкус?

— Я побоялся их попробовать.

Иста улыбнулась:

— Может быть, они появились и не в сезон, но это вовсе не несчастье. Думаю, это больше похоже на дар. Так что с ними всё в порядке. — Она ногой толкнула дверь во внутреннюю комнату. — Заходи. Давай их попробуем.

— Мм-м, — протянула Лисе. — Я могу оставаться на виду, если вы оставите дверь открытой, но не уверена, что мне удастся оглохнуть на время.

Иста кивком головы указала Иллвину на дверь спальни:

— Прости, нам надо минутку поговорить.

Лёгкая улыбка мелькнула у него на губах, он вежливо склонил голову и скрылся во внутренней комнате. Иста захлопнула за ним дверь и повернулась к Лисе:

— Я, кажется, рассказала тебе ещё не все правила поведения рассудительной фрейлины…

И она коротко, ясно и очень вежливо объяс-

нила ей, в чём дело. Пока Лисе слушала, глаза её сияли, словно звёзды, сверкавшие над каменном двориком. У Исты камень с души спал, когда она увидела, что девушка не испытала ни смущения, ни удивления. Но и такого энтузиазма Иста не ждала. Не успев договорить, она обнаружила, что уже стоит в спальне и дверь за ней плотно закрыта.

— Думаю, мне стоит пойти посидеть на ступеньках, госпожа моя, — донёсся голос Лисе сквозь толщу деревянных стен. — Там прохладнее. И, думаю, мне захочется сидеть там очень и очень долго.

Иста услышала стук внешней двери.

Глаза Иллвина искрились безмолвным смехом. Он вручил ей один из абрикосов; Иста взяла фрукт; её пальцы, случайно коснувшись его руки, немного вздрогнули.

— Что ж, — сказал он, поднося свой абрикос к губам. — Тогда давай смелее…

Вслед за ним она надкусила плод. Вкус оказался не менее чудесным, чем внешний вид и аромат. И несмотря на все ухищрения, дело закончилось тем, что сок потёк у неё по подбородку.

— Что же это такое…

— Постой, — он придвинулся ближе, — давай

я тебе помогу…

Поцелуй оказался долгим; пахнущие абрикосом пальцы Иллвина ласково зарылись в её волосы. Когда они прервались, чтобы дать друг другу возможность подышать, Иста заметила:

— Я всегда боялась, что для того, чтобы мне найти любовь, понадобится божественное вмешательство… оказалось, я была права.

— Шш-ш, шш-ш, посмотри на себя, горько-сладкая Иста. Святая, маг, вдовствующая королева Шалиона-Ибры, разговаривает с богами в те моменты, когда не проклинает их, — мужчина поистине должен быть безбашенным маньяком, чтобы не подумать о вас в этом смысле… Но это хорошо. Это остановит моих соперников.

Она не удержалась и — захихикала. Услышав себя, она засмеялась ещё громче — от неожиданности, от радости, от удивления. Он пил её смех, словно сок этих чудесных абрикосов.

А я боялась, что уже забыла, как это делается.

В длинной чёрной тунике, штанах и сапогах он казался высоким и прекрасным; но без всего этого, он будет выглядеть ещё лучше, подумала она, увлекая его за собой. Этой тёплой ночью одеяла и простыни были ни к чему. Она оставила свечи зажжёнными, чтобы иметь возможность

получше разглядеть дары бога.